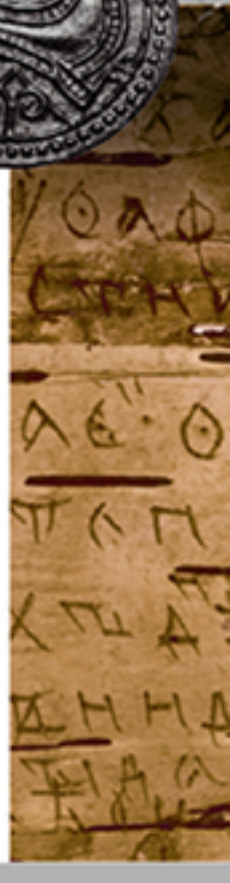
Институт археологии Российской академии наук



ГОРОДА ПОСЕЛЕНИЯ НЕКРОПОЛИ

РАСКОПКИ 2016

Материалы спасательных археологических исследований

19

ГОРОДА ПОСЕЛЕНИЯ НЕКРОПОЛИ

РАСКОПКИ 2016

Институт
археологии
Российской
академии наук

ГОРОДА ПОСЕЛЕНИЯ НЕКРОПОЛИ

РАСКОПКИ 2016

Материалы
спасательных
археологических
исследований

19

ИА РАН 2017

УДК 902/904
ББК 63.4
Г70

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
А. В. Энговатова (ответственный редактор),
д. и. н. А. А. Масленников,
д. и. н. А. Н. Сорокин,
И. П. Иванова (технический составитель)

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
д. и. н. С. Ю. Внуков,
к. и. н. В. Ю. Коваль

Г 70 **Города**, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований. Том 19. М.: Институт археологии РАН, 2017. 240 с.

ISBN 978-5-94375-221-6

Издание продолжает серию публикаций материалов спасательных археологических исследований Института археологии РАН.

В сборник вошли статьи, в которых представлены наиболее интересные результаты раскопок 2016 г. Исследования проводились на разных территориях Европейской части России: от Калининграда до р. Волги и от Соловецких островов до Черного моря. Обязательность раскопок на каждом памятнике определялась необходимостью их сохранения при строительных работах.

Изученные памятники относятся к разным археологическим культурам и хронологическим периодам (селища, поселения, городища, курганы, монастыри, городские культурные слои, некрополи, оборонительные сооружения).

Данное издание вводит в научный оборот новые результаты спасательных раскопок Института археологии РАН и археологические открытия.

Для археологов, историков, культурологов.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-221-6

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2017
© Авторы статей (фамилии выделены в содержании курсивом), 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 7

Алексеев А.В., Смирнов А.Н. Селище Петелино 1 (Московская область, Одинцовский район) 8

Беляев Л.А., Глазунова О.Н. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь (Московская область, город Истра)....14

Беляев Л.А., Григорян С.Б., Савельев Н.И. Высоко-Петровский монастырь (город Москва)....20

Бонин А.В. Городище и поселение Ильичевка (Краснодарский край, Темрюкский район) 26

Гайдуков П.Г., Олейников О.М. Великий Новгород. Софийская сторона....32

Гайдуков П.Г., Олейников О.М. Великий Новгород. Торговая сторона....38

Гей А.Н., Клещенко А.А., Юнкин Д.А. Курган в верховьях Кирпилей (Краснодарский край, Усть-Лабинский район) 44

Гей А.Н., Клещенко А.А., Юнкин Д.А. Курганы в зоне строительства подъездных путей к Керченскому мосту (Краснодарский край, Темрюкский район) 50

Двуреченский О.В., Соловьев Д.Б. Селище Кубинка-1 (Московская область, Одинцовский район)....54

Зейфер В.А. Кремль и исторический посад города Переславля-Залесского (Ярославская область) 60

Зейфер В.А. Селище X–XIII вв. на территории музея-усадьбы «Ботик Петра I» (Ярославская область, Переславский район) 64

Зоц Е.П., Зоц С.А. Исторический район Хинтер-Россгартен г. Кенигсберга (г. Калининград) 68

Карпов Д.А., Сударев Н.И. Виноградный северо-восточный 2, Виноградный северо-восточный 3, курганная группа (10 насыпей) (Краснодарский край, Темрюкский район)....74

Куликов А.В., Кононов В.Ю., Столяренко П.Г. Курган Горностаевка 2 (Республика Крым, Ленинский район) 88

Куликов А.В., Кононов В.Ю., Украинский Е.Н. Курганные группы (Республика Крым, Ленинский район) 96

Куликов А.В., Смекалов С.Л., Янишевский Б.Е., Мокробородов В.В., Плеханов Ю.В. Позднесредневековые земляные гидротехнические сооружения в Восточном Крыму (Республика Крым) 108

Мимоход Р.А., Успенский П.С. Античность Тамани и средний бронзовый век на юге Среднего Подонья....120

Олейников О.М. Великий Новгород. Детинец....126

Пронин Г.Н., Прошкин О.Л. Селище Микулино (предварительные итоги) (Московская область, Лотошинский район)....132

Прошкин О.Л., Кирсанов А.В. Селище Балашиха-12 (Московская область)....138

Прошкин О.Л., Пронин Г.Н. Селище 3 «Аэропорт Домодедово» (Московская область)....144

Радюш О.А. Исследования у деревни Большой Каменец (Курская область)....152

Радюш О.А., Никитина А.В. Поселение Красный Городок 4 (Тамбовская область, Мичуринский район)....158

Рукавишникова И.В., Меньшиков М.Ю., Переводчикова Е.В. Античное поселение Тасуново-7 в зоне строительства газопровода в Восточном Крыму (Республика Крым) 164

Рукавишникова И.В., *Рукавишников Д.В.* Погребально-поминальный комплекс Аржан-5 (Республика Тыва, Пийхемский район) 168

Свиридов А.Н., Язиков С.А., Топоривская М.А. Поселение Гора Чиркова-1 (Краснодарский край, Таманский полуостров)....174

Скворцов К.Н. Могильник Путилово-2 (Калининградская область, Зеленоградский район) 178

Сударев Н.И. Погребения некрополя Виноградный 7 (Краснодарский край, Темрюкский район) 182

Супренков А.А. Боспорские ворота: центральный проезд через Узунларский ров и вал в Восточном Крыму (Республика Крым)....190

Фатьков А.М., Миненко В.В., Я.Р Слепова., Чирков М.В. Селища Русино 4 и Русино 5 (г. Москва)....196

Фатьков А.М., Слепова Я.Р., Чирков М.В., Миненко В.В. Курганный могильник Дарьино-1 (предварительные результаты) (Московская область, Одинцовский район) 200

Фатьков А.М., Федонин Р.А., Миненко В.В., Слепова Я.Р., Чирков М.А. Селище Тарычево 1 (Московская область, Ленинский район)....208

Хохлов А.Н., Нестерова М.Е. Селище Лазурная 2 (Тверская область, Конаковский район)....212

Хохлов А.Н., Сиволапова А.Б. Замок Кёнигсберг (г. Калининград)....216

Шебанин Г.А. , Богомолов В.В., Шеков А.В., Фатьков А.М. Селище Долматово 2 (Московская область, городской округ Домодедово) 220

Шебанин Г.А., Богомолов В.В., Володин Е.О., Гоняный М.И., Шеков А.В., Фатьков А.М. Селище Львовский 1 (Московская область, городской округ Подольск)....226

Энговатова А.В., Яганов А.В. Восточный участок Троице-Сергиевой лавры в XVI–XVIII вв. (Московская область, город Сергиев Посад) 232

ВСТУПЛЕНИЕ

А.В. Энговатова

Одно из основных направлений научной работы Института археологии РАН – спасение памятников археологии, которым грозит уничтожение или существенное повреждение при хозяйственной деятельности. Уже 45 лет в институте работает специальное подразделение, занимающееся осуществлением научных проектов этого типа.

Во многом, конечно, это связано с ростом числа спасательных исследований при осуществлении строительных проектов на территории страны. Оно настолько значительно, что определяет общее количество выдаваемых открытых листов (разрешений на проведение полевых работ) и, соответственно, количество проводимых на территории России археологических раскопок. Именно увеличение объема спасательных исследований обусловило своеобразный рекорд: в 2016 г. выдано рекордное число открытых листов за все время существования системы таких разрешений.

Итогам этих исследований и посвящен настоящий сборник, в котором представлены некоторые наиболее яркие результаты основных спасательных археологических работ, выполненных сотрудниками Института археологии РАН в 2016 г.

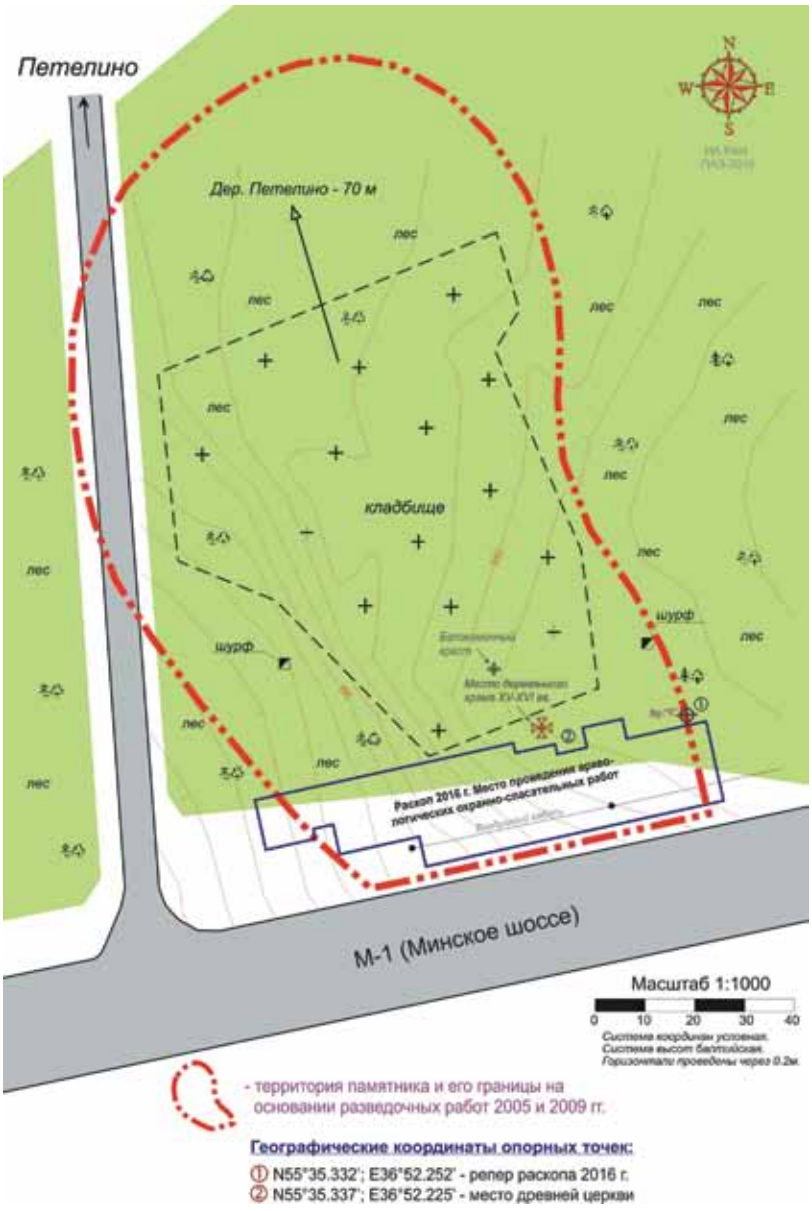
Исследования проводились в разных регионах страны – всюду, где ведутся активные работы по устройству инфраструктуры как местного, так и федерального уровня. Например, в Подмосковье раскопки осуществляются на объектах, которые будут разрушены при строительстве ЦКАД и других автотрасс, при реконструкции монастырей и при возведении частного жилья. В Южном федеральном округе на территории Краснодарского края, Таманского полуострова и Крыма осуществляются масштабные проекты по созданию новой инфраструктуры – там строят мосты, новые дороги и порты, прокладывают газопроводы и линии электропередачи. Все эти работы сопровождаются археологическими исследованиями. Интенсивное строительство ведется в Воронежской, Калининградской, Курской, Тамбовской, Тверской, Ярославской областях, Великом Новгороде, Республике Тыва. Появляется возможность изучить столь же интересные и значимые археологические памятники.

Изученные при спасательных исследованиях Института археологии в 2016 г. разнообразные памятники (селища, поселения, городища, курганы, монастыри, городские культурные слои, некрополи, оборонительные сооружения) принадлежат к разным археологическим культурам и хронологическим периодам. Многие осуществляемые сейчас проекты чрезвычайно масштабны по объему, количеству памятников, продолжительности исследований. Это не всегда позволяет оперативно публиковать полученные научные результаты в виде монографий. Формат этого сборника дает участникам исследований возможность представить результаты своих недавних спасательных раскопок и археологические открытия ИА РАН всему научному сообществу, причем хотя и предварительно, но с достаточной подробностью. Тем самым их результаты вводятся в научный оборот.

СЕЛИЩЕ ПЕТЕЛИНО-1
(МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, ОДИНЦОВСКИЙ РАЙОН)

А. В. Алексеев, А. Н. Смирнов

Подмосковной экспедицией ИА РАН в 2016 году проведены спасательные археологические раскопки на селище Петелино-1 (XIV – нач. XVII в.), расположенном в Одинцовском р-не Московской обл. Памятник находится у юго-восточной окраины д. Петелино, на территории и вокруг современного муниципального кладбища, и занимает площадь около 16 500 кв. м. Точные географические координаты селища: N55°35’23,50” E036°52’10,84” (северная часть памятника); N55°35’20,17” E036°52’15,16” (юго-восточная часть памятника). Поселение находится под государственной охраной как выявленный объект культурного наследия (Распоряжение МК МО от 24.04.2006 № 195). Раскопки 2016 г. проводились по заказу государственной компании «Автодор» в границах землеотвода под реконструкцию автомобильной дороги М-1 «Беларусь».



Анализ письменных источников и материалов Генерального межевания позволяет уверенно идентифицировать селище Петелино-1 с историческим селом Дмитриева Слободка. В XIV в. это был центр одноименной волости, принадлежавшей Дмитрию Донскому. Впервые Дмитриева Слободка упоминается в духовной грамоте князя Дмитрия Ивановича 1389 г.[1], затем – в духовной его сына Юрия Дмитриевича Звенигородского (составлена ок. 1433 г.)[2]. В. Н. Дебольский, основываясь на данных Разъезжей грамоты 1504 г., помещал эту волость на границе Верейского и Подольского уездов, у рек Верхней Пахры, Чёрной и Берёзовки[3]. Действительно, южная и восточная границы Дмитриевой

[1] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950. С. 33–36. (Далее – ДДГ. 1950.)
[2] Там же. С. 73–75.
[3] Дебольский В.Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник // ЗРАО. Вып. 1, 2. Кн. 5. СПб., 1901. С. 164.

2

Слободки (*«Дмитреевской слободки, что за татары»*) подробнейшим образом описаны в Разъезжей грамоте, составленной около 16 июня 1504 г. великим князем Иваном III в связи с передачей Звенигородского удела князю Юрию Ивановичу[4]. В тексте документа упомянут *«поп дмитреевской»,* из чего следует, что в волостном центре находилась церковь.

В XVI в. поселение стало именоваться Татарской Слободкой и фигурирует в ряде документов. В частности, она упомянута в жалованной грамоте дмитровского князя Юрия

3

4

Рис. 1. Селище Петелино-1. План памятника
Рис. 2. Площадка средневекового некрополя в процессе раскопок. Общий вид с юго-востока
Рис. 3. Средневековая могильная яма с валунным надгробием
Рис. 4. Средневековое погребение в долбленой колоде антропоморфной формы

[4] ДДГ. 1950. С. 379–380.

5

Ивановича игумену Саввино-Сторожевского монастыря Филофею на деревни Татариново и Копытово в Городском ст. Звенигородского у., составленной в 1529 г.[5] Во время Смуты Татарская Слободка была разорена, и с тех пор поселение на этом месте уже не возрождалось. Это зафиксировано в исторических документах XVII–XVIII вв. и подтвердилось в процессе раскопок. При прокладке трассы Минского шоссе в 1939 г. южная периферийная часть селища была разрушена. Центральная же часть памятника ныне поглощена современным кладбищем, возникшим еще в XIX в.

Спасательные археологические раскопки 2016 г. были сосредоточены в южной части селища, между трассой автомагистрали М-1 «Беларусь» и Петелинским муниципальным кладбищем (рис. 1). В раскоп площадью ок. 1500 кв. м попал участок средневекового прицерковного некрополя, где исследовано более 60 погребений в ямах глубиной от 0,35 до 1 м (рис. 2). Некоторые могилы маркировались крупными валунами (рис. 3) и тонкими белокаменными плитчатыми надгробиями, декорированными геометрическим рисунком, характерным для XV–XVI вв. Часть захоронений совершена в деревянных долбленых колодах, имеющих антропоморфную и ладьевидную формы (рис. 4). Все погребения безынвентарные, однако в заполнении ям неоднократно встречались отдельные измельченные фрагменты средневековой керамики, а на поверхности некоторых могил и на свободных от перекопов межмогильных участках найдено несколько предметов личного благочестия, относящихся к редким образцам русской средневековой христианской металлопластики. Так, здесь обнаружены створка крупной иконки-реликвария с пятилопастным киотчатым завершением верхней части (рис. 5), на лицевой стороне которой помещены изображения Христа и семи спящих отроков Эфесских (XV–XVI вв.), несколько литых нательных крестов, а также шейный подвесной образок-печать, на одной стороне которого изображен крылатый ангел, а на обороте помещены геральдическое изображение фантастического животного и негативная круговая надпись: «печать Семенова» (XIV–XV вв.).

Рис. 5. Створка меднолитого образка-реликвария XV–XVI вв.
Рис. 6. Индивидуальные находки из цветного металла
Рис. 7. Фрагмент белокаменного резного намогильного креста XV в.

[5] Саввин Сторожевский монастырь в документах XVI века (из собраний ЦГАДА). М., 1992. С. 13.

6

К северу от раскопа на периферии современного кладбища (на преобладающей высоте) обнаружено и обследовано предполагаемое место древней деревянной церкви, где было найдено скопление предметов христианской металлопластики – наперсных крестов и створок энколпионов (рис. 6). К сожалению, из-за близкого расположения современных захоронений раскопки провести здесь не представлялось возможным. Рядом, на территории кладбища, зафиксировано несколько валунных надгробий раннемосковского времени и поднят крупный обломок резного белокаменного креста XV в., лицевая сторона которого украшена богатым геометрическим рисунком (рис. 7). Верхний и нижний концы памятника были утрачены еще в древности. В средокрестии изображен равносторонний

7

двенадцатиконечный крест-кросслет, вкомпонованный в круг, который, в свою очередь, обрамлен полосой-«змейкой», составленной из противопоставленных треугольников («волчий зуб»). Крест оконтурен бордюром из крупных

8

9

равнобедренных треугольников, собранных в перекрещенные квадратные ячейки. Такой прием резьбы, бытовавший с начала XV до начала XVI в., был наиболее распространен на плитчатых надгробиях в последней четверти XV в. Следует отметить, что подобный крестчатый рисунок характерен для большинства такого типа памятников, происходящих из Москвы и округи. Ширина креста – 41 см, толщина – 12–13 см.

Вскрытая раскопом жилая зона средневекового поселения располагалась вплотную к церковному месту и некрополю, примыкая к ним с восточной стороны. Культурный слой здесь представлен серой гумусированной супесью с включениями дисперсного угля, горелых камней, фрагментов керамики и кусочков печины. Его мощность достигала 0,2–0,35 м. Вероятно, в XV – нач. XVI в. здесь находился один из дворов причта. На данном участке зафиксировано 12 заглубленных в материк ям, одну из которых (яма 10) можно интерпретировать как подпольную от жилой наземной постройки (рис. 8), остальные имели, по-видимому, хозяйственное назначение. К сожалению, единственная крупная подпольная яма (№ 10), выделявшаяся составом и количеством интересных находок, в значительной степени разрушена могильным перекопом сельского прицерковного некрополя, сильно разросшегося в 1-й пол. – середине XVI в.

Массовый керамический материал с этой части памятника представлен главным образом фрагментами кухонной и столовой посу-

Рис. 8. Яма 10 в процессе исследования. Зачистка по материку. Вид с юга
Рис. 9. Ременная накладка с кольцом. Серебро, чернь. XIV в.
Рис. 10. Крест-«корсунчик». Резьба по камню (серпентин), серебро. XII–XIII вв.
Рис. 11. Золотоордынский дирхем. Бербидек, Азак. 1357–1359 гг. Серебро

10

ды XIV–XV вв., сформованной из красножгущихся и слабоожелезненных глин со значительными примесями дресвы и крупнозернистого песка. Здесь же встречены единичные образцы краснолощеной, красноглиняной чернолощеной и поливной керамики XV–XVI вв. Среди бытовой керамики присутствуют фрагменты трех поливных слезниц, обычно встречающихся в погребальных комплексах в качестве сосудов для елея последнего помазания. Тут же обнаружен довольно яркий вещевой инвентарь: богатые серебряные поясные накладки (одна с тончайшей гравировкой и чернью, рис. 9), южнорусский или греческий крест-«корсунчик» в серебряной оправе, выполненный из камня серпентина (рис. 10), массивный щитковый перстень с геральдическим изображением, русские и золотоордынские серебряные монеты XIV–XVI вв. Наиболее ранняя из них – дирхем (рис. 11), отчеканенный в г. Азак в правление хана Бербидека (1357–1359 гг.). Найденные на селище дорогие элитарные предметы явно принадлежали лицам, имевшим довольно высокий социальный статус.

Спасательные археологические раскопки, проведенные в 2016 г., показали, что селище Петелино-1 является одним из ключевых средневековых археологических памятников на западе Подмосковья, который можно достоверно идентифицировать с великокняжеским селом Дмитриева Слободка. Несмотря на имеющиеся значительные разрушения, данный объект археологического наследия остается чрезвычайно интересным и перспективным для дальнейшего изучения.

11

ЛИТЕРАТУРА

ДДГ. 1950. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л.

Дебольский В. Н., 1901. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник // СПб. ЗРАО. Вып. 1, 2. Кн. 5.

Саввин Сторожевский монастырь в документах XVI века (из собраний ЦГАДА). М., 1992.

Резюме. Институтом археологии РАН в 2016 году проведены спасательные археологические раскопки на селище Петелино-1 (XIV – нач. XVII в.), расположенном на западе Подмосковья. Раскопом площадью 1500 кв. м изучены участок средневекового некрополя и жилая зона древнего поселения. Находки представлены дорогими элитарными предметами, принадлежавшими лицам, имевшим высокий социальный статус. Памятник надежно идентифицируется с великокняжеским селом Дмитриева Слободка.

Ключевые слова: спасательные археологические раскопки, Подмосковье, Средневековье, село, некрополь, погребение.

A. V. Alekseev, A. N. Smirnov

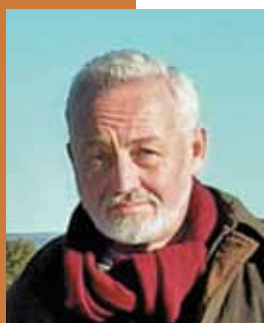
The Petelino-1 Settlement (Moscow Region, Odintsovsky District)

Resumé. Rescue archaeological excavations were carried out by the Institute of Archaeology of the Russian Academy Sciences in 2016 at the Petelino-1 Settlement (14th to 17th centuries) – located in the West of Moscow County Region. The excavations covered an area of 1500 sq metres, researching the grounds of the medieval graveyard, along with a residential zone of an ancient settlement. The dig uncovered costly finds from a privileged society, whose members held high social status. The site can reliably be identified as the grand-princely village of Dmitriev Slobodka.

Keywords: rescue archaeology, Podmoskovie, Moscow County Region, medieval, village, graveyard, cemetery, burials.

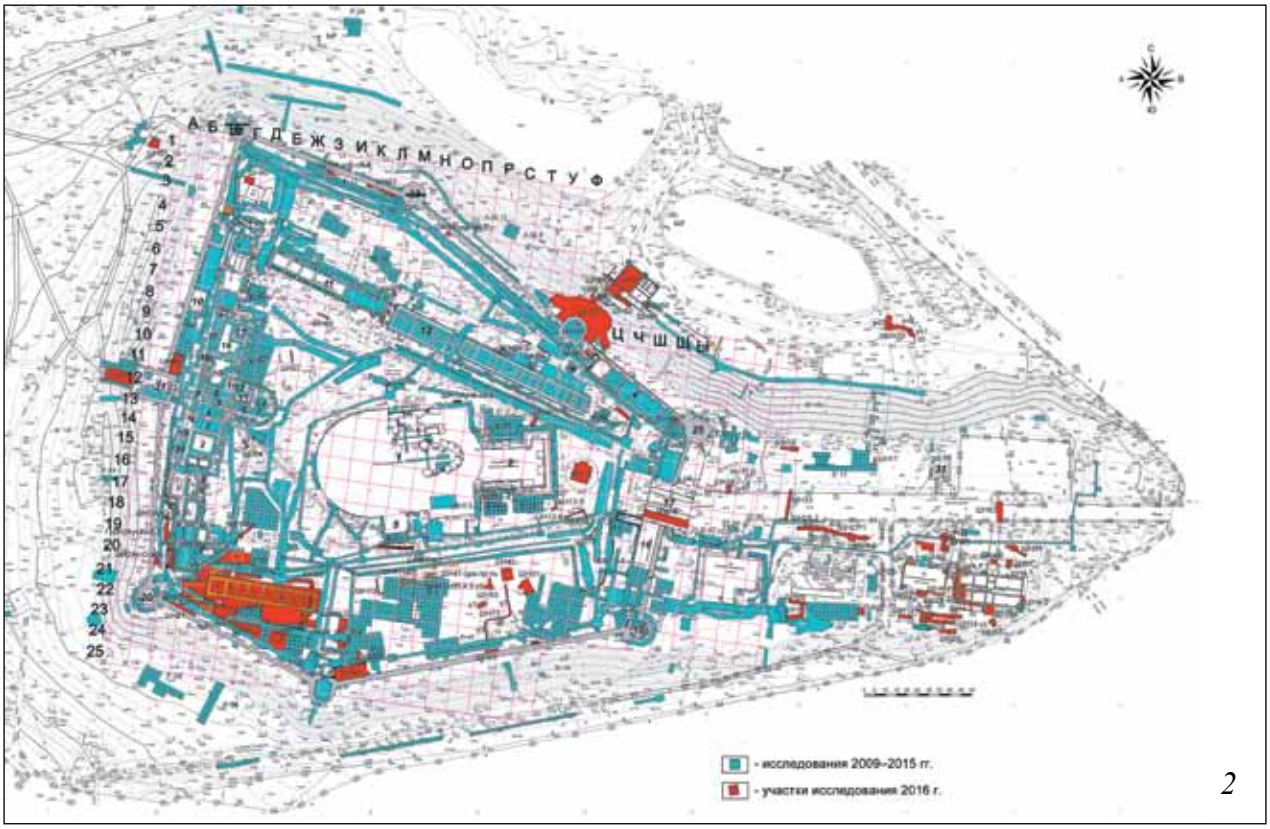
ВОСКРЕСЕНСКИЙ НОВО-ИЕРУСАЛИМСКИЙ МОНАСТЫРЬ
(МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, ГОРОД ИСТРА)

Л. А. Беляев, О. Н. Глазунова



1

2016-й был последним годом активных полевых исследований, начатых в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре на р. Истре в 2009 г. в связи с программой восстановления (*Беляев Л. А.*, 2013. С. 30–41; *Беляев Л. А.*, 2016. С. 400–417; *Воскресенский собор, 2016*). Строительные работы также вступили в заключительную стадию, поэтому инициативных научных раскопок не проводилось и все работы были связаны с устройством инфраструктуры и вертикаль-



2

3

ной планировкой. Однако сопровождение велось на значительной площади, и последний сезон принес много новых, отчасти неожиданных объектов и ранее в составе коллекции Нового Иерусалима не представленных находок (рис. 1, 2).

Наиболее серьезные исследования велись в трех пунктах: 1) к северу за стеной монастыря, на склоне, по линии опорного моста вокруг Ефремовой башни; 2) в юго-восточной зоне в связи с восстановлением Южного братского корпуса; 3) при прокладке коммуникаций внутри монастырской территории. Все материалы, за редкими исключениями, относятся к периоду завершения Средних веков и началу Нового времени.

Ефремова башня. Сложная по устройству нижняя часть Ефремовой башни исследовалась (отчасти в режиме раскопок, отчасти – мониторинга) с 2009 г., но в 2016-м она была раскрыта полностью, причем вокруг обкладки обнаружились кирпичные опорные столбики, которые когда-то несли обходной арочный мост, окружавший башню и соединявший два отрезка дороги вдоль внешней стены монастыря (рис. 3, 4).

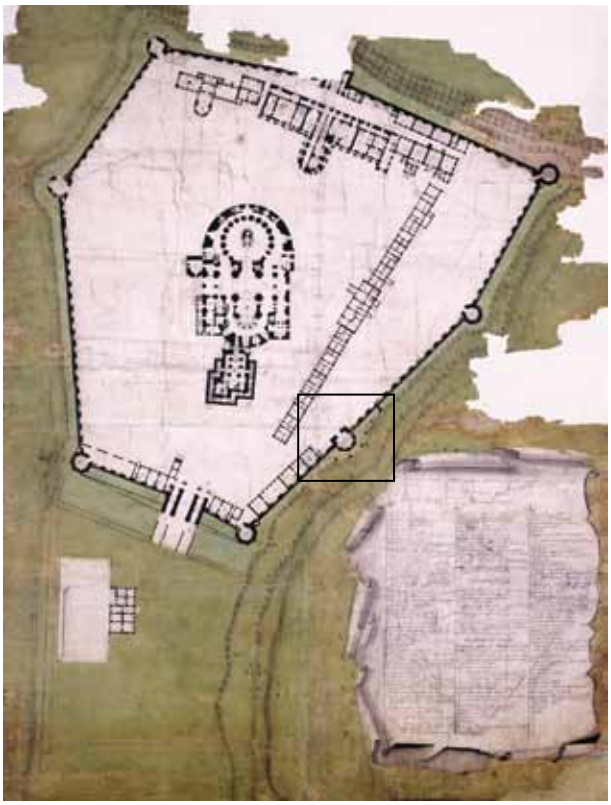
По результатам раскопок остатки опор моста законсервированы и мост восстановлен.

Обходной мост построен одновременно со стенами и башнями монастырской ограды в 1690-х гг., но в XVIII в. его разобрали в связи с ветхостью, а овраг у Ефремовой башни засыпали (засыпка – строительный мусор, насыщенный изразцами XVII – начала XVIII в.). Кроме того, к концу XVIII в. в башню был подведен дренажный канал (частично перестроен в XIX в. при возведении водокачки). Опоры, также как и сам мост с дорогой-обводом, хорошо видны на плане Воскресенского монастыря 1769 г. (Григорий Бартенев) (рис. 5). Однако там мост показан с семью опорами, в реальности же их оказалось восемь: две центральные и по три с обеих сторон.

Две центральные опоры, № 7 и 8, вплотную подходят к белокаменному панцирю северной грани башни, крайние с запада и востока опоры упираются в склон оврага и потому низкие. Все опоры соединены друг с другом арками. Западная, № 2, открыта еще в 2013 г. (ширина – 0,48 м, в плане вытянута по линии запад – восток на 6,30 м, высота – 1,90 м, сохранились места крепления балок деревянного перекрытия под настил моста). Восточная, № 3 (2,0×1,50 м при высоте 1,15 м), сохранилась гораздо хуже. Опоры 1, 4 и 5, 6, попарно к западу и востоку от башни, однотипные: небольшое основание расширяется кверху, расходясь двумя арками (размеры в плане 1,10–1,80×0,9–1,10 м при высоте от 1,50 до 2,6 м). Все опоры сложены

4

Рис. 1. Общий вид монастыря с юго-востока в ходе реставрации
Рис. 2. Общий план археологических работ в 2016 г.
Рис. 3. Ефремова башня. Нижняя часть панциря и одна из опор (№ 6) обходного моста
Рис. 4. Ефремова башня. Опора № 1 обходного моста: южный и восточный фасы



5

из кирпича (30–32×15–16×8 см) на известковом растворе, в перевязке тычок-ложок, на фундаменте из белокаменных блоков, положенных на слой булыжника (об археологии укреплений монастыря также см.: *Капитонова М. А.*, 2013. С. 42–52).

Южный братский корпус стал другим обширным участком активных исследований. Кирпично-каменное здание существовало на этом месте в монастыре до конца XVIII в., затем было разобрано после пожара. В проекте

6

восстановления монастыря предусматривалась не только реконструкция здания, но и создание под ним подвального помещения. Для него требовалась существенная по объему выемка грунта при сохранении и укреплении каменных оснований древнего корпуса. Остатки здания были открыты еще при исследовательских раскопках в 2009–2010 гг. (*Бадеев Д. Ю., Русаков П. Е., Майорова Е. В.* 2013. С. 59–67), но завершающий этап работ пришелся на 2016 г.

Переборка оснований братского корпуса показала, что при закладке стен в конце XVII в. для выравнивания их нижнего уровня использовали ряд плоских белокаменных деталей какого-то ранее существовавшего сооружения. Ни в одном из зданий монастыря похожих деталей нет, и об их назначении трудно судить: серию плоских дисков с двумя треугольными выступами на концах диаметра можно принять за странно уплощенные балясины, но этому противоречит сохранившаяся двухцветная роспись «в шахмат» (красно-охристый и черный); два отдельных камня, вероятно, происходят от гребешков и волют (рис. 6, 7).

7

Среди неожиданно открывшихся ситуаций следует упомянуть «склеп с изразцами», неожиданно

Рис. 5. План монастыря 1769 г. Участок с обходным мостом у Ефремовой башни
Рис. 6. Южный братский корпус. Кладка основания стены
Рис. 7. Архитектурная деталь, вторично использованная в кладке основания стены корпуса
Рис. 8. «Склеп с изразцами». Общий вид внутренней части
Рис. 9. Печать старца Павла: прямое и зеркальное изображение (диаметр – ок. 1 см)
Рис. 10. Фрагменты архитектурных изразцов для монументальной надписи

открывшийся в углу между юго-восточной стеной южного притвора и южным краем переходов к Подземной церкви Воскресенского собора, где на фасаде помещен ряд надгробных таблиц. В указанном углу обнаружена могила, стенки которой выложены изразцами, образовавшими вокруг захоронения подобие склепа. Изразцы положены на глине лицевыми пластинами внутрь. Никаких иных конструкций или опалубки проследить не удалось; свод,

8

9

видимо, не выкладывали. Вероятно, сооружение начало разваливаться чуть ли не сразу, так что верхние изразцы обрушились на погребенное тело целыми рядами. Следов гроба не отмечено, причем скелет лежал непосредственно на грунте, но в анатомическом порядке (не потревожены даже шейные позвонки) (рис. 8).

Все изразцы рельефные, красноглиняные, технологически они предназначены под глазурь, но поливы не имеют. Представлены три мало распространенных типа коврового растительного узора: сплошной из тонких сплетающихся ветвей с листьями; центрованный с выпуклым медальоном, в который вписана ваза с цветами (тюльпаны?), также исполненная довольно тонко; лапидарный с четырехлистником в вычурном картуше, нарезанный сочно и выразительно, но грубовато. Изразцы имеют прямостенную румпу, что отличает их от ранее известных с такими же сюжетами на памятнике. По-видимому, изразцы принадлежат к последним годам XVII – началу XVIII в.

Среди указанных на таблицах погребенных – архимандрит Антоний (1710–1722) и семья Нащокиных: Дарья Михайловна (†1718), Иван Никифорович (†1718), Михаил Иванович (†1722) и Наталья Никитична (по мужу Нащокина, †1793). Представляется, что если в погребении покоился прах одного из вышеназванных лиц, то с наибольшей вероятностью это могла бы быть Дарья Михайловна Нащокина. Вряд ли комплект готовили специально для данного сооружения – вероятно, изразцы взяли из неиспользованных или бракованных. В кладке они не образуют системы, хотя одинаковые по рисунку собраны вместе. Больше всего изразцов с тонкими ветвями, остальные, по-видимому, просто добрали в связи с нехваткой основного типа.

Из других находок 2016 г. следует выделить личную прикладную печать (зона Южного братского корпуса, переотложенный культурный слой) с надписью «Старца Павла».

10

11

12

13

14

Монах с таким именем известен среди «келейных чад», упомянутых в духовной архимандрита монастыря Германа I (†11 декабря 1682 г.) и позже (1685 г.) в перечне «служебных старцев» (этот памятник эпиграфики и его владелец заслуживают отдельной публикации) (рис. 9).

К эпиграфическим находкам относятся фрагменты букв изразцовой монументальной надписи, не побывавшие в кладке (рис. 10).

Среди фрагментов печей выделим группу начала (?) XVIII в.: изразец с изображением слона (сколько известно, первый случай в России), который дополнил довольно обширный уже «керамический бестиарий» Нового Иерусалима; угловой изразец из кобальтово-белой серии с фигурами-налепами; фрагмент с серо-зеленой «землистой» глазурью из группы, восходящей к книге «Символы и эмблематы» (*Глазунова О. Н.*, 2013. С. 68–77 и др. работы автора) (рис. 11–14).

К неожиданным находкам относится также гораздо более древний, чем монастырь, предмет – небольшой бронзовый кельт (II тыс. до н. э.?), удачно дополняющий коллекцию древних предметов (II тыс. до н. э. – начало II тыс. н. э.), собранную в прежние годы в Новом Иерусалиме (*Беляев Л. А., Ершов Н. И., Зеленцова О. В., Кузьминых С. В.* 2016. С. 85–98) (рис. 15).

15

ЛИТЕРАТУРА

Бадеев Д. Ю., Русаков П. Е., Майорова Е. В., 2013. Старый деревянный дворец и Каменные палаты в Ново-Иерусалимском монастыре: археологические исследования 2009–2011 гг. // РА. № 1. С. 59–67.

Беляев Л. А., 2013. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь как памятник археологии начала Нового времени // РА. № 1. М. С. 30–41.

Беляев Л. А., 2016. Археология Нового Иерусалима и францисканская идея в Центральной Европе XVII в. // [Беляев Л. А., Юрасов А. В. отв. ред.] От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. Мат. науч. конф. М.: РАН, ОИФН, Институт археологии, Институт российской истории. М., Вологда. С. 400–417.

Беляев Л. А., Ершов Н. И., Зеленцова О. В., Кузьминых С. В., 2016. Древнейшие находки на территории Ново-Иерусалимского монастыря: материалы работ 2009–2014 гг. // РА. № 1. С. 85–98.

Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря: путь к возрождению. Реставрация 2009–2015 годов. Науч. ред.: Беляев Л. А., Бусева-Давыдова И. Л. М.: Коллектор, 2016. 312 с., илл.

Глазунова О. Н., 2013. Изразцы в культурном слое Нового Иерусалима: планиграфия, статистика, предварительная атрибуция // РА. М. № 1. С. 68–77.

Капитонова М. А., 2013. Архитектурно-археологическая стратиграфия и конструкции ограды Ново-Иерусалимского монастыря // РА. М. № 1. С. 42–52.

Резюме. В статье представлен обзор основных результатов завершающего этапа работ, ведущихся в монастыре с 2009 г. Работы 2016 г. включали спасательные раскопки на всей территории монастыря, из которых выделен ряд ярких объектов и находок: укрепления Ефремовой башни монастырской ограды и обходного моста вокруг нее, фундаменты одного из разрушенных и ныне восстановленных братских корпусов, в которых вторично использованы белокаменные архитектурные детали; одна из могил обширного монастырского некрополя, целиком выложенная изразцами. Среди находок представлены также архитектурные изразцы с частями надписей; печные изразцы с изображениями экзотических животных и символами; прикладная печать одного из монастырских старейшин. Все материалы относятся ко второй половине XVII – первой половине XVIII в. Кроме них представлена случайная находка кельта эпохи поздней бронзы.

Ключевые слова: историческая археология, монастырь «Новый Иерусалим», реставрация, архитектурная археология, изразцы, погребения, каменные ограды.

L. A. Belyaev, O. N. Glazunova

The Resurrection New Jerusalem Monastery (Moscow County Region, Istra)

Resumé. The paper presents an overview of the main results of the closing phase of work conducted at the monastery since 2009. In 2016 the work involved rescue archaeology excavations throughout the grounds of the monastery, which brought to light a whole series of fascinating finds and artefacts. Among these were a buttressing of the Efremov Tower and the bridge around it; the foundations of one of the ruined, and later restored, monastic dormitories, which reused whitestone details of masonry; and a grave from the huge monastic cemetery which is entirely laid-out with tiling. The artefacts uncovered include decorative tiling entirely covered with inscriptions; stove-tiles with the images of fantastical beasts and symbols; and the personal seal of one of the monastic elders. All these artefacts are connected with the latter 17th and early 18th centuries. Furthermore there was the purely chance find of a bronze axe-head from the late Bronze Age.

Keywords: historical archaeology, New Jerusalem monastery, restoration, architectural archaeology, tiles, burials, stone walls.

Рис. 11. Печной изразец с рельефным изображением слона
Рис. 12. Фрагмент печного изразца на сюжет из книги «Символы и эмблемата»
Рис. 13, 14. Фрагмент углового изразца печного карниза со штампованной фигурой
Рис. 15. Бронзовый кельт (II тыс. до н.э.?) из переотложенного слоя в северо-западной части монастыря

ВЫСОКО-ПЕТРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ
(ГОРОД МОСКВА)

Л. А. Беляев, С. Б. Григорян, Н. И. Савельев

1

Высоко-Петровский монастырь как объект архитектуры замечателен своей хорошей сохранностью. Он отстроен в камне в основном в конце XVII в. и пополнен новыми зданиями в XVIII в., но сохранил единственное (а то и ключевое для русской архитектуры) здание начала XVI в. – собор св. Петра Митрополита (оно изучено, датировано и восстановлено в 1980–1990-х гг. Б. П. Дедушенко и Л. А. Беляевым). Для археологии монастырь интересен целиком, включая более поздние и ранние участки, сейчас к монастырской территории не относящиеся (рис. 1, 2).

2

Как один из древнейших в городе, монастырь неоднократно описан авторами XIX в. (И. З. Крылов, архимандрит Григорий и др.). Историки XX в. монастырь упоминали нечасто, но он привлек внимание историков искусства как образец нарышкинского стиля. В 1950–1980-х гг. здесь шли углубленные архивные и натурные исследования для реставрации, их частью стали археологические раскопки рубежа 1970-х – начала 1980-х гг. (в основном они опубликованы и вошли в учебные и методические пособия, см.: *Подъяпольский и др.*, 1988; *Беляев,* 1994; *Он же,* 1996).

Новые масштабные (более 500 кв. м) раскопки 2016 г. существенно уточнили историю монастыря, выявили утраченные ранее постройки, изменили представления о палеорельефе холма. Выяснено, что современная дневная поверхность сильно отличается

от археологически зафиксированной поверхности XVII в. Особенно сильно эта разница проявляется в центральной части монастыря, а также вокруг церкви Сергия Радонежского. В среднем разница современной дневной и исторической поверхностей составляет 2 м, но она гораздо меньше на южном дворе монастыря (ок. 50 см) и к северу от Боголюбской церкви (40 см) (рис. 3–5).

Участки монастырского некрополя XVI–XVII вв. к юго-востоку от собора (раскопы 1 и 3) не только пополнили коллекцию белокаменных надгробий и уточнили стратиграфию участка. Найденные здесь парные надгробия впервые доказали, что белокаменные плиты с надписями воспринимались как мемориальные объекты, рассчитанные на длительное функционирование: их надписи возобновляли (или заново воспроизводили по неизвестным нам источникам) через значительные (до столетия) промежутки времени. Этот сюжет заслуживает отдельного фундаментального анализа (предварительно см.: *Беляев, Савельев,* 2016. С. 188–192) (рис. 6–9).

Особое место заняла архитектурная археология: впервые системно изучены ограда и часть периферии основных храмов, а именно основания столбов обходной галереи (северный фас) храма Образа Боголюбской Божьей матери и фундамент монастырского погреба, существовавшего во второй половине XIX в. (раскоп 2, участок 4); фрагменты восточного прясла монастырской ограды (по кирпичным клеймам

3

4

5

Рис. 1. Общий вид древней части монастыря с юго-запада
Рис. 2. План с указанием основных участков и объектов исследований
Рис. 3. Остатки сооружений XVI – XIX вв. у юго-восточной галереи Сергиевской трапезной церкви
Рис. 4. Основания построек XIX в., врубленных в культурный слой XVI–XVIII вв.
Рис. 5. Стройплощадка с творильными ямами ниже уровня фундамента столба 1680-х гг.

6

7

их удалось датировать концом XVII в.) и полностью утраченные постройки XVII–XIX вв. (раскопы 5 и 6). Шурфами изучено состояние многих частей фундаментов, установлены массивы балластных напластований и следы активной строительной деятельности, зафиксировано существование как минимум двух строительных периодов в жизни западной линии монастырской ограды между Надвратной и Толгской церквями (рис. 10, 11).

На всех участках исследовался культурный слой и собран значительный объем фрагментов керамики (индивидуальные находки редки, среди них – литые из сплава меди кресты и иконки XVII–XIX вв.). С точки зрения истории городского быта и технологий особенно интересным оказался участок на южной территории монастыря (раскоп 4), где в прошлом шла активная хозяйственная деятельность (отмечено более 20 ям различного назначения, дворовая печь из кирпича) и выявлен колодец XVII в., имевший сложное устройство и значительные размеры. На нем следует остановиться подробнее.

Строительная яма колодца выявлена с уровня первых зачисток (-65 север/-75 юг от поверхности современного газона). Это обширное округло-квадратное пятно (общий диаметр в верхней части – около 5,5 м), отмеченное по краям желтым песком с прослойками черно-серого предматерикового выброса и заполненное обратной засыпкой (рыжеватый плотный суглинок). По центру этой ямы хорошо читалось неправильной формы пятно культурного слоя, перемешанного со строительным мусором (рис. 12).

Ниже в пятне этой ямы были обнаружены следы деревянного сруба в форме пирамиды, расширяющейся книзу (сруб 1). Сохранилось семь его венцов; размеры по верхнему венцу в свету – 3 м, по нижнему – 3,5 м (3,40 и около 4 м по внешней стороне). Его восточная и западная стороны укреплены поперечными толстыми слегами, врубленными снаружи с соответствующим наклоном (по две слеги на сторону, ближе к краям). Посредине южной и северной стен по оси колодца сквозь сруб проходило по одной вертикальной балке с вырубленными в ней

8

9

прямоугольными отверстиями (для продевания в них поперечной балки). Пространство «пирамиды» было заполнено перемешанным культурным слоем с обилием строительного мусора. Вероятно, это остатки технического сооружения (копёр) для обеспечения работ по устройству колодца. Глубина первичного, вырытого под сруб № 1 котлована от поверхности до дна (то есть до подошвы нижнего, седьмого венца) – около 3,3 м.

Внутри пирамидального сруба № 1, немного ниже уровня дна его котлована, открылся сруб № 2 – прямоугольный, из протесанных под балку бревен (диаметр 16–19 см), с углами в лапу. Внутренняя длина его стенки не менее 2,4 м. По-видимому, это шахта для проходки в глубину, которую крепили специальным каркасом в уровне материковых песков (рис. 13, 14).

Внутри шахты, на глубине 3,8 м, начиналась сохранная часть сруба № 3. Это собственно колодец, вставленный в шахту. Длина его стенки – 2,2 м. Он срублен в обло с остатком из плотно подогнанных друг к другу более крупных (диаметр 18–22 см) бревен. Интересно, что расположены они не соосно, а вперебежку: более широкое звено сменяет более узкое, затем снова идет широкое и опять узкое. При этом края по местам врубленных чашек скрепляли штыри из металла (сохранились гнезда). В зазоре между срубами 2 и 3 прослежены дополнительные крепления-распорки из тонких бревен.

Дно колодца не было достигнуто из-за обильных грунтовых вод (максимальная глубина прокопа от дневной поверхности – 4,3 м). Монеты и керамика из заполнения колодца показали, что он засыпан не ранее XVIII в., а находки (керамика, изразцы) из слоев, связанных с сооружением колодца, отложились не позднее чем в конце XVII в.

Внутренний сруб (№ 3) находится в превосходном (можно сказать – рабочем) состоянии, его бревна крепки, почти как новые, так как находятся во влажном слое (в заполнении колодца сохранилась и вся

10

11

Рис. 6, 7. Фрагменты вторичной (2-я пол. XVI в.) и оригинальной надгробных плит инока Епиф[ания] с датой 31 июля 7020 г. (1512 от РХ, память праведного Евдокима)
Рис. 8. Две плиты Конана ножевника: 1562 г. (справа) и сер. XVII в., вторичная (слева)
Рис. 9. Фрагмент плиты младенца Акинфа, сына банника Акинфа; сер. XVII в.
Рис. 10. Крест наперсный. Литье по меди, XVII в.
Рис. 11. Литье по меди, XVIII–XIX вв.

12

органика). Это в целом касается и сруба № 2, хотя его нижняя часть осталась недоступной наблюдению. Пирамидальная конструкция в гораздо худшем состоянии, ветхое и растрескавшееся дерево нуждается в укреплении.

Аналоги подземных пирамидальных деревянных сооружений известны и в Москве (сруб XVII в. из раскопок на Романовом дворе (*Н. А. Кренке,* 2003 г., см.: *Кренке*, 2009), и в других городах (например, в кремле Томска). Обычно их принимают за нижние части самого колодца и ниже работ не производят. Нам представляется, что структуру и технологию сооружения таких колодцев на основе находки в Высоко-Петровском монастыре можно реконструировать иначе. Предлагаем нижеследующую гипотезу.

В первоначально вырытый квадратно-округлый котлован со стороной около 2,5 саженей на глубину около 1,5 саженей установлен пирамидальный сруб, возможно, предназначенный для обеспечения дальнейшей работы. Он имел щипцовое завершение с осью север – юг. На его поперечной распорной балке крепилось колесо или ворот, с помощью которого удобно было поднимать на поверхность бадью с грунтом и, возможно, спускаться рабочим. От низа копра начали проходку шахтой, которую из-за сыпучего характера грунта и предполагаемой значительной глубины пришлось крепить клетью в лапу. Достигнув определенного (возможно, искомого) уровня, строители вставили в шахту основной сруб и засыпали промежуток песком, после чего вывели его выше, над поверхностью земли, как обычный колодец. Копёр при этом не разбирали, так как он служил дополнительным креплением верхней части колодезного сруба. Поскольку неизвестно, насколько глубоко уходит сруб № 2, можно предположить и иную технологию: этот сруб мог исполнять роль рамы в уровне начала проходки собственно колодца и, возможно, закончится через один-два венца.

В настоящее время колодец законсервирован методом повторного погружения в грунт. Предполагаются повторное углубление колодца, его консервация и музеефикация.

13

14

Рис. 12. Раскоп на месте деревянного колодца в южном дворе
Рис. 13. Деревянный колодец в южном дворе. Вид с севера
Рис. 14. Верхняя часть деревянного колодца (с маркировкой конструкций). Вид с севера

ЛИТЕРАТУРА

Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: ИА РАН. М. 568 с.

Беляев Л. А., 1994. Древние монастыри Москвы (конец XIII – XV в.) по данным археологии. М.: ИА РАН. 458 с.

Беляев Л. А., Савельев Н. И., 2016. «Возобновленные» надгробия в Высоко-Петровском монастыре (г. Москва) и восприятие личности в XV–XVII веках // Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская империя и их соседи: мат. науч. конф. М.: Институт археологии, Институт российской истории. С. 188–192.

Кренке Н. А., автор-составитель, 2009. Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы. М.

Подъяпольский С. С., Беляев Л. А., Бессонов Г. Б., Постникова Т. М., 1988. Реставрация архитектурных памятников. Уч. пособ. для вузов. М.: Стройиздат.

Резюме. В заметке дан общий обзор обширных (более 500 кв. м) научных спасательных раскопок, проведенных в одном из древних монастырей Москвы в связи с началом его реставрации и модификации. Эти работы стали новым этапом в изучении монастыря, первый этап которого осуществили в 1980-х годах Леонид Беляев и Борис Дедушенко. Изучены значительные участки ограды монастыря XVIII–XIX вв. и бытовые постройки, среди которых – колодец уникальной сохранности. Среди белокаменных надгробий некрополя впервые изучены парные плиты, надписи на которых возобновлялись с течением времени. Отмечены также литые из сплава меди крест и иконка XVII–XIX вв.

Ключевые слова: историческая археология, архитектурная археология, реставрация, каменная ограда, надгробия, эпиграфика, история XIV–XVII веков, предметы благочестия XVII–XIX веков.

L. A. Belyaev, S. V. Grigorian, N. I. Savelyev

The Petrovsky High Monastery (Moscow)

Resumé. This article provides a broad overview of the extensive rescue archaeology excavations undertaken at one of Moscow's ancient monasteries, prior to the start of restoration and building work at the monastery. These excavations marked a new phase of study of the Petrovsky Monastery – whose research first began in the 1980s under Leonid Belyaev and Boris Dedushenko. Considerable areas of the former monastery walls and grounds (from the 18th & 19th century) were studied, including a remarkably well-preserved water-well, whose remains bear witness to several different stages of its construction. Among the monastery's whitestone gravestones, examples of 'paired' gravestones were found, whose inscriptions had been renewed over the year. The excavations also found crucifixes molded from copper alloy, and ikons dating to the 18th and 19th centuries.

Keywords: historic archaeology, architectural archaeology, restoration, stone wall, gravestone, tombstone, epigraph, inscription, history of the 16th & 17th centuries, devotional objects of the 17th–19th centuries.

ГОРОДИЩЕ И ПОСЕЛЕНИЕ ИЛЬИЧЕВКА

(КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ, ТЕМРЮКСКИЙ РАЙОН)

А. В. Бонин

1

В 2015–2016 гг. на территории памятника археологии «Городище и поселение Ильичевка» (гос. № 3337) Отделом сохранения археологического наследия Института археологии РАН совместно с отделом истории античной культуры ИИМК РАН, АНО «НИЦ» и ОАО «НИПИИ ЭТ «ЭНЕРГОТРАНСПРОЕКТ» по заказу ООО «Рубеж-РемСтрой» проведены спасательные археологические раскопки, обусловленные строительством объекта «Кабельный переход через Керченский пролив» в рамках проекта «Сооружение электросетевого энергомоста Российская Федерация – полуостров Крым». Один из ключевых пунктов энергомоста – переходный пункт «Кубань» (рис. 1) – ныне располагается на территории данного памятника, западнее крепости-батарейки и ее так называемого вала. Общая площадь землеотвода под объекты строительства составила около 3 га, в ходе работ заложено четыре раскопа.

2

Памятник известен с XIX в., о нем упоминали Дюбуа де Монпере, К. К. Герц, П. С. Паллас; в 1870 г. В. Г. Тизенгаузен проводил небольшие разведочные раскопки. В 1926 г. поселение обследовано экспедицией Института археологии и искусствоведения РАНИОН под руководством А. С. Башкирова. Поселение обозначено на картах 1929 г. С. Ф. Войцеховского, 1930–1931 гг. А. А. Миллера. В 1949 г. его

обследование и разведочные раскопки проводились Д. Б. Шеловым. С 1964 по 1967 г. раскопки здесь проводила Таманская экспедиция ИА АН СССР под руководством Н. И. Сокольского (нач. отряда – Э. Я. Николаева). В 1974–1995 гг. эти исследования были продолжены Ильичевской экспедицией ИА РАН во главе с Э. Я. Николаевой (в 1991–1992 и 1995 гг. совместно с Э. Р. Устаевой). В 1981–1983 гг. памятник обследован разведочным отрядом Я. М. Паромова. В 1983 г. на некрополе к юго-востоку от городища вела работы Т. Г. Шавырина. В 1996–1997 гг. на северо-западной окраине поселения, в районе берегового обрыва, отрядом под руководством А. А. Завойкина и Н. И. Сударева исследована усадьба римского времени. В 1996–2009 гг. разведочные и охранно-спасательные работы на поселении вела экспедиция под руководством Н. И. Сударева.

Во время раскопок 2015–2016 гг. весьма интересные результаты дал раскоп 1[1], разбитый в 100–150 м к юго-востоку от крепости, на территории отвода под вспомогательную ЛЭП

3

4

5

6

Рис. 1. Общий вид на стройплощадку переходного пункта «Кубань»
Рис. 2. Раскоп 1, жилищно-хозяйственный комплекс II–III вв.
Рис. 3. Раскоп 1, яма II–III вв.
Рис. 4. Раскоп 1, пифосы II–III вв.
Рис. 5. Раскоп 1, раннесредневековый строительный комплекс
Рис. 6. Раскоп 1, серолощеная миска IV–V вв.

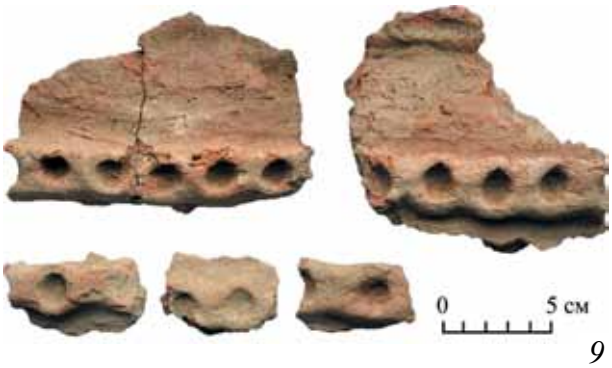
[1] Начальник Д. С. Кандауров.

7

ПП «Кубань». Его площадь составила 2130 кв. м. Здесь выявлен многослойный хозяйственный комплекс, включавший каменные фундаменты стен, многочисленные хозяйственные ямы и пифосы (на раскопе зафиксировано более 200 объектов), которые предварительно датируются II–IV вв. н. э. (рис. 2–4). Из числа примечательных находок стоит отметить фрагмент мраморной плиты с надписью конца I – начала II в. н. э., обнаруженный в основании одной из стен (рис. 7) (*Бонин, Завойкина*, 2016). В вышележавших слоях открыты остатки строений и фрагменты серолощеной

8

[2] Начальники С. В. Колосов и А. М. Ушаков.
[3] Начальник А. Г. Шереметьев.



9

10

керамики (рис. 5, 6) салтово-маяцкой культуры VII–VIII вв. н. э.

Юго-восточной частью раскопа 2[2] общей площадью 11 268 кв. м, заложенного в 200 м северо-западнее крепости-батарейки, была вскрыта зольно-мусорная свалка II–III вв. н. э. (рис. 8). В центральном и северном участках раскопа на уровне материка зачищены ямы, материал из которых можно отнести к эпохе поздней бронзы (рис. 9, 10).

Раскоп 3[3] площадью 11 520 кв. м, разбитый в 200 м к западу от батарейки, примечателен своей стратиграфией. Через его северную часть проходила балка, которая на определенном этапе жизнедеятельности поселения была засыпана мусорными сбросами, содержавшими в больших количествах золу, раковины мидий и многочисленные фрагменты керамики II–III вв. н. э. (рис. 11). Мощность слоя здесь превышала 2,5 м (рис. 12). Южнее зольной свалки зафиксирован участок некрополя позднеримского времени и эпохи переселения народов (рис. 13).

В северо-западной части раскопа 3 обнаружена винодельня, состоявшая из давильной площадки и трех цистерн. Несмотря на повреждения распашкой, а также окопом военного времени, на давильной площадке и в цистернах сохранилось цемяночное покрытие (рис. 14). Восточнее винодельни и к северу от зольной свалки были прослежены остатки разрушенного распашкой хозяйственного комплекса с ямами и вкопанными пифосами (рис. 15).

Основными датирующими типами тарной керамики для всех трех раскопов являются светлоглиняные узкогорлые амфоры (типы A, B, C, D, E и F по Д. Б. Шелову) (рис. 16), розовоглиняные широкогорлые амфоры боспорского производства (типа 83–89 по И. Б. Зеест) (рис. 17), оранжевоглиняные и красноглиняные амфоры II–III вв. н. э. (типы 68, 73, 76–77 по И. Б. Зеест; тип 41 по В. В. Крапивиной), светлоглиняные с воронковидным горлом (тип 90 по И. Б. Зеест), коричневоглиняные колхидские амфоры Кх I по С. Ю. Внукову, светлоглиняные южнопонтийские амфоры типов Син. II, Син. III и С I. Более редкие находки профильных

11

Рис. 7. Раскоп 1, надпись на мраморной плите
Рис. 8. Раскоп 2, стратиграфия зольно-мусорной свалки
Рис. 9, 10. Раскоп 2, фрагменты керамики из ям бронзового века
Рис. 11. Раскоп 3, терракотовая маска из зольно-мусорной свалки

12

13

14

частей импортных сосудов могут датироваться IV–V вв. н. э. (тип 100 по И. Б. Зеест).

Столовая краснолаковая посуда представлена преимущественно формами сосудов, распространенными в II–III вв. н. э. Это формы I, II, VI Pontic Sigillata по J. Hayes. Упомянем и краснолаковые глубокие миски, относящиеся к типу I по И. С. Каменецкому[4].

На раскопе 4[5] площадью 4975 кв. м, разбитом на обрывистом берегу Керченского пролива, в зоне нивелировки склона и сооружения инженерной защиты кабельного перехода через Керченский пролив, обнаружены одни из самых примечательных находок. В центре раскопа открыт каменный фундамент и вымостки двора большой усадьбы размером 20×20 м, состоявшей из пяти помещений. Северная часть этой постройки была раскопана еще в 1993 г. Э. Р. Устаевой. Рядом с усадьбой тогда же была найдена сильно разрушенная винодельня, часть которой дообследована в отчетном сезоне. Две новые винодельни выявлены в северной части раскопа. Они однотипны и состояли из давильной площадки и двух цистерн. Рядом с винодельней № 3 расчищены каменные фундаменты и вымостки еще одной усадьбы. Все открытые комплексы датируются I в. до н. э. – I в. н. э. Помимо них удалось выявить слой (ранний железный век), к которому относятся восемь колодцев и большие хозяйственные ямы глубиной до 4–6 м, в которых встречены лепные чернолощеные сосуды и кости животных. Сосуд с петлевидной ручкой из засыпи колодца № 5 относится к протомеотскому периоду – VIII–VII вв. до н. э. (*Бонин, Шаров*, 2016. С. 60–61).

Таким образом, в результате исследований 2015–2016 гг. в западной, неукрепленной части поселения были выявлены и изучены многочисленные находки поселенческих комплексов эпохи бронзы и раннего железного века, свидетельствующие о заселенности побережья пролива до начала греческой колонизации.

Слои до I в. н. э., синхронные времени функционирования Ильичевской батарейки, зафиксированы лишь на береговом раскопе № 4, поблизости от раскопа А. А. Завойкина 1999 г.

Слои V–VI вв. н. э., так ярко представленные на городище, в раскопах к юго-западу и западу от него не выявлены. Отмечены лишь немногочисленные фрагменты амфор типа «Делакеу» и несколько обломков мисок формы 1 Pontic Red Slip Ware по К. Домжальскому, которые могут относиться и к последней четверти IV в. н. э. Штампованная керамика фокейской и африканской групп V–VI вв. н. э. в керамическом материале отсутствует.

Рис. 12. Раскоп 3, стратиграфия зольно-мусорной свалки
Рис. 13. Раскоп 3, погребение
Рис. 14. Раскоп 3, винодельня II–III в. н. э.
Рис. 15. Раскоп 3, стены и пифос комплекса к востоку от винодельни
Рис. 16, 17. Раскоп 3. Амфоры II–III вв. н. э.

[4] Определение керамики из раскопов 1–3: М. С. Долгополова и А. В. Тяпухина.
[5] Начальник и держатель Открытого листа О. В. Шаров.

15

16

17

Как и предполагалось (*Бонин*, 2014, с. 85), время функционирования «посада» Ильичевского городища – II–IV вв. н. э. Это подтверждают и находки многочисленных монет, относящихся к эпохе Савромата I – Рескупорида V (VI).

ЛИТЕРАТУРА

Бонин А. В., 2014. «Неукрепленные батарейки» // ДБ. 18.

Бонин А. В., Завойкина Н. В., 2016. Новая надпись из раскопок Ильичевского городища // ДБ. 20.

Бонин А. В., Шаров О. В., 2016. Н. И. Сокольский и его батарейки. От укреплений к поселениям // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы XVII Боспорских чтений. Керчь.

Резюме. В 2015–2016 гг. на территории памятника археологии «Городище и поселение Ильичевка» (гос. № 3337) Отделом сохранения археологического наследия Института археологии РАН были проведены охранно-спасательные работы в рамках сооружения кабельного перехода через Керченский пролив.

В ходе работ было заложено 4 раскопа общей площадью около 3 га. Найдены и обследованы многослойный хозяйственный комплекс, который предварительно датируется II–IV вв. н. э., несколько виноделен того же времени, зольно-мусорная свалка II–IV вв. н. э., погребения эпохи переселения народов, а также объекты (ямы) бронзового века. Кроме того, в прибрежной зоне памятника прослежены слои и строительные остатки времени, предшествовавшему греческой колонизации.

Ключевые слова: Городище и поселение Ильичевка, хозяйственный комплекс, ямы римского времени, ямы бронзового века, винодельня, погребения, зольно-мусорная свалка, догреческое население, монеты, амфоры, краснолаковая керамика, лепная керамика.

A. V. Bonin

Hillforts & Settlements of Ilichevka (Krasnoyarsk Province, Temriuksky Region)

Resumé. Over 2015–2016, at the grounds of the archaeological site named ‘Hillforts & Settlements of Ilichevka’ (State listing № 3337) the Department of Preservation of Archaeological Heritage of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences carried out rescue archaeology excavations over an area of approximately three hectares – connected with the installation of cable connections across the Straits of Kerch.

Sites studied included a multi-layered trade complex; several wineries; a waste and ash tip dating to the 2nd–4th centuries BC; a number of burials dating the period of the Great Migration of Peoples, and some Bronze Age pits. The shoreline area revealed a site with an identifiable cultural layer and building rubble of similar age – most probably dating to the period of Greek colonisation.

Keywords: Hillforts & Settlements of Ilichevka, trade complex, Bronze Age, pre-Grecian population, Roman era, the period of the Great Migration of Peoples, wineries, burials, waste and ash tip, coins, amphorae, black-lacquered ceramics, stucco moldings.

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД. СОФИЙСКАЯ СТОРОНА

П. Г. Гайдуков, О. М. Олейников

1

Археологическое изучение Новгорода ведется уже более 85 лет. Каждый сезон полевых работ в городе дает новые материалы, важные для изучения истории и культуры не только Великого Новгорода, но и средневековой Руси в целом (рис. 1).

В 2016 г. Новгородская археологическая экспедиция Института археологии РАН проводила масштабные раскопки на Софийской стороне города (рис. 2). Общая площадь раскопов в этой части Новгорода составила 1420 кв. м при мощности культурного слоя до 5 м.

Изучение культурных напластований дало богатый материал о времени первоначального освоения и заселения в изучаемых частях средневекового Новгорода, а также о топографии и планировке усадеб жителей и особенностях их материальной культуры в XI–XVIII вв. Вещевая коллекция раскопов насчитывает более 2 тыс. индивидуальных находок из черного и цветных металлов, кости, янтаря, стекла, камня и глины. Собрано около 180 тыс. массовых находок: фрагментов керамики, костей животных, птиц и рыб, обрезков кожи. В процессе работ производился отбор образцов для дендрохронологического анализа.

Козмодемьянский-3 раскоп был заложен в историческом центре, на территории Неревского конца Великого Новгорода (рис. 2, *1*).

Археологическое изучение этого участка города началось с 1951 г. В 110 м к востоку от Козмодемьянского-3 раскопа находится знаменитый Неревский раскоп (1951–1962 гг.), где исследованы значительные участки трех средневековых улиц – Великой, идущей от Новгородского кремля на север, а также Козмодемьянской и Холопьей, идущих от р. Волхов на запад. В 40 м западнее Неревского раскопа расположена церковь Саввы Освященного на Козмодемьянской улице (1418 г.), остатки которой изучены М. Д. Полубояриновой в 1960 г. Южнее, параллельно Козмодемьянской улице, проходит улица Розважа. Еще южнее находится Тихвинский раскоп (1969 г.), к западу от которого в 1959 г. при строительных работах были обнаружены остатки церкви Спаса Преображения на Розваже улице (1421 г.).

Общая площадь Козмодемьянского-3 раскопа составила более 1000 кв. м при мощности культурного слоя 3,5 м. На площади 174 кв. м культурный слой изучен до материка, на остальной – лишь до середины XIV в.

Раскоп назван по средневековой Козмодемьянской улице, изученной в северной части объекта (рис. 3). Остатки 19 настилов улицы, датирующиеся XII–XV вв., пронизывали всю толщу культурного слоя. Работы на этом объекте дали дополнительную информацию по исторической топографии Неревского конца.

Начало освоения данного участка Великого Новгорода следует отнести к концу X в. В это

время изучаемая территория впервые была поделена плетневыми оградами на отдельные участки. На поверхности материка сохранились следы от лопат и распашки сохой. Прослежена грунтовая дорога – предшественник Козмодемьянской улицы (рис. 3, *1*). В XI в. дорога была сдвинута на 8 м к северу, по ее краям поставлен частокол, а примыкающая с юга территория поделена частокольными оградами на два усадебных участка (рис. 3, *2*). Об интенсивной жизни на этих усадьбах в XI в. свидетельствуют многочисленные находки, наиболее яркими из которых являются монеты. В их числе три серебряных дирхема конца IX – X в., шесть германских и английских денариев XI в. и подражания им. Одной из важнейших находок является половинка номисмы стамены византийского императора Романа III (1028–1034), обнаруженная в слое первой половины XI в. (рис. 4). За все годы археологического изучения Новгорода золотая византийская монета обнаружена впервые.

К концу XI в. относится новый этап застройки исследуемой территории. Дорога переносится на 2 м к северу, и осуществляется ее первое замощение деревянными плахами, уложенными

1 – раскоп Козмодемьянский-3; 2 – раскоп на Троицкой улице, 16;
3 – раскоп на Воздвиженской улице, 9

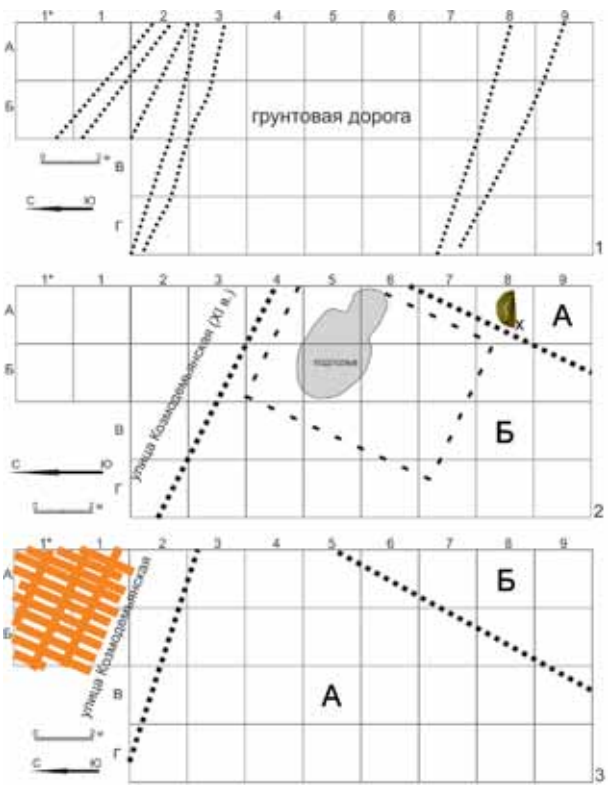
2

на три лаги. При этом усадебный частокол был поставлен в 2 м от края настила, благодаря чему образовалась широкая обочина (рис. 3, *3*). В XII в. хозяйственные и жилые постройки на усадьбах примыкали к оградам, образуя внутренний двор со следами мощения.

В начале XIII в. прослежено запустение изучаемого участка, связанное, вероятно, с мором 1216 г. Усадебная застройка исчезла. Лишь во второй половине XIII в. по трассе улицы был проложен новый деревянный настил из плах длиной 4–5 м, а на примыкающей территории вновь возникло усадебное деление, начали возводиться сооружения. Хорошо сохранилась усадебная планировка одного из ярусов застройки XIV в. Вход на усадьбу был выгорожен частоколом.

В слоях XIV в. прослежены следы различных ремесел. Хорошо представлено бронзолитейное производство. В это время здесь изготавливали украшения (перстни, накладки), нательные кресты и пр.

Судя по значительной концентрации статусных находок (берестяные грамоты, монеты,



3

Рис. 1. Раскоп «Козмодемьянский-3». Слои XIV в.
Рис. 2. Ситуационный план раскопов на Софийской стороне Великого Новгорода
Рис. 3. Планы-схемы периодов освоения исследуемой территории: 1 - кон. X – нач. XI в.; 2 – XI в.; 3 – нач. XII в.

4

вислые свинцовые печати), можно заключить, что на исследуемой территории проживали зажиточные люди, имевшие отношение к торговле и властным городским структурам. Собранные берестяные грамоты свидетельствуют о широком распространении грамотности среди различных слоев населения этой части средневекового Новгорода.

Одной из важнейших находок раскопа является берестяная грамота № 1072, представляющая, по сути, памятную долговую записку[1]. Это исключительно ценный документ для изучения древнерусской финансовой системы. Приводим текст грамоты: «Степановы полторы [гривны]. Илье полгривны. Тимошке полгривны. Полторы Олисею. Василю семница. Ушку семница. Всего 4 [гривны] золотников и две [гривны] серебра». Таким образом, в грамоте перечислены имена шести лиц и причитающиеся им крупные суммы денег. В конце документа подсчитана общая сумма в «гривнах золотников» и «гривнах серебра». Денежный термин «гривна золотников» в берестяных грамотах упоминается впервые.

5

В слоях XIV в. обнаружены фрагменты берестяной грамоты № 1077 – черновика завещания некого Афанаса, где перечисляются должники и долги его самого.

В число вислых свинцовых печатей входит княжеская булла XII в., печати новгородских архиепископов и их наместников XIV в., а также государственные печати Великого Новгорода XIV–XV вв. (рис. 5).

Раскоп на ул. Троицкая, дом 16 (Троицкий, 16) находился в центре Людина конца Великого Новгорода на месте строительства жилого дома (рис. 2, *2*). Средневековая топография этого участка города также изучена хорошо. В 80 м к северу от заложенного раскопа находится Троицкий раскоп, где с 1973 г. исследованы значительные участки трех средневековых улиц – Пробойной, идущей с юга к Новгородскому кремлю, а также Черницыной и Ярышевой, идущих от р. Волхов на запад. В 15 м севернее Троицкого, 16 раскопа располагалась церковь Воздвижения Креста Господня на Воздвиженской улице (1194 г.), следы которой прослежены Вл. В. Седовым.

Общая площадь раскопа «Троицкий, 16» составила 120 кв. м при толщине культурного слоя до 5 м. В 2016 г. исследованы слои второй половины XII–XX в. общей мощностью 3 м.

Работы на этом объекте дали дополнительную информацию об исторической топографии Людина конца.

В слоях второй половины XII в. на исследуемом участке прослежены части трех усадеб,

Рис. 4. Номисма стамена византийского императора Романа III (1028–1034)
Рис. 5. Вислые свинцовые печати
Рис. 6. Пласт второй половины XIV в.
Рис. 7–8. Берестяная грамота №1090
Рис. 9. Погребение XVII – начала XVIII в.

[1] Прочтение текста грамоты и лингвистический комментарий сделан академиком РАН А.А. Зализняком и чл.-корр. РАН А.А. Гиппиусом.

6

Раскоп на ул. Воздвиженская, дом 9 (Воздвиженский, 9) заложен в центре Людина конца Великого Новгорода на месте строительства жилого дома (рис. 2, *3*).

В 8 м к югу от заложенного раскопа находится раскоп «Власьевский-2», где в 2011 г. на площади 440 кв. м изучены части четырех усадеб XI–XV вв., примыкающих к Воздвиженской и Лукинской средневековым улицам (*Гайдуков, Олейников*, 2012. С. 20–21).

Общая площадь раскопа «Воздвиженский, 9» примыкающих к Пробойной и Воздвиженской улицам. Хозяйственные и жилые постройки примыкали к оградам, образуя внутренний двор со следами мощения. В слоях этого периода обнаружено множество предметов, характеризующих хозяйство и быт проживающих здесь новгородцев. На одной усадьбе, примыкающей к Пробойной улице, обнаружено несколько десятков малых вислых свинцовых печатей и заготовок для них, которые могли применяться для запечатывания письменных посланий.

В начале XIII в. прослежено запустение изучаемого участка, связанное, вероятно, с мором 1216 г. Усадебная застройка исчезла. Лишь во второй половине XIII в. на исследуемой территории Людина конца вновь возникло усадебное деление и начали возводиться сооружения. В раскоп вошли только внутренние части четырех выгороженных частоколом наделов. Выявлена плотная застройка жилыми и хозяйственными домами (рис. 6).

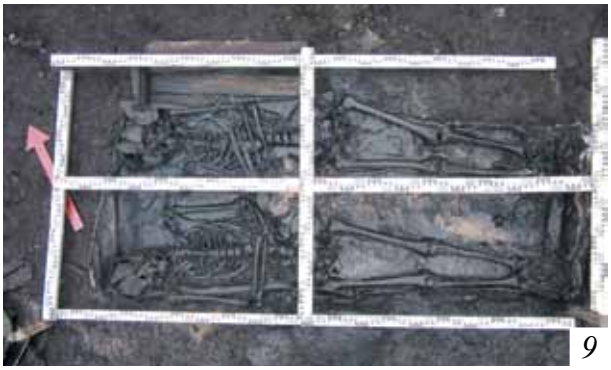
В слоях XIV в. обнаружены следы различных ремесел. Хорошо представлено бронзолитейное производство. В слое второй половины XIV в. обнаружена берестяная грамота № 1090 (рис. 7), которая является третьей новгородской грамотой, написанной чернилами (рис. 8).

Слои XV в. прорезаны могильными ямами кладбища, расположенного возле церкви Воздвижения Креста Господня на Воздвиженской улице. Погребенные лежали или в гробах, или были перекрыты слоями бересты (рис. 9).

В слоях XVIII–XIX вв. прослежены нижние венцы наземных построек, поставленных по красной линии улицы Троицкой.

7

8



9

10

11

составила 300 кв. м при толщине культурного слоя до 3 м. В 2016 г. исследованы слои второй половины XII–XX в. общей мощностью 2 м (рис. 11). Результат раскопок – дополнительная информация об исторической топографии Людина конца.

В слоях второй половины XII в. обнаружены части трех усадеб, примыкающих к Воздвиженской улице, мостовая которой вошла в раскоп. Ранее считалось, что средневековая Воздвиженская улица проходит по трассе современной одноименной улицы. Прослеженные хозяйственные и жилые постройки на усадьбах примыкали к оградам, образуя внутренний двор со следами мощения. В слоях этого периода обнаружено множество предметов, характеризующих хозяйство и быт проживающих здесь горожан. В огородном слое, который перемешал слои конца XII в., обнаружена серебряная орнаментированная подвеска, покрытая золотом с помощью амальгамы (рис. 12).

В начале XIII в. прослежено запустение изучаемого участка, связанное, вероятно, с мором 1216 г. Усадебная застройка исчезла. Лишь в конце XIII в. на исследуемой территории Людина конца по старой трассе Воздвиженской улицы был проложен новый деревянный настил из плах длиной 4 м, а на примыкающей территории вновь возникло усадебное деление и начали возводиться сооружения. Прослежена плотная застройка жилыми и хозяйственными домами (рис. 10). В раскоп вошел переулок, отходящий от Воздвиженской улицы на север и доходящий, возможно, до Редятиной улицы. Обнаружено два яруса мощения этого переулка.

Найдено множество предметов, характеризующих хозяйство и быт проживающих здесь новгородцев. В слое конца XIII в. обнаружили нательную иконку из белого металла с изображением Никиты, побивающего беса (рис. 13).

О торговых связях новгородцев говорят обнаруженные западноевропейские товарные свинцовые пломбы, которыми запечатывали куски материи, и дубовые бочки, на крышках которых вырезаны знаки собственности «Hausmarke» и «Hofmarke» (рис. 14). Подобные знаки были широко распространены в средневековой Западной Европе, особенно в Германии. Их активно

12

13

использовали ремесленники и купцы, заинтересованные в маркировании своих товаров. В подобных бочках в Новгород могли привозить селедку, вино, медный лом или какой-то другой товар. Купеческие знаки, принадлежащие конкретным фамилиям, появились в Любеке в конце XIII в. К импортным вещам XIII в. следует отнести и фрагменты византийских стеклянных браслетов.

14

На территории усадебного комплекса, вошедшего в раскоп, обнаружен полный комплекс бронзолитейного производства XIV в.: тигли, металлические выплески, литейный брак, литейные формы. Кожевенное производство характеризуют фрагменты выделанной кожи, детали кожаной обуви.

В слоях XIV–XV вв. обнаружено пять вислых свинцовых печатей, относящихся к большому сфрагистическому разряду анонимных булл новгородских владычных наместников и государственным печатям Великого Новгорода.

Слои XV–XVIII вв. сохранились плохо, они сильно повреждены и перемешаны. Несмотря на это, в них собрана интересная вещевая коллекция: монеты, нательные кресты, украшения, предметы быта, керамика.

ЛИТЕРАТУРА

Гайдуков П.Г., Олейников О.М., 2012. Археологические исследования на Софийской стороне Великого Новгорода // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 26. / Отв. редактор В.Л. Янин. Великий Новгород: ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг». С. 16–21.

Резюме. В 2016 г. Новгородская археологическая экспедиция Института археологии РАН проводила исследования на Софийской стороне города. Общая площадь трех раскопов (Козмодемьянский-3; Троицкий, 16; Воздвиженский, 9) в этой части города составила 1420 кв. м при мощности культурного слоя до 5 м. Изучение культурных напластований раскопов дало богатый материал о времени первоначального освоения и заселения в изучаемых частях средневекового Новгорода, а также по топографии и планировке усадеб жителей и особенностям их материальной культуры в XI–XVIII вв. Вещевая коллекция раскопа насчитывает более 2000 индивидуальных находок из черного и цветных металлов, кости, янтаря, стекла, камня и глины. Собрано около 180 тыс. массовых находок: фрагментов керамики, костей животных, птиц и рыб, обрезков кожи.

Ключевые слова: Новгород, Софийская сторона, улица Козмодемьянская, улица Воздвиженская, раскопы: Козмодемьянский-3; Троицкий, 16; Воздвиженский, 9, культурный слой, историческая топография, материальная культура.

P. G. Gaidukov, O. M. Oleinikov

Veliky Novgorod. The St Sophia's Cathedral Side

Resumé. Studies were undertaken in 2016 by the Novgorod team of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences on the St Sophia's Cathedral Side of the city. The overall area of the three digs (Kozmodemyansky-3, Troitsky 16, Vozdvizhensky 9) in this part of Novgorod totalled 1420 square metres, with a cultural layer depth of up to 5 metres. Study of these cultural layers yielded a great deal of materials from the period of the first establishment and population of these areas of Medieval Novgorod, as well as the topography and layout of the mansions owned by Novgorod's citizenry during the periods of the 11th to 18th centuries. The artefacts recovered during the excavations number over two thousand individual items, including those of ferrous and non-ferrous metals, bone, amber, glass, stone, and clay. Over 180,000 mass finds were made, including ceramic fragments, bones of animals, birds and fish, and sections of leather.

Keywords: Novgorod, St Sophia Side, Kozmodemyanskaya Street, Vozdvizhenskaya Street, excavations, Kozmodemyansky-3, Troitsky 16, Vozdvizhenskaya 9, cultural layer, historic topography, material culture.

Рис. 10. Слой XIV в. Мостовая Воздвиженской улицы и отходящий от неё переулок
Рис. 11. Разрез культурного слоя
Рис. 12. Подвеска серебряная позолоченная
Рис. 13. Нательная иконка из белого металла
Рис. 14. Крышка дубовой бочки со знаком Hausmarke

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД. ТОРГОВАЯ СТОРОНА

П. Г. Гайдуков, О. М. Олейников

1

В 2016 г. Новгородская археологическая экспедиция Института археологии РАН провела раскопки на Торговой стороне города (рис. 1). Общая площадь раскопов в этой части Новгорода составила 514 кв. м при мощности культурного слоя до 4,5 м.

Изучение культурных напластований раскопов дало богатый материал о времени первоначального освоения и заселения в изучаемых частях средневекового Новгорода, а также о топографии и планировке усадеб жителей, своеобразии их материальной культуры в XI–XVIII вв. Вещевая коллекция раскопа насчитывает более 3,5 тыс. индивидуальных находок из черного и цветных металлов, кости, янтаря, стекла, камня и глины. Собрано около 135 тыс. массовых находок: фрагментов керамики, костей животных, птиц и рыб, обрезков кожи. В процессе работ производился отбор образцов для дендрохронологического анализа.

Раскоп в Никитином пер., дом 7 (Никитин, 7) был заложен в центре Плотницкого конца Великого Новгорода на месте строительства жилого дома (рис. 2, *1*).

О средневековой топографии этого участка известно немало. В 90 м к северо-северо-востоку от исследуемого места находится Андреевский-3 раскоп (2015 г.), где на площади 200 кв. м выявлены участки четырех усадеб XII–XV вв., примыкающих к Большой Московской дороге и Маницыной улице.

Общая площадь раскопа «Никитин, 7» составила 450 кв. м. Мощность культурных отложений, датируемых XI–XX вв., не превышала 3 м (рис. 3). Работы на этом объекте дали дополнительную информацию по исторической топографии Плотницкого конца.

Начало освоения исследуемой территории связано с добычей глины для изготовления керамических сосудов. В южной части раскопа

в материке прослежено множество ям, возникших в результате этих выработок (рис. 4). Предварительная датировка периода – первая половина XI в.

Во второй половине XI в. произошло деление изучаемого района Новгорода на усадьбы, которые были выгорожены частоколами. Прослежено четыре надела, примыкающих к Никитиной и Маницыной улицам. Никитина улица проходила в этот период в 20 м к югу от раскопа, имела направление с запада на восток. Но освоение исследуемой части Плотницкого конца в этот период началось с сооружения колодца. В северо-западной части раскопа прослежена яма округлой формы диаметром 2 м, углубленная в материковую глину на 3,5 м. Попытка поиска водоносного слоя не увенчалась успехом, и вырытая яма была в то же время засыпана вынутой глиной.

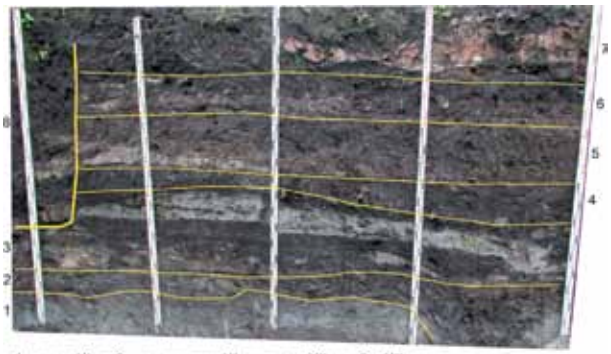
На усадьбах этого периода, примыкающих к Никитиной улице, находились мастерские по изготовлению деревянной посуды. Обнаружены отходы этого производства, в том числе более тысячи бобышек – остатков центровых цилиндров, на которые на токарном станке закреплялись сосуды на заключительном этапе их изготовления (рис. 5), и несколько деревянных баклуш, приготовленных для вырезания из них ложек и ковшей. Все ямы, вырытые для добычи глины в предыдущий период, заполнены этими отходами. В слоях второй половины XI в. обнаружены целые и бракованные деревянные миски, ложки, ковши, ручки ковшей (рис. 6). Здесь же найдена вислая свинцовая печать Святополка Изяславича (1078–1788 гг.) (рис. 7).

В слоях второй половины XII в. на исследуемом участке выявлены части четырех усадеб, примыкающих к Никитиной и Маницыной улицам. Границы этих наделов изменились по сравнению с первоначальным межеванием. Прослеженные хозяйственные и жилые постройки на усадьбах примыкали к оградам. В слоях этого периода обнаружено множество хозяйственных и бытовых предметов. Среди них особо следует отметить одностороннюю нательную иконку белого металла с рельефным изображением архангела Михаила (рис. 8).

Сфрагистические находки представлены 33 экземплярами малых вислых свинцовых

2

1 – раскоп на Никитином пер. дом 7 (Никитин, 7); 2 – раскоп Посольский-2016



3

1 – слои XI в.; 2 – слои конца XI – начала XII вв.; 3 – XII в.;
4 – слой «запустения» XIII в.; 5 – слои XIV в.; 6 – слои XV в.;
7 – слои XVI-XVIII вв.; 8 – водоотводная траншея XIX в.

4

Рис. 1. Великий Новгород. Раскоп «Никитин, 7». Слои XII в.
Рис. 2. Ситуационный план раскопов в Великом Новгороде
Рис. 3. Разрез культурного слоя на месте раскопа «Никитин, 7»
Рис. 4. Ямы в местах добычи глины в первой половине XI в.

5

6

7

8

9

печатей (пломбами) и тремя княжескими вислыми печатями, две из которых оттиснуты одной парой матриц (Святослав Ростиславич (1158–1160, 1161–1167 гг.) (рис. 9).

В начале XIII в. прослежено запустение изучаемого участка, скорее всего, связанное с мором 1216 г. Усадебная застройка исчезла. Лишь в конце XIII в. на исследуемой территории Плотницкого конца вновь возникло усадебное деление. Прослежена плотная застройка жилыми и хозяйственными строениями. В раскоп вошли внутренние части трех наделов, где найдено множество предметов, отражающих все стороны жизни новгородцев. О торговых связях жителей Новгорода говорят обнаруженные западноевропейские товарные свинцовые пломбы. Эти находки относятся к изделиям, сопровождавшим поступление в Новгород партии шерстяных тканей высокого качества из различных стран Западной Европы: Фландрии, Германии, Франции, Англии. Подобными пломбами в знак подтверждения доброкачественности опечатывались как отдельные куски тканей, так и их рулоны, обшитые сверху матерчатыми чехлами (поставы).

На территории усадебного комплекса, вошедшего в раскоп, обнаружен полный комплекс бронзолитейного производства XIV в.: тигли, металлические выплески, литейный брак, литейные формы. Кожевенное производство характеризуют фрагменты выделанной кожи, детали кожаной обуви.

В слоях XIV–XV вв. найдено 10 вислых свинцовых печатей, среди которых буллы новгородских архиепископов и их наместников, государственные печати Великого Новгорода, печати представителей городской администрации. Все находки булл связаны с жилыми комплексами. Поскольку право привешивать печати к документу принадлежало в Новгороде высшим сановникам республиканской администрации, то официальный акт, снабженный печатью, был привычной принадлежностью боярского и богатого купеческого дома. Этот факт позволяет уверенно говорить о высоком статусе жителей исследуемых усадеб.

Слои XV–XVIII вв. сохранились плохо, они сильно повреждены и перемешаны. Несмотря на это, в них собрана интересная вещевая коллекция: монеты, нательные кресты, украшения, предметы быта, керамика.

Раскоп «Посольский-2016» был заложен в южной части Славенского конца Великого Новгорода на месте строительства жилого дома (рис. 2, *2*).

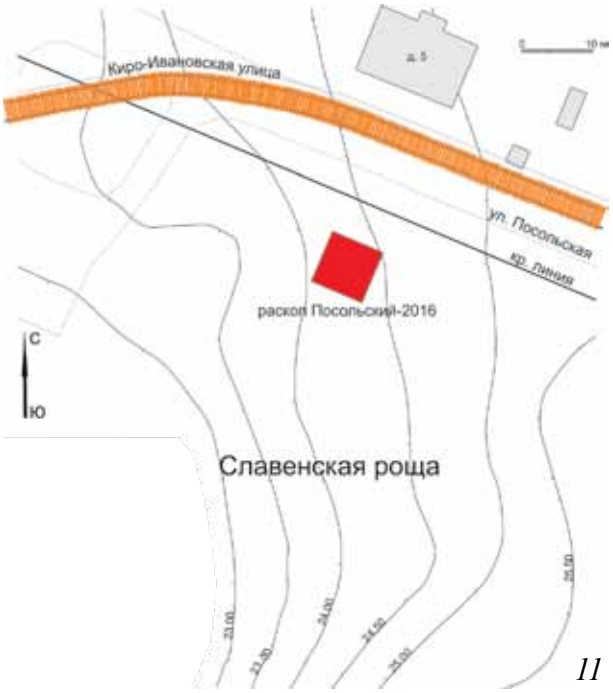
Средневековая топография этого участка города изучена слабо. В 65 м к западу от исследуемого места находится Посольский-2006 раскоп площадью 60 кв. м, где мощность культурных напластований составила 4,5 м. Этот раскоп попал на средневековую Киро-Ивановскую улицу (*Петров*, 2007). В 2016 г. М. А. Степанов в месте ремонта газопровода на ул. Посольской проследил продолжение мостовой этой улицы. В результате удалось уточнить прохождение Киро-Ивановской улицы в этой части Новгорода (рис. 11).

10

Общая площадь Посольского-2016 раскопа составила 64 кв. м. В 2016 г. исследованы слои второй половины XII – XX в. общей мощностью 3 м (рис. 12). Работы на этом объекте дали дополнительную информацию по исторической топографии Славенского конца.

В слоях второй половины XII в. изучены части двух усадеб, примыкающих к Киро-Ивановской и Кончанской улицам. Здесь обнаружено множество предметов, характеризующих хозяйство и быт проживающего здесь населения.

Вероятно, мор 1216 г. привел в запустение изучаемый участок. В начале XIII в. исчезла усадебная застройка. Лишь в середине XIII в. на исследуемой территории Славенского конца вновь возникло усадебное деление, начали возводиться сооружения. В раскоп вошли только внутренние части двух выгороженных частоколом наделов. Прослежена плотная застройка жилыми и хозяйственными домами. Возле одного большого жилого дома (рис. 10) найдено ожерелье из стеклянных бусин, семи монетовидных подвесок с изображением процветшего креста в круге и двух крестовидных подвесок из олова (рис. 15). Рядом обнаружены фрагменты берестяной грамоты № 1089 (рис. 13).



11

12

1 – слои конца XII в.; 2 – слои XIII в.; 3 – слои XIV в.; 4 – слои XV в.; 5 – слои XVI-XIX вв.; 6 – слои XX в.

Рис. 5–9. Находки
Рис. 10. Жилая постройка середины XIII в.
Рис. 11. Ситуационный план раскопа «Посольский-2016»
Рис. 12. Разрез культурного слоя на месте раскопа «Посольский-2016»

13

В слоях XIII–XIV вв. зафиксированы следы различных ремесел. Хорошо представлено бронзолитейное производство, но основным занятием жителей этого участка Славенского конца было производство заклепок из листовой меди, вырезанной из лома медных сосудов. Обнаружены как сами заклепки, так и несколько сотен заготовок для них – медных пластин. Среди медного лома обнаружен фрагмент металлического зеркала восточного типа (рис. 14).

В слое начала XIV в. обнаружена свинцовая печать новгородского архиепископа Давида (1309–1325 гг.) (рис. 16).

В слоях XVIII–XIX вв. зафиксированы нижние венцы наземных построек с подпольными и хозяйственными ямами этого периода.

14

15

16

Рис. 13. Берестяная грамота № 1089 середины XIII в.
Рис. 14. Зеркало восточного типа из желтого металла
Рис. 15. Ожерелье из стеклянных бусин и оловянных подвесок (середина XIII в.)
Рис. 16. Печать вислая свинцовая архиепископа новгородского Давида (1309–1325 гг.)

ЛИТЕРАТУРА

Петров М.И. Славенский конец средневекового Новгорода: раскоп Посольский-2006. Развитие застройки участка // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 21 / Отв. редактор В.Л. Янин. Великий Новгород: ООО «Типография «Виконт». 2007. С. 24–39.

Резюме. В 2016 г. Новгородская археологическая экспедиция Института археологии РАН проводила исследования на Торговой стороне города. Общая площадь двух раскопов (Никитин, 7; Посольский-2016) в этой части города составила 514 кв. м при мощности культурного слоя до 4,5 м. Изучение культурных напластований раскопов дало богатый материал о времени первоначального освоения и заселения в изучаемых частях средневекового Новгорода, а также о топографии и планировке усадеб жителей и особенностях их материальной культуры в XI–XVIII вв. Вещевая коллекция раскопа насчитывает более 2500 индивидуальных находок из черного и цветных металлов, кости, янтаря, стекла, камня и глины. Собрано около 135 тыс. массовых находок: фрагментов керамики, костей животных, птиц и рыб, обрезков кожи.

Ключевые слова: Новгород, Торговая сторона, Никитин переулок, раскопы: Никитин, 7; Посольский-2016, культурный слой, историческая топография, материальная культура.

P. G. Gaidukov, O. M. Oleinikov

Veliky Novgorod. The Trading Side

Resumé. Studies were undertaken in 2016 by the Novgorod team of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences of the Trading Side of the city. The overall area of the two digs (at Nikitin 7, and Posolsky-2016) in this part of the city totalled 514 square metres, with a cultural layer depth of 4.5 metres. Study of these cultural layers yielded a rich variety of material from the period of the first establishment and settling of the city of Medieval Novgorod, as well as the topography and layout of the mansions of the town's citizenry, and details of the material culture of its citizens over the period of the 11th to 18th centuries. The collection of artefacts found totalled more than 3500 individual pieces, including items of ferrous and non-ferrous metals, bone, amber, glass, and clay. A total of around 135 thousand mass items was retrieved, including ceramic fragments, and bones of animals, birds and fish, and sections of leather.

Keywords: Novgorod, Trading Side, Nikitin pereulok, excavations, Nikitin 7. Posolsky 2016, cultural layer, historic topography, material culture.

КУРГАН В ВЕРХОВЬЯХ КИРПИЛЕЙ
(КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ, УСТЬ-ЛАБИНСКИЙ РАЙОН)

А. Н. Гей, А. А. Клещенко, Д. А. Юнкин

1

2

3

В августе – октябре 2016 г. Усть-Лабинский отряд Южной новостроечной экспедиции Института археологии РАН по договору с фондом «Вольное дело» Олега Дерипаски провел раскопки у станицы Кирпильской Усть-Лабинского р-на Краснодарского края. Одной из задач являлось уточнение данных о степных курганных памятниках на Правобережье Кубани, поскольку основные работы такого рода в границах района производились еще в конце XIX – начале XX в. Н. И. Веселовским, другой – пополнение фондов Усть-Лабинского муниципального историко-краеведческого музея. Для исследования был выбран курган (№ 4) в составе

Межкирпильского I могильника, зафиксированного еще в 1980 г. при сплошном археологическом обследовании территории района одним из разведочных отрядов Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР.

Курган № 4 (рис. 1), содержавший 29 захоронений, входил в цепочку из 10 насыпей, вытянутую в широтном направлении или вдоль Кирпилей по левому их берегу, и являлся самым крупным в группе (диаметр 55–60 м, высота 1,8–2,5 м). Насыпь состояла из чернозема и, вероятно, в основных объемах была сооружена за один прием над основным погребением. На возможность небольших локальных боковых досыпок может указывать наличие выкида в толще насыпи у одного из периферийных погребений, однако в профилях она не прослеживалась.

4

Древнейшее и основное захоронение (№ 21) относится к так называемому кочетовскому варианту новотиторовской культуры или к заключительной поре – рубежу раннего и среднего периодов бронзового века. Оно представляло собой неординарную и в высшей степени интересную конструкцию. Могильная яма, выкопанная с уровня древнего горизонта, имела мощное деревянное поперечное перекрытие, застеленное сверху на площади 7×4 м крупновязаными циновками и коврами (?) из толстых, предположительно шерстяных нитей (рис. 2). С южной стороны эта площадка была ограничена вертикальной земляной стенкой, сложенной из чередующихся слоев чернозема и желтой материковой глины. На площадке с западной и восточной сторон от могильной ямы были установлены две деревянные четырехколесные повозки. Дисковые колеса в обоих случаях были сняты с осей и уложены попарно плашмя рядом с торцевыми сторонами кузовов (рис. 3). С северной стороны на краю ямы была установлена некая объемная деревянная конструкция, застеленная плотным слоем желтовато-белесого тлена, более всего напоминающая кресло. В могильной яме находилось парное захоронение взрослых индивидов, уложенных в вытянутом положении

5

Рис. 1. Курган 4 в процессе раскопок
Рис. 2. Остатки ковра на перекрытии основного погребения № 21
Рис. 3. Одна из повозок, сопровождавших основное погребение № 21
Рис. 4. Основное погребение 21 – дно могильной ямы
Рис. 5. Катакомбное погребение 4

6

на спине и ориентированных головами в противоположные стороны: запад и восток (рис. 4).

Около левой ноги одного из них находился миниатюрный кремневый наконечник стрелы. Масштабность всего комплекса и необычность состава сопровождающего инвентаря, вне всякого сомнения, указывают на особый культовый или социальный статус захороненных.

Помимо этого курган содержал целую «свиту» стратифицированных относительно друг друга погребений новотиторовской культуры (№ 3, 11, 15, 19, 20, 25 и 29), на основании которой устанавливается последовательность смены различных обрядовых групп и факт совместного проживания на одной территории при тесных взаимных контактах населения новотиторовской и северокавказской культур.

7

Достоверных погребений среднего этапа бронзового века или катакомбной культурной общности немного. Катакомба № 4, впущенная в западную полу, может быть отнесена к числу относительно ранних или к приазовской культуре (рис. 5). Катакомбы № 10 и 26 сооружены позднее и имеют черты как местной батуринской, так и занимавших соседние территории западноманычской и восточноманычской катакомбных культур. Отметим реповидный сосуд из погребения 10 с необычным орнаментом из прочерченных прямоугольников.

В позднем бронзовом веке и в начальную пору железного века курган не привлекал внимания обитателей степей. Лишь в середине I тыс. до н. э. он снова стал использоваться, но не как кладбище, а для обрядовых действий. Об этом говорят многочисленные находки разрозненных и раздробленных лошадиных костей в районе вероятного околокурганного ровика-западины (контуры его в мощных кубанских черноземах не читались), главным образом с восточной и западной сторон насыпи. Здесь же у западной полы найдены лежавшие

8

по отдельности железный втульчатый трехгранный наконечник стрелы и железные удила с трехпетельчатыми псалиями скифского типа.

Сарматская серия (рис. 6) насчитывает семь могил (№ 2, 5, 8, 9, 14, 22 и 28), впущенных

9

Рис. 6. Сарматские погребения (№ 9 и 14)
Рис. 7. Вещи из сарматских погребений
Рис. 8. Бронзовое сарматское зеркало
Рис. 9. Сарматское погребение 28

10

в центральную часть насыпи, не затронувших друг друга. Все они принадлежат взрослым людям: в четырех случаях отмечена западная ориентировка, в трех – южная. Во всех могилах имеются остатки деревянных конструкций, решетчатых гробов или лож (?). Погребальный инвентарь разнообразен (рис. 7, 8) и включает обычно несколько кружальных сосудов (кувшин, кружка, миска), личные украшения, туалетные принадлежности и детали костюма (бусы, серьги, зеркала, бляшки, фибула), орудия и оружие (ножи, наборы наконечников стрел, колчанные крюки). Особого внимания заслуживают такие происходящие из разных могил предметы вооружения, как крупный втульчатый наконечник копья и необычно широкий и тяжелый железный меч. Крайне интересна и редкая находка целого бронзового римского шлема типа Монтефортино (рис. 7) – третья в Прикубанье. Она может служить подтверждением высказанного ранее предположения о передаче Митридатом вооружения его союзникам – сарматам (*Симоненко*, 2009). Предварительная датировка всего сарматского кладбища – III–I вв. до н. э.

Не совсем обычно сарматское захоронение 28. Погребальное сооружение в виде катакомбы-«чулка» состояло из входной ямы и камеры, ориентированных одинаково и расположенных на одной оси на глубине не менее 3 м (рис. 9). Умерший взрослый помещался в камере на деревянном помосте или даже в гробу (?) ногами ко входу, головой на юго-юго-запад. При небогатом наборе сопровождавших его предметов (кости животных, крупный оранжевоглиняный кувшин, железный колчанный крюк) обращают на себя внимание остатки некоего изделия из органического материала, украшенного сложным узором из наклеенных тончайших медных бляшек, полосок кожи или бересты (рис. 10). Судя по расположению поверх левой ноги погребенного, речь может идти о колчане или горите.

Позднейшая хронологическая группа насчитывает семь погребений. Пять из них принадлежат взрослым людям. Костяки уложены в вытянутом положении на спине, ориентированы головами на запад, имеют признаки тугого пеленания и не сопровождаются инвентарем. По этим показателям и сохранности они близки к так называемым ногайским кладбищам XVI–XVIII вв., однако в отличие от них погребения не имеют такой характерной особенности мусульманского обряда, как разворот

Рис. 10. Колчан или горит из сарматского погребения 28

черепа к югу, лицом на Мекку. Эти захоронения группируются у северной, а не южной полы насыпи, как это практиковалось у ногайцев. Вероятно, здесь мы столкнулись с какой-то особой, не выделявшейся до сих пор группой местного населения финала Средневековья – начала Нового времени, не воспринявшей все нормы мусульманского обряда.

ЛИТЕРАТУРА

Симоненко А.В., 2009. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ.

Резюме. В 2016 г. Усть-Лабинский отряд Южной новостроечной экспедиции ИА РАН провел раскопки степного кургана у станицы Кирпильской на Правобережье р. Кубань. Курган содержал 29 захоронений различных периодов бронзового и железного веков, позднего Средневековья. Наибольший интерес представляет древнейшее захоронение № 21, относящееся к новотиторовской культуре или к началу III тысячелетия до н. э. Погребальное сооружение в виде обширной ямы, перекрытой деревом, циновками и коврами на площади около 7×4 м, содержало останки двух взрослых индивидов, уложенных вытянуто головами в противоположные стороны. На настиле у краев ямы были установлены две деревянные повозки с дисковыми колесами и необычный предмет наподобие деревянного кресла, обтянутого кожей (?). Масштабность всего комплекса и необычность состава сопровождающего инвентаря указывают на особый культовый или социальный статус захороненных тут людей.

Ключевые слова: Краснодарский край, Усть-Лабинский район, археологические раскопки, курган, бронзовый век, новотиторовская культура, катакомбная культура, сарматы.

A. N. Gey, A. A. Kleschenko, D. A. Yunkin

The Earthworks Barrow (Mound) at Upper Kirpili (Krasnodar Province, Ust-Labinsky Region)

Resumé. The Ust-Labinsky Section of the Southern New-Building Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences carried out excavations of a steppe earth mound in 2016, at Upper Kirpili The earth mound contained 29 burials from differing periods in the Bronze and Iron Ages, along with the late Middle Ages. The most interesting results are from Burial № 21 which belongs to the Novotitorovskaya culture of the early 3rd century BC. The funerary structure is in the form of a deep pit, closed over with timber, mats and rugs covering an area of 7×4 metres – in which the remains of two adult individuals were laid out in an extended position, yet placed with their heads in opposite directions. At the side walls of the pit stood two wooden carts, with disk-type wheels, and an unusual item similar to a wooden chair, covered in leather (?). The scale of the entire burial, and the unusual nature of the items it contained seems to point to either a religious connection, or some exceptionally high social status of those buried at the site.

Keywords: Krasnodar Province, Ust-Labiinsky Region, archaeological excavations, earth mound, barrow, Bronze Age, Novotitorovskaya culture, catacomb culture, Sarmatians.

КУРГАНЫ В ЗОНЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ПОДЪЕЗДНЫХ ПУТЕЙ К КЕРЧЕНСКОМУ МОСТУ

(КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ, ТЕМРЮКСКИЙ РАЙОН)

А. Н. Гей, А. А. Клещенко, Д. А. Юнкин

1

В апреле – июне 2016 г. Вышестеблиевский отряд Южной новостроечной экспедиции Института археологии РАН провел раскопки двух курганов группы Вышестеблиевская XXI в 4,1 км к юго-востоку от пос. Приморский на Таманском полуострове, попадающих в зону строительства подъездной автодороги к Керченскому мосту.

Один из них (числящийся в учетной документации под № 2) относится к категории больших (рис. 1 и 2), с диаметром до 75 м и современной высотой до 6,5 м. Как и большинство крупных курганов Тамани, он не остался без внимания грабителей и археологов XIX в. В 1880 г. раскопки на нем проводил известный русский археолог-искусствовед Н. П. Кондаков. Сведения о них ограничиваются упоминанием об открытии «центральной земляной могилы и большой каменной гробницы в южной поле», которые «оказались разоренными еще в древности» (ОАК. 1880. Стр. X).

2

Действительно, насыпь кургана изобиловала различными нарушениями. Среди наиболее масштабных уверенно определялись восточный и южный раскопы-траншеи Н. П. Кондакова и сопоставимый с ними по размерам, неизвестно кому принадлежащий северный раскоп-котлован. В результате курган оказался перекопан на 60% площади до уровня древнего горизонта, а местами и глубже.

Несмотря на это, в ходе исследования остатков насыпи и подкурганного пространства удалось открыть 12 новых древних погребений, большинство из которых относится к различным периодам бронзового века, и установить конструктивные особенности самой насыпи, оказавшейся сложным и необычным сооружением. Первичная насыпь, имевшая в поперечнике от 22 до 26 м при высоте до 2,5 м, была возведена над основным погребением (№ 5) эпохи ранней бронзы. Небольшая яма, на дне которой найдены ком охры и сферосидерит, выкопана в центре обширной площадки, застеленной растительными материалами. Яма была перекрыта каменными плитами (рис. 3), одна из которых представляла собой подобие антропоморфной стелы с выбитыми чашечными углублениями на лицевой и оборотной сторонах (рис. 4), а также толстым слоем камки. Особый культовый характер этого комплекса с учетом достаточно больших размеров связанной с ним насыпи очевиден, однако трудно решить, имеем ли мы дело с кенотафом или с плохо сохранившимся захоронением младенца.

В первичную насыпь были впущены по крайней мере одно захоронение ранней бронзы (№ 12) с останками двух детей младшего возраста и сосудиком, обычным для позднего периода ямной культуры, и две катакомбные могилы эпохи средней бронзы (№ 2 и 9).

Следующий этап строительства связан с возведением огромной крутой насыпи, сложенной из разноцветных грунтовых блоков – вальков, благодаря которой высота кургана достигла уровня не менее современного. Различные участки ее выкладывались из вальков разной фактуры и окраски, однако наиболее интересной особенностью является то, что с юго-восточной стороны оставалась незаполненной

3

4

ими площадка с облицованными чернозем-ом наклонными бортами, предназначенная для каких-то церемоний. На это указывают и неоднократное выстилание поверхности дна уже обвалованной площадки слоями камки, и расположение в центре глубокой могилы-кенотафа катакомбной конструкции (погр. № 3), отличавшейся необычными деталями (рис. 5). Дно камеры было выстелено тонким слоем ракушки, а заполнение входной шахты забутовано раковинами морского гребешка. Единственной находкой в камере стал установленный перед самым входом призматический каменный блок с обмазанной светлой глиной и расписанной геометрическим узором лицевой, т. е. обращенной ко входу, поверхностью. Роспись в виде вписанных одна в другую ромбических фигур и треугольников исполнена черной и красной красками (рис. 6) и имеет много общего с узорами кеми-обинских каменных ящиков Крыма. Очевидно, после устройства этого необычного комплекса выемка в теле второй насыпи была заполнена грунтом, а вся она перекрыта следующими досыпками, увеличившими курган до современных размеров. По ряду признаков сделано это было без какого-либо хронологического перерыва, до начала оплывания второй

Рис. 1. Большой курган (№ 2) в процессе раскопок
Рис. 2. Курган 2. Стратиграфия насыпей в центральной бровке
Рис. 3. Курган 2. Перекрытие основного погребения № 5
Рис. 4. Курган 2. Стела из перекрытия основного погребения № 5

5

6

насыпи. Необычность конструкций, находок и действий в данном случае свидетельствуют, что курган № 2 представлял собой не только погребальный памятник, но и выполнял или мог выполнять функции своеобразного святилища.

К следующему хронологическому периоду, эпохе поздней бронзы, относится серия погребений срубной культуры (№ 1, 6, 8, 11 и, вероятно, комплекс XXII). Все они были совершены в сильно скорченном положении, ориентированы головами на восток и сопровождались типичными керамическими наборами, включавшими либо два сосуда, близких по форме к баночным, либо сочетание такого сосуда и жаровни.

Интересные результаты получены и в ходе исследования расположенного восточнее кургана № 1. Несмотря на значительные размеры (высота – до 1,8 м, диаметр – около 45–50 м) и выраженность в рельефе, в четырех из пяти оставленных для изучения стратиграфии бровок не было отмечено признаков искусственной насыпи. Только на небольшом участке центральной бровки зафиксирована не имевшая четких границ прослойка суглинка, указывающая на наличие специальной досыпки с южной стороны естественного всхолмления. Тем не менее планировка подкурганного кладбища и его структура в целом соответствуют показателям обычных степных курганов: наиболее древние захоронения тяготеют к центральной части, более поздние выходят и на периферию, причем некоторые из них совершены по правилам обычного кольцевого кладбища. Очевидно, что естественное возвышение воспринималось как настоящий курган не только современными археологами, но и древним населением.

Всего в этом кургане выявлено девять захоронений различной степени сохранности. Наиболее древние относятся к эпохе ранней бронзы. Центральное (погр. 3) содержало останки взрослого индивида, уложенного в скорченном положении на левом боку с восточной ориентировкой, что часто встречается в древнейших курганах Таманского полуострова. В детских погребениях (№ 1 и 5) этого же времени найдены небольшие лепные плоскодонные сосудики, сферосидерит, кости мелкого рогатого скота. Впущенное в северо-восточный склон всхолмления погребение эпохи средней бронзы (№ 4) было совершено в катакомбе и содержало останки двух взрослых, один из которых был помещен в скорченном положении на правом боку, другой в расчлененном состоянии имел вид компактного «свертка-пакета». Погребение № 9 позднего бронзового века, идентичное по всем показателям серии срубных могил из большого кургана 2, сопровождалось баночным сосудом и жаровней из днища сосуда больших размеров.

Позднейшие комплексы кургана 1 датируются эпохой Средневековья. Предположительно к V–VI вв. н. э. относится интереснейшее погребение 7, совершенное в узком подбое и принадлежавшее взрослому человеку, уложенному в вытянутом положении на спине головой к западу. Помимо поясной фурнитуры (набор

Рис. 5. Курган 2. Катакомба-кенотаф № 3
Рис. 6. Курган 2. Камень с росписью из катакомбы-кенотафа № 3
Рис. 7. Курган 1, погребение № 7. Миска с изображением бегущего козла

бронзовых пряжек) в состав сопровождающего инвентаря входили необычное пряслице (?) из многоцветного стекла, кружальные кувшин и замечательная красноглиняная краснолаковая миска с оттиснутым на внутренней поверхности дна изображением бегущего козла (рис. 7).

7

Важнейшим результатом проведенных спасательных археологических раскопок является получение новых материалов для характеристики различных периодов крайне плохо изученного бронзового века Таманского полуострова. Открытые захоронения ямной, катакомбной и срубной культур по многим признакам отличаются от таких же комплексов с нижнего течения Кубани и из Восточного Приазовья, зато имеют целый ряд общих черт с синхронными материалами степного Крыма и южных областей Украины. Особенный интерес представляет и подкурганное святилище катакомбной культуры, к сожалению, сильно поврежденное раскопками Н. П. Кондакова в 1880 г.

ЛИТЕРАТУРА

ОАК 1880. Отчеты Императорской археологической комиссии за 1880 год.

Резюме. В 2016 г. Вышестеблиевский отряд Южной новостроечной экспедиции ИА РАН провел раскопки двух курганов группы Вышестеблиевская XXI на Таманском полуострове. В результате изучено 21 погребение, большинство из которых относится к бронзовому веку. Открытые захоронения ямной, катакомбной и срубной культур по многим признакам отличаются от таких же комплексов с нижнего течения Кубани и из Восточного Приазовья, зато имеют целый ряд общих черт с синхронными материалами степного Крыма и южных областей Украины. Особенный интерес представляет подкурганное святилище катакомбной культуры в кургане 2, к сожалению, сильно поврежденное раскопками Н. П. Кондакова в 1880 г. Центральное место в нем занимала могила – кенотаф, в камере которой был установлен каменный блок с полихромной росписью на одной из сторон.

Ключевые слова: Краснодарский край, Таманский полуостров, курган, ямная культура, катакомбная культура, срубная культура, Средневековье.

A. N. Gey, A. A. Kleschenko, D. A. Yunkin

Earthworks Barrows located in the construction zone of feeder roads for the new Kerch Bridge (Krasnodar Province, Termiuksky Region)

Resumé. The Vyshestebelevsky Section of the Southern New-Building Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences carried out excavations of two earthwork barrows in the Vyshestebelevsky XXI group, on the Taman Peninsula. The result of the excavations was a study of twenty-one burials, of which the majority stem from the Bronze Age. The findings from the funerary pits, catacombs and allied structures are substantially different from those at comparable sites along the lower reaches of the Kuban River and the Eastern Sea of Azov, despite having a large number of common features with contemporaneous sites on the Crimean steppe and southern regions of what is today modern Ukraine. Of particular interest is the catacomb structure to be found below Mound 2 – despite the unfortunate damage done to it by N. P. Kondakov's excavations of 1880. The central location of this structure had been a catacomb grave – a cenotaph, inside which a stone block with multicoloured paintings on one side was placed.

Keywords: Krasnodar Province, Taman Peninsula, earthwork, pit culture, catacomb culture, carcass culture, Middle Ages.

СЕЛИЩЕ КУБИНКА-1
(МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, ОДИНЦОВСКИЙ РАЙОН)

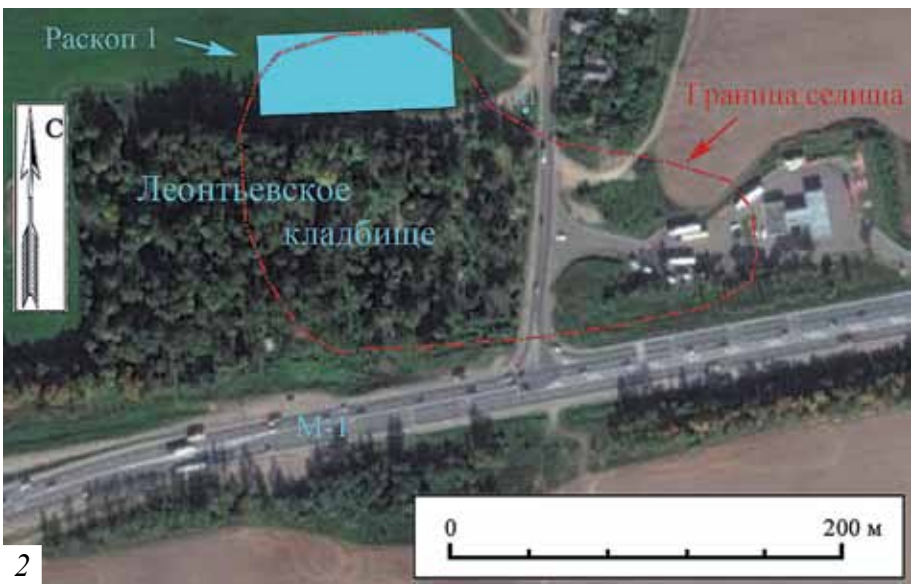
О. В. Двуреченский, Д. Б. Соловьев

1

В 2015–2016 гг. археологическим отрядом Института археологи РАН под руководством Двуреченского О. В. на селище Кубинка-1 проводились охранные археологические раскопки. Исследования велись на юго-восточной окраине п. Кубинка Московской обл., где ООО «Кольцевая магистраль» планирует строительство дорожной развязки и реконструкцию автомобильной дороги М-1 «Беларусь» (63–64-й км) (рис. 1, 2).

Селище Кубинка-1 выявлено в 2006 г. звенигородским археологом А. В. Алексеевым. Позднее, в 2009 г., в ходе разведок под его руководством научные сотрудники ООО «ЦАИ «Куликово поле» определили стратиграфию селища, оценили его хронологическую и культурную принадлежность, установили границы объекта археологического наследия (общая площадь – около 26 000 кв. м). Селище занимает участки северного и восточного склонов водораздельного холма левого берега р. Сетунь (правый приток р. Москва).

Южная часть селища разрушена в ходе строительства автотрассы М-1, юго-восточная – серьезно нарушена строительством заправочной станции. Центральная часть объекта археологического наследия попала на территорию старого Кубинского (Леонтьевского) кладбища, в результате чего значительная часть поселения была разрушена. При осмотре кладбища зафиксированы валунные надгробия и тонкие белокаменные



2

плиты с геометрическим орнаментом, характерные для XVI–XVII вв.

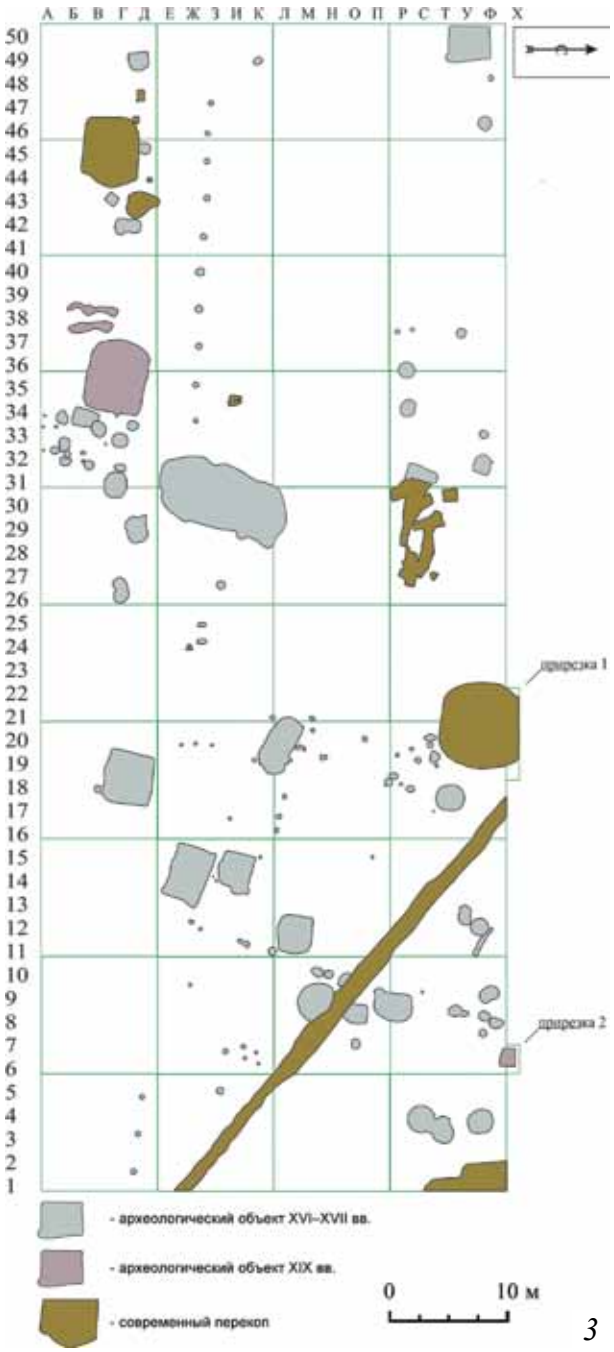
В ходе спасательных археологических раскопок была исследована северная оконечность селища Кубинка-1 общей площадью 4011 кв. м, которая имела хорошую сохранность, ее территория была свободна для исследования. Структура поверхностных культурных напластований разрушена современной распашкой. Пахотный горизонт сложен буро-серым суглинком с фрагментами угля, печины и керамических сосудов, его мощность – 0,25–0,4 м.

Относительно ровная территория раскопа имела уклон с юга на север, перепад высот – 1,4–2 м. В центре исследуемой площадки читалась неглубокая запаханная балка. Данный прогиб рельефа ориентирован с севера на юг вниз по склону водораздельного холма. В ходе работ изучены 115 ям, которые являлись заглубленными в материк остатками жилых и хозяйственных построек, столбовых конструкций; канавка и два объекта, напоминающие дорожные колеи.

Историки считают, что населенный пункт Кубинка возник в XV в. и назывался в то время «Олександрово село Шубина». Вероятно, тогдашний владелец Александр Шубин являлся потомком знаменитого воеводы Акинфа Федоровича Шубы, служившего серпуховскому князю Владимиру Андреевичу Храброму и упоминаемого в летописи 1368 г.

В начале XVI в. населенный пункт стал именоваться Починок. В середине столетия владельцем села становится боярин Иван Иванович Кубенский, что и отразилось в названии – «Починки, Кубенское тож». В 1546 г. боярин был казнен, и Иван Грозный в 1571 г. передает село Починок московскому Новодевичьему монастырю «по душе Ивана Кубенского».

Раскопки показали, что на первом этапе (XVI–XVII вв.) застройка поселения была однорядной, ориентирована с северо-востока на юго-запад (рис. 3). Три хозяйственных сооружения отнесены вглубь дворов на 10–15 м к западу. Жилые строения, вероятнее всего, располагались вдоль дороги, которая вела от перекрестка на Смоленской дороге к церкви Леонтия Чудотворца с приделами Рождества



3

Иоанна Предтечи и Трех Святителей (первое упоминание – 1584 г.). При храме со временем образовался погост.

Весной 1617 г. польский царевич Владислав IV, сын Сигизмунда III, решил взять причитавшийся ему московский трон, предложенный ему московским боярством во времена семибоярщины. Летом следующего года его армия уже была под стенами Можайска. После боев под городом часть войска интервентов,

Рис. 1. Площадка селища в процессе раскопок. Общий вид с востока
Рис. 2. Местоположение раскопа 1 на снимке из космоса
Рис. 3. Сводный план материка раскопа 1

4

5

6

не получившая жалованье, покинула лагерь и отправилась грабить уезды Русского государства.

Основной причиной гибели села в начале XVII в., по нашему предположению, стал пожар. Ярким свидетельством этого являются обгоревшие балки перекрытий, обрушившиеся на обугленные доски полов, мощные пожарищные прослойки на дне пяти из семи ям подпрямоугольной формы, интерпретированные нами как погреба жилых построек того времени, и в одной из трех построек хозяйственного назначения (рис. 4, 5). На дне погребов обнаружены многочисленные развалы глиняной посуды, находки бытовых и личных вещей, фрагменты детских игрушек.

В напластованиях самого крупного подпольного сооружения (рис. 6), попавшего в раскоп, обнаружены две свинцовые пули с несрезанными литниками; подобный боеприпас использовался в пищалях ((рис. 10, *5*, *6*). Вероятно, именно неуправляемые шайки польско-литовских мародеров разграбили и сожгли Кубинку. Результат нашествия ощущался еще несколько лет. В писцовых книгах отмечено, что в 1623 г. церковь Леонтия Чудотворца стояла «*пуста от литовскаго разорения*» (*Холмогоровы В. и Г.,* 1882. С. 53).

На карте генерального межевания 1797 г. изображена Смоленская дорога, которая проходит сквозь село (рис. 7). В центре населенного пункта располагался перекресток дорог, рядом с которым крестиком обозначена церковь Михаила Архангела. От нее на юг следует второстепенная дорога, которая, доходя до края усадеб, поворачивает на юго-запад, видимо, сохраняя старую ориентировку XVI–XVII вв.

Очевидно, что к середине XVII в. территория, на которой стояли церковь Леонтия Чудотворца и относящаяся к ней крестьянская застройка, пришла в запустение. Упоминания об этом храме в последующих источниках отсутствуют. На карте генерального межевания не обозначен погост на месте современного кладбища, зато он указан на картах середины XIX в., составленной с топографической съемки, произведенной в 1852 и 1853 гг., и гравированной в военно-типографическом депо Шуберта (рис. 8). Действительно, наряду с поздними надгробиями на территории могильника обнаружен фрагмент плиты с геометрическим орнаментом, типичным для XVI–XVII вв., и валунные надгробия (рис. 9)(*Алексеев А. В.*, 2016. С. 127).

Постепенно жизнь в Кубинке возрождалась. В писцовых книгах отмечается, что в 1624 г. здесь было уже 16 дворов, где жило 16 человек.

7

8

К 1629 г. вновь отстроена другая церковь во имя Михаила Архангела с погостом (*Холмогоровы В. и Г.,* 1882. С. 53). Впоследствии, в 1809 г., храм был перестроен, он стал кирпичным. Правый боковой престол был назван в честь святителя Леонтия Ростовского.

Массовый керамический материал с этой части памятника представлен главным образом фрагментами кухонной и столовой посуды XVI–XVII вв., сформованной из красножгущихся и беложгущихся глин с примесями средне- и мелкозернистого песка. Здесь же встречаются многочисленные фрагменты краснолощеной, чернолощеной сплошь и ангобированной керамики.

Кроме массового материала (2200 фрагментов круговых керамических сосудов) в пахотном горизонте и в заполнении ям обнаружено 113 индивидуальных находок, представленных предметами повседневного быта (ножи, звенья цепи, кресало (рис. 10, *14*), фрагменты сковороды, свинцовые и керамические ткацкие грузики), орудиями сельского хозяйства и труда (серп и кирка), промысловым инвентарем (грузило для рыболовных сетей, наконечник стрелы) (рис. 10, *11, 12*), предметами снаряжения коня (бабочковидные подковы, характерные для XV–XVII вв., ухнали), личными вещами (нательные кресты XVII в., фрагменты игрушек и погремушек) (рис. 10, *7, 8, 13*), украшениями (две бронзовые восьмичастные бусины) (рис. 10, *7*), деталями обуви (кожаный каблук, накаблучные подковки).

Наиболее выдающимися находками являются две серебряные монеты-«чешуйки» Михаила Федоровича Романова (годы правления – 1613–1645) и медная монета Елизаветы I Петровны (годы правления – 1741–1762) 1758 г. (рис. 10, *6, 9, 10*).

В XIX в. на территории, попавшей в раскоп, застройка практически отсутствовала. На картах XVIII–XIX вв. видно, что исследуемая территория являлась задворками села (рис. 7, 8). Жилая постройка этого периода выявлена в юго-западном углу раскопа. В прирезке,

9

Рис. 4. Сооружение XVII в. Обгоревшие балки перекрытия и пола (яма 80)
Рис. 5. Остатки разрушенной печи (яма 88)
Рис. 6. Сооружение XVII в. (яма 100)
Рис. 7. Село Кубинское на планах генерального межевания Звенигородского уезда 1797 г.
Рис. 8. Село Кубинское на топографической карте Московской губернии, 1860 г. Фрагмент
Рис. 9. Фрагмент надгробной плиты, XVII в.

10

на противоположном северо-восточному углу раскопа, был обнаружен под небольшой печи. В основном он был сложен из сырцового кирпича. На поверхности пода найдено кресало, его форма характерна для поздних типов XVIII–XIX вв.

Отечественная война 1812 г. не обошла стороной и Кубинку. Наполеоновские войска шли по Смоленской дороге на Москву. 22 октября в Кубинском обосновался батальон испанского полка «Жозеф Наполеон» под командой майора Дорея. Отступая, французы, вероятно, сожгли Кубинку. Об этом свидетельствует погреб постройки с материалом начала XIX в., на дне которого также лежали обгоревшие бревна (рис. 12). Неподалеку от сооружения в пахотном горизонте найдены две пули от стрелкового оружия эпохи наполеоновских войн (рис. 10, *1, 2*).

Определить специализацию поселения на данном этапе исследования представляется затруднительным. Среди находок встретились серп, грузило от рыболовной сети, наконечник стрелы, но все это единичные экземпляры. Обнаруженный нами инвентарь имеет преимущественно бытовое назначение.

Рис. 10. Селище Кубинка-1. Находки из раскопа 1
Рис. 11. Крест к. XV – н. XVI в.
Рис. 12. Сооружение XIX в., также погибшее в пожаре (яма 10)
Рис. 13. Кирка
Рис. 14. Подкова бабочковидная

11

12

13

0 3 см

14

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А. В. Церковные древности звенигородской земли. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Авт.-сост. А. В. Алексеев. М. – Звенигород: Министерство культуры Московской области, Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, 2016. 224 с., ил., сх., таб.

Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквах и селах Московской епархии XVI–XVIII ст. Вып. 2. Звенигородская десятина. М., 1882. С. 53.

Резюме. В статье опубликованы предварительные материалы по археологическому исследованию северной части позднесредневекового селища Кубинка-1. По материалу, найденному в исследованных сооружениях, выделено два основных периода существования селища: наиболее ранний – XVI – начало XVII в. и начало XIX в., то есть активность в этой части поселения возобновляется только спустя два столетия. Наиболее древняя часть села в раскоп не попала, об этом свидетельствует встречающаяся в пахотном горизонте керамика XV в. Прослежены изменения в структуре застройки по периодам функционирования поселения. Обнаруженные находки – преимущественно бытового назначения.

Ключевые слова: археологические раскопки, позднее Средневековье, медиевистика, Кубинка, однорядная застройка, керамика.

O. V. Dvurechensky, D. B. Soloviev
The Kubinka-1 Settlement (Moscow County Region, Odintsovsky Region)

Resumé. This article publishes the preliminary findings of the archaeological surveys undertaken at the northern section of the Late-Medieval settlement of Kubinka-1. The material uncovered by the investigations of buildings divides Kubinka's history into two periods – the 16th and early17th centuries; and the early 19th century. This indicates the active life of the settlement experienced a gap of two centuries. The older parts of the settlement were never subject to tillage – as evidenced by the finds of 15th-century ceramics below the soil plough-line. Changes in the structures of buildings are noted during the functioning eras of the settlement. The majority of the artefacts uncovered have domestic functions.

Keywords: archaeological excavations, late-Medieval, medieval studies, Kubinka, single-file buildings, ceramics.

КРЕМЛЬ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОСАД ГОРОДА ПЕРЕСЛАВЛЯ-ЗАЛЕССКОГО
(ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ)

В. А. Зейфер

1

В течение 2016 г. экспедицией Института археологии РАН под руководством автора проведена серия спасательных археологических раскопок, разведок и наблюдений. Работы проводились в границах объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой г. Переславля-Залесского, XII–XVII вв.». В работах принимали участие студенты исторического факультета Московского областного государственного университета.

Исследованы земельные участки общей площадью 77 кв. м, расположенные в северной части Переславского кремля, в северо-западной, западной и юго-западной частях исторического посада города (рис. 1)[1]. В результате проведенных работ получены новые данные о хронологии и топографии культурного слоя средневекового Переславля.

Общая площадь археологических наблюдений в зоне прокладки водопровода к дому 14 по ул. Кардовского и дому 2 по ул. Гагарина составила 24 кв. м. Культурный слой в границах траншеи (14,0×1,0 м) на ул. Кардовского представлен двумя стратиграфическими горизонтами, имеет мощность 1,50–1,60 м. В раннем горизонте, датированном второй половиной XV – XVI в., зафиксировано пять объектов, впущенных в материк. Обнаружены две индивидуальные находки: нож и обломок стеклянного браслета.

На участке у дома 2 по ул. Гагарина заложены три траншеи и шурф общей площадью 10 кв. м. Исследованный антропогенный слой мощностью 1,00–1,20 м представлен тремя стратиграфическими горизонтами. Самый ранний из них датирован второй половиной XIII – первой четвертью XV в. В шурфе зафиксирован объект, датированный по керамическому заполнению второй половиной XIII – XIV в. Обнаружено 12 индивидуальных находок: костяная копоушка, монеты из медного сплава, медная пуговица, 434 фрагмента керамики и 12 железных предметов.

Спасательные археологические разведки проведены по трем адресам. На каждом объекте заложено по одному шурфу (2,0×2,0 м), общей площадью 12 кв. м.

Мощность культурного слоя в шурфе (ул. Гагарина, 4) составила 0,72–0,80 м. Зафиксированы два стратиграфических горизонта, ранний из которых датируется XIII–XIV вв., поздний – XVI–XIX вв. Зафиксирован объект, впущенный в материк, датированный по керамическому заполнению XIII–XIV вв.

Мощность культурного слоя в шурфе (ул. Левая Набережная, 5) составила 0,76–0,82 м.

[1] На рисунке земельные участки отмечены красными точками с номерами: 1 – участок ул. Кардовского, 14 (наблюдения); 2, 3 – участок ул. Гагарина, 2, 4 (наблюдения, разведки); 4, 5 – участок ул. Трубежная, 12 (раскопки); 6 – участок ул. Левая Набережная, 5 (разведки); 7 – участок пер. 4-й Плещеевский, 2а (раскопки); 8 – участок ул. Новоплещеевская, 31 (разведки); 9 – участок ул. Валовое Кольцо, 39 (раскопки); 10 – участок ул. Новоплещеевская, 22 (раскопки).

Зафиксированы два стратиграфических горизонта. Ранний, насыщенный грунтовыми водами, датируется XIII–XIV вв. В шурфе зафиксирован один объект, датированный на основании керамического материала XIII–XIV вв.

Среди индивидуальных находок – изделия из железа: шило и нож XIII–XIV вв. (рис. 2, *1*) и фрагмент костяного навершия с просверленным отверстием XIII–XIV вв. (рис. 2, *2*).

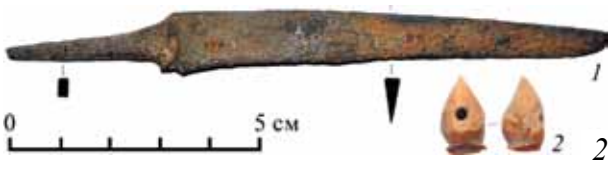
Культурный слой, отложившийся в границах исследуемой территории по адресу: ул. Новоплещеевская, 31, был чрезвычайно насыщен грунтовыми водами. Зафиксированы два стратиграфических горизонта – XVII–XIX вв. и XX в.

Спасательные археологические раскопки произведены на земельных участках, расположенных по адресам: ул. Новоплещеевская, 22; пер. 4-й Плещеевский, 2а; ул. Валовое Кольцо, 39; ул. Трубежная, 12. Общая площадь исследований составила 41 кв. м.

Шурф (2,0×2,0 м) (ул. Новоплещеевская, 22) выявил культурный слой мощностью 0,60–0,70 м, содержащий редкие фрагменты керамики XIX–XX вв. Принимая во внимание высокое стояние грунтовых вод и близость оз. Плещеево, можно предположить, что ранее заболоченный участок был отсыпан привезенным грунтом в середине – второй половине XX в.

Шурф (2,0×2,0 м) и траншея (5,0×0,70 м) (пер. 4-й Плещеевский, 2а) выявили два стратиграфических горизонта мощностью 1,10 и 0,60 м соответственно. Ранний содержал керамический материал XVIII–XIX вв. Как и в шурфе (ул. Новоплещеевская, 22), на участке прослежены следы отсыпки привозным грунтом с целью осушения заболоченной местности.

Шурф (1,5×1,5 м) и траншея (5,0×0,40 м) (ул. Валовое Кольцо, 39) выявили культурный слой мощностью 1,0–1,15 м, представленный тремя стратиграфическими горизонтами. В раннем встречены керамический материал XIII–XIV вв. и единичные обломки керамических сосудов XII–XIII вв. В шурфе и траншее на глубине 0,30–0,40 м от уровня дневной поверхности обнаружен участок улицы, мощенной булыжником (рис. 3). Мостовая выполнена из валунного камня среднего размера 0,15×0,25 м (рис. 4). В песчаной отсыпке под булыжником встречены керамические обломки XVII–XVIII вв.



2

3

Интересные результаты получены в результате археологических раскопок, предваряющих строительство инженерных коммуникаций на земельном участке по адресу: ул. Трубежная, 12. На участке были заложены четыре шурфа и две траншеи. Общая площадь исследования составила 24,5 кв. м. Мощность культурного слоя – 1,10–1,20 м.

В шурфах № 1 и 2 (1,5×1,5 м) выявлено четыре стратиграфических горизонта. Ранний горизонт, представленный бурой супесью с древесным углем и тленом, зафиксирован под стерильной песчаной прослойкой мощностью 0,18–0,20 м (рис. 5). Горизонт насыщен костями животных, обломками лепной и раннекруговой керамики

Рис. 1. Участки проведения археологических изысканий в 2016 г.
Рис. 2. Ул. Левая Набережная у дома 5. Индивидуальные находки
Рис. 3. Ул. Валовое Кольцо, 39. Зачистка булыжной мостовой

4

5

1 *2* *3* *6*

X–XI вв. Горизонт 3, предшествующий стерильной песчаной прослойке, по керамическому материалу датируется XIII–XIV вв. Нижний ярус этого горизонта маркируется прослойкой древесного угля толщиной 0,02–0,03 м.

В шурфе № 3 (2,0×2,0 м) вскрыто три стратиграфических горизонта, самый ранний из которых сформировался в XII–XIV вв.

Шурф № 1а (2,0×2,0 м), заложенный на пересечении ул. Трубежная и пер. Казаковский, выявил три стратиграфических горизонта, самый ранний из которых содержал керамический материал XVI–XVII вв. На отметке -1,10 м от уровня дневной поверхности зафиксировано погребение мужчины 30–40 лет. Скелет сохранился не полностью, кости повреждены в результате поздних перекопов. Отдельно обнаружены кости, принадлежавшие другим индивидам[2].

В траншеях № 1 и 2 выявлен культурный слой, включающий три стратиграфических горизонта. Ранний горизонт содержал керамические обломки XIII–XIV вв. В траншеях зафиксировано семь объектов, шесть из которых впущены в материк. Датировка объектов по керамическому материалу – XVII–XIX вв. для объектов 1 и 4, XIII–XIV вв. для объектов 2, 3, 5 и 6.

Индивидуальные находки (39 ед.), обнаруженные в результате спасательных археологических раскопок на ул. Трубежная, характерны для культурного слоя средневекового города. Среди них изделия из керамики: рыболовные грузила, крышка красноглиняного сосуда XIII–XIV вв. (рис. 6, *1*); костяной двусторонний гребень XIV–XV вв. (рис. 7); предметы из черного металла: ключ замковый стержневой XIII–XIV вв., нож XV–XVI вв., ключ типа В (по Колчину) XIII–XV вв. и нож XIII–XIV вв. Кроме того, найдено восемь обломков стеклянных браслетов XII–XIV вв. и три пряслица из розового шифера XII–XIII вв. (рис. 6, *2, 3*).

Таким образом, спасательные археологические раскопки, разведки и наблюдения, проведенные на территории северной части кремля, в северо-западной, западной и юго-западной частях исторического посада города, позволили уточнить мощность и датировку культурного слоя средневекового Переславля.

7

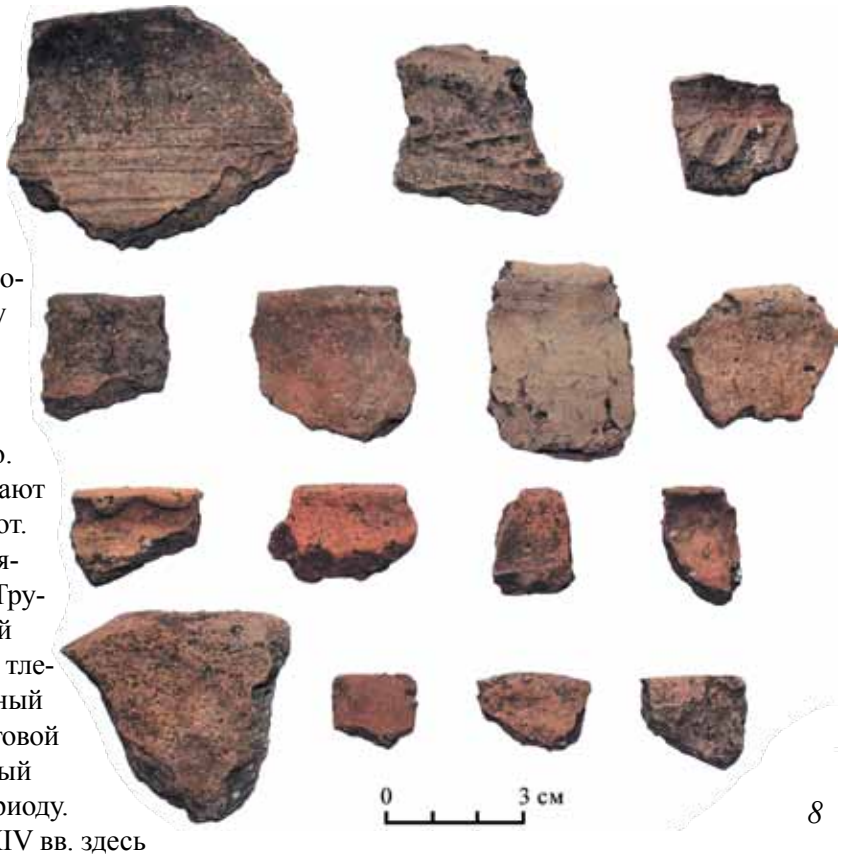
Ранний период освоения городских участков в районе современных ул. Кардовского и ул. Гагарина можно отнести ко второй половине XIII – первой четверти XV в.

[2] Антропологическое заключение сделано сотрудником Института этнологии и антропологии РАН А. В. Рассказовой.

Земельный участок на ул. Левая Набережная, 5 начинает осваиваться не ранее XIII–XIV вв.

Земельные участки, расположенные по адресам: ул. Новоплещеевская, 22 и 31, пер. 4-й Плещеевский, 2а, вероятно, до XVII–XVIII вв. представляли собой заболоченную озерную пойму и не имели усадебной застройки. В первой половине XX в. с началом застройки на исследованной территории проводят мелиорацию. Участки в частном порядке засыпают привозным грунтом и выравнивают.

Впервые в границах Переславля-Залесского в шурфах № 1 и 2 (ул. Трубежная, 12) был зафиксирован слой бурой супеси с древесным углем и тленом, костями животных, насыщенный лепной гладкостенной и раннекруговой керамикой X–XI вв. (рис. 8), который можно отнести к догородскому периоду. Ранний городской горизонт XIII–XIV вв. здесь зафиксирован во всех объектах, кроме шурфа № 1а. Погребение в шурфе № 1а, выполненное в христианской традиции, позволяет локализовать средневековое кладбище, существовавшее на городском посаде к западу от Рождественских ворот городской крепости. Вопрос его храмовой принадлежности и хронологические рамки бытования пока остаются открытыми.



8

Резюме. В 2016 г. экспедиция Института археологии РАН провела обследование земельных участков на территории кремля и исторического посада г. Переславля-Залесского. Их площадь составила 77 кв. м при мощности культурного слоя от 0,60 до 1,60 м. Впервые в границах Переславля-Залесского был зафиксирован слой, насыщенный лепной гладкостенной и раннекруговой керамикой X–XI вв., который можно отнести к догородскому периоду. В результате работ получены новые данные о хронологии и топографии культурного слоя средневекового Переславля. Коллекция индивидуальных находок представлена 58 изделиями из черного и цветного металла, камня, стекла, кости и глины.

Ключевые слова: Русское государство, Переславль-Залесский (Переяславль), Переславский кремль, средневековый город

V.A. Zeifer

The Kremlin and historic trade quarter of Pereslavl-Zalessky (Yaroslav Region)

Resumé. In 2016 a team from the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences examined the land plots on the grounds of the Kremlin and historic trade quarter of the town of Pereslavl-Zalessky (‘Pereslavl-beyond-the-woods’) in the Yaroslavl Region of Russia. These plots of land covered 77 square metres, with a cultural layer depth of between 0.60 m and 1.60 m. For the first within the town limits of Pereslavl-Zalessky it was possible to identify a soil layer rich in fragments of stucco fragments from smooth-walled or early circular ceramics of the 10th & 11th centuries, which can be dated to the period before the town itself existed. The results of this study produced new data concerning the chronology and topography of the cultural layer of Medieval Pereslavl. The collection of individual finds numbers 58 items of ferrous and non-ferrous metals, stone, bone, glass, and clay.

Keywords: the Russian state, Pereslavl-Zalessky, Pereyaslavl, the Pereslavl Kremlin, medieval town.

Рис. 4. Ул. Валовое Кольцо, 39. Шурф. Северный профиль
Рис. 5. Ул. Трубежная, 12. Восточный профиль. Шурф 2
Рис. 6, 7. Ул. Трубежная, 12. Индивидуальные находки
Рис. 8. Ул. Трубежная, 12. Шурф 2. Лепная и раннекруговая керамика X–XI вв.

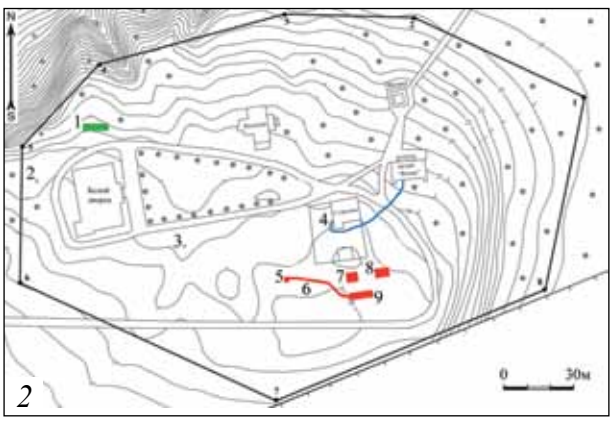
СЕЛИЩЕ X–XIII ВВ. НА ТЕРРИТОРИИ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ «БОТИК ПЕТРА I»

(ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ, ПЕРЕСЛАВСКИЙ РАЙОН)

В. А. Зейфер

1

Памятник археологии «Селище Веськово X–XIII вв.» находится на территории музея-усадьбы «Ботик Петра I» в Переславском р-не Ярославской обл. Открыт в 1979 г. К. И. Комаровым. Расположен к юго-востоку от курганного могильника, существовавшего вдоль северного и северо-восточного края горы Гремяч (раскопан в 1853 г. П. С. Савельевым). В 2004 г. на территории памятника проводились охранные работы под руководством В. И. Вишневского. Им были заложены раскоп к северу от здания Белого дворца и два рекогносцировочных шурфа к западу-юго-западу и востоку-юго-востоку от Белого дворца. Общая площадь исследования – 39,5 кв. м. Мощность культурного слоя в шурфах составила 0,4–0,5 м. Выявлены три погребения, относящиеся к курганному могильнику и датированные X – началом XII в.



2

В 2008 г. В. И. Вишневский зафиксировал на территории музея-усадьбы «Ботик Петра I» разрытие. Траншея для прокладки электрического кабеля протяженностью около 50 м, шириной 0,25–0,30 м и глубиной 0,50–0,60 м соединяла здания Сторожки и Ботного дома (рис. 1). Мощность культурного слоя составила 0,40–0,50 м. В траншее, ближе к помещению Сторожки, найдены шесть целых и четыре фрагмента рельефных муравленых изразцов XVII–XVIII в.

В 2016 г. в связи с благоустроительной деятельностью музея экспедиция Института археологии РАН провела спасательные археологические раскопки на территории музея-усадьбы «Ботик Петра I» (рис. 1) общей площадью 100 кв. м.

Были заложены шурф, три раскопа и траншея для прокладки коммуникаций (рис. 2)[1], позволившие уточнить сведения о культурном слое памятника, а также о хронологии селища.

Культурный слой памятника представлен двумя стратиграфическими горизонтами и имеет мощность от 0,40 до 0,65 м. Горизонт 1 в шурфе и траншее представлен темно-серой супесью толщиной до 0,40 м, содержит

[1] На схеме зеленым цветом отмечены спасательные археологические раскопки 2004 г.: 1 – раскоп, 2 – шурф 1, 3 – шурф 2. Синим цветом: 4 – траншея (разрытие) 2008 г. Красным цветом обозначены спасательные археологические раскопки 2016 г.: 5 – шурф, 6 – траншея, 7 – раскоп 1, 8 – раскоп 2, 9 – раскоп 3.

3

керамический материал нескольких эпох, от позднего Средневековья до второй половины XX в. Материалы советского периода значительно преобладают. Горизонт 2, бурый суглинок мощностью 0,15–0,20 м (рис. 3), разделен на два яруса. Верхний маркируется многочисленными осколками колотого камня, костей животных и обломками раннекруговой красноглиняной керамики X–XI вв. В нижнем, предматериковом слое преобладают обломки лепной гладкостенной и лепной заглаженной керамики VIII–IX вв.

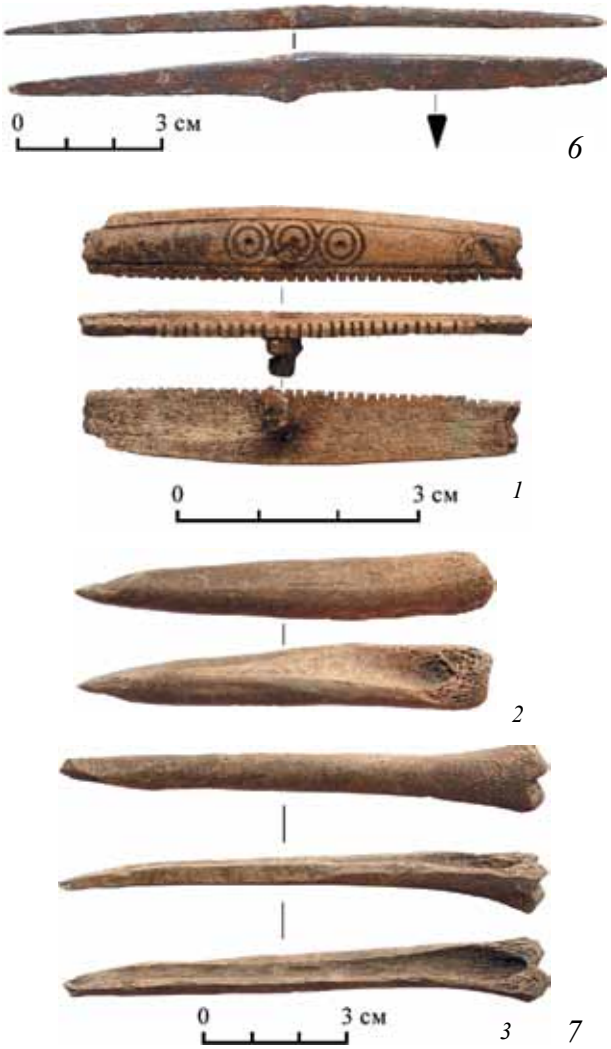
В траншее зафиксировано 13 объектов, заглубленных в материк. Из них только объект № 2, юго-западный угол которого был расчищен, возможно, является остатками жилища (рис. 4). Объект № 2, ориентированный по оси ЮЮЗ–ССВ, имеет в плане подпрямоугольную форму (2,90×0,86 м). Остальные объекты были интерпретированы как хозяйственные и столбовые ямы. К юго-западу от объекта № 2 прослежен объект № 1 – яма хозяйственного назначения (рис. 5), содержащая круговую керамику XI–XII вв. и лепную гладкостенную керамику X–XI вв. В яме на отметке -0,65 м от условного нуля найден железный нож, XI–XII вв. (рис. 6, *3*). Всего в траншее собраны 32 индивидуальные находки, среди которых изделия из железа: фрагмент ключа для навесного замка типа А (по Колчину), IX – середина XII в.; подвеска к рукояти плети, IX–XI вв. (рис. 6, *1, 2*). Изделия из кости: фрагмент одностороннего наборного гребня, X – начало XI в.; проколки IX–XI вв. (рис. 7, *1–3*). Предметы из стекла и камня: фрагмент желтой лимоновидной бусины, вторая пол. X – XI в.; биконическая стеклянная бусина, XI–XII вв. (рис. 8, *1, 2*); пряслице шиферное, XI–XII вв. (рис. 8, *3*).

4

5

Раскоп 1 имел первоначальный размер 10,0×4,0 м и был разбит на два равных участка. Однако при зачистке второго пласта участка 1 на отметке -0,02/-0,20 м от условного нуля был выявлен валунный фундамент здания – объект № 1 (рис. 9). Валуны, средний размер которых 0,30×0,25 м, без использования связующего раствора были засыпаны в вырытый в материке фундаментный ров. Во втором и третьем пластах немногочисленные керамические

Рис. 1. Место проведения спасательных археологических раскопок. Вид с юго-востока
Рис. 2. Участки проведения раскопок в 2004 и 2016 гг.
Рис. 3. Траншея 1–4-й м, юго-западный профиль. Вид с северо-востока
Рис. 4. Траншея 8-й м. Объект № 2. Разрез. Вид с северо-северо-востока
Рис. 5. Траншея 4-й м. Пятно объекта № 1. Скопление керамики и колотого камня



обломки, собранные у фундамента, датировались XVII–XVIII вв., однако встречались и осколки древнерусской посуды, переотложенные в результате строительства объекта. Предварительно объект № 1 датирован концом XVII в., т. е. временем пребывания в Переславле-Залесском Петра I и строительством здесь Потешной флотилии. Интересно, что муравленые изразцы, обнаруженные в 2008 г., происходят с участка, расположенного в непосредственной близости от раскопа 1. Возможно, они являлись остатками разобранной печи, связанной с выявленным объектом № 1.

Валунный фундамент, зафиксированный по всей длине участка 1, имел ширину 0,86–0,90 м и уходил с одной стороны за границу раскопа в северо-западном борту, с другой – на участок 2. От основной линии фундамента под углом 90° по направлению к северо-востоку протянулись еще две линии валунной кладки шириной 0,60–0,70 м. Расстояние между ними составило 2,90 м.

Следует отметить, что с внешней стороны валунного фундамента на расстоянии 1,00–1,50 м к юго-востоку и внутри объекта № 1 не зафиксировано слоя бурого суглинка. Вероятно, при строительстве здания была произведена подрезка грунта.

Таким образом, на участке 1 зачищены три пласта, зафиксирован материк с пятнами археологических объектов, после чего из-за отсутствия финансирования объект был законсервирован. Участок 2 не исследовался.

Раскоп 2 общей площадью 21 кв. м располагался в 2,0 м к юго-востоку от раскопа 1. Мощность культурного слоя в раскопе составила 0,50–0,60 м. В наиболее раннем горизонте 2, представленном бурым суглинком мощностью 0,10–0,18 м, массовый керамический материал включал обломки лепной гладкостенной и лепной заглаженной керамики, также обнаружен фрагмент текстильной керамики. При зачистке материка выявлено девять объектов, представляющих собой ямы хозяйственного назначения и столбовые ямки. В объекте № 1 среди развала колотых камней собрано большое количество чешуи рыб разных видов. Среди индивидуальных находок бронзовые: привеска XI–XII вв., пронизка спиралевидная XI–XII вв. и колоколовидная подвеска VIII–IX вв. (рис. 10, *1, 2, 4*). Примечательна бронзовая лировидная пряжка XI–XII вв. (рис. 10, *3*), имеющая аналогии в материалах могильников на территории Переславского р-на (например, из курганного могильника у с. Киучер (раскопки М. И. Смирнова, 1925[2]; Е. И. Горюновой, 1960[3]), курганного могильника у с. Купань (раскопки К. И. Комарова, 1971[4]). Кроме того, найдены кремневый отщеп, изделия из черного и цветного металла,

Рис. 6. Индивидуальные находки. Изделия из черного металла
Рис. 7. Индивидуальные находки. Изделия из кости
Рис. 8. Индивидуальные находки. Изделия из стекла и камня
Рис. 9. Материк с пятнами объектов (отм. -0,40 от уровня условного нуля)
Рис. 10. Индивидуальные находки. Изделия из цветного металла

[2] Переславский музей-заповедник. Фонд археологии. № 2306, 2335.
[3] Там же. № 18016, 18017, 22412, 22413.
[4] Там же. № 11538/8, 11538/19.

1 8

9

спираль (пронизка) из медного сплава, костяная накладка с циркульным орнаментом на односторонний составной гребень, пряслице из розового шифера и костяная проколка.

Раскоп 3 площадью 27 кв. м был расположен в 4,0 м к югу от раскопа 1, параллельно ему. Мощность культурного слоя составила 0,50–0,65 м. Массовый керамический материал, собранный при выборке горизонта 2, аналогичен керамическому заполнению горизонта 2 в раскопе 2, описанному выше. При зачистке материка зафиксировано восемь объектов, заглубленных в материк, включая траншею под коммуникационные сооружения, столбовые ямки и ямы хозяйственного назначения.

Таким образом, мощность культурного слоя, отложившегося на территории музея-усадьбы «Ботик Петра I», составила 0,40–0,65 м.

Археологическими исследованиями зафиксированы два стратиграфических горизонта, причем ранний из них, горизонт 2, относится к селищу. Он отмечен во всех объектах, кроме участка 1 раскопа 1; в ряде случаев слой локально разрушен прокладкой коммуникаций в XX в. Анализ керамического материала позволил удревнить хронологические рамки селища с X в. до VIII–IX вв.

Наличие керамического материала мерянского облика, а также индивидуальных находок, таких как колоколовидная подвеска, обломок костяного одностороннего наборного гребня, свидетельствуют о включении мерянских традиций в славянскую среду. Соответственно, территория памятника является перспективной в контексте изучения этапов заселения края, межэтнического, культурного взаимодействия финно-угорских и славянских племен.

10

Резюме. В 2016 г. экспедиция Института археологии РАН провела спасательные археологические раскопки на территории музея-усадьбы «Ботик Петра I». Общая площадь трех раскопов, шурфа и траншеи составила 100 кв. м при мощности культурного слоя до 0,65 м. Была установлена нижняя граница бытования селища – VIII–IX вв. Коллекция индивидуальных находок представлена 53 изделиями из черного и цветного металлов, камня, стекла и кости.

Ключевые слова: оз. Плещеево, Северо-восточная Русь, Средневековье, селище, Веськово, сельские памятники.

V.A. Zeifer

A 10th–13th-century settlement within the grounds of the 'Peter I's Boat' mansion-museum (Yaroslav Region, Pereslavl Subregion)

Resumé. In 2016 a team from the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences undertook rescue archaeology excavations within the grounds of the 'Peter I's Boat' mansion museum. The overall area of the three digs, soil-slices and trenches was 100 square metres, with a cultural layer depth running as deep as 0.65 m. The lower boundary of a domestic settlement of the 8th–9th centuries AD was identified. The collection of individual finds totalled 53 items of ferrous and non-ferrous metal, stone, glass, and bone.

Keywords: Plescheyevo Lake, North-Eastern Rus, Middle Ages, settlement, Veskovo, rural sites.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАЙОН ХИНТЕР-РОССГАРТЕН г. КЕНИГСБЕРГА (КАЛИНИНГРАД)

Е. П. Зоц, С. А. Зоц

1

В 2012 г. археологические работы Самбийской экспедиции в г. Калининграде впервые проводились в северо-восточной части города Кенигсберга на территории исторического района Россгартен (современный адрес: ул. Боткина, 2а; нем. Altrossgartner-Prediger str. 17, 19).

Район исследований с XVI в. был известен как слобода Хинтер (Дальний) Россгартен, получившая в 1596 г. свои устав, герб и печать (*Bötticher*, 1983. P. 133, 134). Территорию слободы заселяли ремесленники, в том числе и иностранцы, а также здесь имели свои усадьбы дворяне. Участок работ располагался вблизи Альтроссгартенской кирхи, построенной в XVII в., и продолжительное время принадлежал церковной общине (*Gause*, 1972. P. 413) (рис. 1).

На площади работ не было значительных перекопов, исключением являлось построенное в ходе Второй мировой войны бомбоубежище П-образной формы, разделившее раскоп на четыре участка. После войны и до настоящего времени эта территория представляла собой небольшой сквер.

Площадь работ составляла 930 кв. м. Мощность слоя относительно небольшая, около 80 см, однако насыщенность археологическими объектами и находками достаточно велика. Выявлено 27 сооружений, 438 ям, свыше 3000 индивидуальных находок XV–XIX вв.

Археологические работы были начаты непосредственно с уровня разрушения г. Кенигсберга. Под завалом из битого кирпича и обломков железных оград выявлены фрагменты подвала дома

и примыкающей к нему мостовой, построенные в 20–30-е гг. XX в., а также булыжная вымостка двора с остатками фундамента беседки.

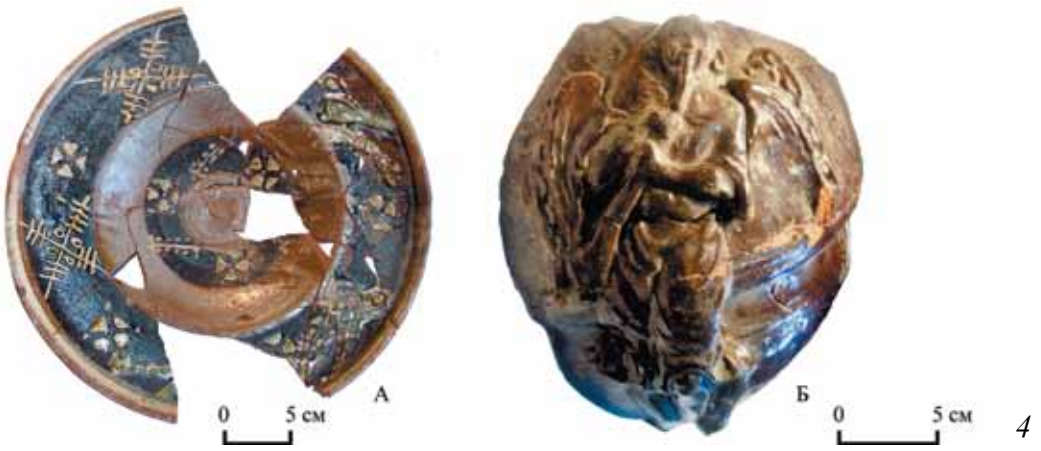
Под булыжной мостовой был расчищен фрагмент подвала дома, построенного во второй половине XVIII в. и снесенного в начале XX в. С начала XIX в. дом фигурирует в документах и на картах как детский приют Хартманна.

Рубежом XVII–XVIII вв. можно датировать еще один фундамент дома, снесенного в начале XX в. В XIX в. он являлся конюшней и хлевом при доме пастора (в профиле раскопа прослежен и фрагмент фундамента дома пастора). Вплотную к хлеву пастора обнаружен погреб, содержащий комплекс изразцов от печи конца XVII в. и большое количество керамики первой половины XVII в. (преобладали поливные расписные блюда, включая импорт из Голландии).

Хорошо сохранились две деревянные конструкции – дворовая уборная около дома пастора второй половины XVII в. (сохранилась обшивка из деревянных досок) и колодец, одномоментно засыпанный в первой половине XVII в. Обшивкой в колодце служили четыре деревянные бочки высотой 175 см, без дна, поставленные одна на другую. Сохранились три нижние бочки. Глубина колодца превышала 6 м. На дне уборной, в навозе, найдено несколько стеклянных бокалов (рис. 2. А – дворовая уборная около дома пастора, вторая половина XVII в. (фото); находки из заполнения сооружения: Б – пивной бокал (хумпен) с росписью краской (Самсон, разрывающий пасть льва); В – винный бокал (ремер) и бутылей, большое количество керамической посуды. В колодце обнаружены нож с костяной фигурной рукоятью (конь), бронзовые пряжка и латунная застежка, фрагменты пивных кружек из каменной массы рейнского производства, комплекс изразцов и керамика, включая блюда из области Везер (Центральная Германия) (*Bartels*, 1999а. P. 176) и Голландии (*Bartels*, 1999б. P. 789, 796) (рис. 3. А – пивная кружка каменной рейнской массы с изображением крестьянского бала (два фрагмента); Б – фрагмент розово-глиняного поливного блюда из Везера (Германия); В – фрагмент фаянсового блюда из Голландии).

Хорошо сохранились подвальные помещения дома, построенного в конце XVI в. (рис. 9, А), в керамическом комплексе которого также присутствовал импорт из Голландии.

Рис. 1. Фрагменты планов г. Калининграда и г. Кенигсберга (1682 г.)
Рис. 2. Раскоп по ул. Боткина, 2а. Находки
Рис. 3. Раскоп по ул. Боткина, 2а. Находки конца XVI – начала XVII в.



4

Следами наземных деревянных построек второй половины XVI – начала XVII в. являлись выявленные валуны и выкладки из кирпичей, служившие подкладками под основание горизонтальных балок.

Крупная яма 240 XVI в., вероятно, также служила подвалом дома. В яме найдено много поливной керамики, например, красноглиняное поливное блюдо (рис. 4, А), включая большое количество с территории современной Германии и Голландии. Представляет интерес поливной сосуд с рельефными изображениями двух ангелов, играющих на трубе (рис. 4, Б). Близкие по форме и технике изготовления кувшины с изображениями святых и Иисуса Христа встречаются в Польше, однако место производства пока неизвестно (*Mackiewicz*, 2012. S. 149–152).

В комплексах XVI и начала XVII в. найдены также фрагменты глиняных матриц. Одна матрица целая (рис. 5, В) с изображением распятого Христа, Марии и Магдалины. По мнению немецких исследователей, подобные матрицы, найденные в слое XVI в. г. Аугсбурга, использовались для нанесения рельефного изображения на сосуды (*Hermann M.*, 2011. S. 20, 21).

В яме 40 (вторая половина XVI в.) найдены не покрытые поливой изразцы: три – с изображением Мартина Лютера, один – с молодым дворянином в доспехах и два с изображением библейской Юдифи (рис. 6). Вероятно, они входили в один печной набор (на раскопе также найдены фрагменты полихромных изразцов сходного печного набора – с головой Олоферна в руке Юдифи, с деталями доспехов дворянина, колонной, аркой и ангелами).

Представляют интерес полихромный изразец с ангелом у моря (рис. 5, А) (также найдены не покрытые поливой фрагменты изразца с аналогичными колоннами) и муравленый изразец с изображением всадника (турок-осман?) с ребенком (рис. 5, Б). Они датируются второй половиной XVI в.

Предварительно можно говорить не менее чем о семи комплексах печных изразцов, найденных на раскопе помимо обнаруженных в единичном экземпляре: один – второй половины XVI в., три – первой половины XVIII в., два – второй половины XVII в., один – XVIII в. Большое количество изразцов, изготовленных в одной (или однотипной) матрице, но покрытых поливой другого цвета, а также фрагменты изразцов XVI–XVII вв. без поливы или с частичным ее нанесением, форма

5

6

которых аналогична найденным в комплексах, позволяют предполагать проживание на этой территории гончара-изразечника.

На раскопе найдено более 300 монет XV–XX вв. В коллекцию вошли монеты как местной прусской чеканки, так и иностранные (польские, шведские, Российской империи и др.) (рис. 7. Польша: 1 – коронный полугрош 1509 г. кор. Сигизмунда Старого; 2 – шеленг 1585 г. кор. Стефана Батория; 3 – полторак (1,5 гроша) 1622 г. кор. Сигизмунда III, чекан в Риге. Пруссия: 4 – шиллинг 1559 г. герц. Альбрехта; 5 – тернар (3 денара) 1591 г. герц. Георга Фридриха; 6 – 6 грошей 1681 г. курф. Фридриха Вильгельма; 7 – 18 грошей (орт) 1691 г. курф. Фридриха III. Швеция: 8 – ½ эре 1625 г. кор. Густава II Адольфа; Шотландия: 9 – 2 пенса 1632–1633 гг. кор. Карла I; Россия: 10 – 6 грошей 1760 г. имп. Елизаветы. (1–7, 9, 10 – серебро, 8 – бронза).

Наиболее ранние – серебряные полугроши польских королей Казимира IV (1466–1492), Яна Ольбрахта (1492–1501), Александра (1501–1506) и два шиллинга Тевтонского ордена (один из них – магистра Мартина Трухеза фон Ветцгаузена, 1477–1499).

Среди найденных на раскопе товарных пломб представляют интерес две английские (рубежа XVI–XVII вв. и XVII в.), с изображением гербов династий Тюдоров и Стюартов, и обнаруженные вместе три так называемые средние печати рубежа XVII–XVIII вв. с гербом правящей династии Гогенцоллернов (щит), прусским орлом и померанским грифоном (рис. 8).

В целом на раскопе собрана большая коллекция бытовых вещей XVI–XVIII вв., включающая счетные медные жетоны, фрагменты глиняных копилок, ножи, два сничных замка, ключи, бронзовый утюжок для разглаживания лент, щипцы для снятия свечного нагара, бронзовые книжные застежки (20 экземпляров), застежки на женский пояс, железный каркас от дамского кошелька XVI в., обломки голландских трубок, пивных кружек и бутылей из каменной массы и др.

Найденные в яме 240 (XVI в.) развалы двух сосудов XI–XIII вв. позволяют предполагать наличие поблизости прусского поселения этого времени.

7

Рис. 4, 5, 6. Раскоп по ул. Боткина, 2а. Находки (вторая половина XVI в.)
Рис. 7. Раскоп по ул. Боткина, 2а. Монеты XVI–XVIII вв.

8

В мае – октябре 2013 г. на территории планируемого строительства по адресу: ул. Пионерская, 59 были проведены археологические работы на площади 2632 кв. м. Раскоп (1568 кв. м) занимал восточную и южную части исследованной площади. Зона наблюдений (1064 кв. м) располагалась в центральной и западной частях.

На основной части раскопа исследован левый берег засыпанного в конце XIX – начале XX в. древнего ручья. Общая мощность слоя составляла здесь 2,5–3 м. Ниже балластных напластований XX в. выявлены культурные слои конца XVI – XIX в. мощностью 0,5–0,8 м. Наиболее ранний слой представлен пахотным горизонтом, содержавшим керамический материал и несколько фрагментов печных изразцов XVI – первой половины XVII в. Второй половиной XVII в. датируется комплекс подпрямоугольных ям, располагавшихся пятью линиями вдоль склона ручья, на равном расстоянии друг от друга, предположительно следы посадки кустарника или плодовых (?) деревьев. Выше залегали слои, сформировавшиеся в XIX в., содержавшие большое количество керамического материала и индивидуальных находок второй половины XVIII – XIX в. (монеты, фрагменты керамических курительных трубок, счетные жетоны, фрагменты печных изразцов и т. п.).

В юго-восточной части раскопа выявлено скопление ям второй половины XVIII – начала XIX в. Одна яма содержала большое количество фрагментов печных изразцов второй половины XVIII в. Вероятно, здесь располагалась усадьба этого времени.

XIX в. датируется участок Альтроссгартенского кладбища, зафиксированный в юго-восточной части раскопа. Расчищено 198 погребений по обряду ингумации, в основном безынвентарных. В нескольких захоронениях найдены стеклянные бусы и бисер (пять погребений), медные серьги (одно погребение), остатки ткани и пуговицы. На кладбище встречены погребения людей со следами операций (трепанаций черепа, ампутаций), а также захоронения фрагментов скелетов с подобными следами – вероятно, показатель использования их как учебное пособие.

В западной части раскопа ниже слоя пахоты выявлены сильно гумусированные слои серой и коричневой глины (фрагмент заболоченной поймы ручья) и хозяйственная яма, в которых найдены фрагменты лепной керамики I тыс. н. э.

В юго-западной части раскопа и в зоне наблюдений исследованы фрагменты двух прудов, засыпанных в конце XIX в. Общая мощность слоя достигала здесь 7 м. Нижние 2,5–3 м содержали слои XVII – начала XIX в. (собрана коллекция находок: монеты, фрагменты изразцов, счетные жетоны, рыболовные грузила и керамический материал).

В ходе археологических раскопок и наблюдений установлено, что сложный рельеф дна и склона прудов, детали деревянных конструкций (столбы-сваи с обшивкой из досок по контуру прудов, деревянные лотки-каналы между прудами) и насыпанный из материковой глины вал-дамба (со сложной дренажной системой внутри вала) являлись частью сложного гидротехнического сооружения – цепи прудов, выкопанных в ручье, соединявшем Верх-

А

Б

9

Рис. 8. Раскоп по ул. Боткина, 2а. Комплекс свинцовых пломб (средние печати), конец XVII в.
Рис. 9. А – ул. Боткина, 2а. Фрагмент валунного подвала конца XVI в.
Б – ул. Пионерская, 59. Фрагменты деревянных конструкций XVII–XIX вв. в пруду

ний и Нижний пруды и ров укреплений XVII в. Они были, вероятно, сооружены в 30-х гг. XVII в. и подверглись серьезной реконструкции во второй половине XVII в. Каспар Штайн, посетивший Кенигсберг около 1640 г., упоминает в Хинтер-Россгартене прекрасные сады, газоны, рыбные пруды и каскады водопадов (*Stein*, S. 101). Вероятно, он говорил о цепи прудов на ручье Швайнграбен, два из которых находились непосредственно на площади изученного участка (рис. 9, Б).

Также исследованы фрагменты дренажной системы XVIII–XIX вв., сооружение которых происходило на фоне постепенного заплывания и заболачивания прудов, вплоть до полной их засыпки.

ЛИТЕРАТУРА

Гаузе Ф., 1994. Кенигсберг в Пруссии. История одного европейского города. Реклингхаузен: Биттер. 316 с.

Bartels M., 1999a. Steden in Scherven 1. Vondsten uit beerputten in Deventer, Dordecht, Nijmegen en Tiel (1250–1900). Amersfoort: Stichting Promotie Archeologue, Zwolle en de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonerzoek. 176 p.

Bartels M., 1999b. Steden in Scherven 2. Catalogus. Vondsten uit beerputten in Deventer, Dordecht, Nijmegen en Tiel (1250–1900). Amersfoort: Stichting Promotie Archeologue, Zwolle en de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonerzoek. 1096 p.

Bötticher A., 1983. Die Bau- und Kunstdenkmäler in Königsberg Weidlich Reprints, Frankfurter. Репринт издания 1897. 432 s.

Gause F., 1965. Die Geschichte der Stadt Königsberg in Preussen. Band I: Bohlau Köln: Böhlau Verlag. 571 s.

Hermann M., 2011. Alles nur Müll? Archäologische Nachweise kommunaler Abfallentsorgung im frühneuzeitlichen Augsburg // Denkmalpflege Informationen №148. München: Bayerisches Landesamt für Denkmalpflege. S. 19–22.

Mackiewicz M., 2012. Nowożytna ceramika artystycna z Badań archeologicznych przy kościele św. Piotra i Pawła na ostrowie tumskim we Wrocławiu // Wrftslavia antiqua stadia zdziejów Wrocławia studies on the history of Wrocław 17. Nowożytny cmentarz przy kościele św. Piotra i Pawła na ostrowie tumskim we Wrocławiu (lata 1621 – 1670) / Red. Pankievicza. Wrocław: Universitet Wrocławski. Instytut Archeologii. S. 129–160

Stein C., 1998. Das alte Königsberg. Eine ausführliche Beschreibung der drei Städte Königsberg samt ihren Vorstädten und Freiheiten wie sie anno 1644 beschaffen waren. Hamburg: Selbstverlag Verein für Familienforschung in Ost- und Westpreußen e.V. Reprint der Ausgabe Königsberg 1911. 142 s.

Резюме. В 2012–2013 гг. на территории исторического района Хинтер-Россгартен г. Кенигсберга (Калининграда) (Königsberg, Hinter Rossgarten) были проведены археологические работы на двух участках.

Первый раскоп располагался на площади, принадлежавшей церковной общине. Исследованы слои XVI–XX вв. Выявлены фундаменты строений XVI в., домов священника и звонаря XVII в., детского приюта XVIII в. На площади раскопа зафиксированы следы производства гончарной керамики и изразцов XVI–XVII вв. Собрана большая коллекция керамики (включая импорт из Голландии, Центральной Германии, Франции и др.), более 300 монет (прусской, польской, шведской и др. чеканки) и бытовой утвари XVI–XIX вв.

На площади второго раскопа исследован участок кладбища XIX в. Выявлены следы операций (трепанаций черепа, ампутаций), а также захоронения с фрагментами скелетов с подобными следами – вероятно, использовавшихся как учебное пособие. Зафиксированы следы садов XVII в. и фрагменты сложных деревянных конструкций каскада прудов XVII в., вероятно связанных со строительством фортификационных сооружений.

Ключевые слова: Кенигсберг, Калининград, городская застройка, Мартин Лютер, европейская керамика, городское кладбище, деревянные конструкции в прудах.

E. P. Zots, S. A. Zots

The historic neighbourhood of Hinter Rossgarten, at the city of Königsberg (Kaliningrad)

Resumé. Over 2012 and 2013, archaeological work was conducted at two locations in the historic neighbourhood of Hinter Rossgarten, in the city of Königsberg.

The initial excavation took place on the square belonging to the church community. A cultural layer from the 17th to 20th centuries was studied. The research uncovered foundations of buildings from the 17th century, the homes of priests and bellringers from the 17th century, and a children's home from the 18th century. On the square, the excavations identified remains of a production facility for pottery ceramics and tiles from the 17th–18th centuries. A large collection of ceramic finds was compiled (including imported items from the Netherlands, Central Germany, France and elsewhere), over 300 coins (including Prussian, Polish, Swedish and other coins) and domestic items from the 17th to 19th centuries.

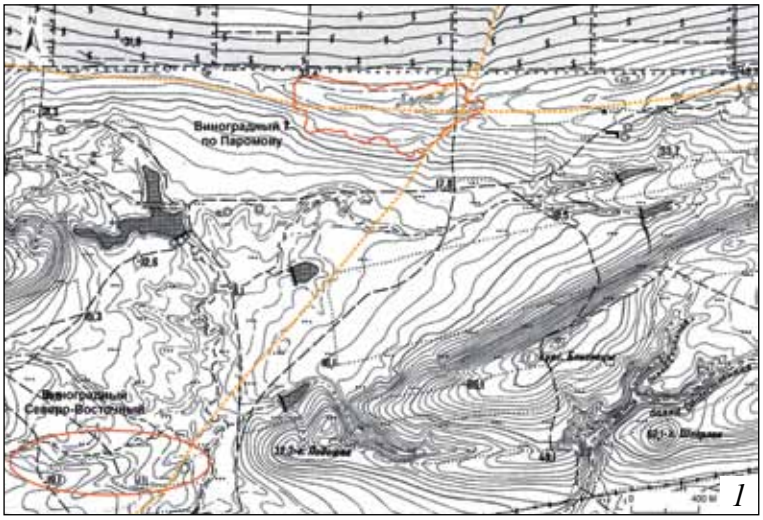
The second excavation on the square examined a cemetery from the 19th century. Some evidence of medical operations (skull trepanning, amputations) was uncovered, along with burials in which fragments of skeletons with such characteristics – it seems possible the cemetery was related to a medical training centre. Evidence of gardens of the 17th century was noted, with fragments of complex wooden structures of cascading pools from the 17th century – evidently connected with the construction of the city's fortification systems.

Keywords: Königsberg, Kaliningrad, city buildings, Martin Luther, European ceramics, city cemetery, wooden construction of pools.

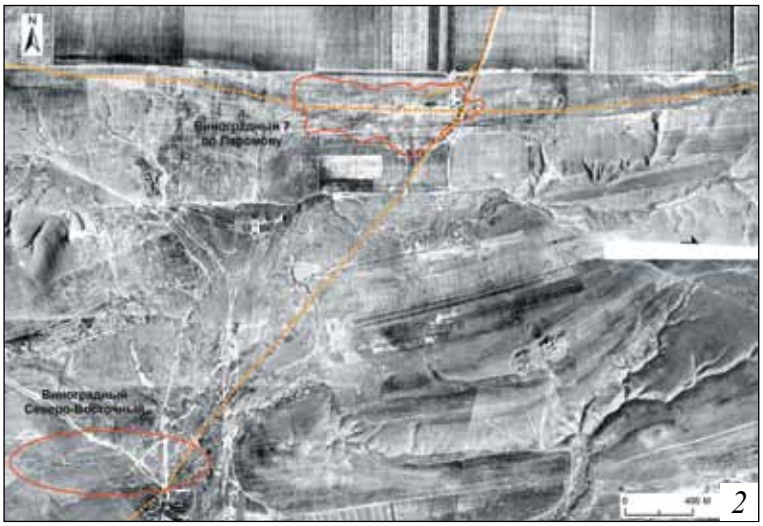
ВИНОГРАДНЫЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ 2, ВИНОГРАДНЫЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ 3, КУРГАННАЯ ГРУППА (10 НАСЫПЕЙ)

(КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ, ТЕМРЮКСКИЙ РАЙОН)

Д. А. Карпов, Н. И. Сударев



1



2

Летом 2016 г. в ходе археологических раскопок у пос. Виноградный Темрюкского р-на Краснодарского края на трассе строившегося газопровода исследован комплекс компактно расположенных археологических памятников, давших интереснейшие научные результаты по трем хронологическим периодам истории Тамани: эпохе бронзы, античному времени и периоду существования Хазарского каганата.

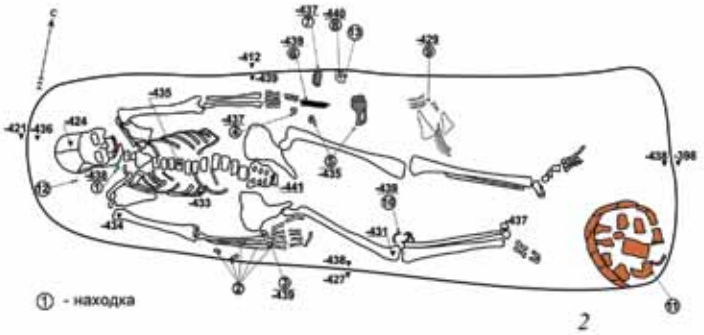
Речь идет об известных ранее поселениях Виноградный северо-восточный 2 (ВСВ 2) и Виноградный северо-восточный 3 (ВСВ 3), находящихся в 50 м друг от друга, о курганной группе (10 насыпей), две северные насыпи которой расположены на территории ВСВ 2, а также о впервые выявленном на том же памятнике грунтовом могильнике Виноградный северо-восточный 2 (рис. 1, 2).

Курганная группа (10 насыпей) обнаружена сотрудниками ООО «Кубаньэкспертиза» С. Л. Астаховым и В. А. Крутоголовенко и поставлена на государственную охрану в соответствии с приказом № 28 от 25 марта 2009 г. Поселения же были открыты в 2015 г. А. В. Сурковым в ходе проведения археологических разведок по трассе строящегося газопровода. ВСВ 3 при этом было отнесено к античному времени, а ВСВ 2 получило широкую датировку от античности и Средневековья до Нового времени. Все эти памятники располагались компактной группой на грядах всхолмлений дна балки, протянувшейся с севера на юг между горой Чиркова и Боюр-горой, в сторону лимана Цокур, в 1,5 км к северо-востоку от северной окраины пос. Виноградный.

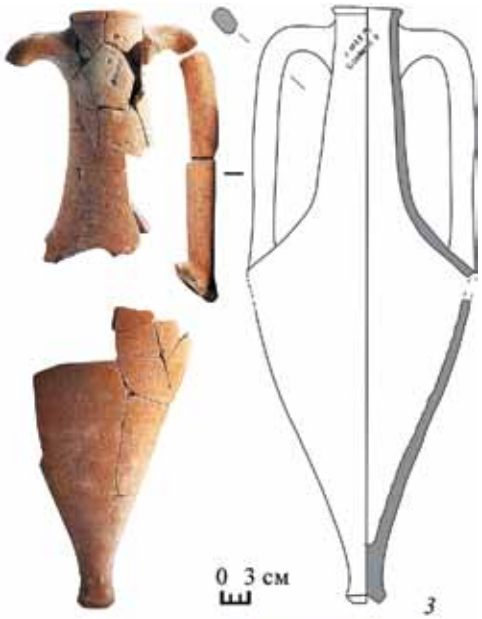
Особый интерес вызывает то, что края балки буквально окружены многочисленными археологическими объектами. На площади всего около 6 кв. км в настоящее время известно до двух десятков памятников, некоторые из них уже известны специалистам.

Так, с запада на господствующей над балкой вершине горы Чиркова располагались пять Васюринских курганов, принадлежавших боспорской аристократии III в. до н. э., раскопанных еще в 1868–1872 гг. В. Г. Тизенгаузеном и А. Е. Люценко (ОАК за 1868 г. С. XIII–XIV; ОАК за 1872 г. С. IX–X; ОАК за 1869 г. С. VIII–IX). В Большом кургане этой группы, насыпь которого сохранилась до настоящего времени, обнаружен уникальный расписной каменный склеп (*Ростовцев*, 1914. С. 30–69).

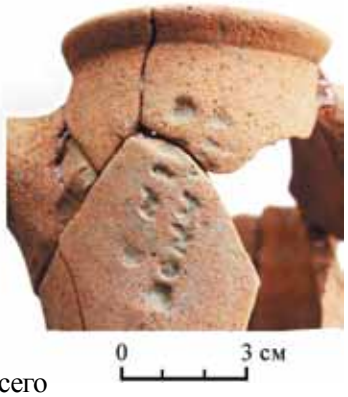
1



2



3



3

С востока, на западном краю вершины Боюр-горы, над балкой находятся имеющие мировую известность курганы Большая и Малая Близницы (*Виноградов*, 2004. С. 89–111; *Ростовцев*, 1914. С. 10–29). Их раскапывали в 1864–1884 гг. И. Е. Забелин, С. Н. Веребрюсов, А. Е. Люценко (ОАК за 1864 г. С. X–XI; ОАК за 1882–1888 гг. С. XVI), а в 1907 и 1915 гг. В. В. Шкорпил (ОАК за 1913–1915 гг. С. 146–148). В Большой Близнице обнаружены каменные склепы второй половины IV в. до н. э., принадлежавшие знатной семье, женщины которой были жрицами Деметры. А в Малой Близнице, датированной первой половиной IV в. до н. э., покоились останки элитного воина, сопровождавшегося захоронениями пяти лошадей.

Вдоль всего северного края балки от горы Чиркова на западе до Боюр-горы на востоке идет полоса древних поселений: средневековые Виноградный 6, Виноградный 11, Виноградный 12 и многослойные поселения Гора Чиркова 1 и Виноградный 7, которые существовали как в античное, так и в средневековое время. Кроме того, на территории поселения Виноградный 7 известен крупный грунтовый могильник IV–I вв. до н. э., а также захоронения бронзового века и Средневековья (*Паромов*, 1992. С. 44–45, 520–551; *Сударев, Кашаев*, 2016. С. 471–481; *Сударев*, 2016. С. 333–340).

Недалеко от лимана Цокур в южной части балки, вдоль ее западного края расположен такой крупный археологический памятник, как поселение Виноградный 1, находящийся всего в нескольких сотнях метров к юго-западу от исследовавшихся нами объектов культурного наследия. Предполагают, что именно сюда выходила древняя дорога (рис. 1, 2), шедшая в античное время от Таманского залива у Фанагории до современного лимана Цокур (*Паромов*, 1998. С. 219–220; *Сударев*, 2016. С. 333). Поселение Виноградный 1 датируется двумя периодами: античным (VI в. до н. э.–III в. н. э.) и средневековым (VIII–X вв. н. э.) (*Паромов*, 1992. С. 542–545; *Гарбузов, Завойкин, Строкин, Сударев*, 2011. С. 101–131).

В непосредственной близости от интересующих нас памятников известны еще два археологических объекта. В 400 м к западу от ВСВ 3 расположено поселение Кирпина, а примерно на таком же расстоянии к востоку от ВСВ 2, на краю балки, образованном в данном месте склонами горы Подошвы, расположено поселение Виноградный северо-восточный. Оба памятника датируются античным временем.

Рис. 1. Карта-схема расположения поселения «Виноградный 7» и группы памятников
Рис. 2. Аэрофотосъемка 1958 г.
Рис. 3. Виноградный северо-восточный 3. Погребение 1, план, гераклейская амфора

Таким образом, можно констатировать, что исследовавшиеся в ходе недавних охранных работ памятники существовали в целом комплексе единовременных им археологических объектов.

Изначально в качестве основных предполагались раскопки поселенческих слоев ВСВ 2 и ВСВ 3, но в ходе работ выяснилось следующее. На ВСВ 2 в границах раскопа 2016 г., ограниченного размерами землеотвода будущего газопровода, на южной поле кургана № 1 зафиксирован небольшой по площади культурный слой усадьбы конца XVIII – начала XX в. с остатками полуземлянки и круглого в плане погреба, стены которого обложены необработанным камнем. Встреченный здесь материал, датированный другими периодами, связан либо с погребениями, либо с некими обрядовыми действиями, их сопровождавшими.

На территории поселения ВСВ 3 собственно древний культурный слой также отсутствовал, а довольно многочисленный античный материал связан в основном с заполнением двух крупных ям: круглой, диаметром около 8 м, и траншеи шириной до 6 м и длиной около 25 м. Оба объекта служили изначально для добычи материкового суглинка, а впоследствии их котлованы использовались в качестве свалки бытовых отходов. По всей видимости, данная территория находилась на дальней северной периферии поселения. Отсюда происходит 829 фрагментов только профильных частей античной амфорной тары (в основном Хиос и Гераклея), в том числе некоторое количество клейм. Нижняя граница бытования некоторых вариантов амфор, произведенных на Фасосе, Хиосе, Менде и Лесбосе, опускается до второй половины V в. до н. э., а верхняя (амфоры Родоса, Коса и Херсонеса) поднимается до второй половины III в. до н. э.

Вблизи западного угла раскопа обнаружено погребение женщины (рис. 3–6), в котором находилась гераклейская амфора с двустрочным клеймом (рис. 3, *3*). Магистрат ΔΕΙΝΟ (ΜΑΧΟΥ) зафиксирован на керамических клеймах Гераклеи в 70-е годы IV в. до н. э. (*Кац*, 2007. С. 429, гр. IIБ). Фабрикантов с именем ΣΙΛΑΝΟΣ известно два. Причем на клеймах с именем ΔΕΙΝΟ (ΜΑΧΟΥ) встречается фабрикант с именем ΣΙΛΑΝΟΣ, работавший преимущественно в 80-х годах IV в. до н. э. (*Кац*, 2015. № 887). Это позволяет сузить датировку амфоры до конца 80-х – начала 70-х годов IV в. до н. э.[1] Известен целый ряд аналогий данному клейму (*Федосеев*, 2016. № 1887–1890).

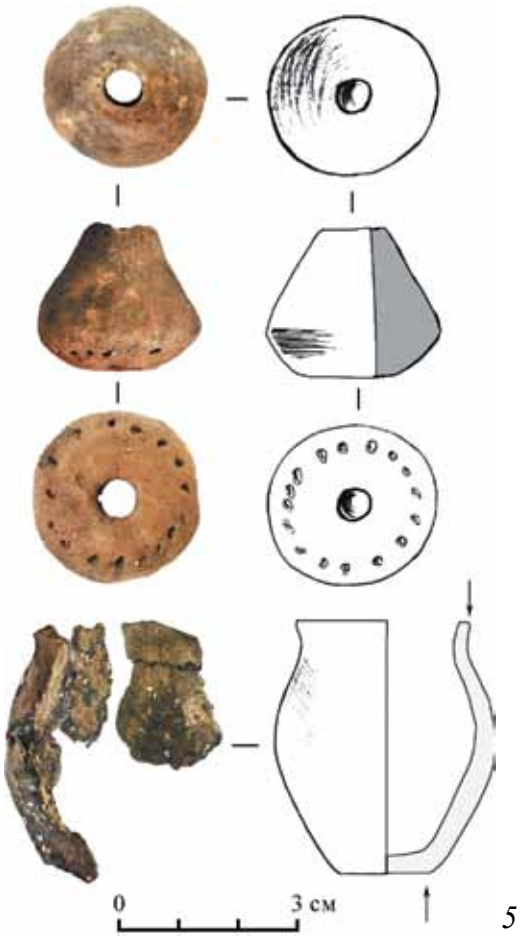
Само погребение (рис. 3–6) обнаружено на уровне материка, на глубине около 1 м. Пятно могильной ямы, ориентированное по оси ЗЮЗ–ВСВ, имело трапециевидную форму с закругленными углами размером 1,9×0,54–0,62 кв. м. Глубина ямы от уровня материка – до 0,5 м (-438 см от R0). Стенки ее вертикальные, слабо закруглявшиеся у дна. Дно

Рис. 4. Лекифы из погребения 1
Рис. 5. Керамическое пряслице, вотивный лепной горшочек из погребения 1
Рис. 6. Шесть раковин каури из погребения 1

[1] Благодарю А. Б. Колесникова и Н. Ф. Федосеева за предоставленные консультации. Кроме того, Николай Федорович высказал мнение, что данное клеймо не может датироваться позже 364 г. до н. э.

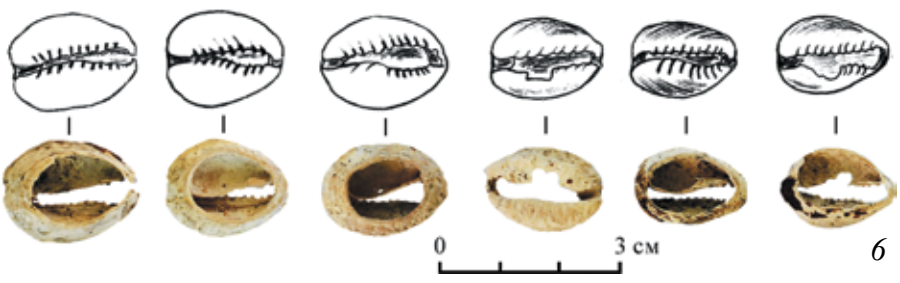
[2] Западная часть погребения пробита шурфом № 14/3 разведки А. В. Суркова 2015 г., который доходил до уровня поверхности материка и не задевал костяк и инвентарь погребения. Это четко фиксируют и фотографии дна шурфа № 14/3, содержащиеся, в частности, в проектной документации «Гипроспецгаза» по обеспечению сохранности объектов культурного наследия на территории Краснодарского края при строительных работах по увеличению подачи газа в юго-западные районы Краснодарского края. Правда, на плане дна шурфа, представленном в той же документации, контуры могильной ямы не отмечены.

ровное, близкое к горизонтальному. На нем вытянуто на спине, черепом на ЗЮЗ лежал скелет женщины 35–40 лет (рис. 3, *1–2*). Кости хорошей сохранности находились в анатомическом порядке. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти расположены по сторонам тазобедренных суставов. Ноги, вероятно, были слегка согнуты в коленях, о чем могут свидетельствовать кости правой ноги, обнаруженные в слабо согнутом положении. Возле нижней челюсти, справа, найден фрагмент бронзовой цилиндрической бусины. Вокруг правого предплечья – шесть раковин каури (рис. 6) и фрагмент пастовой глазчатой бусины, все вместе представлявшие собой остатки браслета, украшавшего руку женщины от запястья до локтя. Три алебастровые уплощенно-сферические бусины лежали во фрагментированном донце миниатюрного алебастрового же сосуда диаметром 3 см непосредственно у северной стенки могильной ямы в центральной ее части. Справа от левой кисти найдено керамическое грушевидное пряслице с концентрическим орнаментом из точечных наколов на основании (рис. 5). Ниже этой же кисти (восточнее) лежало железное шило. Мелкий фрагмент неустановленного железного изделия обнаружен и справа от черепа. В ногах умершей, в южном углу могильной ямы вертикально была установлена упомянутая выше гераклейская амфора. Между бедром костяка и северной стенкой могильной ямы найден чернолаковый лекиф с росписью в виде пальметки (рис. 4). Венчик сосуда отколот и находился в 12 см к западу от него. Фрагментированное тулово еще одного лекифа, на этот раз сетчатого, обнаружено под коленом правой ноги умершей (рис. 4). В 5 см к западу от алебастровых бус также непосредственно у северной стенки ямы обнаружен полный профиль миниатюрного вотивного лепного сосудика (горшочек) (рис. 5). Кроме того, у левого колена женщины первоначально была уложена половина разрубленной вдоль туши ягненка или козленка.



5

Погребения с элементами скорченности зафиксированы среди могил эллинистического времени большинства боспорских городов. Так, в некрополе Кеп эта особенность трупоположения представлена в 33 случаях, в некрополе Фанагории – в 20 случаях, в некрополе у пос. Пересыпь – в 12, в Гермонассе – в 9, в некрополе Панагии – 1 раз, в некрополе Горгиппии – 8 раз (*Сударев*, 2005. С. 133–136; *Сударев*, 2004. С. 332–344). Встречены элементы скорченности и в некоторых некрополях Греции, Западного Причерноморья и Сицилии с VII–VI вв. до н. э. по эллинистическое время (*Kurts, Boardman*, 1971. P. 192; *Картер*, 1995. С. 167–174); *Robinson*, 1942. P. 79–80, 97–98, 195–196; pl. VIII, 37b, XXXI, 273b, XXXIX, 320, XLIII, 348, XLVI, 378, XLIX, 485; *Panayotova*, 1998. P. 102, fig. 5; *Панайотова*, 1997. С. 195; *Венедиков*, 1963. С. 13; *Preda*, 1961. P. 4; *Скуднова*, 1988. С. 8; *Besios*, 1988. P. 183; *Karametrou-Mentesidi*, 1990. P. 83, tab. 3; *Nikolaidou-Patera*, 1989. P. 486, № 50; 1992. P. 551; *Scarlatidou*, 1986. Fig. 8; 1987. P. 427; *Young*, 1951. P. 97, fig. 12, 15, 19; Νικολαοσ Μ. Κοντολεων, 1955 σ.523, Ειχ. 5). Примечательно наличие подобной практики и в раннем некрополе Абдер, города метрополии



6

7

Фанагории (*Scarlatidou*, 1986. Fig. 8; 1987. P. 427; 2004. P. 252, fig. 8; *Kallintzi*, 2004. P. 278, fig. 12).

Положение амфоры в ногах также весьма характерно для большинства некрополей Боспора, за исключением кепского (*Сударев*, 2005. С. 162; *Сорокина, Сударев*, 2003. С. 297–301; *Сударев,* 2003. С. 246–247). Нами уже рассматривался вопрос о назначении амфоры в могилах Боспора и взаимовстречаемости ее с иными категориями погребального инвентаря (*Сорокина, Сударев*, 2003. С. 297–301; *Сударев*, 2010. С. 447–448). В данном случае мы видим, что с амфорой положены сосуды для благовоний. Следовательно, амфора здесь служила для хранения не напутственного питья, а воды для омывания трупа или в качестве «сосуда скорби», который устанавливался перед входом в дом умершего для обязательного омовения и очищения в то время, когда покойник еще находился в нем, ногами и лицом к выходу[3] (*Garland*, 1985. P. 13–20; *Kurts, Boardman*, 1971. P. 142–161). Вокруг него в это время выставлялись сосуды с маслом и благовониями. При погребении они помещались в могилу. В пользу такой трактовки амфоры в погребении говорит и ее положение в ногах, а также (позднее) у входа в склеп.

Наличие лекифов в погребениях VI–III вв. до н. э. – чрезвычайно устойчивая черта погребального обряда греков вообще и на Боспоре в частности (*Сударев*, 2005. С. 169–172; 2010. С. 448–451). Традиционно они вместе со стриглями относятся к предметам палестрического быта. Строго говоря, сосуды для масла встречаются как в мужских, так и в женских и детских захоронениях и связаны, скорее всего, с обычной погребальной практикой – умащением тел умерших и т. д. (*Robinson*, 1942. P. 185–187). Более того, видимо, в ряде случаев они специально изготовливались для этих целей (*Boulter*, 1963. P. 123). Отличительной чертой данного погребения является то, что оба лекифа были преднамеренно разбиты. Эта практика также была довольно широко распространена на Боспоре, хотя в разных некрополях фиксируется не одинаково часто (*Шкорпил*, 1905. С. 70 сл., 1909а. С. 78 сл.; *Сударев, Чевелев, Крайнева*, 2009. С. 430–431). Можно предположить, что при погребении еще до закрытия могилы использованные сосуды для масла били и сбрасывали в нее.

Обращает на себя внимание наличие в данном погребении предметов, которые имели не столько утилитарный характер, сколько были как-то связаны с культами и магией. Это шесть ракушек каури, пряслице, железное шило, донце

8

[3] Dem. 43, 58; Menandr. Asp. 232f.; Plut. Aristid. 21.

миниатюрного алебастрового сосуда, вотивный лепной горшочек. Эта особенность погребально-обрядовой практики античного Боспора уже служила предметом отдельного рассмотрения (*Сорокина, Сударев*, 2001. С. 133–139; *Сударев*, 2005. С. 184–198; 2010. С. 452–457). Так, нижние части сосудов, преднамеренно положенные в могилу, часты в некрополях Кеп, Фанагории и в некрополе пос. Виноградный 7. Менее известны подобные случаи в некрополе Пантикапея (*Шкорпил*, 1904. № 158; 1913. № 87/15; 1916. № 14, 15), а также в некрополе у пос. Пересыпь (*Коровина*, 1987. № 68, 50, 99; *Паромов, Сударев*, 2000. С. 206). При этом разным божествам предназначались разные части сосудов (*Тульпе*, 1999. С. 340; *Яйленко*, 1980. С. 78). Анализируя ольвийские граффити, В. П. Яйленко выделил нижние части сосудов в качестве посвящения хтоническим богам: Деметре, Персефоне, Иакху и Кабирам.

К этой же категории находок мы относим и пряслица. Они встречаются на Боспоре как в женских, так и в мужских погребениях, причем чаще в некрополях его азиатской части. Ранее нами высказывалась мысль об их связи на Боспоре с культом Афродиты Урании (*Сорокина, Сударев*, 2001. С. 133–139).

Ракушки каури фиксируются в погребениях некрополей Боспора сравнительно редко (*Сорокина, Сударев*, 2001. С. 133–139; *Сударев*, 2005. С. 184–198; 2010. С. 452–457) и связываются с культами плодородия. Они найдены на святилище женских божеств плодородия поселения Береговое 4. В большинстве случаев ракушки наличествовали в погребениях женщин или девочек.

Иглы и шилья часто встречаются в некрополях Боспора с VI в. до н. э., причем не только в женских, но и в мужских, и в детских захоронениях (*Сорокина, Сударев*, 2001. С. 133–139; *Сударев*, 2005. С. 184–198; 2010. С. 452–457). В пользу их магического, а не утилитарного значения в данном случае говорит и то, что они иногда втыкались в подушку; клались иглы согнутые, сломанные; известны золотые экземпляры и т. д. Кроме того, в некоторых некрополях они не встречаются или встречаются редко (некрополи Мирмекия и Тиритаки), что иначе труднообъяснимо. Иглы, шилья, булавки и т. п. острые предметы с древнейших

9

времен известны как обереги от злой силы (ЭС, 1996. С. 49; *Виноградова, Толстая*, 1990. С. 104). В некрополе Пантикапея они встречены в 7,6–9% погребений, в некрополе у пос. Войкова IV в. до н. э. – в 16%, в некрополе у пос. Пересыпь – 17–25%. В некрополе Кеп архаического времени бронзовые иглы встречены в 21% взрослых погребений, а эллинистического времени – в 10%.

Так или иначе, но погребение № 1 ввиду своей «характерности», скорее всего, свидетельствует о нахождении поблизости некоего неизвестного пока боспорского некрополя.

10

Рис. 7. Чернолаковые арибаллические лекифы
Рис. 8. Чернолаковые канфары
Рис. 9. Красноглиняные кувшины
Рис. 10. Чернолаковая солонка и красноглиняная миска

11

Обратимся теперь к поселению ВСВ 2. Основной интерес и здесь также вызвало изучение погребальных объектов. Самым древним комплексом оказался курган № 1, имевший к началу раскопок высоту до 2,5 м и диаметр около 40 м. Он отмечен на карте В. В. Соколова (*Соколов*, 1919, № 148) как имеющий следы археологических разведок. Впоследствии присутствовал на картах С. Ф. Войцеховского 1927 г. (*Паромов*, 1992), карте А. А. Миллера 1931 г. (Архив ИИМК Р-1, № 158) и на топографической карте 1943 г. В нем обнаружено пять погребений, два из которых могут рассматриваться как впускные. Могилы оказались практически безынвентарными. Лишь в одной из них находился овальный кусок обточенного известняка (погр. 2), а в трех ямах выявлены следы охры (погр. 1, 4, 5). Костяки сохранились плохо. Только в одной могиле хорошо фиксировалась поза погребенного: сильно скорченно, на правом боку (погр. 1). В трех погребениях можно говорить об ориентации умерших головой на северо-восток (погр. 1, 2, 4). В одном случае, когда в могильной яме были похоронены двое взрослых и младенец, ориентировка была противоположной – на юго-запад (погр. 5). Погребения № 2–5 могут, таким образом, быть датированы ранним бронзовым веком, а погребение № 1, вероятно, совершено на рубеже ранней и средней бронзы. И те и другое находят аналогии среди погребальных памятников Таманского п-ва (*Коровина*, 1964. С. 27–40; *Паромов, Гей*, 2005. С. 320–339; *Иванов, Сударев*, 2012. С. 178–192).

Но главное, несмотря на значительные разрушения насыпи этого кургана, удалось выявить ее конструктивные особенности. Курган возведен на северном краю восточного мыса небольшой гряды, на дне балки. Первоначально была сооружена округлая площадка диаметром около 25 м. Ее поверхность выровняли и покрыли слоем утрамбованной материковой глины толщиной 3–5 см. С этого уровня совершены основное погребение № 3 (в средней части площадки) и погребения № 4 и 5, отстоявшие от него к югу на 10–13 м. После засыпки яма в верхней части опять была перекрыта слоем материковой глины до общего уровня указанной площадки, на поверхности которой найдены фрагменты лепных сосудов эпохи бронзы.

Затем центральная часть площадки была перекрыта первичной конусообразной насыпью диаметром около 15 м, края которой отступали от внешнего края площадки. Угол наклона поверхности насыпи, которая, как и поверхность площадки, покрыта утрамбованным слоем материковой глины толщиной 3–7 см, составлял около 30 градусов. Верхняя часть профиля кургана оказалась уничтоженной поздними перекопами. Высота первичной насыпи, исходя из имеющихся у нас данных, могла достигать 4 м, но, скорее всего, насыпь имела форму усеченного конуса и была ниже.

Несколько позже в центральную часть кургана было впущено погребение № 2, северный угол которого оказался в непосредственной близости от южного угла погребения № 3. После этого первичная насыпь была перекрыта вторичной – полусферической формы, основание которой, вероятно, полностью поглотило площадку, покрытую утрамбованной глиной.

Рис. 11. Чернолаковые сосуды
Рис. 12. Погребение 18, курган 2. Первый уровень фиксации
Рис. 13. Погребение 18, курган 2. Второй уровень фиксации

Впоследствии в северную полу кургана было совершено еще одно впускное захоронение (погр. № 1).

В Средневековье (VIII–X вв.) с южной и восточной сторон кургана № 1 (но не в его насыпи) возник грунтовый могильник. В конце XVIII в. южная пола кургана № 1 была сильно повреждена сельской усадьбой с жилым зданием и надворными хозяйственными постройками (хутор Кривцова).

В античное время на территории поселения ВСВ 2 возник греческий некрополь, оставивший после себя курган № 2 высотой до 1,5 м и диаметром до 30 м, располагавшийся в 13 м к западу от кургана № 1 на северной оконечности западного мыса гряды на дне балки.

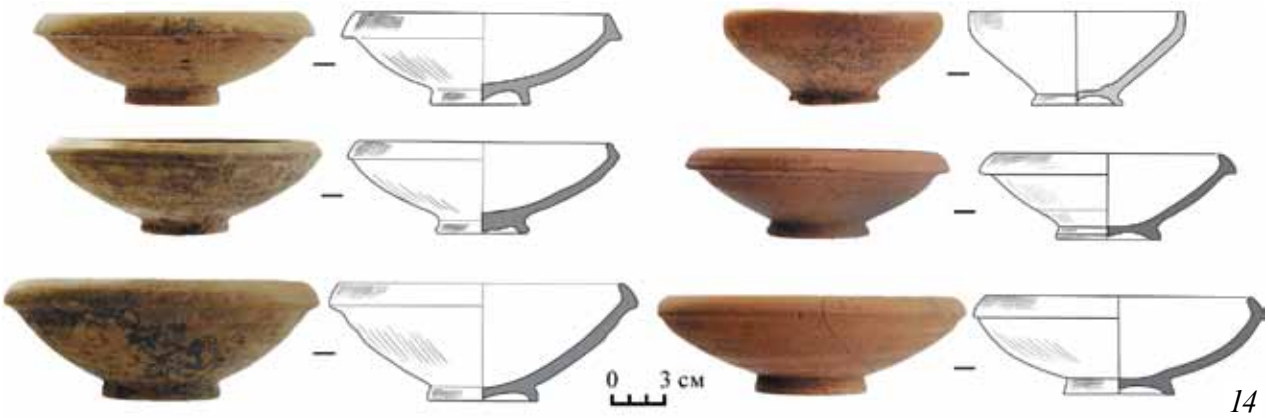
Он представлял собой природное всхолмление, несколько увеличенное в верхней части насыпью, сформированной из отдельных небольших насыпей, возведенных над древними могилами, которые местами могли частично перекрывать друг друга, а в итоге слились в одно целое. Такая практика использования естественных возвышенностей была широко распространена на Таманском полуострове начиная с эпохи бронзы. Большая часть «курганов», исследованных на территории некрополя Виноградный 7 в 1993–2016 гг., оказалась именно такими всхолмлениями (*Марченко, Бочковой, Кононов*, 2007. С. 151; *Сударев*, 2016. С. 335).

Всего в данном кургане обнаружено 24 греческих погребения, большая часть которых располагалась полосой по гребню всхолмления, идущему в общем направлении с юга на север. На основании находок монет и амфорных клейм этот некрополь был датирован IV– первой половиной II в. до н. э., что совпадает со временем функционирования мусорных ям на поселении ВСВ 3 (рис. 7–11). Господствуют тут обычные могильные ямы. Но встречены три сырцовых «ящика», из которых особый интерес представляет погребение 18 (рис. 12, 13), земляное надмогильное сооружение которого стало основой искусственной насыпи кургана № 2. Гробница размером 4×2,8 м вытянута продольной стороной по линии запад – восток.

12

Ее стены, сложенные из сырцовых блоков толщиной до 15 см, имели толщину до 0,7 м и сохранилась в высоту до 0,8 м. В их верхней части отмечались следы сырцовых блоков перекрытия, которые в древности лежали на каком-то деревянном основании. С востока, со смещением вправо от центральной оси, сооружен вход – дромос гробницы. Удалось проследить следы ремонта и переделки сырцовой конструкции, в результате которых камера гробницы была расширена к западу на 0,7 м, а в южной ее половине устроена лежанка из сырцовых блоков. Внутри обнаружены останки не менее

13



14

11 человек. Костяки четырех сохраняли анатомический порядок. Покойный, помещенный на лежанке, и два лежавших в нижней части прохода, между лежанкой и северной стенкой камеры, имели западную ориентацию. Один скелет в верхней части прохода лежал черепом на восток. Останки остальных умерших, за исключением немногочисленных разрозненных костей одного скелета без черепа, обнаруженных у западной стенки под лежанкой, сдвинуты к западной стенке гробницы. Кости еще одного покойника, в том числе части черепа, возможно, того, что был изначально захоронен на месте лежанки, были ссыпаны в заполнение могильной ямы с внешней стороны юго-восточного угла сырцовой гробницы.

В гробнице найден 41 предмет погребального инвентаря. Среди них 7 бронзовых монет, датированных 314–310 и 284–275 гг. до н. э., 2 железных наконечника копья, бронзовое зеркало, бронзовый наконечник стрелы, железный вток копья, чернолаковый канфар, 6 красноглиняных мисок, 5 кувшинов, унгвентарий и др. (рис. 14–16).

Сырцовые гробницы известны в некрополях Азиатского Боспора с конца VI – начала V в. до н. э. (*Сорокина*, 1957. С. 13; *Шкорпил*, 1914. С. 34; *Коровина*, 1962. С. 302; *Сорокина*, 1961. С. 49–50; *Сорокина*, 1957. С. 13; ОАК за 1886 г. С. 104). В грунтовом некрополе Кеп они редки (№ 135/73 – VI–V вв. до н. э., № 364/44 – II в. до н. э.), но получают довольно широкое распространение в его курганном некрополе с IV в. до н. э. (ОАК, 1872. С. 13; 1878–1879. С. 12; 1880–1881, С. 12). На европейской стороне они зафиксированы в некрополе Пантикапее с первой половины V в. до н. э. (№ 1902/40, 1902/41, 1907/40, 1912/6; *Сорокина*, 1963). Этот тип гробниц прежде связывался с погребальными традициями местного варварского населения – синдами, меотами, скифами и т. д. (*Каста-наян*, 1959. С. 287; *Коровина*, 1962. С. 302–312; 1964. С. 56, 90; *Сорокина*, 1957. С. 13–14). Однако, как уже отмечалось, типы могил сами по себе не могут служить критерием этнической принадлежности погребенного (*Масленников*, 1981. С. 29). Что же касается сырцовых гробниц, то одним из доводов в пользу их негреческого (синдского) происхождения служило вышеотмеченное их распространение на азиатской стороне Боспора. Представляется, что это скорее объясняется наличием/отсутствием камня по обоим берегам пролива. Но, так или иначе, они появляются практически одновременно.

15

16

Кроме того, как известно, использование сырцовых кирпичей широко практиковалось в строительном деле древних греков. Использование их и в качестве материала при сооружении гробниц вполне закономерно и естественно. Таковые известны, например, в Ольвии (*Козуб*, 1962. С. 42; 1974, С. 12; *Фармаковский*, 1903. С. 18), в Северо-Западном Крыму (*Рогов*, 1989. С. 45–50; 1998, С. 6), собственно в Греции (*Poulsen F.*, 1905. P. 22). В то же время среди скифских погребальных памятников их нет (*Ольховский*, 1991. С. 49).

Наличие в рассматриваемой гробнице входа-дромоса тем не менее отличает ее от абсолютного большинства сырцовых гробниц Боспора. Более того, на момент исследования это было единственное известное подобное сооружение на территории Северного Причерноморья. Но в 2016 г. на некрополе пос. Виноградный 7 было исследовано еще несколько аналогичных гробниц, датированных серединой – второй половиной IV – серединой III в. до н. э.

Учитывая особенности расположения захоронений рассматриваемого некрополя, можно предположить, что к югу от кургана № 2, за границами раскопа 2016 г., могут находиться другие погребения, входившие в состав этого объекта.

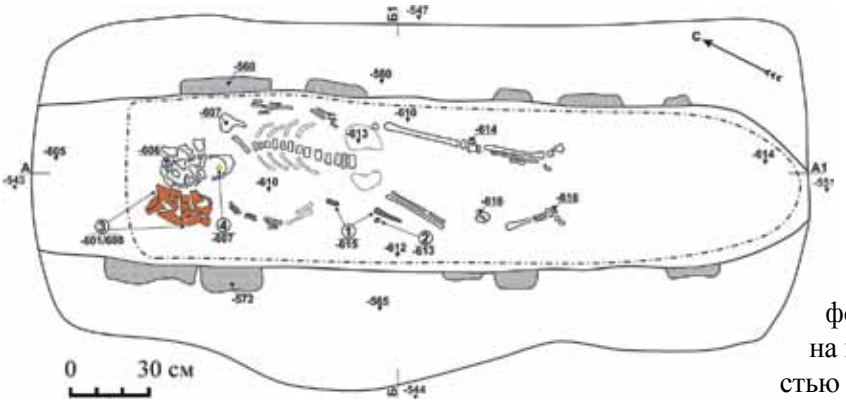
Еще один неизвестный ранее погребальный памятник открыт к югу и востоку от насыпи кургана № 1, на гребне и восточном скате гряды, на дне балки. Это комплекс захоронений салтово-маяцкой культуры, получивший название «Грунтовый могильник Виноградный северо-восточный 2».

Всего тут обнаружено 33 захоронения, совершенных в ямах. Большая часть умерших уложена головами к северо-западу, хотя встречались и другие ориентировки. Как уже отмечалось выше, ни одно выявленное погребение не заходило на насыпь кургана, хотя некоторые из них с южной стороны находились у самого ее основания. Два погребения были парными. В одном (погр. 20) захоронены два ребенка. В другом (погр. 29) рядом с женщиной похоронен младенец.

Безынвентарными оказались шесть захоронений. В остальных сделано свыше 180 находок. Среди орудий труда, украшений, керамических сосудов, предметов конской упряжи и поясного набора особо выделяются роговый реликварий,

17

Рис. 14. Погребение 18, курган 2. Красноглиняные миски
Рис. 15. Красноглиняные кувшины
Рис. 16. Чернолаковый канфар, красноглиняный унгвентарий, бронзовое зеркало
Рис. 17. Погребение 12. Реликварий из рога оленя



18

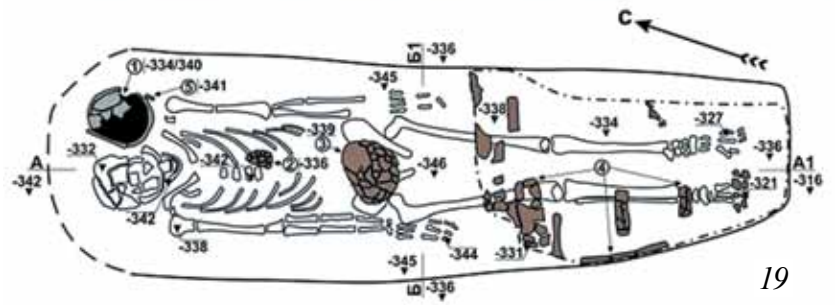
покрытый уникальной тематической резьбой (погр. 12) (рис. 17), и солид византийского императора Константина V Копронима, 757–775 гг. (погр. 9) (рис. 18). Есть еще одна группа находок, вызывающая повышенный интерес: остатки двух щитов разных типов, обнаруженные в погребении 25 (рис. 19), что является чрезвычайной редкостью.

Это захоронение (мужчина 25–30 лет) совершено в узкой прямоугольной яме, вытянуто на спине головой на северо-запад. Слева от черепа стоял сероглиняный кувшин. На тазовых костях лежала плохо сохранившаяся круглая железная пластина диаметром около 16 см и толщиной до 4 мм. Под ней фиксировались остатки древесного тлена. Край пластины был в древности обломан, и этот ее фрагмент лежал в области грудной клетки. У края пластины сохранились остатки крепежных гвоздей. Вероятнее всего, перед нами обломки малого круглого щита, разрубленного перед совершением захоронения.

Второй щит прямоугольной формы, 0,7×0,5 м, был уложен на ноги погребенного, нижней частью упираясь в юго-восточный край могильной ямы, а верхним краем доходя до середины бедер покойного. Основа щита была деревянной. От нее сохранился слой древесного тлена. Внешняя сторона щита была окована 6 горизонтальными плохо сохранившимися полосами железа. Верхняя полоса – шириной до 7 см и толщиной около 5 мм. Остальные имели ширину около 4 см и толщину 2–3 мм. В остатках сильно корродированных железных полос отмечались фрагменты крепежных гвоздей. Правый край щита был разрублен, что фиксировалось по смещению правых краев железных полос относительно их остальной поверхности. Вероятно, как и в отношении круглого щита, это были какие-то ритуальные действия.

Следует отметить, что данный некрополь имеет ряд отличий от синхронного ему по времени (VIII–X вв. н. э.) некрополя, исследованного к востоку от поселения Гора Чиркова 1. В первую очередь это касается состава инвентаря. Если в некрополе поселения Гора Чиркова 1 практически не было инвентаря, кроме монет, элементов одежды и украшений, то в рассматриваемом разнообразные сосуды, предметы вооружения и утвари встречены в большом количестве. Вероятно, это говорит о том, что в то время на территории Таманского полуострова обитали группы населения, отличавшиеся по религиозным воззрениям, погребальным традициям, а возможно, и этносу.

Итак, исследование данной группы памятников позволяет выдвинуть ряд предположений. Близость к крупному поселению Виноградный 1 и расположение данных памятников



19

Рис. 18. План погребения 9. Солид Константина V Копронима, 757–775 гг.
Рис. 19. Погребение 25. Фото и план погребения

на дороге, ведущей к поселению с северо-северо-востока, может говорить об их принадлежности к ближайшей хоре данного поселения. Более того, создается впечатление, что это не просто хора, а скорее дальняя периферия, окраина самого поселения. В то же время значительное сходство между некрополями поселения Виноградный 7 и некрополем античного времени Виноградный северо-восточный 2 свидетельствует, что оба некрополя оставлены не просто близкой, а родственной группой населения. Но некрополь поселения Виноградный 7 демонстрирует и разительное сходство с некрополем Фанагории, что, в свою очередь, может говорить о вхождении античного поселения Виноградный 7 в состав ее хоры. Все это, вместе взятое, позволяет объединить данные памятники в территориальное и политическое понятие «полис Фанагория» уже (как минимум) в IV в. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Венедиков И., 1963. Разположение на некропола и организация на разкопките през 1947–1949 г. // Аполлония. София.

Виноградов Ю. А., 2004. Курган Малая Близница (История изучения и датировка) // Боспорские исследования. Вып. VII. Симферополь – Керчь.

Виноградова Л. И., Толстая С. М., 1990. Мотив «уничтожения – проводов нечистой силы» в восточнославянском погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.

Гарбузов Г. П., Завойкин А. А., Строкин В. Л., Сударев Н. И., 2011. Освоение греками Таманского полуострова в VI – V вв. до н. э. // Древности Боспора. Т. 15.

Грач Н. Л., 1999. Некрополь Нимфея. СПб.

Иванов А. В., Сударев Н. И., 2012. К вопросу о догреческом населении Таманского полуострова // Древности Боспора. Т. 16. М.

Картер Д. К., 1995. Хора Метапонта в Лукании и Херсонеса в Таврике // Античные полисы и местное население Причерноморья. Симферополь.

Кастанаян Е. Г., 1959. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н. э. и местные их особенности // МИА 69.

Кац В. И., 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2007. Вып. XVIII.

Кац В. И., 2015. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора, Семибратнее городище: каталог. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та.

Козуб Ю. І., 1962. Поховальні споруди ольвійського некрополя V–IV ст. до н. э. // Археологічні пам'ятки УРСР, т. XI.

Коровина А. К., 1962. Некрополь около мыса Панагии // АИБ 2. Симферополь.

Коровина А. К., 1964. Некрополи Синдики VI–II вв. до н. э. // Автореф. дисс на соиск. уч. ст. к. и. н. М.

Коровина А. К., 1987. Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // СГМИИ. VIII. М.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 1993. Античные погребения из курганов в окрестностях Фанагории // Понтийские греки. Краснодар.

Марченко И. И., Бочковой В. В., Кононов В. Ю., 2007. Раскопки могильника «Виноградный 7» на Тамани в 2005–2006 гг. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.

Масленников А. А., 1976. Об этнической принадлежности скорченных погребений в некрополях некоторых боспорских городов // СА. № 3.

Масленников А. А., 1978. Этнический состав населения боспорских городов в VI–V вв. до н. э. // СА. № 1.

Масленников А. А., 1981. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. М.

Ольховский В. С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.

Панайотова К., 1997. Элементы погребального обряда в эллинистической Аполлонии // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса.

Паромов Я. М., 1992. Археологическая карта Таманского полуострова. (Работа депонирована в ИНИОН РАН. № 47103 от 01.10.1992).

Паромов Я. М., 1998. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // Древности Боспора. Т. 1. М.

Паромов Я. М., Сударев Н. И., 2000. Новые погребения из раскопок некрополя у пос. Пересыпь («Тирамба») // Древности Боспора. Т. 3. М.

Паромов Я. М., Гей А. Н., 2005 Памятники эпохи камня и бронзы на Таманском полуострове (краткий обзор) // Древности Боспора. Т. 8. М.

Рогов Е. Я., 1989. О хронологии могильника Панское I // Проблемы исследования античных городов. М.

Рогов Е. Я., 1998. Некрополь Панское I и его место среди некрополей IV–III вв. до н. э. в Северном Причерноморье. Автореф. на соиск. уч. ст. к. и. н. СПб.

Ростовцев М. И., 1914. Античная декоративная живопись на юге России. СПб.

Скуднова В. М., 1988. Архаический некрополь Ольвии. Л.

Соколов В. В., 1919. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской // ИТУАК. 56.

Соловьев С. Л., 2003. Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея. СПб.

Сорокина Н. П., 1957. Тузлинский некрополь. М.
Сорокина Н. П., 1961. Раскопки некрополя Гермонассы в 1956–1957 гг. // КСИА. 83.
Сорокина Н. П., 1963. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. // КСИА. 95.
Сорокина Н. П., Сударев Н. И., 2001. Предметы, связанные с культами и магией, из погребений кепского некрополя VI–II вв. до н. э. // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб.
Сорокина Н. П., Сударев Н. И., 2003. Амфоры в погребениях грунтового некрополя Кеп и грунтовых некрополей боспорских городов VI–III вв. до н. э. // Древности Боспора. Т. 6. М.
Сударев Н. И., 2003. Амфоры в погребениях грунтового некрополя Кеп и грунтовых некрополей боспорских городов VI–III вв. до н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь.
Сударев Н. И., 2004. Погребения с элементами скорченности костяка в некрополях Боспора VI–II вв. до н. э. // Древности Боспора. Т. 7. М.
Сударев Н. И., 2005. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н. э. как исторический источник. Дис. на соиск. уч. ст. к. и. н. М.
Сударев Н. И., 2010. Часть XI. Религия. Погребальные обряды. Глава 2. Некрополи и погребальные обряды // Античное наследие Кубани. Т. II. Отв. ред. Бонгард-Левин Г. М., Кузнецов В. Д. М.: Наука.
Сударев Н. И., 2016. Погребения некрополя «Виноградный 7» (раскопки 2015–2016 гг.) // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Мат. межд. круглого стола. СПб.
Сударев Н. И., Кашаев С. В., 2016. История исследования поселения Виноградный 7 и работы на памятнике в 2015 г. // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь.
Сударев Н.И, Чевелев О. Д., Крайнева А. А., 2009. Некоторые результаты исследования западной части некроля Гермонассы в 2008 г. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы**.** X Боспорские чтения.
Тульпе И. А., 1999. Амфора на некрополе: хтонический аспект // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб.
Фармаковский Б. В., 1903. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. // ИАК. 8.
Федосеев Н. Ф., 2016. Керамические клейма. Гераклея Понтийская. Том 2. Керчь.
Цветаева Г. А., 1951. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. 19. М.
Шкорпил В. В., 1904. Отчет об археологических раскопках в 1902 г. // ИАК. 9.
Шкорпил В. В., 1905. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. // ИАК. 17.
Шкорпил В. В., 1909. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905–1906 гг. // ИАК. 30.
Шкорпил В. В., 1910. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1907 г. // ИАК. 35.
Шкорпил В. В., 1914. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК. 56.
Шкорпил В. В., 1916. Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. // ИАК. 60.
ЭС, 1996. Энциклопедия суеверий. М., 1996.
Яйленко В. П., 1980. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ, 2.
Bessios M., 1988. Excavations at Pydna // АЕМФ, 2.
Boulter C. G., 1963. Graves in Lenormant Street, Athens // Hesperia. V. XXXII: № 2. Athens.
Garland R., 1985. The Greek Way of Death. New York.
Kallintzi K., 2004. Abdera: Organization and Utilization of the Area Extra Muros // Klazomenai, Teos and Abdera. Metropoleis and Colony. Thessaloniki.
Karametrou-Mentesidi G., 1990. Excavation at Aiani // АЕМФ, 4.
Kurts D. C., Boardman J., 1971. Greek Burial Customs. London.
Nicolaidou-Patera M., 1989. Excavational research at ancient Tragilos and Phagres // АЕМФ, 3.
Nicolaidou-Patera M., 1992. The cemetery of ancient Amfipolis // АЕМФ, 6.
Νικολαοσ Μ. Κοντολεων, 1955. ΑΝΑΣΚΑΦΑΙ ΕΝ ΧΙΩ // ΠΡΑΚΤΙΚΑ. 1952. ΑΘΙΗΝΑΙΣ
Panayotova K., 1998. Apolonia Pontica: Recent Discoveries in the Necropolis // by Gocha R. Tsetskhladze (ed.). The Greek Colonisation of the Black Sea Area. London.
Poulsen F., 1905. Die Dipylongraber und die Dipylonvasen. Leipzig.
Preda C., 1961. Archaeological Discoveries in the greek cemetery of Callatis-Mangalia (IVth–IIIrd centuries before our era) // Dacia. N. S. V. 1.
Robinson D. M., 1942. Excavations at Olynthus. Baltimore, pt. 11.
Skarlatidou E., 1986. The archaic cemetery of Abdera // Thracia Pontica III. Sozopol.
Skarlatidou E., 1987. Excavations research in the archaic cemetery of Abdera // АЕМФ, 1.
Skarlatidou E., 2004. The Archaic Cemetery of Clazomenian Colony at Abdera // Klazomenai, Teos and Abdera. Metropoleis and Colony. Thessaloniki.
Tamburello I., 1977. Palermo Antica // Sicilia Archeologica. A. X. № 35.
Young R. S., 1951. Sepulturae intra urbem // Hesperia. V.XX: № 2.

Резюме. Летом 2016 г. в ходе археологических раскопок у пос. Виноградный Темрюкского р-на Краснодарского края на трассе строившегося газопровода исследован комплекс компактно расположенных археологических памятников, давших интереснейшие научные результаты по трем хронологическим периодам истории Тамани: эпохе бронзы, античному времени и периоду существования Хазарского каганата (Виноградный северо-восточный 2, Виноградный северо-восточный 3, курганная группа (10 насыпей), грунтовый могильник Виноградный северо-восточный 2. Данные памятники расположены на древней дороге, идущей от Фанагории к Кизилташскому лиману. Наибольший интерес представляют исследования погребальных памятников. Рассматриваются погребения IV–II вв. до н. э., из которых особый интерес представляют погребение 1 и уникальный сырцовый склеп 18. Делается вывод о принадлежности их к той же группе населения, что в некрополях Виноградный 7 и Фанагории. Также в статье рассматриваются погребения эпохи бронзы и средневекового времени.

Хотелось бы отметить, что исследование данной группы памятников позволяет выдвинуть ряд предположений. Близость к крупному поселению Виноградный 1 и расположение данных памятников на дороге, ведущей к поселению с северо-северо-востока, свидетельствует об их принадлежности к ближайшей хоре данного поселения. В то же время значительное сходство между некрополями пос. Виноградный 7 и некрополем античного времени Виноградный северо-восточный 2 говорит о том, что они оставлены не просто близкой, а родственной группой населения. Но некрополь поселения Виноградный 7 демонстрирует разительное сходство также с некрополем Фанагории, что, видимо, может рассматриваться как свидетельство вхождения античного поселения Виноградный 7 в состав хоры Фанагории уже (как минимум) в IV в. до н. э.

Ключевые слова: Боспор, курганы, некрополь, погребальные обряды, хора Фанагории, древние дороги, сырцовые ящики, сырцовый склеп, раннесредневековый некрополь, реликварий, щит.

D. A. Karpov, N. I. Sudarev
Severo-Vostochny 2 Vinogradny, Severo-Vostochny 3 Vinogradny, the Earthwork Barrow group (10 mounds), (Krasnodar Province, Temriuksky Region)

Resumé. During the summer of 2016, archaeological excavations were carried out at the village of Vinogradny Temriuksky ('Temriuksky Vineyard') in Krasnodar Province, within the planned construction zone of a backbone gas pipeline, at three compactly-located sites – which provide valuable information on the chronological dating of three periods of Taman history. These include the Bronze Age, Ancient times, and the period of the Khazar Khanate (Vinogradny Severo-Vostochny-2, Vinogradny Severo-Vostochny-3, Barrow Group (10 mounds), and the Grave site at Severo-Vostochny-2. These monuments are located on an ancient road running from Fanagoria to the Kiziltash Estuary.The most interesting items in the research are the funerary monuments. Burials of the 4th–2nd centuries BC, of which the burial 1 and the unique burial vault 18 are of particular interest. It can be established that these belong to the same population group as those in the necropolises of Vinogradny-7 and Fanagoria. The article deals with burials of the Bronze Age and medieval times.

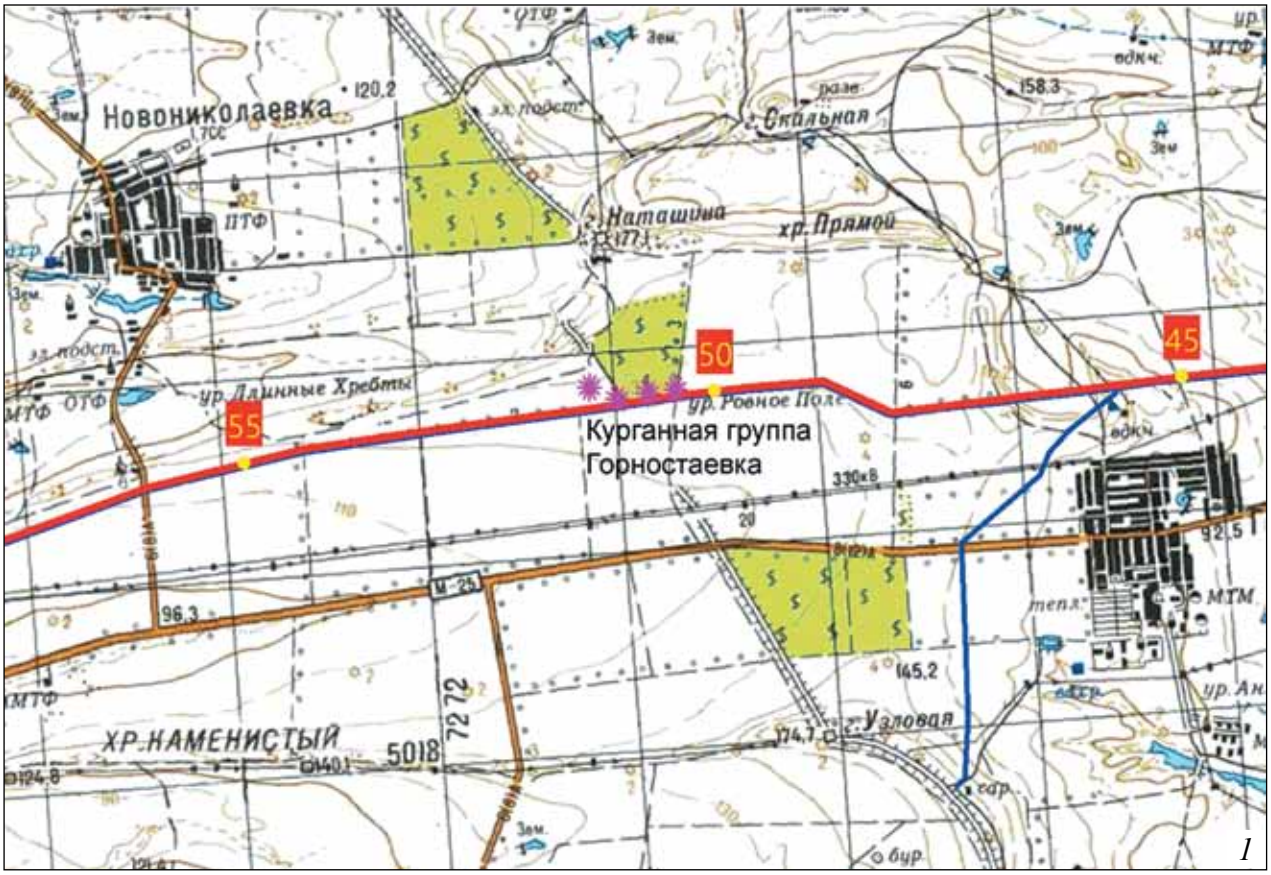
It must be noted that studies of this group of sites enable us to advance a number of theories. The proximity to the large settlement of Vinogradny-1, and the location of these settlements along the highway leading to the NNE, suggests their connection or ownership to this settlement. Similarly the significant similarities between the necropolises of Vinogradny-7 and the ancient necropolises of Vinogradny NE-2 suggests that they are not merely coincidental, but a specific family of such monuments. However, the Vinogradny-7 necropolis shows remarkable similarities to the necropolises in Fanagoria too. This could be viewed as evidence that Vinogradny-7 could have been part of the Fanagoria group as early as the 4th century BC.

Keywords: Bosphorus, earthwork barrows, necropolis, funeral rites, the choir of Fanagoria, ancient roads, simple boxes, early Medieval necropolis, reliquary, shield.

КУРГАН ГОРНОСТАЕВКА 2

(РЕСПУБЛИКА КРЫМ, ЛЕНИНСКИЙ РАЙОН)

А. В. Куликов, В. Ю. Кононов, П. Г. Столяренко



В июле 2016 г. отряд Восточно-Крымской археологической экспедиции ИА РАН на основании Открытого листа № 993 от 06.07.2016, выданного на имя м. н. с. отдела сохранения археологического наследия А. В. Куликова проводил спасательные исследования на кургане Горностаевка 2 в зоне строительства магистрального газопровода Краснодарский край – Крым (рис. 1).

Курганная группа из четырех вытянутых в цепочку с запада на восток насыпей расположена на широкой равнине в урочище Ровное Поле приблизительно в 4,5 км к северо-западу от с. Горностаевка (*Веселов В. В.,* 2005; *Ермолин А. Л.,* 2008; www. archmap.ru. Л. 97). В зону строительства попали курганы Горностаевка 1 и 2 (рис. 2).

Наиболее крупным являлся курган Горностаевка 1, имевший высоту 3 м и диаметр до 40 м. Приблизительно в 40 м от края его западной полы проходит трасса Узунларского (Аккосового, Турецкого) вала, пересекающего весь Керченский полуостров с севера на юг (*Масленников А. А.,* 2003). В 1 км к северу от курганной группы вал огибает возвышенность с расположенным на ней античным городищем Савроматий (рис. 1, 14), которое существовало, как показывают результаты раскопок А. А. Масленникова и О. Д. Чевелева, с конца II до начала третьей четверти III в. н. э. (*Масленников А. А., Чевелев О. Д.,* 1983. С. 93, 94).

На материалах аэрофотосъемки 40-х гг. прошлого века хорошо видны следы земельного размежевания в виде сплошного массива прямоугольных участков площадью до 12 га, расположенных в несколько рядов на равнине к югу от городища по обе стороны оборонительного рва и вала.

С напольной стороны Узунларского вала в 350 м к северо-западу от насыпи кургана

2

Горностаевка 1 на пахотном поле расположен сильно распаханный курган Горностаевка 4 диаметром до 30 м и высотой чуть более 1 м.

Курган Горностаевка 2 находился в 130 м к северо-востоку от кургана Горностаевка 1. Разведками 2015 г. установлено, что насыпь этого кургана имеет диаметр до 50 м и высоту около 1 м (рис. 3). Далее к востоку в 350 м от него выявлена насыпь кургана Горностаевка 3 диаметром около 40 м и высотой до 1,5 м (*Супренков А. А.,* 2015. С. 44, 45).

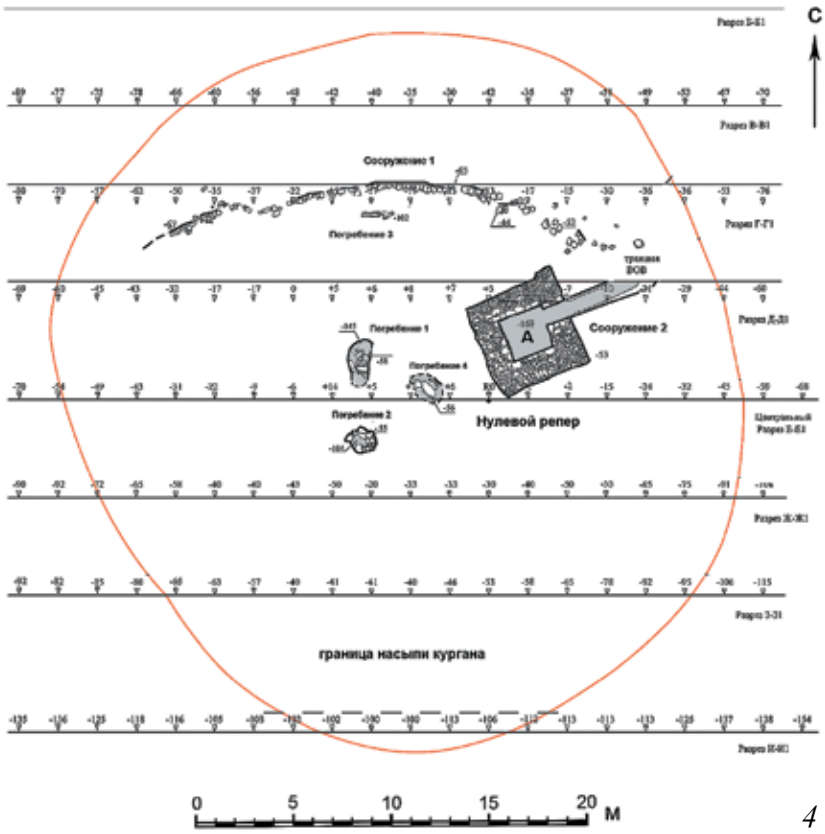
Курган Горностаевка 2 сильно поврежден в 70–80-е гг. прошлого века плантажной распашкой под виноградник. Стратиграфия насыпи показывает, что глубина распашки в некоторых местах достигает 0,80–0,90 м. В центре кургана насыпь местами распахана практически до древней дневной поверхности и предматерика, на ее периферии – до глинистого материка.

В 90-е гг. прошлого века на вершине кургана Горностаевка 2 кладоискателями в поисках центрального захоронения выкопано не менее трех грабительских шурфов. К моменту начала раскопок дневная поверхность кургана была плотно задернована сплошным ковром степной травянистой растительности и одичавшими виноградными лозами, между которыми выросли кустарник и даже отдельные деревья.

Большие размеры насыпи и ее плохая сохранность, сжатые сроки выполнения работ по договору и проблемы с окончательным выбором трассы газопровода (первоначально обсуждалась возможность обхода кургана Горностаевка 1 и, соответственно, переноса оси трассы) определили методику проведения археологических исследований: насыпь изучалась полосами-сегментами шириной 4 м с контрольными разделительными стратиграфическими бровками шириной 1 м. С помощью бульдозера насыпь срезалась пластами по 5–7 см. Работы велись до уровня материка с дальнейшим контрольным прокопом в глубину на 0,3–0,5 м. После исследования двух соседних полос бровки разбирались (рис. 6, 7). Таким способом были исследованы сама насыпь кургана площадью 2,3 тыс. кв. м и участок межкурганного

3

Рис. 1. Курганная группа Горностаевка в зоне строительства газопровода
Рис. 2. Курганы Горностаевка 1 и Горностаевка 2. Охранные зоны
Рис. 3. Насыпь Кургана Горностаевка 2. Вид до начала работ (с востока)



4

В ходе раскопок под насыпью кургана были обнаружены четыре погребения и два каменных сооружения (рис. 4).

Стратиграфические наблюдения показали, что первоначальные размеры насыпи составляли около 18 м в диаметре (рис. 8), а реконструируемая высота – 3–4 м. Под толщей насыпи кургана, состоявшей из однородного гумированного серо-коричневого суглинка (мощностью до 1 м) на отметке -1,12 м зафиксирован уровень древней дневной поверхности и погребенный почвенный слой мощностью до 0,5 м. Поверх него были прослежены выкид из центрального погребения (толщиной до 0,1 м) и тонкая прослойка (0,03 м) утоптанной желтоватой глины на месте погребальной площадки.

пространства по линии трассы газовой трубы на площади 2 тыс. кв. м, который практически не дал археологических находок, за исключением немногочисленных фрагментов амфор Фасоса, Хиоса, Менды, Гераклеи Понтийской V–IV вв. до н. э. (*Монахов С. Ю.,* 2003).

По внешнему периметру насыпи возведена невысокая крепида (сооружение 1) из одного-двух рядов небольших необработанных камней высотой в 2–3 ряда (до 0,30–0,35 м). Не исключено, что в древности она была более солидной. До настоящего времени сохранился только ее северный сегмент в виде дуги общей длиной до 20 м (рис. 5). Внешний край крепиды находился на расстоянии 8,45 м от центрального репера, высотная отметка верха камней – 0,65 м.

5

Центральное захоронение (*погребение 4*) обнаружено в основной бровке кургана Е-Е1. Погребение совершено в подпрямоугольной яме 1,75×1,00 м, вырытой в глинистом материке и обложенной по внутреннему периметру необработанными камнями (рис. 9). Дно ямы прослежено на отметке -1,41 м. Перекрытие не сохранилось. Захоронение было полностью ограблено в 90-е гг. прошлого века.

В перемешанном с камнями грунте заполнения могильной ямы найдены разрозненные фрагментированные кости взрослого мужчины (40–45 лет), фрагменты лепной керамики (придонная часть и плечики плоскодонного горшка

Рис. 4. Курган Горностаевка 2. Генеральный план
Рис. 5. Кольцевая крепида (сооружение 1) в северной части насыпи
Рис. 6. Процесс исследования курганной насыпи. Вид с юго-запада
Рис. 7. Зачистка стратиграфического разреза насыпи. Вид с юго-запада
Рис. 8. Центральная бровка. Стратиграфия насыпи

без орнаментации), кости коровы. Таким образом, дату сооружения кургана Горностаевка 2 и центрального захоронения можно отнести к эпохе средней бронзы, вероятно, к позднеямному времени (середина – вторая половина II тыс. до н. э.).

В эпоху поздней бронзы – раннего железного века (конец II – первая половина I тыс. до н. э.) в первоначальную насыпь было совершено два впускных захоронения в каменных ящиках, установленных в овальных в плане ямах. Подобные каменные ящики характерны для аборигенного населения Восточного Крыма в эту эпоху (*Масленников А. А.,* 1995).

Погребение 1 (2×1,1 м) находилось в 6,2 м к западу от центрального нулевого репера. Могильная яма ориентирована по оси север – юг. Ее дно зачищено на отметке -1,47 м (рис. 10). *Погребение 2* размером 1,5×1 м располагалось в 6,9 м к западу от нулевого репера. Дно могильной ямы находилось на отметке -1,11 м. Ориентацию установить не удалось (рис. 11). В заполнении могильных ям кроме камней разрушенных конструкций найдены единичные кости человеческих скелетов. Возраст погребенных – в пределах 30–40 лет, пол не установлен. Остатков инвентаря, за исключением нескольких невыразительных фрагментов лепной керамики (закрытые формы), не сохранилось. Оба захоронения сильно повреждены плантажной распашкой, каменные ящики частично или полностью разрушены при ограблении могил в 90-е гг. прошлого столетия.

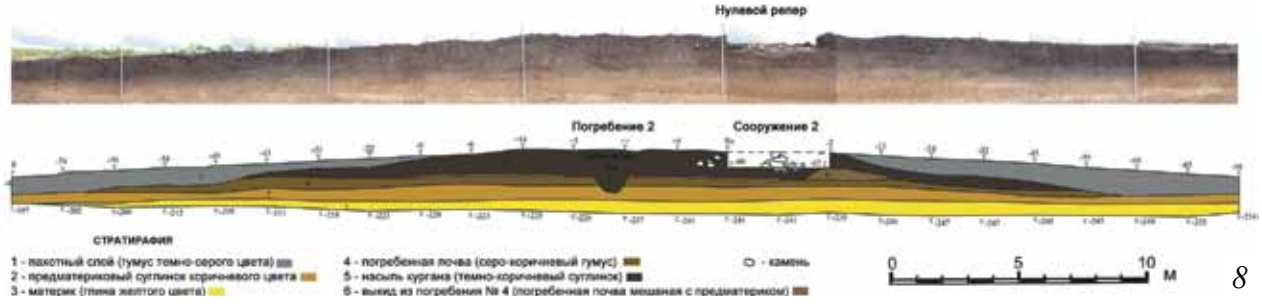
После совершения впускных захоронений насыпь кургана была досыпана темно-серым, почти черным, обильно гумированным суглинком, который контрастирует с более светлым, серовато-коричневым цветом суглинка основной части насыпи (рис. 8). Из-за глубокой плантажной распашки толщину досыпки установить можно только приблизительно (до 1 м в центре насыпи). В настоящее время в пахотном слое досыпка прослеживается местами на 0,25–0,3 м.

6

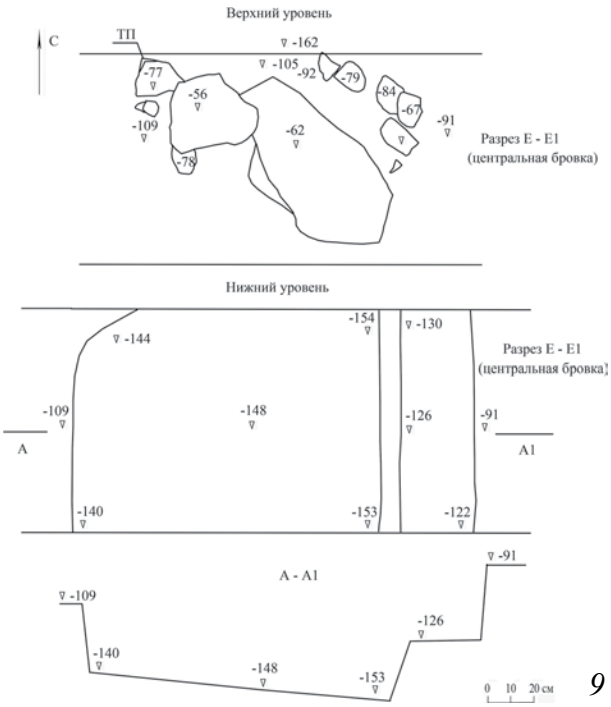
7

В северной поле кургана, внутри кольцевой выкладки крепиды, на расстоянии 4,7 м от нулевого репера обнаружено безынвентарное *погребение 3*, совершенное в земляной яме, контуры которой не прослеживались. Отметка дна – 1,02 м. Следы гроба не прослежены. Погребение частично повреждено плантажной распашкой (рис. 12).

Это захоронение совершено по обряду ингумации, костяк лежал на спине, вытянуто, головой на восток, руки перекрещены и сложены на животе. Пол мужской, возраст погребенного – 20–25 лет, рост – около 160 см. Датировка из-за отсутствия инвентаря затруднена; судя по обряду, оно может относиться к эпохе Средневековья. Крупное поселение салтовского времени (IX–XI вв.) расположено у с. Ново-Николаевка приблизительно в 1,5 км к северо-востоку. Отметим, что в земляной насыпи



8



9

в районе погребения найдены обломки оранжевоглиняной причерноморской амфоры (стенки и ручка) IX–X вв. (*Чхаидзе В. Н.,* 2008).

В центральной части курганной насыпи на площади до 25 кв. м обнаружено большое (4,80×4,80 м, толщиной до 0,45 м) скопление мелкого бутового камня, растащенное плантажным плугом. После расчистки под ним обнаружено прямоугольное (почти квадратное в плане) *сооружение 2,* ориентированное углами по сторонам света (рис. 4, 13). Его внешние размеры – 4,5×4,4 м, внутренние – 2×2 м. Это была заглубленная однокмерная постройка с массивными стенами, сложенными из бутового камня, со связующим раствором на желтой глине. Стены сохранились в высоту по внутреннему фасу до 1–1,1 м. Кладка однолицевая, практически иррегулярная, линия внутренних фасов строго выдержана по вертикали и горизонтали. В юго-восточной стене на высоте около 1–1,05 м от уровня пола по внешнему краю кладки прослежена облицовка из прямоугольных плиток белого известняка, уложенных в один слой в два ряда (0,85×0,42 м). Юго-восточная стена выделяется своей толщиной (до 1,20 м), в то время как противоположная ей, северо-западная, имеет толщину чуть более метра.

Внутреннее помещение А до уровня верхней части сохранившихся стен завалено бутовым камнем вперемешку с желтовато-серым суглинком. Здесь встречались небольшие железные гвозди и обломки печного кирпича. Следы перекрытия не сохранились. Вероятно, оно было деревянным в виде наката из балок и бревен, поверх которых насыпан толстый слой мелкого бутового камня и желтоватого суглинка.

Пол помещения А ровный земляной, его высотные отметки – 1,65–1,70 м от нулевого репера кургана. Вход в помещение устроен с северо-востока, на стыке северо-восточной и северо-западной стен сооружения. Дверной проем тщательно выложен, его ширина составляет 0,7 м. Вероятно, он был оборудован деревянной

10

11

12

дверью, открывавшейся внутрь. Снаружи к дверному проему вел углубленный проход в виде узкой траншеи с земляными стенками и утоптанным земляным дном (рис. 13). Ширина траншеи – 0,7–0,75 м, сохранившаяся глубина – до 0,68 м. Предвходовая часть траншеи ровная, ориентированная по оси юго-юго-запад – северо-северо-восток. Высотная отметка ее дна – 1,70 м. Затем траншея расширяется до 1,25 м и поворачивает к северу в виде плавной дуги, отметка дна – 1,46 м.

При зачистке земляного пола помещения обнаружено несколько железных гвоздей, гильза 7,62×25 мм от патрона образца 1930–1933 гг. к советскому пистолету ТТ (автомату ППШ), два смятых патрона с латунной гильзой 7,62×54 мм от советской винтовки Мосина образца 1908–1930 гг. (пулемет «Максим», пулемет Дегтярева). На дне траншеи найдены еще одна стреляная гильза и обрывок коленкора красного цвета (корешок какой-то книжки).

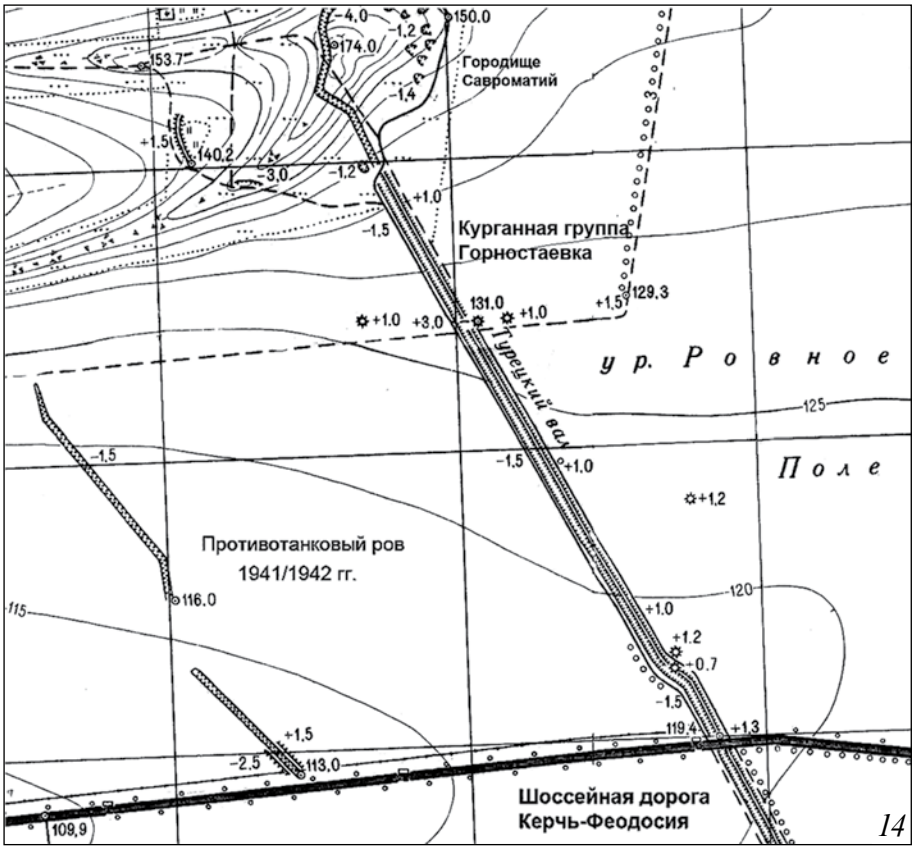
Таким образом, сооружение 2 может быть однозначно интерпретировано как полевое долговременное сооружение (дот), которое использовалось в годы Великой Отечественной войны как наблюдательный пункт и пулеметная точка. Упомянутая выше облицовка внешнего края юго-восточной стены представляла собой остатки щели-амбразуры, обращенной в сторону шоссейной дороги Керчь – Феодосия, расстояние до которой составляет около 1,5 км (предел прицельного пулеметного огня). Эта стена была фронтальной и должна была выдерживать прямое попадание снаряда.

Архивные данные подтверждают проведение фортификационных работ по трассе Турецкого (Узунларского) вала (рис. 14) в августе – сентябре 1941 г., на которые было мобилизовано местное население (Неменко А. В. http://samlib.ru/n/nemenko_a_w/zim. html). Для строительства использовались лес и бутовый камень из разобранных построек небольшого поселка, располагавшегося в 500 м к северо-западу. Сооружение возвел сельский каменщик, обладавший хорошими строительными навыками: сначала был вырыт котлован в виде воронки со скошенными краями, потом по деревянной опалубке из бутового камня на глине выложены внутренние фасы стен, после чего произведена окончательная забутовка котлована.

Известно, что боевые действия на этом рубеже обороны были кратковременным и проходили в период с конца октября по начало ноября 1941 г., а также несколько дней в середине мая 1942 г.

13

Рис. 9. Центральное захоронение (погребение 4). План
Рис. 10. Погребение 1 (впускное). Вид с запада
Рис. 11. Погребение 2 (впускное) в каменном ящике. Вид с юга
Рис. 12. Погребение 3 (впускное) средневекового времени. Вид с юга
Рис. 13. Каменное сооружение 2 в центральной части насыпи. Вид с востока



По окончании комплекса охранно-спасательных археологических раскопок пахотное поле было полностью рекультивировано (рис. 15).

Раскопками 2016 г. установлено:

– центральное захоронение (погребение 4) и сооружение курганной насыпи относится, вероятно, к середине – второй половине II тыс. до н.э;

– два впускных захоронения в каменных ящиках (погребения 1 и 2), по-видимому, относятся к эпохе поздней бронзы – раннего железа. С этими погребениями связываются досыпка курганной насыпи и единичные находки фрагментов греческой амфорной тары (Хиос, Фасос, Гераклея Понтийская) конца V – первой половины IV в. до н.э;

– в раннесредневековое время (IX–X вв.) в северной поле кургана было совершено впускное захоронение по христианскому обряду (погребение 3);

– курган использован в 1941–1942 гг. для сооружения заглубленного долговременного наблюдательного пункта и пулеметной точки советских подразделений, оборонявших линию Турецкого вала (сооружение 2);

– в 70–80-е гг. прошлого века насыпь кургана была подвергнута сплошной плантажной распашке под разбивку виноградника, что привело к ее нивелировке и существенному повреждению включенных в нее объектов и погребений;

– в насыпи кургана обнаружены следы грабительской деятельности 90-х гг. прошлого столетия.

Рис. 14. Линия обороны «Турецкий вал» в 1941–1942 гг.
Рис. 15. Рекультивация пахотного поля по окончании работ

ЛИТЕРАТУРА

Веселов В. В., 2005. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // Древности Боспора. Supplementum 2. М., ИА РАН. 264 с.

Ермолин А. А., 2008. Отчет о работе Керченской охранно-археологической экспедиции КФ ИА НАН Украины в 2008 г. // Архив ИА НАН Украины.

Масленников А. А., 1995. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н. э.) // Боспорский сборник. Вып. 6. В честь 60-летия Г. А. Кошеленко. ИА РАН. М.: Научно-исследовательский археологический центр Фарсал. 212 с.

Масленников А. А., 2003. Древние земляные пограничено-оборонительные сооружения Восточного Крыма. ИА РАН. Тула: Гриф и К. 279 с.

Масленников А. А., Чевелев О. Д., 1983. Охранные раскопки на Новониколаевском городище // КСИА. 174. Античная археология. М.: Наука. С. 93–94.

Монахов С. Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.–Саратов: Киммерида, Издательство Саратовского университета. 352 с.

Неменко А. В. Крым 1941–1942 гг. Загадки и мифы полуострова. Ч. 1–4//http://samlib.ru/n/nemenko_a_w/zim. shtml

Смекалов С. Л. Археологическая карта Крыма. Лист L-37–97. Аршинцево//www. archmap.ru.

Супренков А. А., 2015. Научно-исследовательские археологические работы (разведки) на территории прокладки магистрального газопровода Краснодарский край – Крым. Ленинский район. 18,2–82 км. Технический отчет // Архив ИА РАН

Чхаидзе В. Н., 2008. Таматарха. Средневековый город на Таманском полуострове. ИА РАН. М.: ТАУС. 328 с.

Резюме. Статья посвящена результатам спасательных работ Восточно-Крымской археологической экспедиции на кургане Горностаевка 2 в Ленинском р-не Республики Крым. В ходе раскопок обнаружено центральное погребение позднеямного времени, два впускных погребения эпохи поздней бронзы – раннего железа и одно христианское средневекового времени. В стратиграфии прослежена первоначальная насыпь диаметром до 18 м, укрепленная по внешнему краю каменной крепидой. После совершения впускных захоронений надпись досыпана черноземом. В центральной части кургана обнаружено каменное сооружение, интерпретированное как дот эпохи Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: курганная насыпь, стратиграфия, крепида, погребение, могильная яма, подкурганное сооружение, позднеямное время, эпоха поздней бронзы, ранний железный век, салтовское время, долговременная огневая точка, Великая Отечественная война.

A. V. Kulikov, V.Yu. Kononov, P. G. Stolyarenko

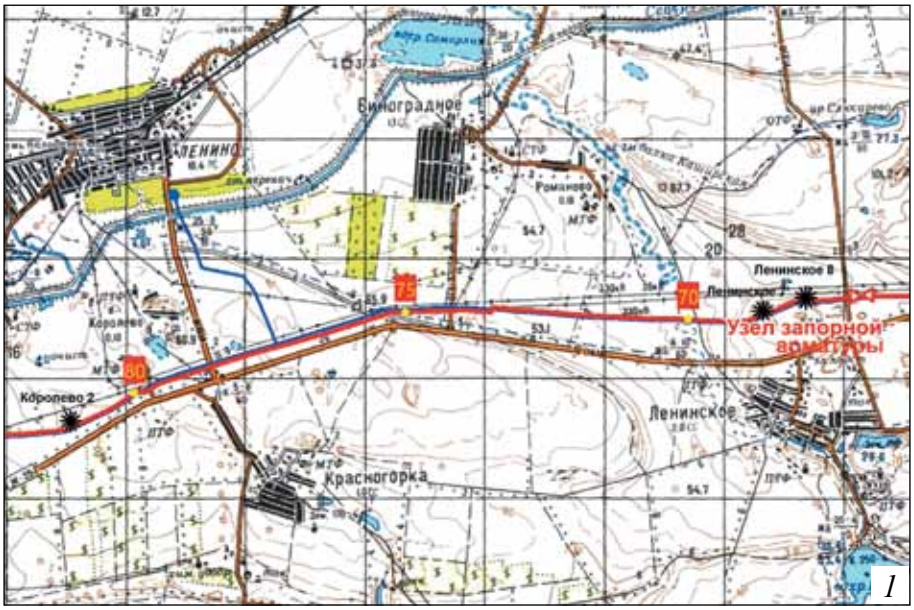
The Gornostaevka 2 Earth Mound (Crimean Republic, Leninsky Region)

Resumé. This paper covers the results of rescue archaeology works by the Eastern Crimean archaeological team at the Gornostaevka-2 earth mound, in the Leninsky Region of the Crimean Republic. A central burial location of the Latter Age era was found during the excavations, along with two burial sites of the Late Bronze Age or Early Iron Age, and a Christian burial of the Medieval period. The stratification shows an early mount of up to 18m, reinforced at its edges by stone fastenings. After the completion of the burials, the area had been sprinkled with black soil. At the central section of the earthwork a stone structure was found, which is interpreted as belonging to the period of the Second World War.

Keywords: earthwork mound, stratigraphy, fastenings, burial, burial ditch, earthwork construction, Latter Age era, late Bronze Age, early Iron Age, Saltov era, long-burning flame, Second World War.

КУРГАННЫЕ ГРУППЫ
(РЕСПУБЛИКА КРЫМ, ЛЕНИНСКИЙ РАЙОН)

А. В. Куликов, В. Ю. Кононов, Е. Н. Украинский



1

В сентябре – октябре 2016 г. отряд Восточно-Крымской археологической экспедиции проводил спасательные работы на трассе строящегося магистрального газопровода Краснодарский край – Крым в Ленинском р-не Республики Крым на основании Открытого листа № 1775 от 09.09.2016, выданного на имя м. н. с. отдела сохранения археологического наследия ИА РАН А. В. Куликова. Исследования проходили на курганах и курганных группах глубинной, наименее изученной в археологическом плане части Восточного Крыма, в районе пос. Королево и Ленинское (рис. 1).

Систематическое изучение этого района началось только в послевоенное время, при этом приоритет отдавался памятникам эпохи античности. Благодаря сотрудничеству Восточно-Крымской экспедиции ИА АН СССР с керченским краеведом В. В. Веселовым в 50–60-е гг. прошлого века удалось реализовать программу археологических разведок в Восточном Крыму, результатом которых стала первая археологическая карта региона (*Кругликова*, 1975; *Веселов*, 2005).

В 60–70-е годы здесь проводилась серия разведок и сравнительно небольших раскопок на памятниках каменного века, которая своим итогом имела монографию Л. Г. Мацкевого «Мезолит и неолит Восточного Крыма» (*Мацкевой,* 1977). Очень важными являлись выводы автора о хронологии и основных принципах заселения древними людьми глубинных территорий Керченского полуострова.

Здешние курганы исследовались главным образом в зоне строительства Северо-Крымско-

2

го канала (конец 50-х – 70-е гг.) и на прилегающих к нему орошаемых территориях. Результаты этих работ нашли отражение в публикациях П. Н. Шульца, А. М. Лескова, А. А. Щепинского, Э. В. Яковенко, Н. А. Гаврилюк, В. А. Колотухина, С. Г. Колтухова, А. Е. Кислого, А. В. Гаврилова (*Гаврилов,* 2010).

Большой вклад в изучение памятников Восточного Крыма и создание археологической карты внесли работы Керченской экспедиции Крымского филиала ИА НАН Украины под руководством С. Г. Колтухова и А. Л. Ермолина, которые систематически проводились на протяжении более 10 лет. К сожалению, программа исследований так и не была завершена, а материалы остаются в значительной мере неопубликованными.

Тем не менее они оказались востребованными при составлении электронной археологической карты Крыма, которую выполнил и сделал доступной для широкого круга пользователей С. Л. Смекалов. Единая нумерация была дана всем известным курганам, сделана GPS-привязка их насыпей, местоположение нанесено на точную топографическую основу (http://www.archmap.ru).

В 2015 году большую программу разведочных работ в этой части Крыма реализовала экспедиция Института археологии Крыма (руководители А. Е. Кислый и Д. В. Бейлин), которая вела археологический надзор за строительством линий энергомоста из Краснодарского края в Крым. Это существенно облегчило задачу отряду ВКАЭ ИА РАН под руководством А. А. Супренкова, который в конце 2015 года проводил разведки по трассе газопровода Краснодарский край – Крым (*Супренков,* 2015). Полученные им результаты легли в основу технического задания для проведения спасательных работ на курганах в 2016 г.

Они проводились на трех объектах: курган Королево 2, курганная группа Ленинское 7 и курганная группа Ленинское 8.

Курган Королево 2 расположен на пахотном поле в 250 м к северу от трассы Феодосия – Керчь, в районе поворота на районный центр Ленино. А. А. Супренков определил диаметр курганной насыпи около 35 м при высоте менее 1 м (*Супренков,* 2015. С. 10, 11). При обследовании в 2016 г. она была локализована с большим трудом вследствие того, что реальные координаты вершины отличались от указанных в техническом задании, которое основывалось на съемках С. Л. Смекалова начала 2000-х гг.

Перед началом работ выяснилось, что труба построенного в 1999–2000 гг. газопровода «Черноморнефтегаз» проходит по самому центру данной насыпи, что делает невозможным ее полное исследование. В соответствии с техническим заданием южная часть насыпи и примыкающее к ней межкурганное пространство раскапывалось сплошной площадью 2 тыс. кв. м. Никаких археологических объектов и даже находок, кроме нескольких невыразительных фрагментов керамики (стенки греческих амфор IV в. до н. э.), обнаружено не было. Они не дают оснований для определенных выводов о датировке и этнокультурной принадлежности кургана Королево 2.

Курганные группы у села Ленинское. Возвышенное скалистое плоскогорье к северо-западу от села Ленинское, на котором расположено несколько курганных групп (рис. 2), в начале 2000-х гг. обследовано А. Л. Ермолиным и С. Л. Смекаловым (*Археологическая карта Крыма*. Лист L-37–97). Установлено,

Рис. 1. Курганные группы в районе сел Королево и Ленинское
Рис. 2. Курганные группы Ленинское 7 и Ленинское 8 на трассе газопровода
Рис. 3. Курганная группа Ленинское 7. Схема раскопов

4

что некоторые насыпи тянутся цепочкой (Ленинское 8), другие – в виде компактной группы со свободным расположением (Ленинское 7).

Скалистое плато имеет тонкий почвенный слой, и выбор места для возведения курганных насыпей диктовался прежде всего особенностями рельефа: естественные возвышения досыпались грунтом с большим количеством щебня и бутового камня. Кроме того, с древности до настоящего времени плато использовалось в качестве каменоломен. При этом пострадало большинство насыпей курганной группы Ленинское 7, значительные территории плато засыпаны отвалами карьеров и свалками строительного и бытового мусора из близлежащего села (рис. 2).

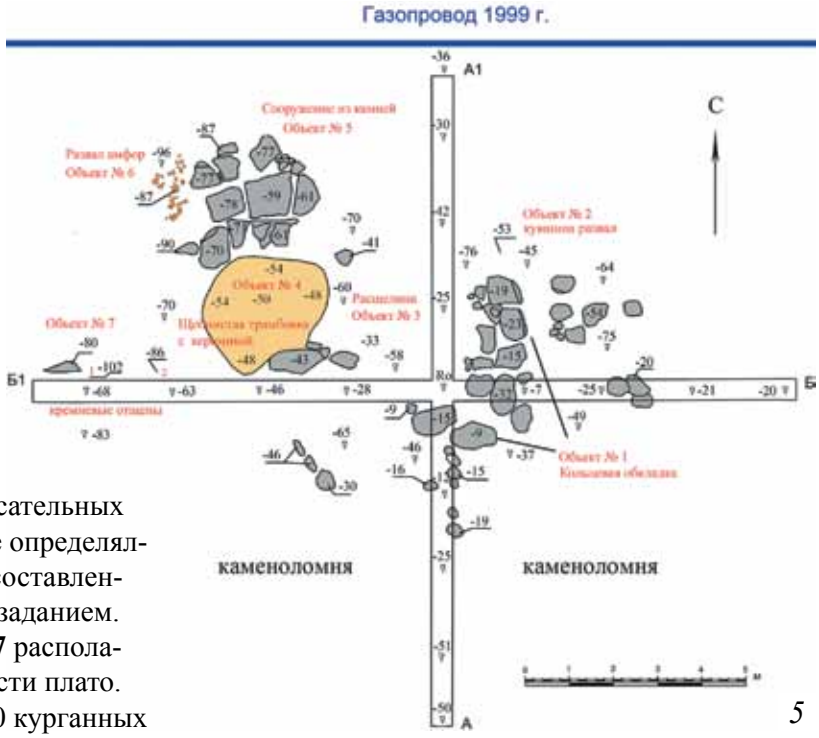
В 1999 г. в северной части плато была уложена труба упомянутого магистрального газопровода. На поверхности остались отвалы в виде гребней, бута и отдельных рваных глыб. Во многих местах со скалы срезан грунт для засыпки траншеи. При этом кое-где встречены обломки амфор и даже чернолаковой керамики (первая половина – середина V в. до н. э., рубежа V–IV вв. до н. э.). Таким образом, само выявление здесь курганных насыпей оказалось очень сложной задачей.

Выбор конкретных мест для спасательных работ на курганах у села Ленинское определялся результатами разведок 2015 г. и составленным на основании их техническим заданием.

Курганная группа Ленинское 7 располагалась в западной, возвышенной части плато. В 2015 г. здесь было выявлено до 10 курганных насыпей, большая часть которых частично или полностью повреждена в Новейшее время (*Супренков,* с. 21–23). В створ строящегося газопровода с шириной полосы отчуждения 33 м попали две насыпи: курган № 1 и курган № 2 (рис. 3).

Курган № 1 представлял собой невысокую каменно-земляную насыпь на вершине скальной возвышенности (рис. 4, 11). Труба газопровода 1999 г. частично подрезала северную полу кургана. Рельеф местности оказался сильно измененным строительными работами: к югу от кургана по снивелированной поверхности накатана технологическая грунтовая дорога. С учетом всего сказанного была применена археологическая методика, в рамках которой насыпь раскапывалась вручную по секторам с оставлением двух центральных бровок, ориентированных по сторонам света.

Стратиграфия насыпи в целом однородная: под тонким почвенным слоем шел слой светло-серого гумированного суглинка с большим количеством щебня и мелкого бутового камня. При этом камни существенно отличаются; кроме сланцевых плиток и обломков светло-серого, плотного известняка, из которого сложена возвышенность, встречаются обломки рыхлого известняка интенсивно желтого цвета, выходы которого расположены в десятках метров к юго-западу.



5

Среди находок в слое – отдельные непрофильные фрагменты амфорной тары конца VI – первой половины IV в. до н. э. (Хиос, Фасос, Менда). Встречен и обломок венчика лепного реповидного сосуда раннего железного века (IX–VIII вв. до н. э.), кремневый нуклеус и скол с него, а также ручка красноглиняной средневековой амфоры XI в., фрагмент поливного кувшина и черепицы XVIII–XIX вв.

б

Результаты дальнейших исследований оказались неожиданными: под насыпью не было найдено захоронений и даже отдельных человеческих костей, которые можно было бы связать с разрушенными погребениями. Это поставило вопрос о том, является ли насыпь № 1 курганом. В то же время здесь был обнаружен ряд разновременных археологических объектов, которые позволяют утверждать, что естественная возвышенность неоднократно использовалась древними людьми (рис. 5).

Под насыпью лежала скальная поверхность, расчлененная многочисленными трещинами и разломами. В северной части раскопа вследствие тектонических процессов скальные блоки имеют наклон в сторону длинного линейного разлома, пересекающего раскоп с северо-запада на юго-восток. В южной части раскопа часть растрескавшихся плит известняка оказалась выломанной в ходе добычи строительного камня.

Всего под насыпью было обнаружено семь объектов.

Объект № 1 представлял собой искусственное сооружение в виде группы крупных рваных блоков известняка, уложенных в центральной части насыпи по дуге в один ряд. Дуга размером 3,88×1,47 м расширяется к западу. В ее основании находилась щебнистая подсыпка, которой были выровнены естественные неровности скального рельефа (рис. 6). В слое подсыпки найдены единичные фрагменты красноглиняных амфор V–IV вв. до н. э., что дает дату этого объекта.

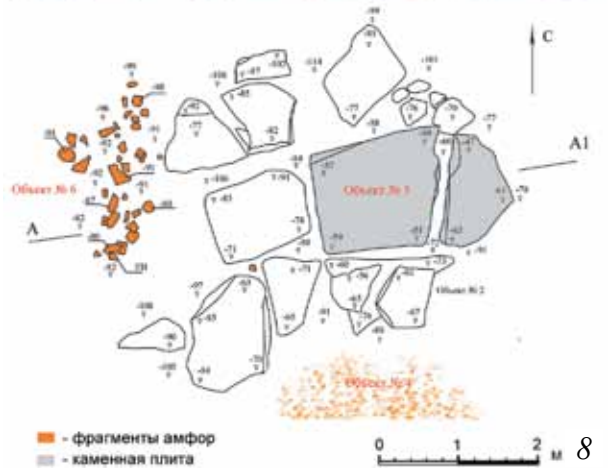
Объект № 2. В северо-восточном секторе упомянутой насыпи на уровне скалы у края трещины обнаружен компактный развал плоскодонного одноручного кувшина светло-серой глины. Точная датировка кувшина затруднена. Вероятно, сосуд относится к античной эпохе и связан с какими-то ритуальными действиями на этой вершине.

Объект № 3 располагался в северо-западном секторе насыпи, ближе к ее внешнему краю. Он представлял собой локальное небольшое скопление фрагментов амфор в естественном тектоническом разломе, уходящем своим восточным краем под объект № 1. Длина разлома – 4,85 м, ширина – от 0,35 до 0,68 м, глубина – до 0,65 м. Датировки обломков тары совпадают с таковыми у керамики из слоя подсыпки под объектом № 1, с которым они, вероятно, составляли один комплекс (рис. 5).

Объект № 4 находился в центре северо-западного сектора насыпи (рис. 5, 8). Это была ровная, хорошо утрамбованная округлая площадка (1,3×1,4 м), сделанная над выходом трещиноватой материковой скалы. Слой трамбовки толщиной 0,15–0,18 м состоял из известнякового щебня и крошки вперемешку с многочисленными мелкими фрагментами амфорной тары. При этом нижние слои трамбовки содержали керамику более крупных размеров. Вероятно, трамбовка маркировала уровень древней дневной поверхности (-0,48/-0,50 м от нулевого репера), на которой систематически совершались некие ритуальные действия. Не случайно найденная здесь керамика весьма специфична по своему составу. Это фрагменты амфор конца VI – начала V в. до н. э. (Хиоса с пухлым

Рис. 4. Курганная группа Ленинское 7. Раскопки кургана № 1. Вид с юга
Рис. 5. Курган № 1. План. Расположение исследованных объектов
Рис. 6. Курган № 1. Выкладка из каменных блоков (объект № 1). Вид с севера

7

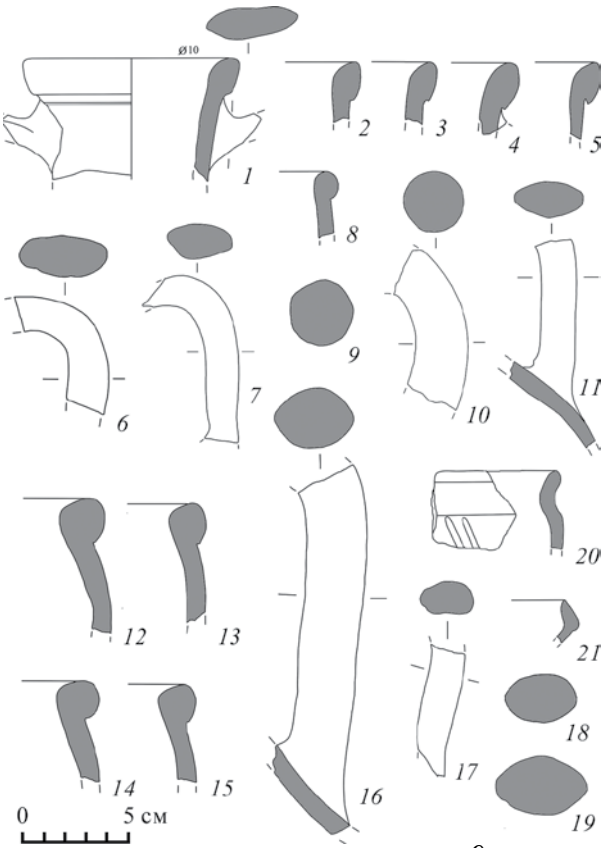


8

горлом, Лесбос красный, Милет – Самос, Протофасос или Северная Эгеида) (*Монахов*, 2003). Абсолютно преобладают стенки, хотя были и единичные венчики и ручки (рис. 9). Характерно отсутствие ножек (они намного прочнее других частей амфор и с трудом поддаются дроблению). Единственный обломок открытого сосуда принадлежал красноглиняной полусферической чаше (рис. 9, *21*).

Объект № 5 выявлен непосредственно к северу от объекта № 4. Он представлял собой некую конструкцию (3,22×2,40 м) из семи необработанных плоских камней, уложенных по кругу компактно, в один ряд. В центре этой выкладки открыта лежавшая горизонтально поверх нее большая пятиугольная плита, разломанная надвое (2,23×1,15, толщина – 0,37 м). Не исключено, что она представляла собой антропоморфное изваяние, установленное вертикально в насыпи кургана и укрепленное снизу по кругу камнями (рис. 7, 8). В центре конструкции зачищена округлая яма 1,32×1,28 м, выдолбленная в рыхлой материковой скале и заполненная серым суглинком вперемешку с щебнем и мелкими камнями. В заполнении встречены единичные стенки амфор Менды, Хиоса, Гераклеи Понтийской (конец V – начало IV в. до н. э.) (*Монахов*, 2003).

Объект № 6 расположен в северо-западном секторе насыпи, к западу от объекта № 5 (рис. 5, 7). Здесь на слое предскального сланца-плитняка и известняковой крошки расчищен компактный развал (1,4×0,85 м) обломков двух гераклейских амфор. Одна из них сделана из красноватой глины и имела лучший обжиг. Вторая – с черепком желтовато-оранжевого цвета. Сохранились венчики, части горл, плеч, ручки, фрагменты тулова и придонных частей, ножки отсутствовали (рис. 10). На горлах оттиснуты клейма фабриканта Малия. В одном случае читается имя магистрата Бахия (Бакхия), в другом от имени магистрата сохранилось только несколько букв. Клейма датируются второй четвертью IV в. до н. э. (*Кац*, 2007; *Кац*, 2015. Кат. 609; *Брашинский,* 1980). Интересно, что развал гераклейских амфор отделен



9

Рис. 7. Курган № 1. Ритуальное место (объект № 5). Вид с севера
Рис. 8. Курган № 1. Схема расположения объектов в ритуальном комплексе
Рис. 9. Архаическая керамика из ритуального комплекса (объект № 4)
Рис. 10. Профильные части гераклейских амфор (объект № 6)
Рис. 11. Курган № 1. Скальная вершина по окончании работ. Вид с северо-запада

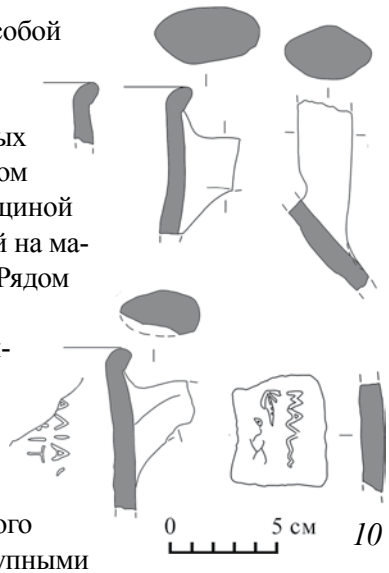
по времени от других надежно датированных объектов исследованного комплекса (объекты № 1 и 4) как минимум несколькими десятилетиями, а то и целым столетием. Он вообще является самым поздним по времени и маркирует собой финальный этап существования всего этого комплекса. Интересно, что на поселениях и в курганах, расположенных в глубинных частях Керченского полуострова, абсолютно преобладает гераклейская клейменая керамика IV в. до н. э. (*Гаврилов,* 2010).

Развал амфор, скорее всего, имел ритуальный характер: они были принесены на вершину скального выступа вместе с содержимым и затем, по окончании некоего обряда, намеренно разбиты. Ритуал этот мог быть сакральным, но не обязательно погребальным или поминальным. Важно отметить, что серия подобных действий производилась на одном и том же месте на протяжении многих десятилетий, что говорит об определенной традиции. Следов огня (угольки, зола, прокаленная почва или обгоревшие камни) зафиксировать не удалось. Но единичные обломки костей скелета и черепа крупного рогатого скота также могли быть связаны с проведением сакрального ритуала.

Если попытаться свести воедино и синхронизировать информацию об объектах, открытых под насыпью № 1, выстраивается следующая картина. Ритуальная площадка (объект № 4) на скальной вершине была сооружена во второй половине VI в. до н. э. Она была связана с отправлением каких-то космических или хтонических культов (расщелина в скале, объект № 3). Это небольшое святилище периодически использовалось на протяжении более двух столетий.

В конце V – первой половине IV в. до н. э. на вершине горы появляется каменная выкладка в виде полукольца (объект № 1), обрамляющая тектонический разлом и ритуальную площадку. Она являлась своего рода оградой. К западу от нее сооружается импровизированный алтарь из сложенных по кругу каменных плит (объект № 5). Возле него совершаются некие ритуальные действия, в ходе которых «в жертву» приносятся две гераклейские амфоры (объект № 6), вернее, их содержимое.

Объект № 7 обнаружен в западной части раскопа, в 0,6 м к северу от разделительной центральной бровки (рис. 5).



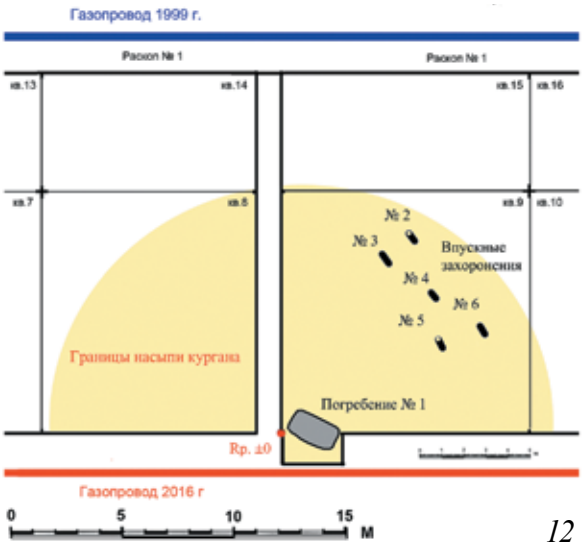
10

Он представляет собой вытянутый относительно плоский камень треугольных очертаний размером 0,72×0,33 м и толщиной 0,42 м, уложенный на материковую скалу. Рядом (от 0,15 до 0,35 м к юго-востоку) выявлено скопление изделий из кремня молочного цвета: заготовка нуклеуса, покрытого со всех сторон крупными сколами, которыми сбивали известняковую «рубашку» желвака, длинная узкая треугольная в сечении ножевидная пластина (6,2×1,1 см), а также фрагмент (половинка) аналогичной пластины со следами сработанности на длинном остром лезвии (3,7×1,2 см).

Датировался этот комплекс изделий, возможно, эпохой позднего мезолита (VII–VI тыс. до н. э.) или неолита: V – начало III тыс. до н. э. Его можно связать с локальным наблюдательным пунктом древних охотников на возвышенности, господствующей над широкой долиной речки Самарли, в настоящее время одной из самых крупных рек Восточного Крыма. В древности пойма реки представляла собой хорошие охотничьи угодья. Кстати, поселение поздненеолитического времени Слюсарево (*Мацкевой,* 1977) находится в непосредственной близости от этого места – приблизительно в 1 км северо-восточнее курганного могильника Ленинское 7.

В целом по итогам исследований «кургана № 1» вырисовывается следующая картина (в хронологическом порядке):

11



12

– дозорный пункт охотников эпохи мезолита – неолита (объект № 7);

– ритуальное место оседлого населения эпохи поздней бронзы – раннего железа;

– ритуальное место населения эпохи греческой архаики и ранней классики (объект № 4);

– ритуальное место оседлого варварского населения долины реки Самарли; это место посещалось в салтовское время (XI в. н. э.) и в позднем Средневековье;

– каменоломня второй половины XIX – начала XX в.

Курган № 2. Насыпь кургана № 2 была расположена в 30 м к востоку от насыпи кургана № 1 (рис. 2). К моменту начала работ сохранилась только ее северная часть, поскольку в мае – июне 2016 г. строителями здесь уже были проложены и засыпаны газовая труба и технологический кабель.

Уцелевшая насыпь раскапывалась вручную двумя секторами с оставлением разделительной бровки. Под тонким слоем дерна прослежена светло-серая супесь, обильно насыщенная известняковой крошкой, щебнем, мелкими камнями. Стратиграфические разрезы показали, что курган сооружен на естественной скальной возвышенности и имел первоначальный диаметр насыпи около 18–20 м при высоте не менее 2 м.

Здесь обнаружено шесть погребений – одно центральное и пять впускных.

Погребение № 1 располагалось в северо-восточном секторе насыпи на уровне материковой скалы. Прямоугольная яма (1,95×0,78 м) длинной осью ориентирована с юго-востока на северо-запад (рис. 13). Могила была ограблена в древности: плиты перекрытия убраны, в тех местах, где их поднимали при помощи рычага (?), края могильной ямы повреждены. В заполнении обнаружены разрозненные человеческие кости (мужчина 35–40 лет), а также кости мелкого и крупного рогатого скота, лошади, собаки, представляющие собой позднейший мусорный сброс.

Ограбление могилы можно датировать эпохой Средневековья (конец X – XI в.) на основании керамики из мусорного сброса (рис. 14) – амфоры и кувшины из красно-оранжевой глины с мелкозональным рифлением (*Чхаидзе,* 2008). Также отметим в составе находок железные гвозди, железные стержни, остатки железного предмета из кованого прута, фрагмент округлого изделия из тонкой листовой бронзы (рис. 15).

Датировать центральное погребение затруднительно. Учитывая тщательность и большую трудоемкость сооружения могильной ямы в плотной известняковой скале, можно предположить, что она относится к раннему железному веку. В насыпи кургана не найдено фрагментов керамики античного времени, поэтому датировку предположительно можно сузить до IX–VII вв. до н. э.

В северо-восточном секторе кургана по внешнему краю насыпи было совершено пять впускных детских захоронений в грунтовых ямах (погребения № 2–6). Контуры ям в грунте насыпи не читались, зачищены только нижние их части, высеченные в материковой скале (рис. 12, 16). Она прорезана сетью параллельных разломов

13

и трещин, ориентированных по оси северо-запад – юго-восток. При сооружении могил эта особенность была учтена, все они имеют эту же ориентацию. Глубина сохранившихся частей ям – от 0,08 до 0,22 м. Длина – от 0,55 до 0,65 м, ширина – от 0,28 до 0,35 м.

В двух могилах (погребения № 2 и 5) сохранились молочные зубы и кости свода черепа (рис. 17). Последние в обоих случаях находились в северо-западной части ям, что говорит о соответствующей ориентации покойных. Все захоронения безынвентарные. Можно предположить, что они были как-то связаны с центральным и датируются с ним одним временем – ранним железным веком.

Северо-западный сектор кургана не дал находок.

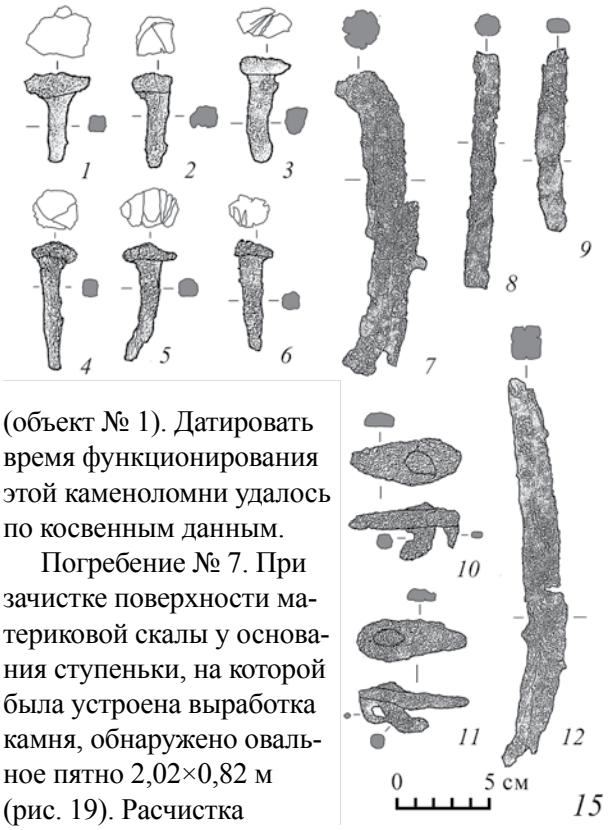
Исследования в межкурганном пространстве (раскопы № 1–6). Сжатые сроки и необходимость проведения наблюдений за земляными работами на большой площади (свыше 4 тыс. кв. м) обусловили изменение методики. Площадь земельного отвода под строительство газопровода исследовалась большими раскопами, заложенными к северу и югу от уже уложенной газовой трубы. Работы велись с применением землеройной техники на квадратах 10×10 м.

Всего было заложено 6 раскопов (рис. 3); результативными оказались только исследования на раскопе 1.

На всех раскопах стратиграфическая ситуация в целом едина: под тонким слоем дерна залегал слой гумированного суглинка. В силу того, что поверхность скалы неровная, на возвышенных участках почвенный слой тонок (до 0,10–0,15 м), в то время как на понижениях он мог достигать 0,6 м и даже более. Скала на разных участках тоже различна по своей структуре: с плотной и ровной монолитной поверхностью, рассеченная трещинами со ступенчатой структурой. В некоторых местах под тонким слоем плитняка залегала зеленоватая или желтая глина, подстилаемая светло-серым мергелем.

В древности скальный массив использовался для добычи строительного камня. Там, где скальная поверхность растрескивалась на большие блоки, шла добыча камня по пластам и горизонтальным разломам (как на кургане № 1). В тех местах, где поверхность скалы образовывала ступеньки, блоки выламывались иным способом: ломами и кирками пробивались продольные и поперечные направляющие канавки, куда впоследствии забивались деревянные клинья. В результате от массива отделялись подпрямоугольные блоки, которые практически не нуждались в дополнительной обработке.

Одно такое место древней каменоломни обнаружено на кв. 11 раскопа № 1 (рис. 18). На месте ступенчатого разлома скалы сохранились следы выборки камня вышеописанным способом. Был также найден блок, ограниченный направляющими канавками, который в силу каких-то причин не был отделен от скального массива (объект № 1). Датировать время функционирования этой каменоломни удалось по косвенным данным.

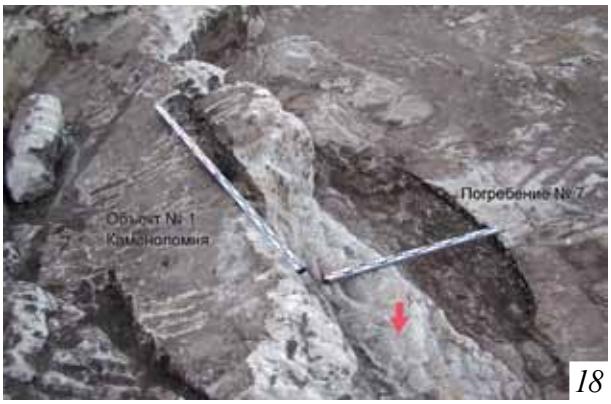


Погребение № 7. При зачистке поверхности материковой скалы у основания ступеньки, на которой была устроена выработка камня, обнаружено овальное пятно 2,02×0,82 м (рис. 19). Расчистка

Рис. 12. Курган № 2. Схема расположения погребений
Рис. 13. Курган № 2. Северо-восточный сектор. Центральное погребение (№ 1). Вид с юго-востока
Рис. 14. Погребение № 1. Фрагменты средневековой керамики
Рис. 15. Погребение № 1. Изделия из металла

16

17



18

19

выявила заполнение могильной ямы средневекового времени. Она ориентирована по оси северо-запад – юго-восток и имела глубину 0,19 м. Нивелировочная отметка дна ямы в центре – 1,98 м.

В могиле погребен мужчина 30–40 лет. Она была ограблена в древности, кости перемешаны, инвентарь сдвинут со своего места. Череп фрагментирован, верхняя челюсть найдена в юго-восточной части заполнения ямы, свод – в центре. Трубчатые кости и ребра сдвинуты к южному краю могилы. Сохранились обломок железного ножа, костяная пуговица, янтарная бусина, а также детали конской узды или боевого пояса (железная пряжка с подпрямоугольной рамкой и три небольших железных колечка). В засыпи могильной ямы обнаружен треугольный в сечении вкладыш-микролит из обломанной ножевидной пластины. Датировать их можно позднеолитическим временем. Очевидно, микролит попал в могилу случайно или использовался в Средние века как амулет. Предположительная датировка погребения № 7 – X–XII вв.

Погребение № 8. В ходе зачистки в кв. 10 найдена высеченная в скале подовальная в плане (1,72×0,85 м, глубина 0,40 м) могильная яма, разрушенная позднейшей ломкой камня. Следов костей и инвентаря не найдено.

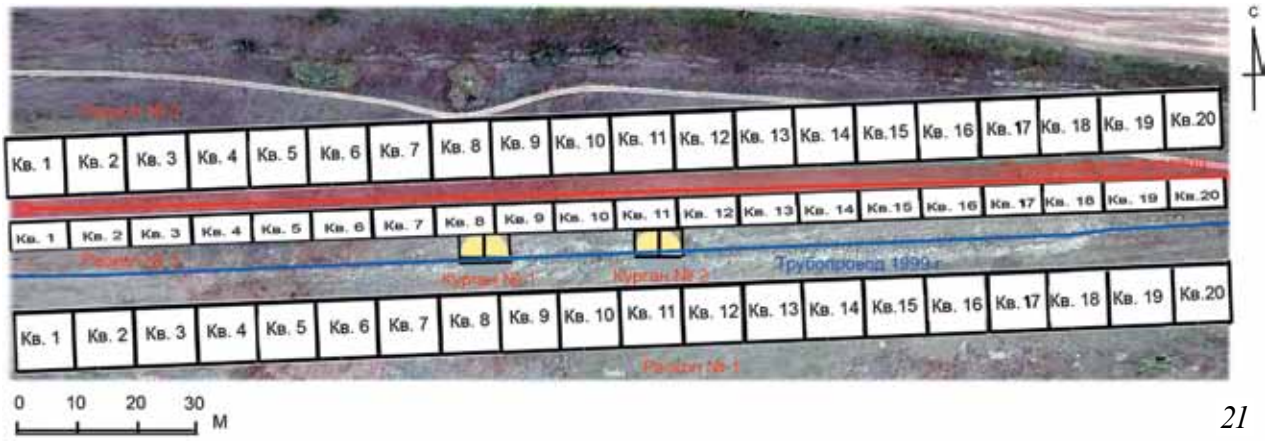
Открытие этих раннесредневековых могил имеет большое значение для изучения истории региона. Ранее памятники этого времени в районе поселка Ленинское не были известны (*Баранов*, 1999; *Зинько, Пономарев*, 2005). Мусорный сброс в ограбленное центральное погребение № 1 кургана № 2, содержавший характерную керамику салтовского времени, подтверждает предположение, что где-то неподалеку может находиться и раннесредневековое поселение.

Курганная группа Ленинское 8 расположена на северном краю возвышенного плоскогорья, приблизительно в 1 км к востоку от курганной группы Ленинское 7 (рис. 2).

Изучению подверглись две насыпи, местоположение которых в 2015 г. было локализовано А. А. Супренковым (*Супренков,* 2015. С. 23, 24). Визуально на местности они фиксировались с большим трудом (рис. 20), поскольку были перекрыты каменно-земляным отвалом траншеи газопровода 1999 г., сильно повредившим обе насыпи (рис. 21).

После консультаций с представителями «Черноморнефтегаза» было принято решение раскапывать северные сектора насыпей

20



21

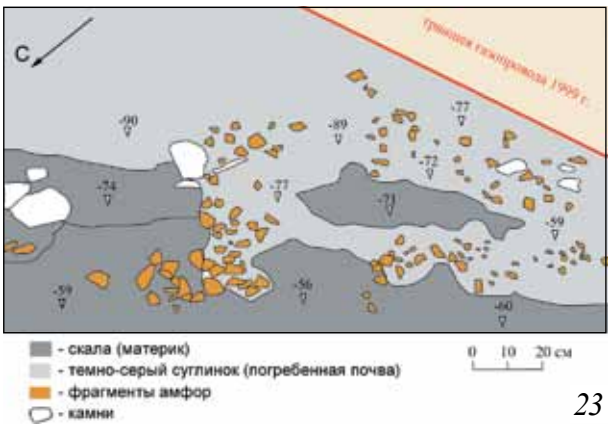
вручную. К сожалению, практически сразу же раскопки пришлось остановить, поскольку в обеих насыпях была обнаружена траншея газопровода, маркированная белым щебнем и скальной крошкой (рис. 22). По поступившему от представителей заказчика указанию места работ были законсервированы.

Курган № 1. Диаметр составлял до 15 м, высота насыпи – 0,6 м. Интересные результаты дали раскопки в северо-восточном секторе: на глубине 0,56 м от центрального нулевого репера был выявлен единственный археологический объект № 1 (рис. 23). Он представлял собой скопление керамических фрагментов, лежавших на уровне скалы и в слое погребенной почвы в виде россыпи стенок и невыразительных профильных частей нескольких амфор конца V – первой половины IV в. до н. э. (Менда, Фасос, Гераклея Понтийская). Удачей можно считать обнаружение фрагмента клейма на горле гераклейской амфоры (рис. 24, *5*), что дает надежную дату и позволяет отнести сооружение насыпи и связанного с ней ритуального места к первой половине IV в. до н. э. (*Монахов,* 2003; *Кац,* 2007; *Брашинский,* 1980).

По своему виду и составу это скопление очень похоже на вышеописанное – в северо-западной части насыпи кургана № 1 курганной группы Ленинское 7 (объект № 6) – и даже синхронно ему. Это может говорить об общности неких ритуальных действий у местного населения в указанное время.

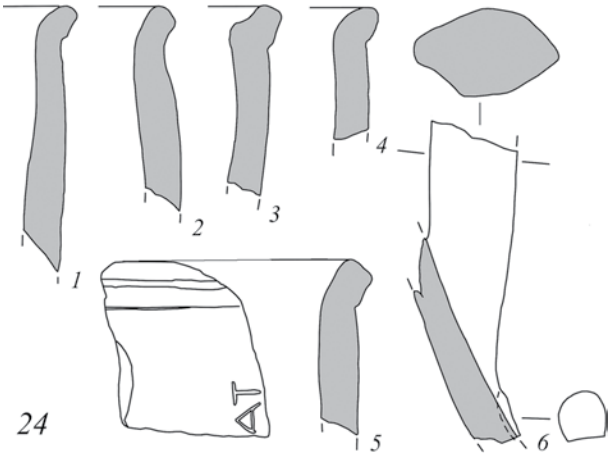
Курган № 2. Располагался в 40 м к востоку от кургана № 1 и имел диаметр около 10 м при высоте насыпи 0,6 м. Раскапывался вручную двумя секторами. Работы были доведены до уровня -0,50 м от нулевого репера. Центральную часть кургана также пересекала траншея газопровода, которая на фоне почвенного слоя прослеживалась в виде широкой белой полосы.

22



23

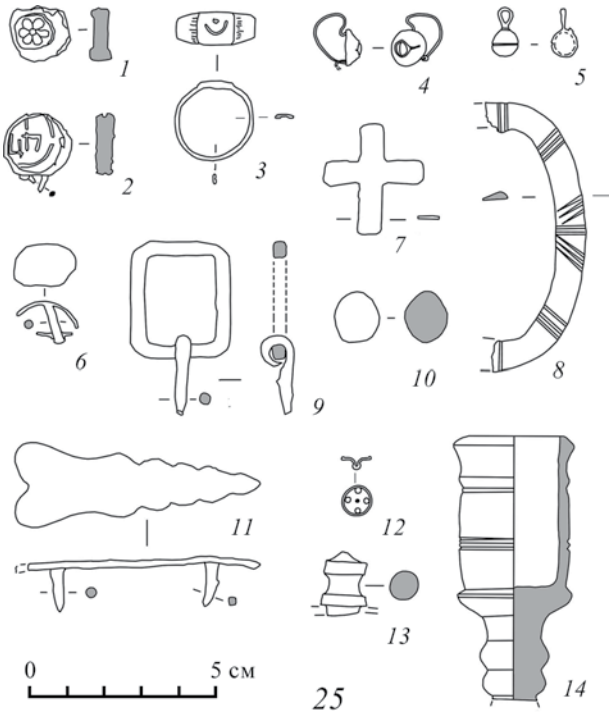
Рис. 16. Курган № 2. Впускные погребения в северо-восточном секторе насыпи. Вид с востока
Рис. 17. Курган № 2. Впускное детское погребение № 2. Вид с юго-запада
Рис. 18. Древняя каменоломня (объект № 1) и разрушенное погребение № 7. Вид с севера
Рис. 19. Погребение № 7 после расчистки. Вид с юго-запада
Рис. 20. Курганная группа Ленинское 8. Насыпь кургана № 1. Вид с востока
Рис. 21. Ленинское 8. Схема расположения раскопов
Рис. 22. Ленинское 8. Северо-восточная пола насыпи кургана № 1. Вид с северо-востока
Рис. 23. Ленинское 8. Курган № 1. Развал амфорной керамики (объект № 1)



В насыпи кургана не найдено керамики античной и средневековой эпох. Небольшое количество черепков XIX–XX вв., в том числе кровельной черепицы, объясняется близостью развалин рабочего поселка разработчиков камня.

После прекращения раскопок курганных насыпей было произведено изучение межкурганного пространства двумя линиями квадратов 10×10 м, заложенных к северу и югу от трассы газопроводов 1999 и 2016 гг., а также линией полуквадратов 5×10 м по южному краю землеотвода газопровода (рис. 21).

Исследования не выявили новых захоронений и материалов античной или средневековой эпох. Немногочисленные находки из почвенного слоя относились к XIX – началу XX в. На картах первой половины прошлого века в данном месте указан небольшой поселок



с характерным названием Скала, связанный с разработками камня. Выделяется группа изделий из металла, связанная с бытом христианского и мусульманского населения (рис. 25).

Подводя итоги, отметим, что небольшая и сравнительно лаконичная информация, полученная в ходе спасательных работ на больших площадях, в настоящее время является едва ли не единственной и, несомненно, будет дополнена в ходе работ по строительству федеральной автотрассы «Таврида» в 2017 г.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов И. А., 1999. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка. 168 с.

Веселов В. В., 2005. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // Древности Боспора: Международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. Серия Supplementum. 2 / ИА РАН. М., 264 с.

Брашинский И. Б., 1980. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Ленинградское отделение ИА РАН. Л.: Наука. 270 с.

Гаврилов А. В., 2010. Курганы Юго-Восточного Крыма // Stratum Plus: археология и культурная антропология. № 3. Кишинев: Stratum Plus. С. 261–280.

Гаврилов А. В., 2011. Керамические клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников) // Археологический альманах. № 24. Донецк: Донбасс. 350 с.

Ермолин А. А., 2008. Отчет о работе Керченской охранно-археологической экспедиции КФ ИА НАН Украины в 2008 г. // Архив ИА НАН Украины.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю., 2005. Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата // Материалы по археологии, истории и этнографии Тавриды. Вып. XI. Симферополь. С. 406–429.

Кац В. И., 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма. Опыт комплексного изучения // Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь; Керчь. 480 с.

Кац В. И., 2015. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора. Семибратнее городище. Саратов: Издательство Саратовского университета. 180 с.

Кругликова И. Т., 1975. Сельское хозяйство Боспора. ИА РАН. М.: Наука. 300 с.

Рис. 24. Курган № 1. Фрагменты амфор из развала керамики (объект № 1)
Рис. 25. Ленинское 8. Раскоп 1. Индивидуальные находки

Мацкевой Л.Г., 1977. Мезолит и неолит восточного Крыма. АН УССР. Институт общественных наук. Киев: Наукова думка. 180 с.

Монахов С.Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов: Киммерида, Издательство Саратовского университета. 352 с.

Смекалов С.Л. Археологическая карта Крыма. Лист L-37–97. Аршинцево // www. archmap.ru./smekal.htm

Супренков А.А., 2015. Научно-исследовательские археологические работы (разведки) на территории прокладки магистрального газопровода Краснодарский край – Крым. Ленинский район. 18,2–82 км. Технический отчет // Архив ИА РАН

Чхаидзе В.Н., 2008. Таматарха. Средневековый город на Таманском полуострове. ИА РАН. М.: ТАУС. 328 с.

Резюме. Статья представляет собой краткий обзор результатов спасательных работ на кургане Королево 2, курганных группах Ленинское 7 и Ленинское 8 в зоне строительства магистрального газопровода Краснодарский край – Крым на землях Ленинского р-на Республики Крым, проведенных Восточно-Крымской археологической экспедицией ИА РАН в сентябре – октябре 2016 г.

Раскопками установлено, что курган Королево 2 практически полностью уничтожен при строительстве магистрального газопровода «Черноморнефтегаза» в 1999–2000 гг. Исследования в прикурганном пространстве также не дали результатов.

На курганной группе Ленинское 7 исследована насыпь № 1, которая оказалась не курганом, а ритуальным местом на скальной вершине, которое использовалось аборигенным населением с эпохи бронзы до раннего железного века. Под насыпью также обнаружено локальное местонахождение артефактов позднего мезолита – неолита, связанное с сезонной стоянкой охотников.

Под насыпью кургана № 2 исследовано центральное погребение раннего железного века, ограбленное в средневековое время, и пять впускных детских погребений в северо-восточной поле кургана. В межкурганном пространстве обнаружены древняя каменоломня и два разрушенных погребения средневекового времени.

Раскопками установлено, что обе насыпи курганной группы Ленинское 8 практически полностью разрушены при строительстве газопровода в 1999–2000 гг. В северо-восточной поле насыпи кургана № 1 обнаружен частично поврежденный ритуальный объект в виде локального скопления мелко дробленой амфорной керамики, подобный объекту в насыпи кургана № 1 группы Ленинское 7.

Раскопки 2016 г. дали немногочисленную, но очень ценную информацию об этапах освоения древним населением глубинных частей Восточного Крыма.

Ключевые слова: спасательные раскопки, курганная насыпь, ритуальное место, ранний железный век, амфорная керамика, эпоха архаики и поздней классики, средневековое время, поздний мезолит и неолит.

A.V. Kulikov, V.Yu. Kononov, E.N. Ukrainsky

Earthwork groups (Crimean Republic, Leninsky Region)

Resumé. This article presents a short overview of the results of rescue archaeology work undertaken at the Korolevo-2 barrow, and barrows in the Leninskoye-7 and Leninskoye-8 groups which lie within the planned construction zone of the Krasnodar Province-Crimea backbone gas pipeline. This runs over the area of the Leninsky Region of the Crimean Republic, where archaeological work was undertaken by the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences over September-October 2016.

It was established by the excavations that the Korolevo-2 earthwork barrow had been almost entirely destroyed by the construction of the backbone gas pipelines in 1999-2000 by the Chernomorneftgaz Corporation. Examination of the surrounding area of the barrow similarly produced no results.

At the Leninskoye-7 earthworks group, Mound № 1was investigated, and discovered not to be an earth-mound at all, but a ritual location on a clifftop, which had been used by native populations from the Bronze Age through to the Early Iron Age. Beneath this mound was found a site of local artefacts from the late Mesolithic and Neolithic periods, related to seasonal encampments of hunters.

Beneath Mound № 2 a central burial of the early Iron Age was studied, which had been looted during the Medieval period, as well as five infant burials in the north-east segment of the mound. In the mid-mound area an ancient quarry was found, along with two burials from the Medieval period.

The excavations established that both the mounds in the Leninskoye-8 group had been practically destroyed during the building works for the laying of the gas pipeline in 1999-2000. The north-eastern segment of earthmound № 1 revealed a partly-damaged ritual site in the form of a cluster of finely crushed amphora fragments, similar to those at the site of Mound № 1 in the Leninskoye-7 group.

The excavations undertaken during 2016 yielded limited but highly informative data about the degree to which ancient peoples had occupied the depths of Eastern Crimea.

Keywords: rescue archaeology, earthwork mounds, ritual locations, early Iron Age, amphora ceramics, the archaic and late classical periods, Medieval era, late Mesolithic, Neolithic.

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗЕМЛЯНЫЕ ГИДРОТЕХНИЧЕСКИЕ СООРУЖЕНИЯ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

(РЕСПУБЛИКА КРЫМ)

А. В. Куликов, С. Л. Смекалов, Б. Е. Янишевский, В. В. Мокробородов, Ю. В. Плеханов

1

В сентябре – октябре 2016 г. отряд Восточно-Крымской археологической экспедиции ИА РАН проводил спасательные работы на объектах культурного наследия Королево 3 и Фонтан 6 в зоне строительства магистрального газопровода Краснодарский край – Крым на землях Ленинского р-на Республики Крым. Открытый лист № 1776 от 09.09.2016 был выписан м. н.с. отдела сохранения археологического наследия А. В. Куликову. Работами на объектах и отдельных участках руководили научные сотрудники ИА РАН Б. Е. Янишевский, В. В. Мокробородов, Ю. В. Плеханов.

По результатам предварительных разведок указанные объекты археологического наследия были определены как средневековые кольцевые курганы (*Супренков А. А.,* 2015. С. 10, 11; *Супренков А. А.,* 2015. 25, 26), что обозначило специфику методики их исследования[1]. При визуальном осмотре мест будущих раскопок было установлено, что оба археологических объекта имеют явные признаки позднейших разрушений, связанных с прокладкой в 1999 г. магистрального газопровода Джанкой – Керчь и ряда кабельных линий. На спутниковых снимках направление траншеи газопровода 1999 г. прослеживается абсолютно точно. На местности оно

2

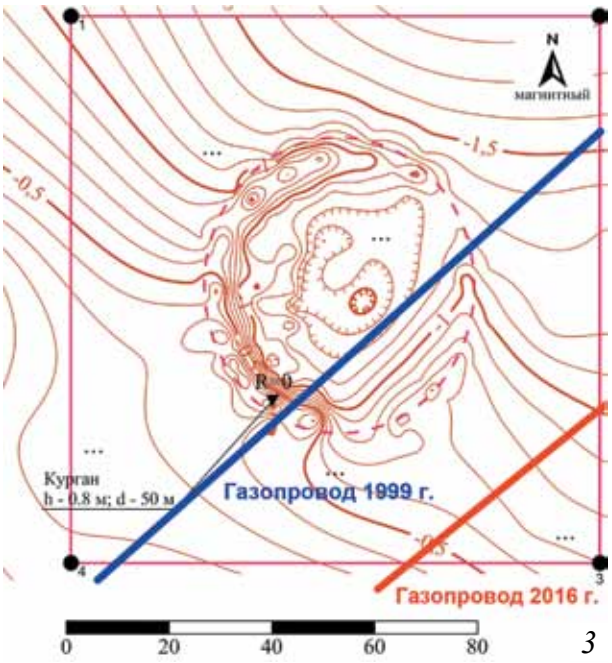
[1] *Супренков*, 2015. С. 10, 11. Методикой раскопок кургана предусматривается обязательное полное археологическое исследование самого кургана и прилегающего к нему пространства, в котором могут быть выявлены связанные с ним захоронения и другие археологические объекты.

маркировалась линейными просадками грунта и каменно-земляными отвалами. Охранная зона газопровода была обозначена столбиками с охранными табличками, на которых указана полоса отвода – 25 м (рис. 1, 3). Таким образом, исследование южной половины объектов, расположенных в зоне функционирующего газопровода с высоким рабочим давлением, оказалось невозможным не только с применением техники, но и вручную.

Королево 3. На первом этапе работ была проведена пешая рекогносцировка и организован сбор подъемного материала. Установлено, что кроме материалов эпохи позднего Средневековья (красноглиняная и поливная керамика крымского производства) встречаются единичные находки эпохи поздней бронзы – раннего железного века. Найдено несколько непрофильных фрагментов амфорной керамики IV–III вв. до н. э., каменный терочник, кремневые орудия на отщепах, фрагмент сверленого каменного топора. Суммарно эти находки можно датировать концом II – началом I тысячелетия до н. э. Они хорошо согласуются с культурно-историческим контекстом наиболее характерных памятников региона – многочисленных курганов эпохи бронзы, расположенных на окружающих долины водоразделах.

В сборах подъемного материала на исследуемой территории присутствовала преимущественно керамика XVII–XVIII – первой половины XIX в., что позволило локализовать в этом месте бывшую татарскую деревню Биюк-Коджалар, известную по архивным и картографическим источникам[2]. В ходе предварительных работ первого этапа обнаружены и визуально обследованы расположенные в пойменной части реки на удалении от 300 до 800 м к северо-востоку еще два кольцевых объекта, сходных по своим размерам и устройству с исследуемым кольцевым курганом (рис. 2).

На втором этапе был выполнен сплошной стратиграфический разрез кольцевого



3

сооружения по линии запад – восток. На двух диаметрально противолежащих участках кольцевой обваловки были заложены площади 4×8 и 4×4 м, которые впоследствии были соединены траншеей с единой северной стратиграфической бровкой. Исследованная площадь составила 220 кв. м.

В ходе работ открыты участки кольцевой обкладки из крупных известняковых глыб (0,6×0,8, 0,65×0,45, 0,50×0,50 м и др.), укрепленные по внешнему краю навалом из мелкого бута (рис. 4). На западном крае стратиграфического разреза каменное основание конструкции было перекрыто переотложенным культурным слоем второй половины XVIII–XIX в. (зольник с обильным костным материалом и фрагментами керамики).

В керамических материалах широко представлены различные формы красноглиняных и коричневоглиняных плоскодонных закрытых сосудов с яйцевидным туловом, высоким горлом и дуговидными ручками – кувшины для воды. Выделяется группа закрытых сосудов из красной и светло-бежевой глины с белым

Рис. 1. Кольцевое сооружение Королево 3. Вид с востока
Рис. 2. Кольцевые сооружения (1–3) у деревни Биюк-Ходжалар
Рис. 3. Кольцевое сооружение Королево 3. План

[2] До присоединения Крыма к России в 1783 г. татарская деревня Биюк-Коджалар входила в Кейминское каймаканство Арабатского кадылыка. В «Камеральном описании Крыма» 1784 г. числится татарская деревня Бьюк (Биюк)-Коджалар, которая была приписана сначала к Левкопольскому, позднее – к Феодосийскому уезду. В первой половине XIX в. в деревне насчитывалось до 20 дворов. По результатам ревизии 1864 г. Биюк-Коджалар – «владельческая татарская деревня с 15 дворами, 77 жителями, мечетью и сельской почтовой станцией при колодцах». Деревня Коджалар-Татарский после депортации татар в 1944 г. была переименована в Долинное, после 1954 г. сведения о ней отсутствуют. Деревня Коджалар-Русский в 1948 г. переименована в село Королево, которое в настоящее время входит состав в Ленинского р-на Республики Крым (*Лашков Ф.Ф.*, 1887–1889; Памятная книга, 1867; *Ковыркин К.К., Санжаровец В.Ф.*, 2014; Населенные пункты Керченского полуострова. http://vkerchi.com.ua).

4

Великой Отечественной войны 1941–1944 гг. – осколки снарядов, гильзы 7,62×54 пулеметно-винтовочных патронов системы Мосина 1891–1930 гг. Исполнение большей части гильз в черном металле говорит о том, что активные боевые действия в месте раскопок велись в 1942–1944 гг.

Земляные работы в центральной части кольцевого водоема проводились с помощью техники: ножом бульдозера снимались тонкие срезы грунта на глубину до 0,05 м с последующей ручной зачисткой вертикальной и горизонтальной стратиграфии траншеи. В стратиграфическом разрезе выявлены два слоя, лежащих поверх материка (темно-серой плотной засоленной брекчии сопочного происхождения): илистые донные отложения водоема мощностью 0,05–0,12 м с единичными фрагментами керамики XVIII–XIX вв. и слой грунта (от 0,08 до 0,43 м), перемещенного в Новейшее время. Последний, в отличие от илистых отложений, содержал находки XX в.: фаянсовую керамику, бой стеклянных изделий, предметы из металла и резины.

Таким образом, уже на втором этапе работ было доказано, что объект культурного наследия Королево 3 не является курганом, а предподглазурным ангобом и поливой различных оттенков (ярко-зеленой, светло-зеленой, желтовато-зеленой, желтовато-коричневой). Сосуды нередко по горлу и плечам имеют дополнительный декор в виде пояса врезных линий и валиков. Встречены фрагменты красноглиняных и поливных кувшинов (кумганы) с носиками-сливами. Открытые сосуды представлены фрагментами красноглиняных полусферических мисок на кольцевом поддоне – с зеленой поливой или без нее. Среди керамических изделий специального назначения отметим миниатюрный плоскодонный поливной сосуд (чернильница?, ароматница?), а также фрагменты поливных подсвечников с плоским дисковидным основанием с вертикальными бортиками, невысоким цилиндрическим стволом с остроребердным расширением ниже уровня чашечки.

Поверх каменно-земляной основы дамбы была сделана водонепроницаемая обваловка из материковой желтовато-коричневой глины, которая со временем расплылась и в стратиграфии прочитывается в виде аморфного слоя мощностью от 0,05 до 0,35–0,40 м под тонким почвенным горизонтом. В толще обваловки были обнаружены предметы, связанные с событиями

5

Рис. 4. Стратиграфический разрез сооружения. Вид с востока
Рис. 5. Каменная основа кольцевого водоема. Вид с юго-запада
Рис. 6. Раскоп 1. Фундаменты сырцово-каменных стен. Вид с востока
Рис. 7. Королево 3. Поливная керамика, стекло

6

ставляет собой земляное гидротехническое сооружение (водосборный водоем) и датируется эпохой позднего Средневековья – началом Нового времени.

Третий этап работ был связан с раскопками гидротехнического сооружения по общепринятой археологической методике: работы проводились вручную единой площадью двумя линиями квадратов 10×10 м с пластовой выборкой заполняющего грунта. В результате был полностью открыт сегмент северной части гидротехнического сооружения на площади около 600 кв. м (рис. 5).

Раскопки показали, что конструкция каменно-земляной насыпи полностью идентична тому участку, что был открыт в разведочном раскопе в юго-западной части обваловки: ряд крупных глыб дикарного известняка, уложенных по предварительно размеченному кольцу с наброской по внешней стороне из мелкого и среднего бута на суглинистом растворе.

Правда, засыпка забутовки золистым грунтом в других местах, кроме разведочного раскопа, отмечена не была, что говорит о намеренном устройстве водопроницаемой насыпи именно в западной части сооружения, в месте тока подпитывающих его подземных вод. Состав находок, полученных в результате раскопок северной части сооружения, в целом идентичен тому, что был представлен в разведочном раскопе. Единственным отличием является сравнительно низкая насыщенность культурного слоя керамическими и костными материалами. Это объясняется тем, что грунт для обваловки в западной части сооружения намеренно брался из зольника, в котором насыщенность археологическими находками изначально была намного выше.

На следующем, пятом этапе работ проводилось исследование территории, примыкающей к кольцевому водоему с северо-востока и северо-запада, что было связано с необходимостью выполнить обусловленные в техническом задании объемы земляных работ по договору с заказчиком.

7

8

Раскоп № 1 представлял собой две линии квадратов 10×10 м, вытянутых с запада на восток (4 тыс. кв. м). Западная часть раскопа дала довольно маловыразительную картину: из археологических объектов in situ найден позднесредневековый зольник (XVIII – первая половина XIX в.) в виде светло-серого округлого пятна размером 18×16 м, выбранный практически до уровня материка, Очевидно, что культурный слой зольника был в середине XIX в. использован для строительства водопроницаемого участка кольцевой обваловки, о чем говорилось выше. Остальная исследованная нами площадь в западной части раскопа № 1 представляла собой слабо насыщенный находками участок периферии позднесредневекового поселения. Местами культурный в древности слой был выбран до уровня материка – это следы земляных работ все того же назначения.

Восточная часть раскопа № 1 в непосредственной близости от кольцевой обваловки водоема также не дала выразительных археологических результатов, что связано с перемещением больших масс культурного слоя во время сооружения кольцевого вала.

В крайней восточной части раскопа обнаружено несколько участков заглубленных в материк протяженных прямолинейных и криволинейных объектов, представляющих собой фундаменты и нижние части глинобитных стен (рис. 6). Ширина заглубленных канавок – 0,35–0,50 м, глубина – до 0,25 м; заполнение – желтая глина с мелким известняковым бутом и отдельными мелкими включениями позднесредневековой красноглиняной керамики второй половины XVIII – начала XIX в., что маркирует дату сооружения глинобитных стен.

Вероятно, обнаруженные стены представляли собой невысокое ограждение загонов для скота: стадо загоняли для вечерней дойки и содержания в ночное время. Внутри ограждения располагались деревянные столбовые конструкции, о чем говорят столбовые ямки, зачищенные на уровне материка. Представление о составе стада дает анализ костных остатков из культурного слоя, особенно из зольника. Основу стада составлял крупный рогатый скот (быки, коровы, отмечен забой молодых животных в возрасте 1–2 лет). Кости мелкого рогатого скота, по данным статистики, занимают в процентном отношении второе место. В археозоологической коллекции с раскопа также представлены единичные фрагменты костей лошади и свиньи, кости домашней птицы и водоплавающей дичи[3].

О смешанной, земледельческо-скотоводческой направленности хозяйственной деятельности обитателей поселения говорит обилие хозяйственных ям (более 10) в северо-восточном углу раскопа № 2. Они имеют в плане округлую форму, диаметр – от 0,48 до 1,60 м, глубина – до 1,20 м. Заполнение ям было мусорно-золистым или суглинистым с минимальным количеством находок, преимущественно с костями животных и фрагментами керамики XVIII–XIX вв. Несомненно, большая часть этих ям использовалась в древности для хранения зерновых запасов и овощей. Наиболее крупные ямы, заглубленные в материк, могли использоваться как стационарные ямы-ледники – своеобразные холодильники для сохранения продукции животноводства.

Сравнительно немногочисленные индивидуальные находки характеризуют быт и занятия мужского и женского населения поселка: красноглиняные, коричневоглиняная и белоглиняная курительные трубки (рис. 8), мушкетная пуля (рис. 9, *5*) и половинка формочки бронзовой пулелейки (рис. 9, *7*), костяная пуговица

[3] В центре чаши-вместилища раскопанного водоема был обнаружен небольшой участок в виде темно-серого пятна размерами 3,20×2,75 м, обильно насыщенный мелкими костями водоплавающих птиц, преимущественно уток. Вероятно, это пятно маркирует логово хищного животного в зарослях водной растительности (тростника) в периоды периодического сезонного осушения водоема. В общую археозоологическую статистику эти материалы по понятным причинам не включены.

с врезным орнаментом из концентрических окружностей (рис. 9, *4*), позолоченная пуговица (рис. 9, *3*) из серебряной турецкой монеты 1255 г. х. с начальным годом правления султана Абдул-Меджида (после 1838 г., год правления на оборотной стороне не прочитывается), деталь бронзовой поясной накладки, швейная игла, часть медного наперстка (рис. 9, *8, 9*), две мелкие полустертые монетки Крымского ханства второй половины XVIII в. со следами припоя (использованные в монисто или других женских украшениях).

В целом можно говорить о том, что состав и хронология находок типичны для группы сельских поселений глубинных частей Восточного Крыма, заселенных преимущественно татарским населением с вкраплением русского, малороссийского, болгарского, немецкого и пр.

Некоторая специфика вещевого состава находок (как, например, подсвечники для восковых свечей, чернильница, мушкетная пуля и пулелейка, ружейные кремни, медная пуговица от форменного мундира, фрагменты винных бутылок и штофов, трубки белой глины), не характерная для степных татарских аулов XVIII–XIX вв., связывается с тем, что исследованное поселение Биюк-Коджалар лежало на Феодосийском почтовом тракте, имело почтовую станцию, провиантские магазины, склады фуража и небольшой гарнизон при ней[4]. Именно с этим русским населением следует связывать определенную долю костей свиньи, представленной в археозоологической коллекции с поселения Королево 3.

Раскоп № 2 площадью 480 кв. м, заложенный к югу от кольцевого гидротехнического сооружения, не дал выразительных результатов. В почвенном слое встречались единичные фрагменты костей домашних животных, фрагменты красноглиняной и поливной керамики XVIII–XIX вв. Всего на памятнике в соответствии с техническим заданием раскопано 4520 кв. м.

9

Подводя итоги раскопкам кольцевого гидротехнического сооружения, отметим ряд важных моментов, связанных с его строительством, хронологией и особенностями эксплуатации.

1. Место для размещения водоема выбрано человеком, хорошо знавшим местную гидрологию. Строительство велось по предварительной разметке (возможно, по готовому эскизному проекту). Четкая геометрическая конфигурация сооружения в виде правильного круга с внутренним радиусом около 25 м подразумевает использование какого-то простейшего приспособления, например, циркульного шнура. Взятый для создания кольцевой обваловки материал (бутовый камень определенного размера, валуны дикарного известняка, желтая глина) един для всех исследованных ее участков, что говорит о централизованном подходе к исполнению инженерного замысла.

2. Расчеты показывают, что при строительстве сооружения использовано до 160 куб. м валунов, до 100 куб. м бутового камня

Рис. 8. Королево 3. Курительные трубки
Рис. 9. Королево 3. Индивидуальные находки

[4] После десанта англо-французско-турецкой экспедиции, захватившей Керчь 13 мая 1855 г. во время Крымской войны, по приказу коменданта Керчи генерал-лейтенанта от инфантерии барона К.К. Врангеля русские войска (4 пехотных батальона, 2 казачьих полка с артиллерией, всего около 8 тыс. человек) были отведены на 15 верст по Феодосийской дороге в глубинные части полуострова, а впоследствии – к Феодосии, на Ак-Монайский перешеек и в район крепости Арабат, чтобы не дать интервентам отрезать от баз снабжения тылы русских войск, оборонявших Севастополь. Кавалерия и часть артиллерии заняли позиции по Феодосийской дороге в районе реки Самарли у почтовой станции Аргин. Возможно, что некоторая часть «нехарактерных» находок на исследуемом памятнике Королево 3 связана именно с этими событиями. (См. Оборона Севастополя, 1868. С. 206–208; *Носкова, Носков*, 2012. С. 34–35).

10

и до 300 куб. м водоупорного грунта (глины). Организовать это строительство в короткое время силами населения небольшой татарской деревни было невозможно.

3. Гидротехническое сооружение Королево 3 не имеет следов ремонтов и позднейших перестроек, что может быть связано с непродолжительным временем его использования.

4. Водоем с диаметром зеркала воды около 50 м и средней глубиной до 0,60 м мог запасти в осенне-зимний сезон до 1000–1200 куб. м воды, что существенно превышает потребности небольшой деревни, особенно учитывая наличие поблизости других источников воды (река, колодцы). Пользоваться запасами воды из водоема можно было до наступления засушливого сезона (середина – вторая половина июля).

5. Учитывая приведенные выше соображения, можно предположить, что строительство и использование водосборного гидротехнического сооружения у села Королево (Биюк-Коджалар) связано с расположением здесь русских войск во время Крымской войны в 1855–1856 гг. и потребностями в бесперебойном обеспечении водой крупных пехотных и кавалерийских подразделений.

Фонтан 6. В техническом задании кольцевое сооружение в 2,7 км к северо-западу от современного села Фонтан (объект Фонтан 6) было заявлено как кольцевой курган (*Супренков А.А.,* 2015. С. 25, 26). Однако, учитывая итоги наших работ на аналогичном объекте у с. Королево, исследования изначально проводились по иной методике.

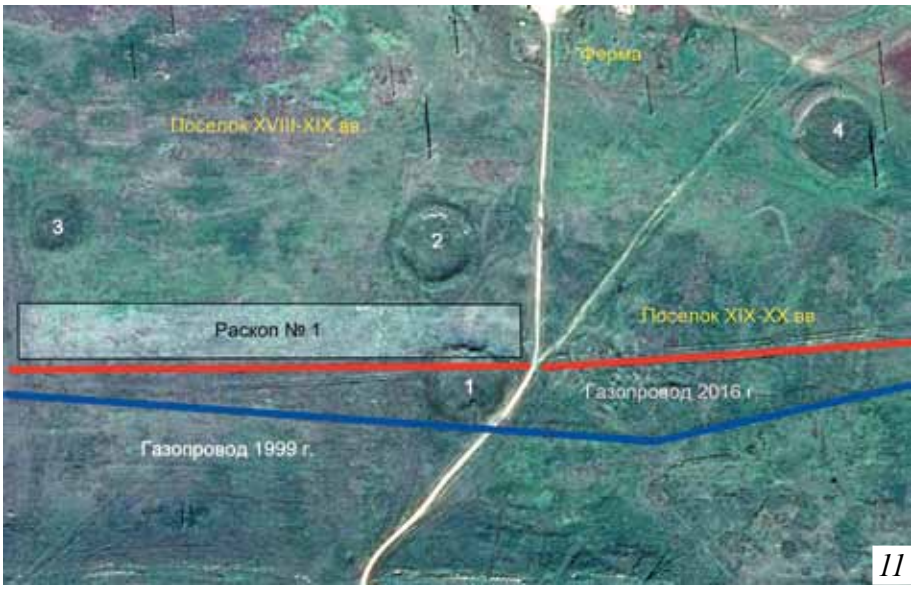
На первом, подготовительном этапе была проведена визуальная разведка местности (рис. 10). Было установлено, что обследованная в 2015 г. А.А. Супренковым «курганная группа» Фонтан 6 на самом деле представляет собой как минимум четыре однотипные кольцевые земляные гидротехнические сооружения различного диаметра, построенные в водосборных руслах временных водотоков, питающих небольшой ручей (рис. 11). На расстоянии до 800 м к северо-востоку от объекта, на южном склоне возвышенной гряды, в месте прорыва ее руслом ручья и сооруженного при нем ставка с земляной дамбой, в обнажениях грунта обнаружены многочисленные фрагменты керамики эпохи бронзы (вероятно, вторая половина II – рубеж II–I тыс. до н.э.), а также единичные непрофильные обломки античной амфорной тары.

На расстоянии от 50 до 300 м к востоку от объекта Фонтан 6 выявлены сильно поврежденные земляными работами по укладке газовой трубы 2016 г. остатки каменных строений и культурные слои поселения

Рис. 10. Кольцевое сооружение Фонтан 6. Вид с востока
Рис. 11. Кольцевые сооружения (1–4) у деревни Кармыш-Келечи
Рис. 12. Кольцевое сооружение Фонтан 6. План

[5] До присоединения Крыма к России в 1783 г. татарская деревня Кармыш-Келечи входила в Орта Керченский кадылык Кефинского каймаканства. В «Камеральном описании Крыма» 1784 г. числится татарская деревня Кармыш-Келечи, которая была приписана сначала к Левкопольскому, позднее – к Феодосийскому уезду. После создания Таврической губернии в 1802 г. село входило в Кадыкелечинскую волость Феодосийского уезда. В первой половине XIX в. в деревне насчитывалось от 16 до 25 дворов. Согласно «Памятной книжке Таврической губернии за 1867 год», деревня была покинута жителями в 1860–1865 гг. в результате эмиграции крымских татар после Крымской войны. С 1864 г. южнее татарской возникла небольшая одноименная русская деревня с 13 дворами. В 1915 г. в документах значится экономия Кармыш-Келечи. Последнее упоминание деревни – на карте 1941 г., где обозначено 6 дворов. В послевоенное время деревня была заброшена. Современный поселок и совхоз «Фонтан» возникли в 2,7–3 км к юго-востоку от деревни Кармыш-Келечи. (*Лашков Ф.Ф.*, 1887–1889; Памятная книга, 1867; *Ковыркин К.К., Санжаровец В.Ф.*, 2014; Населенные пункты Керченского полуострова. http://vkerchi.com.ua). Объект культурного наследия Фонтан 6 получил название благодаря своему близкому расположению к этому населенному пункту.

Нового и Новейшего времени (вторая половина XIX – середина XX в.). В 300 м к северу расположено современное фермерское животноводческое хозяйство, а к западу от него, под вытянутой с запада на восток каменной грядой, венчающей естественную возвышенность, – следы заброшенной татарской деревни Кармыш-Келечи XVIII–XIX вв. площадью до 1 га[5].



11

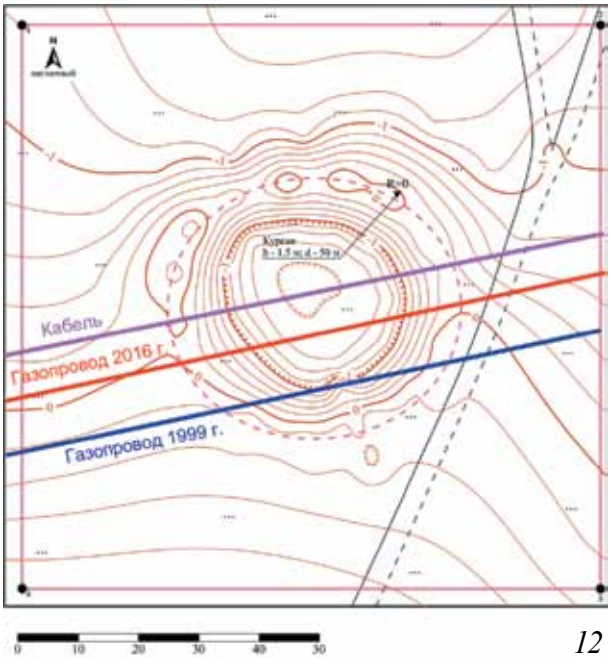
Осмотр кольцевого сооружения Фонтан 6 показал, что оно в южной и центральной частях было разрушено при строительстве газопровода 1999 г. и прокладке различных кабельных линий. Доступной археологическому изучению оставалась только северная часть сооружения, приблизительно одна треть (рис. 11, 12). Размеры сохранившегося сегмента кольцевого сооружения Фонтан 6 составили 30×40 м.

На втором этапе работ был выполнен стратиграфический разрез сооружения через его дно, кольцевую обваловку и прилегающий к ней участок равнинной территории с северной стороны. Работы велись траншеей шириной 1 и длиной 30 м, вытянутой по линии север – юг. В центральной части водоема открыты донные отложения (до 0,10 м), лежащие поверх глинистого материка, на периферии – земляная обваловка высотой около 2 м и шириной до 8 м, насыпанная поверх конструкции из установленных вертикально по кругу больших каменных плит (размерами около 1,00×0,80 м, 0,85×0,75 м, 0,60×0,55 м и др.).

Плиты для строительства кольцевого сооружения были взяты из скального выхода, расположенного в 100 м южнее в виде длинной гряды, вытянутой с востока на запад. С наружной стороны дамбы конструкция из плит была усилена навалом среднего и мелкого бутового камня вперемешку с серым суглинком (перемещенным культурным слоем), а затем гидроизолирована слоем желтой материковой глины, добытой при углублении дна водоема (рис. 13). В наиболее угрожаемой размывом части каменно-земляной дамбы, с ее внутренней стороны, построен дополнительный пояс из вертикально установленных крупных каменных плит (он не сплошной, а с большими разрывами). Диаметр внешнего кольца из каменных плит – около 55 м, внутреннего – около 51 м.

Верхняя часть насыпи кольцевой дамбы насыпана суглинистым грунтом, взятым с напольной стороны сооружения – почвенным слоем и культурным слоем татарской деревни Кармыш-Келечи второй половины XVIII – начала XIX в. Предположительно из перемещенного культурного слоя этого поселения происходят две каменные плиты со сквозным отверстием для привязывания животных.

После изучения основной стратиграфии сооружение Фонтан 6 раскопано единой площадью с сеткой квадратов 10×10 м. Стратиграфия на всех участках оказалась однородной и не отличалась от базовой. Находки из слоя насыпи



12

13

каменно-земляной дамбы немногочисленны: фрагменты красноглиняной, светлоглиняной и поливной керамики XVIII–XIX вв. (с поливой зеленого, желтого и коричневого цвета). Из индивидуальных находок отметим сильно фрагментированную красноглиняную курительную трубку турецкого типа с линейной орнаментацией.

На третьем этапе работ выполнено исследование периферийной территории поселения, прилегающей к гидротехническому объекту с севера и северо-востока, что было обусловлено техническим заданием (раскопки и наблюдения в зоне строительства газопровода на площади около 9500 кв. м).

На раскопе № 1, кроме северной части гидротехнического сооружения, не было открыто других археологических объектов. Насыщенность культурного слоя керамикой составляла около 1 фрагмента на 10 кв. м, что статистически соответствует материалам периферийной части поселения.

По итогам работ на объекте культурного наследия Фонтан 6 сделаны следующие выводы.

1. Объект представляет собой не погребальное сооружение (кольцевой курган), а гидротехническое земляное сооружение для сбора и удержания воды. Назначение искусственного водоема – водопой для скота.

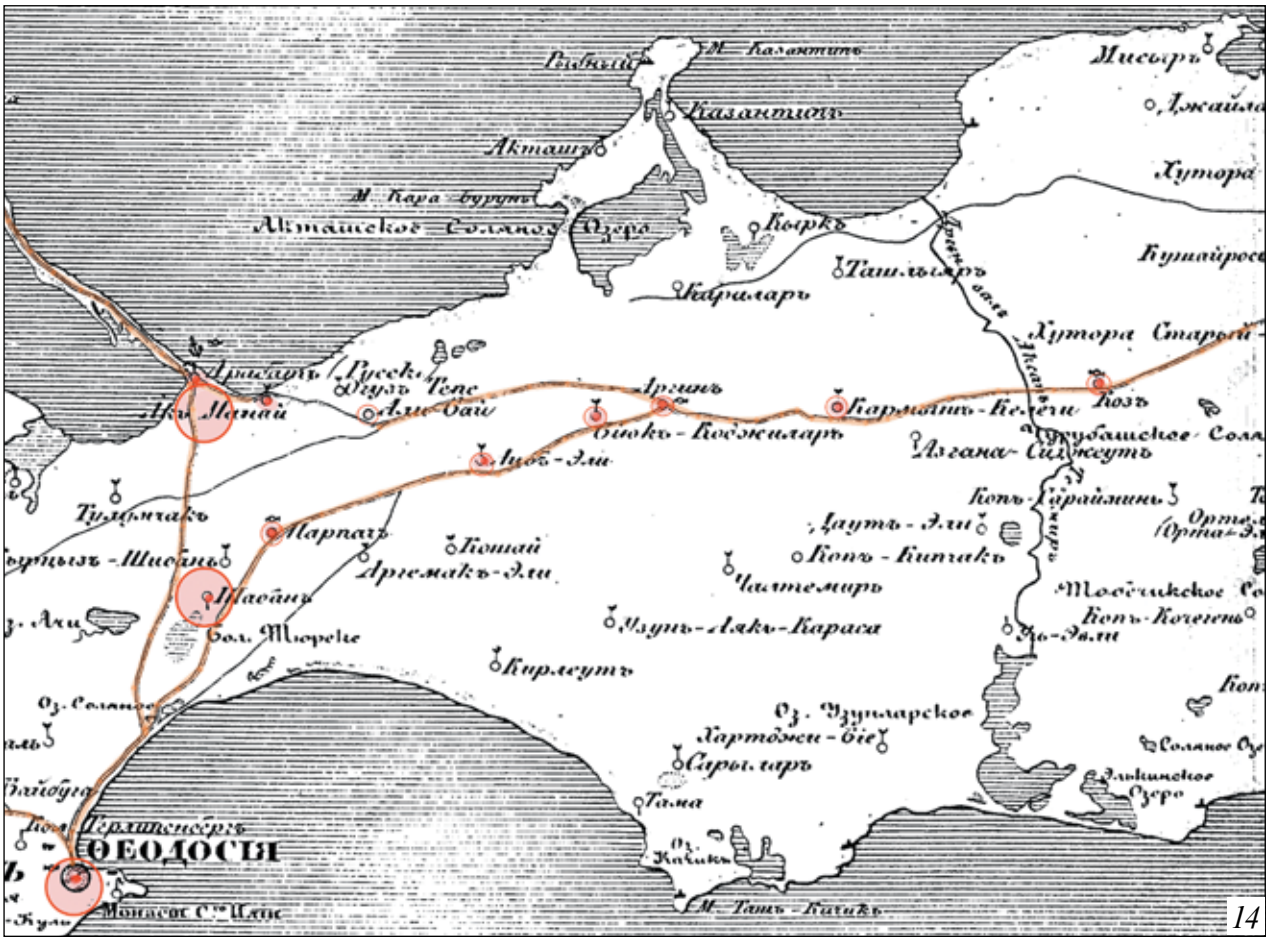
2. Гидротехническое сооружение имело каменно-земляную конструкцию диаметром около 55 м с зеркалом водоема около 45 м, высотой кольцевой обваловки до 2 м, что практически полностью соответствует размерам аналогичного кольцевого сооружения Королево 3.

3. Гидротехническое сооружение связано с расположенной рядом татарской деревней Кармыш-Келечи (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) и синхронно ей.

Выводы по итогам работ 2016 г. на позднесредневековых гидротехнических сооружениях Королево 3 и Фонтан 6. Спасательные раскопки 2016 года в Ленинском р-не на трассе магистрального газопровода Краснодарский край – Крым позволили получить ценные сведения о конструкции позднесредневековых гидротехнических сооружений, построенных на территории татарских деревень Биюк-Коджалар и Кармыш-Келечи с целью сбора и удержания запасов пресной воды.

Установлено, что водоемы с кольцевой обваловкой являются особым типом гидротехнических сооружений, характерных для глубинных частей Восточного Крыма в условиях засушливого климата с осенне-зимним максимумом осадков. Наряду другими гидротехническими сооружениями – колодцами, земляными запрудами в руслах оврагов и небольших ручьев, подземными водосборными резервуарами-аутами и каптажными галереями с уложенными в них керамическими дренажными

Рис. 13. Раскопки северной части кольцевого сооружения Фонтан 6. Вид с северо-востока
Рис. 14. Места дислокации русских войск в 1855–1856 гг.
Рис. 15. Памятная доска защитникам Керчи в Крымскую войну 1854–1856 гг.



14

трубами – водосборные кольцевые сооружения являлись одним из важнейших элементов сложной системы обеспечения местного населения питьевой водой и важным ресурсом для развития скотоводства.

15

Возведение кольцевых сооружений Королево 3 и Фонтан 6 требовало значительного количества строительных материалов и было связано с большими трудозатратами. Население татарских деревень, в которых было устроено не по одному, а по несколько таких крупных гидротехнических сооружений, было сравнительно малочисленным для выполнения таких единовременных и довольно масштабных работ. Это позволяет предположить привлечение дополнительной рабочей силы. Возможно, это были солдаты русской армии (пехотинцы и казаки), которые во время Крымской войны в мае 1855 г. по приказу командования были отведены от захваченной интервентами Керчи и на протяжении полутора лет занимали позиции в глубинных частях Керченского полуострова, а также вдоль Феодосийской почтовой дороги (рис. 14, 15).

Актуальность проведенных исследований заключается еще и в том, что в непосредственной близости от мест проведения наших работ в 2017 г. будет развернуто масштабное строительство федеральной автодороги «Таврида», трасса которой по проекту проходит через целый ряд позднесредневековых памятников Восточного Крыма, включая бывшие татарские деревни Биюк-Коджалар и Кармыш-Келечи.

ЛИТЕРАТУРА

Ковыркин К.К., Санжаровец В.Ф., 2014. Керченский полуостров. Географический словарь // Научный сборник Керченского заповедника. Т. 4. Симферополь: Бизнес-информ. С. 267–293.

Лашков Ф.Ф., 1887а. О камеральном описании Крыма 1784 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 2. 1887. С. 20–30.

Лашков Ф.Ф., 1887б. О камеральном описании Крыма 1784 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 3. 1887. С. 36–64.

Лашков Ф.Ф., 1888а. О камеральном описании Крыма 1784 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 4. С. 32–45.

Лашков Ф.Ф., 1888б. О камеральном описании Крыма 1784 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 6. С. 36–64.

Лашков Ф.Ф., 1889а. О камеральном описании Крыма 1784 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 7. С. 25–45.

Лашков Ф.Ф., 1889б. О камеральном описании Крыма 1784 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 4. С. 12–40.

Населенные пункты Керченского полуострова. http://vkerchi.com.ua

Носков А., Носкова Э., 2012. Керченская карантинная стража в Крымскую кампанию 1854–1856 гг. // MILITARY КРЫМ. № 4 (специальный выпуск). С. 34–35.

Описание, 1868. Описание обороны г. Севастополя / Под редакцией Э.И. Тотлебена. Т. II. Отдел 1. СПб.: Издательство типографии Н. Тиблена. 427 с.

Памятная книга, 1867. Памятная книга Таврической губернии за 1867 г., изданная Таврическим губернским статистическим комитетом / Под редакцией секретаря статистического комитета К.В. Ханацкого. Вып. 1. Симферополь: Типография Таврического губернского правления. 657 с.

Смекалов С.Л. Археологическая карта Крыма. http://www.archmap.ru

Старые карты онлайн Крыма. http://www.etomesto.ru

Супренков А.А., 2015. Научно-исследовательские археологические работы (разведки) на территории прокладки магистрального газопровода Краснодарский край – Крым. Ленинский район. 18,2–82 км. Технический отчет / Архив АИ РАН.

Резюме. Статья посвящена результатам спасательных археологических работ в зоне строительства магистрального газопровода Краснодарский край – Крым на позднесредневековых водосборных гидротехнических сооружениях в Ленинском р-не Республики Крым в 2016 г. По результатам предварительных разведок объекты Королево 3 и Фонтан 6 были квалифицированы как кольцевые курганы средневековой эпохи. Раскопками доказано, что это были земляные гидротехнические сооружения (водоемы с кольцевой обваловкой) для накопления сезонных запасов воды в условиях засушливого климата Восточного Крыма.

Были исследованы северные половины двух обвалованных водоемов и прилегающие к ним участки поселенческих структур второй половины XVIII – рубежа XIX–XX вв. Установлено, что оба водоема (Королево 3 и Фонтан 6) имели искусственное происхождение и были расположены в руслах временных водотоков разветвленной балочной сети. Их цель – задержание поверхностных и подземных вод, поступающих преимущественно в осенне-зимний период (ежегодный максимум осадков). В русле естественного водотока выкапывался кольцевой водоем, укрепленный по периметру каменно-земляной дамбой-обваловкой диаметром около 50–55 м. Конструктивную основу ее составляли крупные глыбы дикарного известняка (Королево 3) или массивные рваные плиты (Фонтан 6). С наружной стороны эта выкладка укреплялась мелким и средним бутом, а сверху укладывался водоупорный слой глины в высоту до 1,5–2 м.

В расположенной выше по склону части насыпи оставлялись водопроницаемые участки для дренирования поступающих подземных вод, которые задерживались непроницаемой глиняной обваловкой в нижней части кольцевой дамбы. Специальные конструктивные устройства для сброса лишней воды в насыпи дамбы не были обнаружены. Назначение водоемов – водопои для домашнего скота.

Разведки и раскопки на прилегающей территории показали наличие связанных с ними поселенческих структур с хозяйственной ориентацией на земледелие и пастушеское скотоводство. Собрана небольшая, но довольно представительная коллекция керамических материалов, изделий из стекла и металла и других предметов, характеризующих быт и занятия местного населения. Не исключено, что строительство водосборных гидротехнических сооружений в засушливых степных районах глубинной части Восточного Крыма связывается с потребностями войск в обеспечении их водой в период Крымской войны.

Ключевые слова: спасательные раскопки, гидротехнические сооружения, кольцевые водоемы, позднее Средневековье, татарское поселение, Биюк-Коджалар, Кармыш-Келечи, Восточный Крым, Крымская война.

A. V. Kulikov, S. L. Smekalov, B. E. Yanishevsky, V. V. Mokroborodov, Yu. V. Plekhanov

Late-Medieval earthwork hydro-technical constructions in Eastern Crimea (Crimean Republic)

Resumé. This article presents the results of rescue archaeological works located in the planned construction of the backbone gas pipeline from Krasnodar Province to Crimea, over late-Medieval water-catchment hydraulic constructions in the Leninsky Region of the Crimean Republic, undertaken during 2016. According to the results of preliminary excavations, the objects of Korolevo-3 and Fontan-6 were categorised as circular earthworks from the Medieval period. Excavations show that these earthworks were a hydro-technical reservoir system to collect and store seasonal water supplies, against the dry climate of Eastern Crimea.

The northern sections of two of these insulated reservoirs were studied, along with adjacent structures of settlements dating to the latter-18th, 19th, and early 20th centuries. It was established that both of the reservoirs (Korolevo-3, and Fontan-6) were of man-made origin, and had been located on temporary channels of marshland water. Their purpose was to retain surface and groundwater that accumulated during the autumn and winter periods (the annual water maximums). In the stream bed of a natural watercourse, an annular reservoir had been built, which was buttressed around its perimeter with a stone-and-earth embankment, to a diameter of 50–55 millimetres. Its structural base was formed from huge blocks of unworked limestone (at Korolevo-3) or from massive stone plates (at Fontan-6). From the outer side, the reservoir was bolstered by small and medium stones, with a waterproof layer of clay, of between 1.5 and 2 metres in depth, laid on the top.

At the upland areas of embankment, the water-permeable areas were left to sift the incoming groundwater – which was then retained by the impermeable clay in the lower parts of the ring dam. No special devices for syphoning excess water into dam embankment were discovered. The water thus stored in these reservoirs would have been for domestic cattle.

Exploration and excavations at adjacent sites showed the existence of settlement structures associated with them, based on land use for farming and livestock herding. A small yet representative collection of finds included ceramic items, items made of glass and metal – and other similar items which typify the area as farmland, and the lifestyle of its inhabitants. It's possible that the construction of these reservoirs and the hydro-technical structures which supply them with water in this steppe region of Eastern Crimea may have had connections to military needs during the Crimean War.

Keywords: rescue archaeology, hydro-technical facilities, ring dams, late Medieval, Tatar settlements, Biuk-Kodjalar, Karmysh-Kelechi, Eastern Crimea, Crimean War.

АНТИЧНОСТЬ ТАМАНИ И СРЕДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК НА ЮГЕ СРЕДНЕГО ПОДОНЬЯ

Р. А. Мимоход, П. С. Успенский

1

Грунтовый некрополь Волна 1. Весной и летом 2016 г. Сочинская экспедиция ИА РАН проводила охранно-спасательные археологические исследования северной части грунтового некрополя Волна 1 на Таманском полуострове, около небольшого поселка Волна (рис. 1). Исследованная площадь составила 0,9 га. Раскопки его были начаты И.В. Цокур в 2015 г. Некрополь находится на южной окраине возвышенности между поселками Волна и ст. Тамань. Проследить какие-то стратиграфические особенности памятника невозможно, потому что вся территория длительное время подвергалась интенсивной плантажной распашке.

2

Концентрация погребений на исследованном участке некрополя высокая. Однако случаев нарушения могил более поздними погребениями не зафиксировано. Это косвенно указывает на то, что во время функционирования могильника место захоронения, скорее всего, каким-то образом маркировалось. На участке 2016 г. выявлено 196 погребений и 136 прочих археологических комплексов.

Все погребения совершены по обряду ингумации. Их можно разделить на следующие группы:

- *захоронения младенцев в амфорах* (рис. 2);
- *погребения в простых грунтовых ямах* (рис. 3, 4);
- *захоронения в сырцовых гробницах* (рис. 5, 6).

Погребения в амфорах сконцентрированы преимущественно в восточной части исследованной площади, однако изредка они встречались и на других участках некрополя. При этом использовались амфоры различных типов, в основном лесбосские и хиосские пухлогорлые

3

4

(рис. 8, *1, 2*). У сосудов была выбита одна стенка или полностью отбито горло. В большинстве амфор кости не сохранились, но по многочисленным аналогиям такая интерпретация наиболее вероятна. Наиболее многочисленны захоронения, совершенные в ямах прямоугольной или овальной формы (рис. 3, 4). Иногда в могилах фиксировались канавки вдоль торцевых стенок, точное назначение которых не установлено.
В ямах обнаружены одиночные и коллективные захоронения. В большинстве случаев скелеты лежали вытянуто на спине, реже скорченно на правом или левом боку, а также на спине с согнутыми в коленях и разведенными в стороны ногами (поза всадника); ориентировка их восточная, иногда с отклонениями к северу или югу.

В коллективных захоронениях скелеты лежали в вытянутом положении на спине рядом друг с другом. В некоторых комплексах кости одного индивида располагались в анатомическом порядке, а рядом с ним находились кости другого, уложенные «пакетом» (рис. 4).

Захоронения сопровождались разнообразным погребальным инвентарем; в некоторых комплексах зафиксировано более 20 различных предметов. В их расположении выделяется ряд особенностей. Так, сосуды были установлены в одну линию с левой стороны от погребенного, ставились в ногах, реже в головах умершего. Мечи в большинстве случаев располагались у пояса, наконечники копий – в головах.

Особой формой погребального сооружения являются сырцовые гробницы (рис. 5, 6). В них сырцовые блоки уложены вдоль стенок в один ряд, в несколько слоев. Положение умершего, его ориентировка, расположение погребального инвентаря такие же, как в захоронениях в простых грунтовых ямах.

Обнаруженный инвентарь относится к различным категориям. Более 35% погребений содержали предметы вооружения, к которым относятся железные мечи, наконечники копий, реже – бронзовые и железные наконечники стрел. В одном комплексе расчищен полный пластинчатый доспех, изготовленный из прямоугольных железных пластин. Он был расстелен на дне могильной ямы под умершим.

5

Рис. 1. Общий вид раскопа в процессе работ
Рис. 2. Захоронения детей в амфорах (комплекс 190)
Рис. 3–4. Погребения в простых грунтовых ямах
Рис. 5. Погребения в ямах с грунтовыми блоками (погребение 264)

6

Следует отметить, что для ранних грунтовых некрополей Боспора находка полного доспеха уникальна и прежде была зафиксирована только в некрополе Фанагории.

Среди украшений встречены бронзовые перстни и кольца, а также серьги, бронзовые или серебряные изделия в 1,5 оборота с окончаниями в виде четырехгранных пирамидок. В одном погребении обнаружена пластина из электрового сплава с изображением льва (рис. 7, *2*).

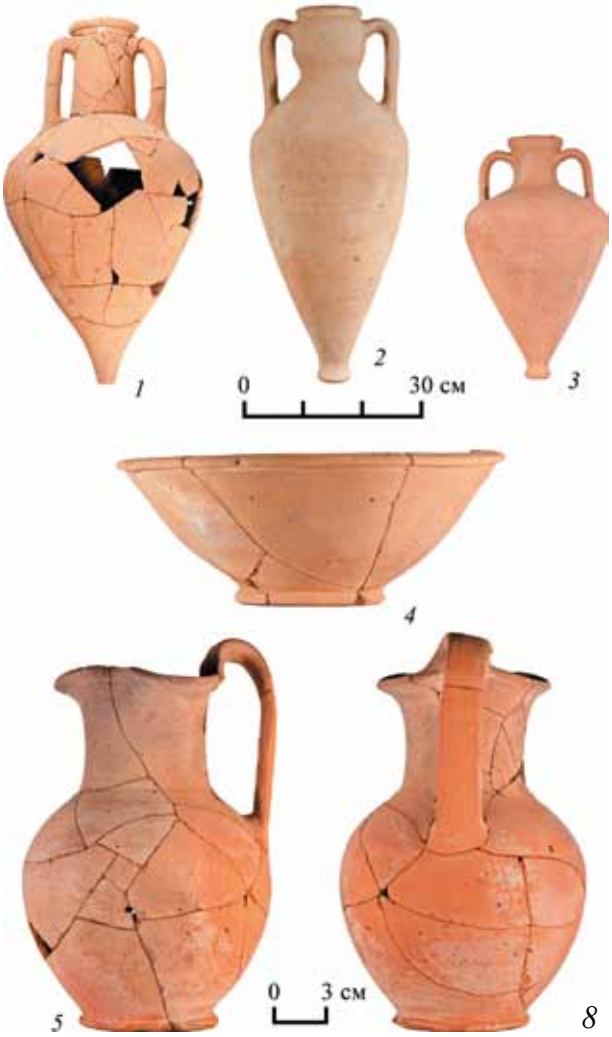
Чаще всего встречалась керамика. Наиболее распространенный тип – это тарная протофасосская амфора; в двух случаях зафиксированы небольшие столовые амфоры. В захоронениях также обнаружены красноглиняные кувшины-ойнохои, простые красноглиняные или сероглиняные миски разных размеров (рис. 8).

Сосуды для питья представлены чернолаковыми и чернофигурными киликами, канфарами и одноручными чашами аттического, ионийского и коринфского производства (рис. 10).

Дополняют комплекс посуды сосуды для масел и благовоний: чернофигурные и чернолаковые лекифы, аски, арибаллы, а также алабасты и амфориски из финикийского стекла (рис. 9).

В погребениях обнаружено довольно много нижних частей сосудов, как правило, киликов. Соответствующие материалы некрополя Ольвии позволили В.П. Яйленко выделить ножки сосудов как посвящения хтоническим богам – Деметре, Персефоне, Иакху и Кабирам.

7



8

Рис. 6. Погребения в ямах с грунтовыми блоками (погребения 280 и 295)
Рис. 7–9. Погребальный инвентарь

9

Таким образом, по обнаруженному инвентарю исследованные погребения северной части некрополя Волна 1 могут быть датированы второй половиной VI – IV в. до н.э. Дальнейшее изучение полученных материалов позволит выявить хронологические этапы функционирования некрополя.

Разнообразные аналогии обнаруженным комплексам известны в целом ряде других боспорских некрополей. В частности, детские погребения в сосудах есть в материалах могильников Кеп, Фанагории, у м. Панагия и др. Но, по мнению Н.И. Сударева, традиция захоронения детей в амфорах была нехарактерна для Милета. Нет или мало их и в большинстве милетских колоний Причерноморья. Зато захоронения в простых грунтовых ямах известны практически во всех некрополях Боспора, где они составляют большинство. Погребения в сырцовых могилах встречены в некрополях Фанагории, Пантикапея и даже в так называемых контактных зонах боспорской окраины.

Некрополь Волна 1, по всей видимости, был оставлен греческим населением, проживавшим на крупном поселении Волна 1, расположенном в 0,5 км южнее. Материалы их раскопок могут свидетельствовать о том, что последнее было более статусным, нежели простое сельское поселение.

Курганный могильник Гаврильские Сады 1. Осенью 2016 г. экспедицией исследованы четыре кургана (№ 3–6) в составе могильника Гаврильские Сады 1 в Павловском р-не Воронежской обл. Он располагается

10

на надпойменной террасе левого берега реки Гаврило, рядом с одноименным селом. В него входило 10 насыпей, образующих несколько компактных групп.

Стратиграфия курганов из-за интенсивной распашки сильно нарушена. Нижнюю часть насыпи удалось проследить только в кургане 5, в остальных случаях под распашкой выявлены только сохранившиеся участки погребенной почвы.

В исследованных курганах открыто семь погребений; четыре из них – в кургане № 3 и по одному в курганах 4, 5 и 6.

Все комплексы относятся к среднедонской катакомбной культуре (рис. 11, 12). В кургане 3 выявлены три Н-образные катакомбы с обрушившимися сводами камер и жертвенник или детский кенотаф с тремя сосудами. В двух могилах умершие находились в скорченном положении, на правом боку, руки у бедер (рис. 11, 12). В камере третьей катакомбы найден только череп человека. В курганах 5 и 6 погребения сильно потревожены кротовинами. В первом из них скелет был, скорее всего, растащен полностью, во втором кости перемешаны, но сохранились фрагменты горшка с валиковой орнаментацией, который не оставляет сомнения в культурно-хронологической атрибуции комплекса. По характерному обряду и сосуду к среднему бронзовому веку относится и единственное захоронение в кургане 4.

Таким образом, компактная группа из курганов № 3–6 могильника Гаврильские Сады 1 представляет собой однокультурный участок некрополя, который был оставлен носителями развитой фазы среднедонской катакомбной культуры. В одном из сосудов прослеживаются черты сопредельных донецких катакомбных древностей, что отражает контакты этих культурных общностей. По немногочисленным имеющимся калиброванным радиоуглеродным данным, эта культура датируется XXV–XXIV вв. до н. э. Новые радиокарбонные даты, которые будут получены по разным углеродосодержащим образцам из исследован-

Рис. 10. Погребальный инвентарь
Рис. 11. Курган 3, погребение 4 (*1* – погребальный комплекс; *2* –жаровня лепная)
Рис. 12. Курган 4, погребение 1 (*1* – погребальный комплекс; *2* –сосуд лепной)

1

1

2

11

0 3 см

2

12

ных погребений, станут серьезным вкладом в накопление базы данных ^{14}C среднедонской катакомбной культуры. В курганах могильника Гаврильские Сады 1 впервые специалистами-почвоведами изучены и погребенные почвы. По результатам их анализа можно будет приступить к реконструкции палеоклимата эпохи средней бронзы в Среднем Подонье.

Резюме. Статья посвящена предварительной публикации результатов работ Сочинской экспедиции ИА РАН в 2016 г. В полевой сезон охранные исследования проводились на двух памятниках: античном некрополе Волна 1 на Тамани (Темрюкский р-н, Краснодарский край) и курганном могильнике Гаврильские Сады 1 (Павловский р-н, Воронежская обл.). На Волне 1 было исследовано 332 погребальных комплекса: захоронения младенцев в амфорах, погребения в грунтовых ямах и сырцовых ящиках. Сопровождающий инвентарь представлен посудой, оружием и украшениями. Некрополь датируется второй половиной VI – IV в. до н.э. В курганном могильнике Гаврильские Сады 1 исследовано 4 кургана. Все они содержали захоронения среднедонской катакомбной культуры эпохи средней бронзы. Захоронения совершены в ямах и катакомбах. Инвентарь представлен горшковидной посудой, миской и жаровнями. Комплексы датируются XXV–XXIV вв. до н.э. в системе калиброванных радиоуглеродных значений.

Ключевые слова: раскопки, некрополь, курган, амфора, сырцовый ящик, античность, среднедонская катакомбная культура, катакомба, хронология.

R.A. Mimokhod, P.S. Uspensky

The antiquity of Taman (Krasnodar Province, Temriuksky Region) and the mid-Bronze Age, in the south of the Mid-Don Region (Voronezh Region, Pavlovsky Subregion)

Resumé. This paper offers preliminary publication of the results of the work of the Sochi team expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, undertaken in 2016. During the fieldwork season, safeguarding studies were conducted at two sites: (i) the ancient necropolis of Volna-1 at Taman (Temriukovsky Region of Krasnodar Province), and (ii) the 'Gabriel's Garden'-1 (Gavrilskie Sady) earthworks in Pavlovsky subregion of Voronezh Region. At Volna-1, 332 burial sites were examined. These included infant burials in amphorae, burials in earth pits, and in simple boxes. The grave goods included tableware, weapons, and jewellery. The necropolis dates to the latter 6th to 4th centuries BC. At the earthworks complex of 'Gabriel's Garden', four earthworks were examined. All of thes burials contain graves of the Mid-Don catacomb culture era of the Mid-Bronze Age. The burials were made in both ditches and in catacombs. The grave goods include ceramic tableware pottery, bowls, and braziers. These complexes date to the 25th and 24th centuries BC, according to calibrated carbon dating.

Keywords: excavations, necropolis, earthworks, simple boxes, antiquity, Medieval catacomb culture, catacombs, chronology.

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД. ДЕТИНЕЦ

О.М. Олейников

1

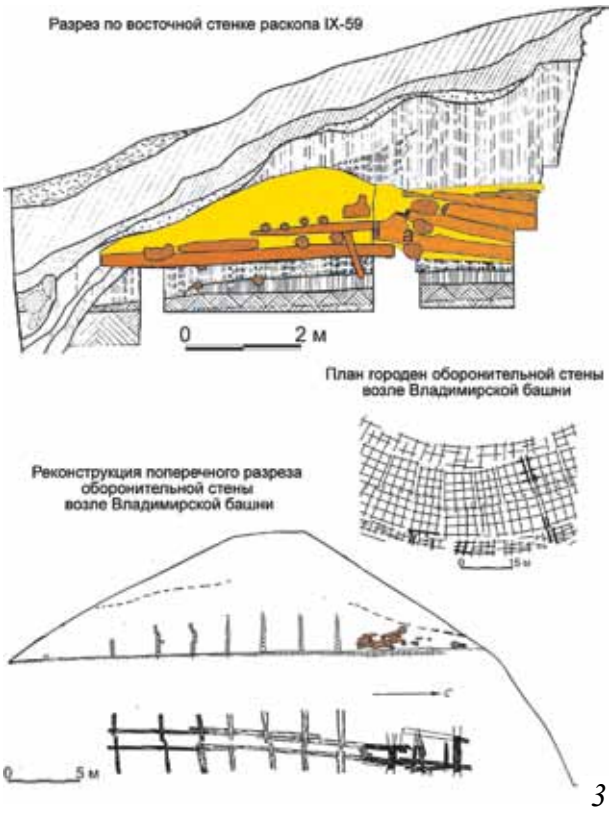
Новгородская экспедиция Института археологии РАН в течение нескольких лет проводит раскопки на территории Новгородского кремля. Целью исследований было обнаружение древнейших оборонительных сооружений Детинца (рис. 1).

Первые археологические данные по оборонительным сооружениям Детинца получены в ходе исследовательских и производственных работ 1952–1960 гг., связанных с восстановлением Новгородского кремля (*Воробьёв*, 1958). Особый интерес представляют материалы раскопок земляного вала, проведенные М.Х. Алешковским в 1957, 1959 и 1960 гг. под восточной частью Владимирской башни и западнее ее, с обеих сторон крепостной стены. Эти работы выявили интереснейшую внутривальную деревянную конструкцию, представляющую систему городней – срубов из дубовых бревен (рис. 2). Городни делятся стенками на узкие клети, которые не соединяются друг с другом, а стоят рядом плотно засыпанные землей (рис. 3). Кроме того, около Владимирской башни выявлено, что внешние (лицевые) стенки срубов состоят из необычайно толстых бревен диаметром 60–80 см. Они укреплены с помощью обтесанных крюков – *куриц*. Интересна система сопряжения куриц друг с другом: каждая нижняя из них одновременно держит и вышележащую, и врубленное бревно (*Алешковский*, 1962. С. 7–9). Автор раскопок датировал эти оборонительные сооружения 1044 г. (*Алешковский*, 1962. С. 11).

2

Чтобы проверить эти выводы, нами был вскрыт шурф М.Х. Алешковского, расположенный в 20 м к западу от Владимирской башни с внешней стороны крепостной стены (рис. 4). В результате проведенных работ получено большое количество спилов дубовых бревен первой оборонительной стены в северной части Детинца (рис. 5). Комплекс исследований, проведенный методом дендродатирования (О.А. Тарабардина) и радиоуглеродного датирования[1],

[1] Исследования образцов проводилось в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН; в Киевской радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины и МЧС Украины; в Центре прикладных изотопных исследований Университета штата Джорджия (г. Афины, США).



3

убедительно доказал, что первые оборонительные сооружения в северной части Детинца были построены в 1044 г. (*Олейников*, 2014; *Олейников, Долгих*, 2015; *Олейников, Долгих*, 2016а. С. 8; *Олейников, Долгих*, 2016б. С. 40).

Дальнейшие исследования оборонительных сооружений в северной части Детинца выявили ров первой половины XI в., вырытый от оврага, расположенного по южной стороне холма (Большой Кремлевский овраг), до оврага, проходящего, вероятно, вдоль северной стороны Софийского холма. Этот ров имел ширину около 19 м, глубину 5 м (*Олейников*, 2014. С. 58–59; *Олейников, Долгих*, 2015. С. 308; *Олейников, Долгих*, 2016. С. 8).

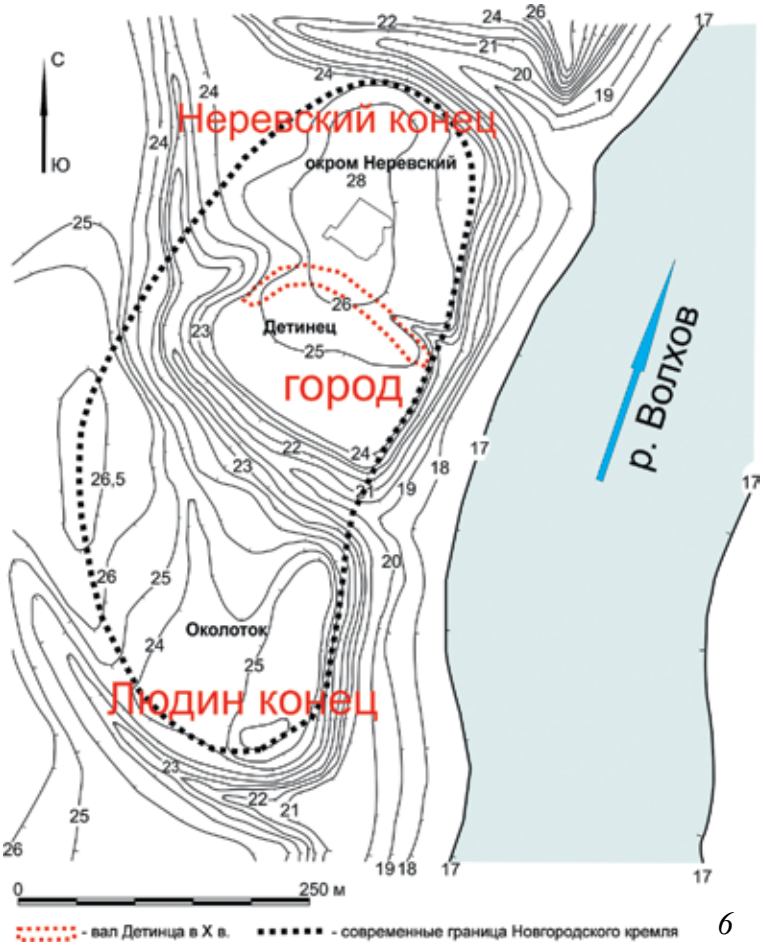
О наличии «города» в начальном периоде становления Новгорода есть косвенные упоминания в письменных источниках (ПСРЛ. Т. IX. С. 9, под 859 г.; ПСРЛ. Т. III. С. 106–180, под 859–1044 гг.). Поселение в X в. существовало и, естественно, не могло быть беззащитным. Даже в самом названии Новгород заложено понятие «город», т. е. крепость. Упоминания Новгорода в летописях могут служить свидетельствами наличия этих укреплений и в более раннее время. Новгородская летопись под 1016 г. говорит о городе, когда новгородцы, «исѣкоша Варягы в Поромонѣ дворѣ… бѣжаша изъ града» (ПСРЛ. Т. III. С. 174). Где же и когда был построен Новый город?

Оборонительные укрепления первоначального Детинца в виде вала, под которым не прослежен культурный слой, обнаружены в двух шурфах – в районе Софийской звонницы

4

5

Рис. 1. Раскоп 2015 г. у Владимирской башни
Рис. 2. Раскоп IX-59. Вид с северо-запада (фото М.Х. Алешковского)
Рис. 3. Раскоп IX-59 (по М.Х. Алешковскому)
Рис. 4. Шурф 2015 г. на месте раскопа IX-59. Вид с северо-запада
Рис. 5. Шурф 2015 г. на месте раскопа IX-59. Вид с севера



6

культурного слоя под насыпью. Это обстоятельство позволяет датировать образование Новгорода как минимум первой половиной X в.

Размеры и местоположение раннего Новгорода можно определить, используя схемы палеорельефа Детинца и Софийской стороны Новгорода, составленные И.И. Кушниром, С.М. Казенновым, М.И. Петровым, Л.И. Петровой, С.В. Трояновским, Н.Ф. Фирсовой (*Петрова, Трояновский, Фирсова*, 1999. С. 183), а также привлекая новые данные по бурам и шурфам 2015 г. в Детинце. На основе всех этих данных нами получена предварительная схема палеорельефа Новгородского детинца (рис. 6). К северу от Большого Кремлевского оврага, который проходил через центральную часть Новгородского кремля с запада на восток и впадал в р. Волхов, располагался материковый холм, возвышавшийся в древности на 2 м над окружающей территорией (27 м в Балтийской системе высот). В южной части этого холма (Софийский) в X в. уже существовал «город» в виде древо-земляной стены и рва, который был вырыт от отрога Большого Кремлевского оврага до оврага на восточной стороне холма (на месте Тайничных ворот) (рис. 6). Именно на южном краю этого овражка прослежен древнейший вал Детинца (в шурфах у звонницы Софийского собора и у церкви Входа Господня в Иерусалим). Площадь данной крепости составляла 2 га, что сопоставимо с площадью раннего киевского детинца (Археология Украинской ССР, 1986. С. 258).

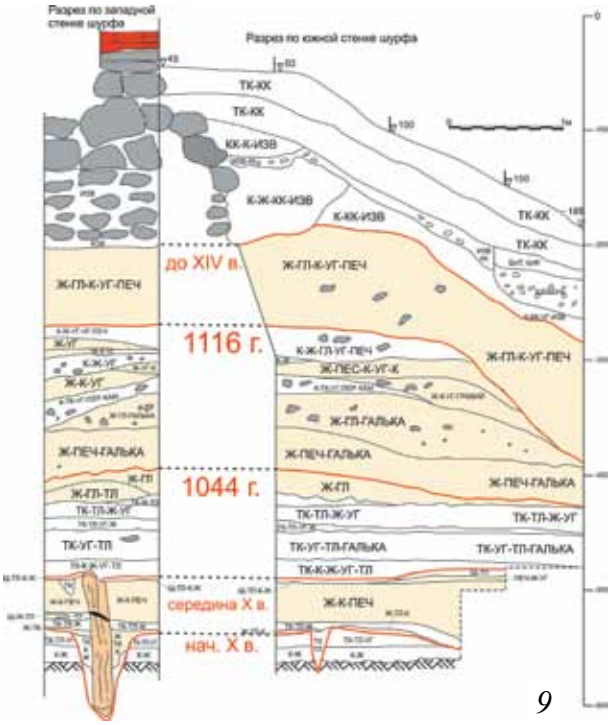
и церкви Входа Господня в Иерусалим (*Трояновский, Корчагина*, 1996. С. 15; *Антипов, Булкин, Жерве, Родионова*, 2013. С. 53–54). Вал был насыпан из глины, взятой из рва. Размеры этого вала определить пока не удалось. Но то, что он сооружен в самом начале заселения данной территории, доказывает отсутствие

7

Для подтверждения наших предположений был проведен частичный разрез вала около Пречистенской башни Новгородского кремля (рис. 7). Шурф был заложен с внутренней стороны крепостной стены и имел форму прямоугольника (420×100 см), вытянутого перпендикулярно от подошвы каменной кремлевской стены в западную сторону. Видимая вершина вала возвышалась над дневной поверхностью

Рис. 6. Гипсометрический план палеорельефа Новгородского кремля
Рис. 7. Шурф у Пречистенской башни до начала работ. Вид с юга
Рис. 8. Разрез по восточной и южной стенкам шурфа
Рис. 9. План разреза по восточной и южной стенкам шурфа
Рис. 10. Дубовый столб оборонительной стены середины X в.
Рис. 11. Фрагменты керамических горшков, обнаруженные в слоях вала X в.

8

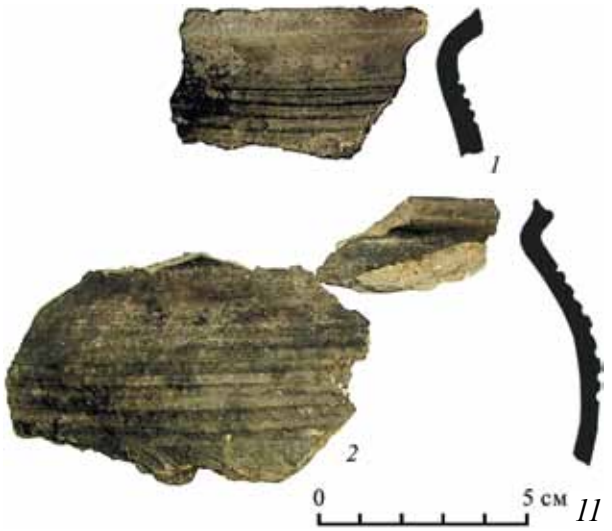


9

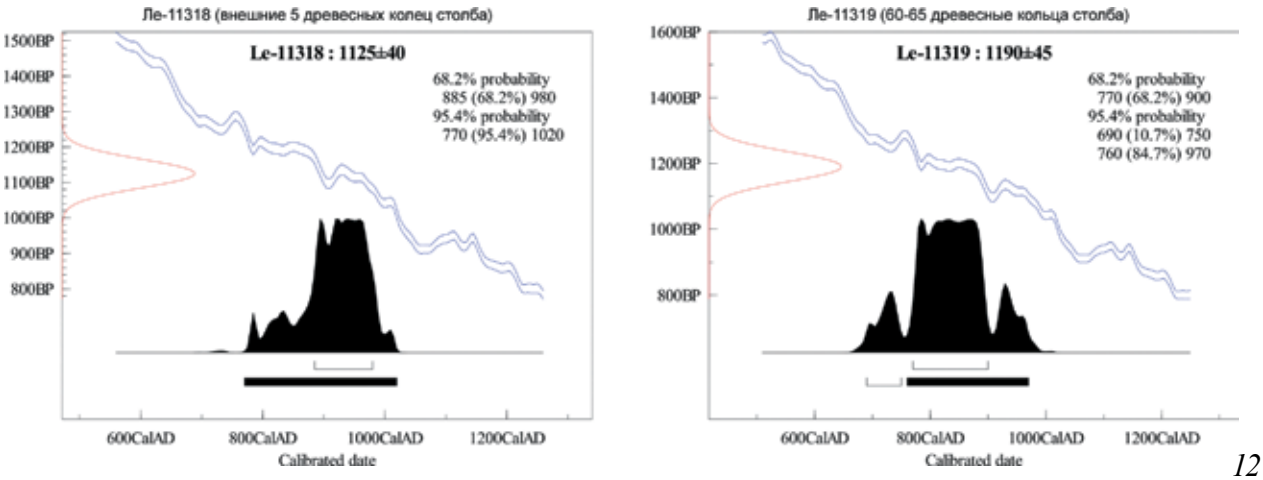
Детинца на 150 см. Мощность прослеженных культурных напластований составила 510 см (рис. 8). Материк, плотный суглинок, имел горизонтальную с небольшими неровностями поверхность, которая перекрыта почвенным слоем из коричневой и желтой супеси мощностью до 12 см. Этот слой характеризуется перемешанной структурой (огород?). Его перекрывал слой темно-коричневой тленовой супеси с включением угля мощностью до 16 см, который имел валообразную форму с увеличением мощности в восточную сторону (к Волхову) (рис. 9). В последнем обнаружен мелкий фрагмент раннекругового (лепного?) горшка.

Около восточной стенки шурфа предматериковые слои прорезает яма округлой формы диаметром 45 см, углубленная в слой и материк на 75 см, стенки крутые, дно выгнутое. В нее был поставлен дубовый столб диаметром 30 см, который был присыпан валом. Дневная поверхность его в исследованной части была горизонтальной, при этом столб выходил на поверхность этой насыпи (рис. 10). В южной и восточной стенках шурфа прослежены края подобных столбовых ям, расположенных в 20 и 30 см от описанной ямы. На поверхности этого вала прослежен слой щепы мощностью до 6 см, связанный, вероятно, со строительством деревянной стены на его вершине. Получается, что во время сооружения первичной насыпи вала в исследуемой части Детинца была построена деревянная

10



11

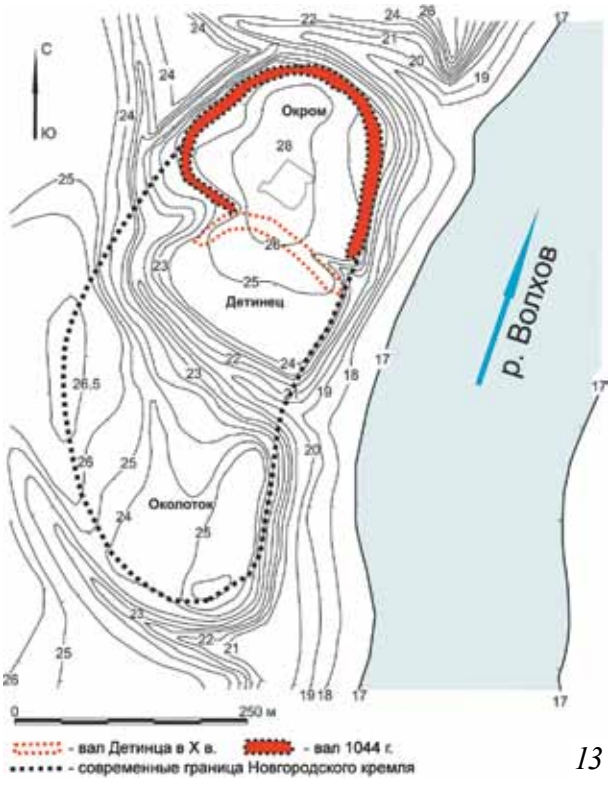


12

оборонительная стена с использованием столбовой конструкции с внутренней стороны. В верхних слоях этого вала обнаружена раннекруговая керамика второй половины X в. (рис. 11).

Выше идет насыпь вала (1044 г.?), нижние слои которой состоят из темно-коричневой супеси с включением тлена и угля общей мощностью до 55 см (принесенный культурный слой конца X – первой половины XI в.), которые перекрыты слоем глины мощностью до 20 см.

Вал 1044 г. закрыт слоями насыпи следующего периода (начала XII в.), нижние слои которого насыпаны из песка с щебнем и галькой общей мощностью до 75 см. Этот грунт взят из рва с внешней стороны Детинца. Выше идут слои коричневой супеси и желтого песка с включением угля, печины и пережженных камней общей мощностью до 40 см, которые перекрыты слоем коричневой супеси и желтой глины с включением угля и печины мощностью до 30 см. Дневная поверхность этого вала в исследованной части была горизонтальной. Сооружение данной насыпи можно соотнести с летописным сообщением о строительстве оборонительной стены в Детинце Мстиславом Владимировичем в 1116 г. Выше идут слои следующих подсыпок насыпи вала.



13

В результате исследовательских работ 2015–2016 гг. характеристика оборонительных сооружений на мысу при впадении Большого Кремлевского оврага в р. Волхов выглядит следующим образом: ширина вала составляет около 15 м, прослеженная высота – 4,5 м (в древности он был выше). Площадка, на которую была поставлена первая оборонительная стена, возвышалась над уровнем воды в Волхове на 8 м (24,5 м в Балтийской системе высот). Археологическая датировка этого сооружения – не позднее середины X в. Оно стояло на невысокой насыпи, возведенной по краю мыса. Можно предположить, что этой стене предшествовал частокол, шедший по самому краю мысовой площадки.

Чтобы определить время сооружения городской стены, фрагмент которой в виде дубового столба обнаружен в описываемом шурфе, было проведено радиоуглеродное датирование древесины жидкостным сцинтиллятным методом в Институте истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург) (рис. 12). На основе

Рис. 12. Радиоуглеродное датирование
Рис. 13. Гипсометрический план палеорельефа Новгородского кремля

полученных данных это сооружение можно датировать серединой X в.

Исследования, проведенные Новгородской экспедицией ИА РАН в Новгородском кремле, показали, что стены Детинца уже были возведены в период правления Святослава Игоревича, который княжил на Руси с 945 по 972 г. вместе со своей матерью, княгиней Ольгой. А более поздние укрепления, обнаруженные у Владимирской башни, говорят о расширении границ Новгородского детинца в период княжения Ярослава Мудрого и его сына Владимира в преддверии строительства новгородского собора святой Софии, которое относится к середине XI в. (рис. 13).

ЛИТЕРАТУРА

Алешковский М.Х., 1962. Новгородский детинец 1044–1430 гг. (по материалам новых исследований) // Архитектурное наследство. Вып. 14. М.: ГСИ. С. 3–26.

Антипов И.В., Булкин Вал.А., Жерве А.В., Родионова М.А., 2013. Исследования церкви Входа Господня в Иерусалим в новгородском Детинце в 2012 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27. Великий Новгород: ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг». С. 53–59.

Археология Украинской ССР, 1986. Том третий. Раннеславянский и древнерусский периоды. Киев: Радянська Україна. 573 с.

Воробьёв А.В., 1958. Реставрация Новгородского кремля // «Архитектура СССР», № 1 / Гл. ред. К.И. Трапезников. М.: Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре. М. С. 49–53.

Олейников О.М., 2014. Древнейшие оборонительные сооружения новгородского детинца (по материалам исследований 2013 г.) // Новгород и Новгородская земля. Материалы научной конференции. Вып. 28 / Отв. ред. академик В.Л. Янин. Великий Новгород: ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг». С. 50–61.

Олейников О.М., Долгих А.В., 2015. Результаты УМС радиоуглеродного датирования городни детинца Великого Новгорода из раскопок М.Х. Алешковского в 1959 г. // КСИА. Вып. 239. М., С. 307–318.

Олейников О.М., Долгих А.В., 2016а. Новые данные по датировке оборонительных сооружений Новгородского детинца // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9. Тверь. С. 6–16.

Олейников О.М., Долгих А.В., 2016б. Новые данные по исторической топографии новгородского детинца // Новгород и Новгородская земля. Материалы научной конференции. Вып. 30 / Отв. ред. член-корреспондент РАН Е.Н. Носов. Великий Новгород: ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг». С. 29–42.

Петрова Л.И., Трояновский С.В., Фирсова Н.Д., 1999. О методике моделирования палеорельефа исторической территории (опыт построения модели палеорельефа Великого Новгорода) // НиНЗ. Вып. 13. Новгород: РНИИЭС. С. 172–192.

ПСРЛ. Т. IX: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 256 с.

ПСРЛ. Т. III: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 692 с.

Трояновский С.В., Корчагина Л.А., 1996. Раскопки в Новгородском кремле в 1995 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып. 10. Новгород: АО «Типография «Новгород». С. 8–17.

Резюме: Исследования, проведенные Новгородской экспедицией ИА РАН у Пречистенской башни Новгородского кремля, показали, что стены Детинца уже были возведены в середине X в. А более поздние укрепления, обнаруженные у Владимирской башни, говорят о расширении границ Новгородского Детинца в период княжения Ярослава Мудрого и его сына Владимира в преддверии строительства новгородского собора Святой Софии, которое относится к середине XI в.

Ключевые слова: Новгород, Детинец X–XI вв., оборонительные сооружения, городни, дендродатирование, радиоуглеродное датирование, керамика.

O.M. Oleinikov

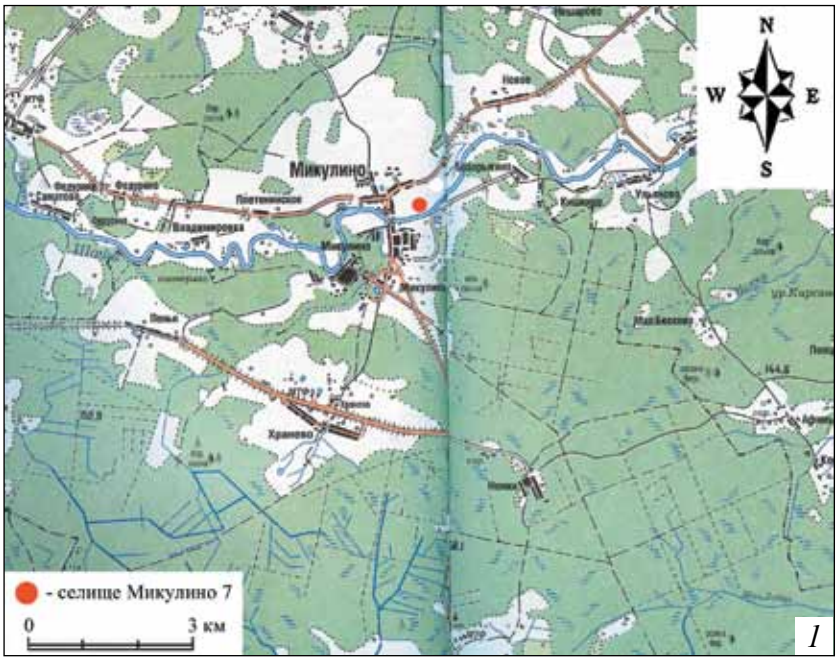
Veliky Novogorod – Detinets (the Kremlin)

Resumé. Studies were undertaken by the Novgorod team of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences near the Prechistenka Tower of the Novgorod Kremlin. These showed that the kremlin walls had already been erected by the middle of the 10th century AD. The later buttressing which is found near the Vladimirskaya Tower is evidence of an expansion of the Novgorod Kremlin area during the reigns of Vladimir the Wise and his son Vladimir, on the eve of the construction of the Novgorod Kremlin Cathedral of St Sophia – which dates to the mid-11th century AD.

Keywords: Novgorod, Detinets, 10th–11th centuries, defensive fortifications, fortified towns, dendrology, carbon dating, ceramics.

СЕЛИЩЕ МИКУЛИНО 7
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ)
(МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, ЛОТОШИНСКИЙ РАЙОН)

Г. Н. Пронин, О. Л. Прошкин



1

Село Микулино и его ближайшие окрестности можно считать районом, достаточно хорошо исследованным археологически. В разные годы здесь выявлены многочисленные памятники археологии – от эпохи бронзы до Средневековья. В самом селе помимо широко известного Микулинского городища зафиксировано 11 селищ, большинство из которых датируются в пределах XV–XVII вв. и по сути дела являются частями обширных посадских территорий столицы удельного Микулинского княжества. К их числу относится и селище Микулино 7, частично исследованное в 2016 г.

Памятник открыт в 1987 г. в ходе археологических разведок на территории Лотошинского р-на Московской обл. под руководством В. Л. Ивченкова (*Ивченков*, 1987). Затем он был обследован в 2012 г. в спасательных археологических разведках, проводившихся отрядом Подмосковной экспедиции Института археологии РАН под руководством А. Е. Кравцова на участке проектируемого строительства трассы газопровода в обход пос. Микулино. По разведочным материалам селище было предварительно датировано XIV–XVI вв.

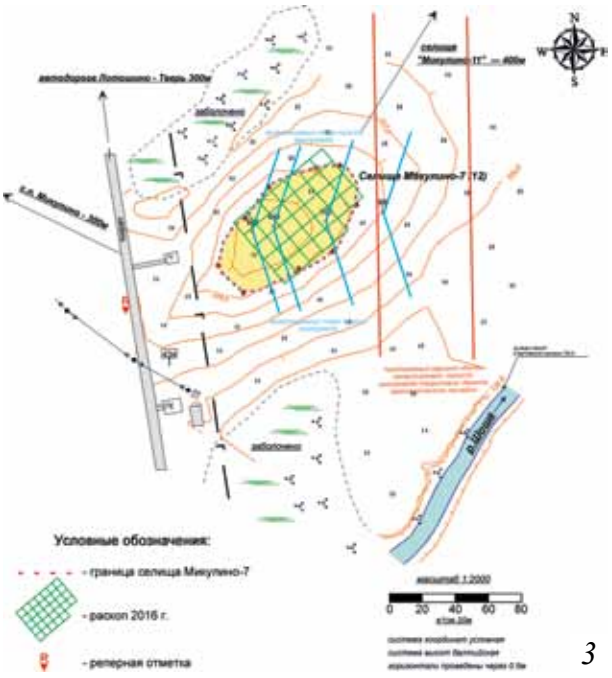
Селище Микулино 7 расположено в 0,7 км к востоку от с. Микулино, в 0,9 км к юго-востоку от церкви села, в 0,02–0,04 км к востоку от существующей линии газопровода (рис. 1). Оно занимает песчаное всхолмление надпойменной террасы левого берега р. Шоша (правый

2

приток р. Волга) (рис. 2). Площадка памятника в плане имеет овальную форму и вытянута по оси северо-восток – юго-запад, повторяя конфигурацию всхолмления (рис. 3). Высота над уровнем реки составляет 3–3,5 м. Размер селища – ок. 90×50 м (рис. 4). Спасательные археологические работы на памятнике Микулино 7 проводились в центральной и северо-восточной частях селища на участке проектируемого створа трассы газопровода. Раскопками исследована площадь 3000 кв. м.

Культурный слой в пределах раскопа представляет собой темно-серую и серо-коричневую гумусированную супесь. Максимальная мощность слоя достигает 38 см, а в заполнении ям – до 184 см от уровня материковой поверхности. Слой полностью деструктурирован многовековой распашкой.

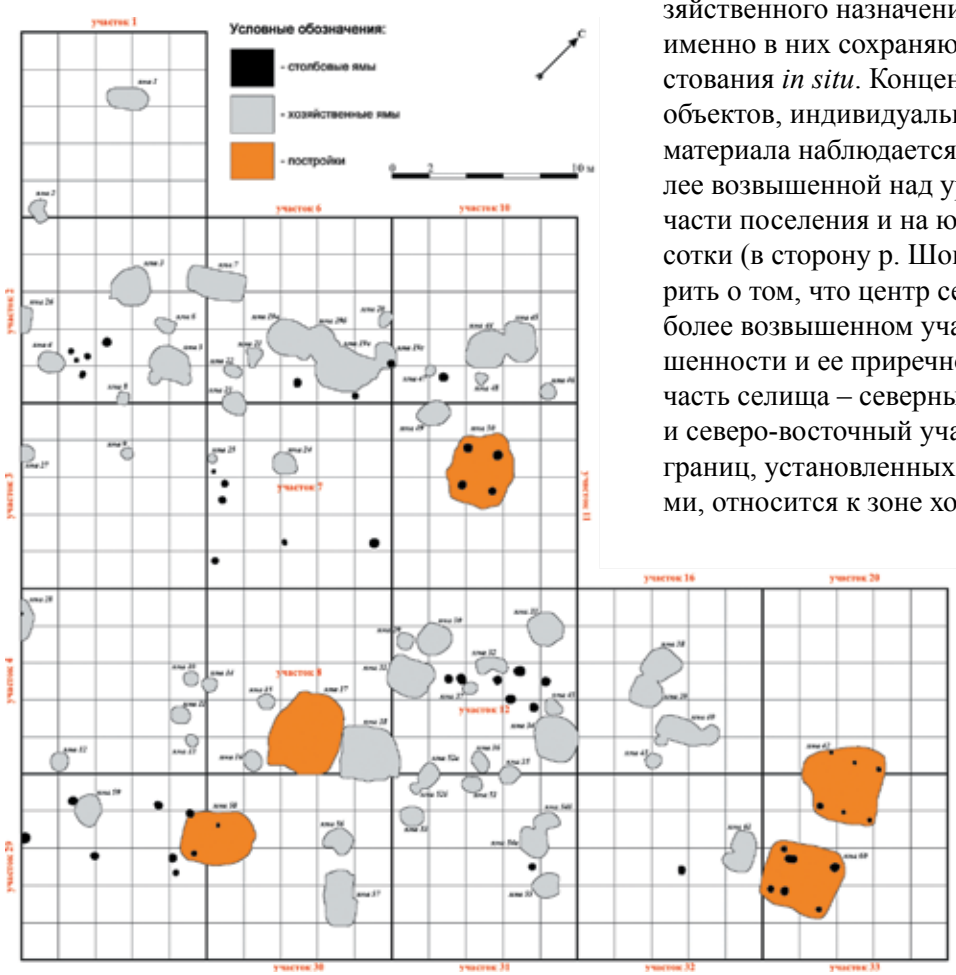
В ходе исследований в пределах раскопа зафиксировано более 60 ям различного назначения – столбовые, мусорные, хозяйственные,



3

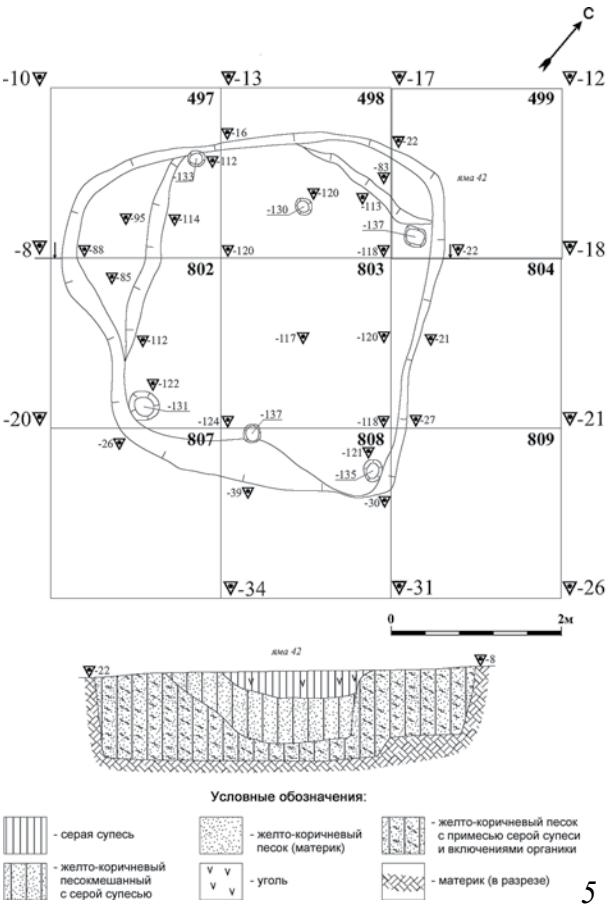
ямы подклетов от конструкций жилого (?) и хозяйственного назначения (рис. 5). Отметим, что именно в них сохраняются культурные напластования *in situ*. Концентрация археологических объектов, индивидуальных находок и массового материала наблюдается в центральной, наиболее возвышенной над уровнем луговой поймы части поселения и на юго-восточном склоне высотки (в сторону р. Шоши). Это позволяет говорить о том, что центр селища находился на наиболее возвышенном участке пойменной возвышенности и ее приречном склоне. А остальная часть селища – северный, северо-западный и северо-восточный участки – в пределах его границ, установленных разведочными работами, относится к зоне хозяйственного освоения.

Из общего числа открытых объектов на памятнике наибольший интерес представляют те, которые предположительно можно связать с жилыми или хозяйственными строениями. Это, к примеру, ямы № 42 и 60.



4

Рис. 1. Селище Микулино-7, местонахождение
Рис. 2. Общий вид на памятник с юга
Рис. 3. Селище Микулино-7. Топографический план селища
Рис. 4. Схема расположения археологических объектов (ям) в раскопе



5

6

Яма № 42 (участок 33 – кв. 802–804, участок 20 – кв. 497–499), подпрямоугольной формы. Размеры: СЗ–ЮВ – 4,40 м, СВ–ЮЗ – 4,80 м. Глубина ямы от уровня материковой поверхности – до 1,12 м, стенки вертикальные, дно ровное. Основу заполнения составляет желто-коричневый песок с примесью серой супеси и остатками органики. При этом в центре ямы зафиксирована линза серой углистой супеси толщиной 0,32 м и диаметром 1,80 м. Ее подстилает прослойка (в виде слабо изогнутой дугообразной линзы) желто-коричневого песка, смешанного с серой супесью, толщина которой в центральной части достигает 0,52 м (рис. 6).

Интересна и внутренняя конфигурация ямы № 42. Так, в северо-западном углу около стенки имеется ступенька-выступ (длина – 2,40 м, ширина – 0,80 м), лежащая на 25–30 см выше пола. Скорее всего, это место входа в заглубленное помещение. Кроме того, в материковом дне вдоль ее северо-западной и юго-восточной стенок располагаются параллельно друг другу шесть столбовых ям диаметром от 20 до 36 см. Это опорные столбы конструкции перекрытия заглубленной части постройки – пола ее надземной части (рис. 7). Таким образом, в данном случае мы, скорее всего, имеем дело с погребом с горизонтальным перекрытием в виде потолка, покоящегося на шести опорных столбах. Вероятно, существовала и наземная часть конструкции. Возможно, в виде двускатной крыши, опорой которой служило продольное бревно-матица (по этнографическим аналогиям). В заполнении ямы обнаружено большое количество фрагментов гончарной керамики, кости животных, куски печины и индивидуальные находки: гвозди железные кованые (№ 319, 321, 324)[1], фрагмент черешка ножа (№ 322), фрагмент шпоры (№ 323), игла швейная (№ 325).

Яма № 60 (участок 33, кв. 811–812, 816–817), подпрямоугольной формы, ориентирована практически в направлении З–В. Размер – 4,20×3,60 м. Глубина в материке – 1,0–1,10 м. Стенки почти вертикальные, но слегка оплыли, что хорошо фиксируется в разрезе профиля по линзам желто-коричневого материкового песка вдоль западной и восточной сторон ямы (рис. 8). Дно ровное. Заполнение многослойное. Верхний горизонт (от уровня материковой поверхности) – серая супесь толщиной от 0,20 до 0,40 м. Под этой прослойкой залегает мощная линза темно-серой углистой супеси

Рис. 5. Участки 33 и 20. Яма № 42. План после выборки заполнения и разрез
Рис. 6. Вход-ступенька, опорные столбы перекрытия. Вид с севера
Рис. 7. Участок 33. Яма № 60. План после выборки заполнения и разрез
Рис. 8. Участок 33. Яма № 60 после разборки заполнения. Вид с юга
Рис. 9. Участок 33. Яма № 60. Развал сосуда в заполнении ямы. Вид с юго-запада

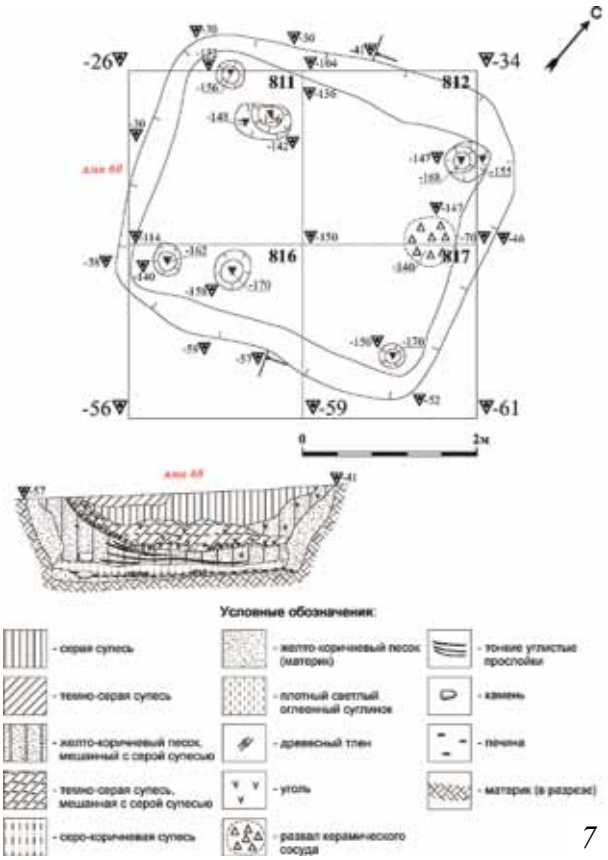
[1] Номера находок по полевой описи.

длиной 2,60 м и мощностью до 38 см. В ней встречаются отдельные валуны средних размеров без следов воздействия огня. Ниже залегает слой желто-коричневого песка, смешанного с серой супесью и редкими включениями углистых фракций. Вдоль южной стенки ямы этот горизонт прослеживается от уровня материковой поверхности и достигает здесь максимальной толщины – 0,80 м. К центру ямы в направлении к ее северной стенке его толщина падает и не превышает в среднем 0,20 м. В толще этого грунта зафиксировано несколько очень тонких углистых прослоек. Здесь близ южной стенки ямы найдены два крупных валуна, также без следов воздействия огня. На всей площади материкового дна ямы лежит тонкий слой древесного тлена – следы органики от покрытия пола. Отметим, что в разрезе профиля ямы № 60 четко видно проседание грунта от периферии (стенок) к центру. В материковом дне котлована постройки по четырем углам зафиксированы ямы от опорных столбов перекрытия и наземной части постройки диаметром от 30 до 50 см. Еще две крупные столбовые ямы отмечены в кв. 811 и 816. Насколько они связаны с общей конструкций этого заглубленного помещения, судить трудно. Таким образом, внутренняя конструкция ямы № 60 аналогична вышеописанной яме № 42. Их функциональное назначение, видимо, одинаково (рис. 8, 9). Постройка, скорее всего, погибла в пожаре. Это привело к оползанию стенок подпольной ямы и обрушению верхних надземных конструкций. Они перекрыли доступ кислорода, в результате чего органическое покрытие пола избежало воздействия огня. Можно предположить, что через какое-то время яма была засыпана, о чем свидетельствует верхний горизонт заполнения в виде мощного слоя серой супеси. Из заполнения происходят кости животных, куски печины и большое количество фрагментов гончарной керамики от различных сосудов, в том числе развалы целых горшков. Индивидуальные находки: монеты из цветного металла (№ 350, 354, 367), гвозди железные (№ 351, 363, 364, 366), костыль железный (№ 352), фрагменты железных изделий неясного назначения (№ 353, 359, 365), звено железной цепи (№ 368).

Оба объекта могут предварительно рассматриваться как подпольные ямы достаточно крупных жилых или хозяйственных помещений.

В ходе раскопок на селище Микулино 7 получена большая коллекция индивидуальных находок (более 350 ед.) и массового материала (несколько десятков тысяч фрагментов керамики).

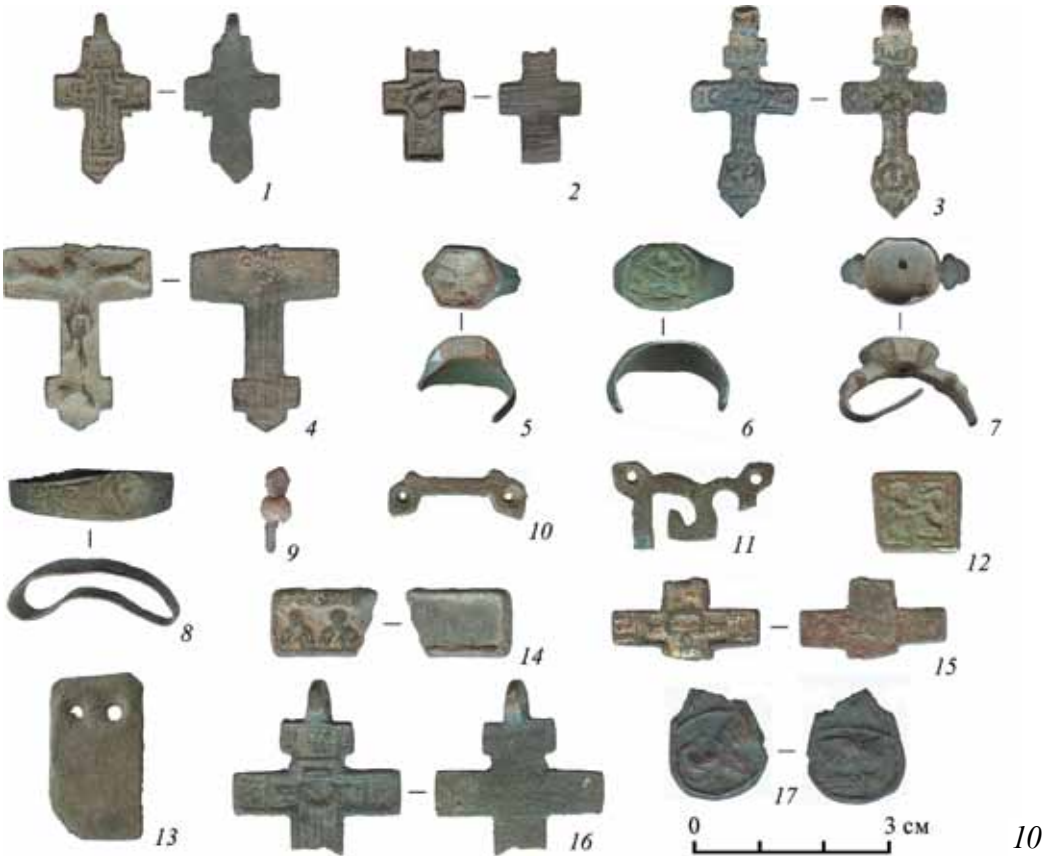
Набор предметов бытового назначения (черного металла) стандартен и в целом нерепрезентативен (во многом из-за крайне плохой сохранности в песчаном грунте). Это многочисленные



7

8

9



10

кованые гвозди, обойные декоративные гвоздики, фрагменты дверных навесов, навесных замков и ключей к ним, орудия труда, кольца, пряжки, конские и обувные подковы и т. д.

Изделия из цветных металлов более выразительны. Это кресты-тельники двух основных типов – прямо- и криноконечные (рис. 10, *1–4, 14–16*). По многочисленным аналогиям их датировка не выходит за рамки второй половины – конца XV – XVI в. Украшения представлены несколькими экземплярами пластинчатых и щитковых перстней (рис. 10, *5–8*) и обломком серьги в виде вопросительного знака (рис. 10, *9*). Изделия мелкой пластики – фрагменты подвесок и накладок (рис. 10, 10–12, 13, 17). Датировка этих изделий также в целом укладывается в рамки XVI в.

Из раскопок селища Микулино 7 происходит богатая коллекция нумизматического материала – более 80 монет (рис. 11, *1–15*). Это многочисленные анонимные тверские пула – конца XV – начала XVI в., единичные находки первой трети XVI в. (денга-новгородка – Василий III, 1503–1533 гг.), монеты различного номинала времени Ивана Грозного (1583–1584 гг.). В целом вся коллекция не выходит за хронологические рамки конца XV – второй половины – конца XVI в. Но сам факт такого обилия нумизматического материала на рядовом сельском поселении ставит селище Микулино 7 в эксклюзивное положение в ряду многочисленных сельских поселений XV–XVI вв., исследованных в последнее время в Подмосковье.

И в заключение несколько слов о массовом материале. Керамика представлена фрагментами позднесредневековой посуды, изготовленной из красно- и светложгущихся глин. Отмечены единичные находки белоглиняной керамики, а также редкие фрагменты чернолощеных и глазурованных сосудов, относящихся, скорее всего, к более позднему периоду – второй половине XVII – XIX в. Ассортимент включает в себя кухонные горшки, кувшины и ручки от них, крышки, миски. Орнаментация в целом нехарактерна для посуды этого времени, но периодически встречается на отдельных фрагментах – линейный, волнистый или вариации штампованного орнаментов.

Спасательные археологические исследования 2016 г. на селище Микулино 7 выявили новые детали планировки средневековых селищ, особенности конструктивных деталей остатков подпольных помещений наземных сооружений, дали богатую коллекцию предметов материальной культуры. Полученные материалы позволяют предварительно говорить о том, что селище Микулино 7 датируется в пределах от конца XV до XVI – последней трети XVI в.

11

ЛИТЕРАТУРА

АКР. Московская область. Ч. 2. / Под ред. Ю.А. Краснова. М., 1995.

Ивченков В.Л. Отчет об археологических разведках близ Микулина городища в Лотошинском районе Московской области в 1987 г. // Архив ИА РАН, № 12098.

Кравцов А.Е. Отчет о проведении научно-исследовательских работ по теме «Археологические исследования на земельном участке по проекту реконструкции участков МГ «Серпухов – Ленинград», МГ «Белоусово – Ленинград» на участке площадью 11,72 га». М., 2012.

Резюме. Спасательные археологические раскопки 2016 г. на селище Микулино 7 Лотошинского р-на Московской обл. проводились отрядом Отдела сохранения исторического наследия ИА РАН в связи с проектируемым строительством магистрального газопровода. Исследованная площадь поселения составила 3000 кв. м. Получена богатая коллекция индивидуальных находок и массового материала. Раскопки показали, что поселение возникло не ранее конца XV – рубежа XVI в. и прекратило существование в третьей четверти XVI столетия.

Ключевые слова: селище, культурный слой, археологический объект, керамика, индивидуальные находки, удельное княжество, нумизматический материал, тверские пула.

G. N. Pronin, O. L. Proshkin

The settlement of Mikulino 7 (preliminary findings) (Moscow County Region, Lotoshinsky Region)

Resumé. Rescue archaeological excavations in 2016 at the settlement of Mikulino, in the Lotoshinsky Region of Moscow County Region were carried out by the Conservation of Historic Heritage Sites Department of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences – at the construction site of a planned backbone gas pipeline. An area of 3000 square metres of the settlement was studied. The excavations yielded a rich collection of individual items and mass material. The excavations show that the settlement had originated no earlier than the late 15th or early 16th century AD, and had already fallen into decrepitude by the third quarter of the 16th century.

Keywords: settlement, cultural layer, archaeological site, ceramics, individual finds, local nobility, numismatic material, Tver copper coins.

Рис. 10. Изделия из цветного металла XVI в. (мелкая пластика)
Рис. 11. Сводная (выборочная) таблица нумизматического материала наилучшей сохранности

СЕЛИЩЕ БАЛАШИХА-12
(МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ)

О. Л. Прошкин, А. В. Кирсанов

1

Селище расположено в южной части г. Балашиха, на 22-м км автодороги Москва – Нижний Новгород, в 230–240 м к югу от нее. Находится на правом берегу р. Пехорка (левый приток р. Москва), при впадении в пойму реки оврага, на правом берегу последнего. Высота над уровнем воды в реке – 2–5 м. Удалено от русла реки от 50 м до 130 м. Площадка селища относительно ровная и имеет уклон в сторону реки и оврага (к юго-востоку и северу). В плане селище вытянуто вдоль берега р. Пехорка на 120–125 м при наибольшей ширине, до 76 м. Площадь памятника составляет около 4400 кв. м. (рис. 1).

Во второй половине XX в. на территории памятника располагались садово-огородные участки. В настоящее время фиксируются многочисленные повреждения культурного слоя из-за проходящей здесь грунтовой дороги, техногенной выемки и насыпи газопровода.

Территория распространения культурного слоя селища Балашиха-12 частично совпадает с культурным слоем поселения Мельница. Последнее интерпретировалось С. З. Черновым как следы поселения, жителями которого обслуживалась водяная мельница на р. Пехорка при усадьбе Пехра-Яковлевское (*Чернов*, 2011. С. 8). До 2015 г. Балашиха-12 и Мельница рассматривались исследователями как два отдельных памятника.

Памятники обнаружены в 1990 г. Московской археологической экспедицией Института археологии РАН под руководством С. З. Чернова в ходе исследований для разработки проекта особо охраняемой природной территории «Пехорка». Собранный тогда подъемный материал состоял из белоглиняной грубой керамики второй половины XV – XVI в., а также белоглиняной шероховатой второй половины XVI – XVII в. и чернолощеной XVI–XVIII вв. (*Чернов*, 1990. С. 14). В 2009 и 2010 гг. С. З. Черновым было повторно обследовано состояние обоих памятников (*Чернов*, 2011. С. 6–7), а в 2011 г. проведены охранные археологические исследования на площади 144 кв. м. Сохранившийся культурный слой выявлен лишь в шурфе 1 (площадь – 20 кв. м). Содержал ряд индивидуальных находок и керамический материал последней четверти XV – XIX в. В пределах траншеи 2 (площадь – 72 кв. м) исследован объект – яма № 2 с керамическим комплексом XVIII в. Наибольшее число находок отнесено исследователем к концу XVII – XVIII в., а поселение Мельница датировано XVIII–XIX вв. (*Чернов*, 2011. С. 10–17).

В 2015 г. отрядом Подмосковной экспедиции ИА РАН под руководством А. Е. Кравцова проведены охранные научно-исследовательские

разведочные работы на селище Балашиха-12 и на поселении Мельница. В результате этих работ подтверждено распространение культурного слоя на селище Балашиха-12 и на селище при мельнице усадьбы Пехра-Яковлевское. Археологический материал позволил А. Е. Кравцову характеризовать данный участок распространения культурного слоя как содержащий остатки поселения (поселений) XVI–XVII и XVIII–XIX вв. Разграничение распространения культурного слоя селищ Балашиха-12 и поселения Мельница по имеющемуся материалу, согласно А. Е. Кравцову, без проведения широкомасштабных раскопок невозможно (*Кравцов*, 2016).

На картах второй половины XVIII – первой половины XIX в. нет информации о каких-либо строениях на данной территории. Рядом находилась д. Леоново, стоявшая на Владимирской дороге и впервые упоминаемая в Писцовых книгах под 1626 г. (*Чернов*, 2011. С. 9, 29). На Топографическом плане окрестностей Москвы 1852 г. на территории селища Балашиха-12 отмечаются строения небольшой суконной фабрики (Топографическая карта Московской губернии, 1860) (рис. 2). Также стоит отметить, что пространство между суконной фабрикой на территории селища Балашиха-12 и д. Леоново было отведено под пашню и огороды.

Клязьминским отрядом Подмосковной экспедиции Института археологии РАН в 2016 г. на памятнике проводились археологические раскопки на площади 1532 кв. м. В результате работ выявлен и изучен культурный слой мощностью от 80 до 160 см в заполнении ям, содержавший 151 индивидуальную находку (предметы конского снаряжения, предметы быта, детали костюма и др.), фрагменты и части круговых сосудов, обломки и целые формы стеклянной посуды. Выявлено и исследовано 58 объектов (фундаменты и углубленные части наземных построек, хозяйственные ямы, ровики и др.).

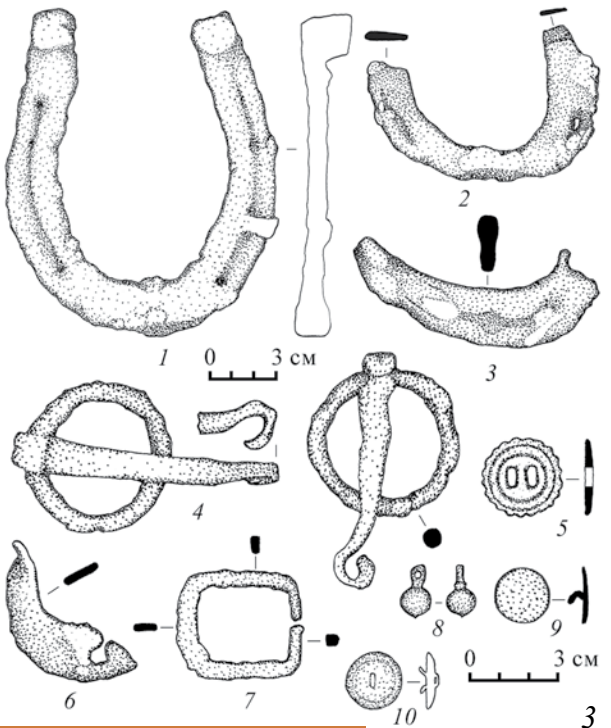
Кроме того, в южной части селища, у края правого берега р. Пехорка, собран подъемный материал, включающий фрагменты круговых сосудов, глиняную курительную трубку и нательный крестик из цветного металла. В числе находок с поселения – предметы конского снаряжения, детали костюма, украшение, предметы быта, предмет христианского культа,

2

нумизматические и другие материалы, в том числе коллекция керамической и стеклянной посуды.

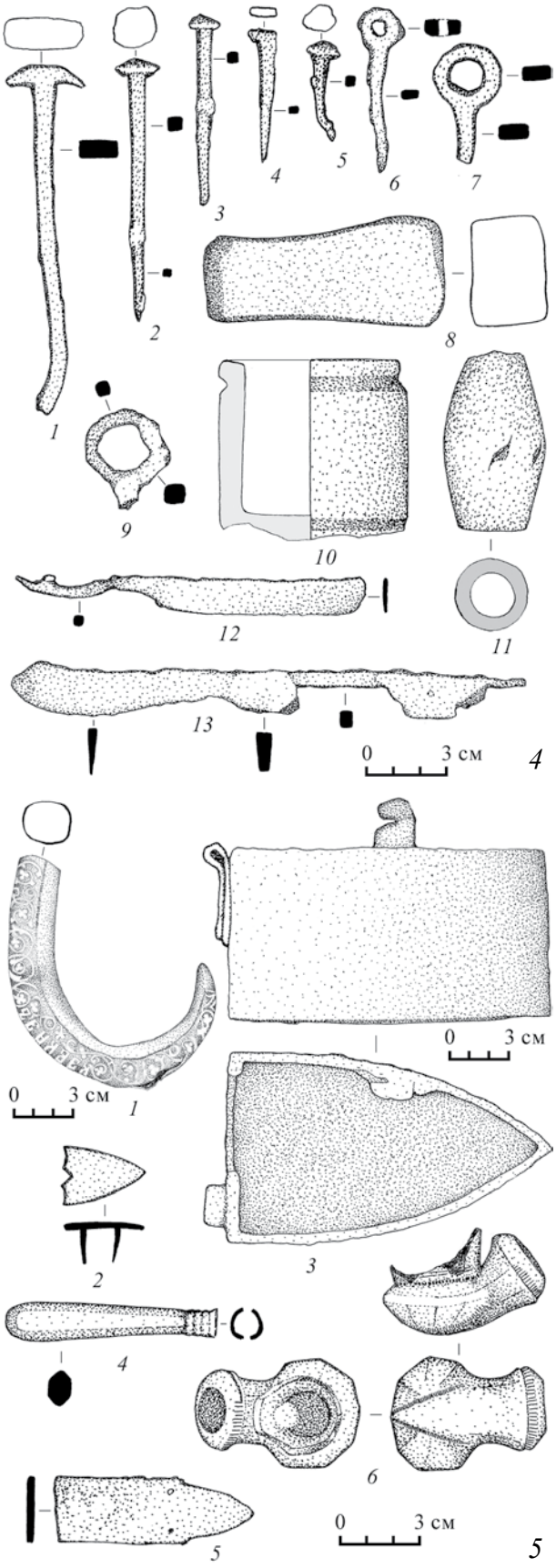
К предметам конского снаряжения относятся такие изделия, как железные конские подковы (рис. 3, *1–3*), удила (рис. 3, *4*) и сбруйная бляшка из цветного металла (рис. 3, *5*). Деталями костюма (одежды и обуви), найденными на селище, являются пуговицы из цветного металла (рис. 3, *9–11*; рис. 6, *7, 8*), железные пряжка (рис. 3, *7*) и обувная подкова (рис. 3, *6*). Единственный предмет украшения – шарообразная бусина из голубого непрозрачного стекла (рис. 6, *9*).

Наиболее многочисленная группа находок – предметы быта. В их числе разнообразные изделия из железа: фрагменты сковород, различные гвозди и штыри (рис. 4, *1–5*), дверные пробои (рис. 4, *6, 7*), накладки на двери или мебель (рис. 5, *5*), ножи (рис. 4, *12, 13*), фрагмент ключа (рис. 4, *9*), утюг (рис. 5, *3*); из кости – игральная шашка; из глины – грузило (рис. 4, *11*), трубка



3

Рис. 1. Селище Балашиха-12 с раскопами 1 и 2. Вид с востока
Рис. 2. Фрагмент из Топографической карты Московской губернии 1860 г.
Рис. 3. Находки из культурного слоя и заполнения ям № 7, 9, 14



курительная (рис. 5, *6*), помадница (рис. 4, *10*), статуэтка (рис. 7, *1*); из цветного металла – ложка, ручка столового прибора (рис. 5, *4*), навершие рукояти зонта (рис. 5, *1*), накладка (рис. 5, *2*); из камня – точильные бруски (рис. 4, *8*).

С христианским культом связана находка креста-тельника (рис. 6, *6*). К нумизматическим материалам относятся монеты денги и полушки чекана первой половины – середины XVIII в. (рис. 6, *1–5*).

Керамическая коллекция насчитывает около 1900 определимых фрагментов, происходящих из культурного слоя (около 800 экз.) и заполнения ям и рвов (около 1100 экз.). Делится на две основные группы: поливная керамика и неполивная, выполненная на гончарном круге.

Поливная керамика достаточно разнообразна и, в свою очередь, делится на ряд категорий:

1) белоглиняная, покрытая окрашенной в коричневый, красно-коричневый, желтый и зеленый цвет поливой, а также с мраморовидной росписью (рис. 7, *2, 4–7, 9*);

2) коричневоглиняная, покрытая окрашенной в желтый и зеленый цвет поливой (рис. 7, *3*);

3) фарфор с различным декором (подглазурным) (рис. 7, *8*).

Неполивная керамика (около 80% керамики с поселения) по различиям в составе формовочных масс делится на две основные группы: 1) без каких-либо видимых примесей, 2) с примесью песка в тесте. Керамика окислительного обжига включает подавляющее большинство фрагментов с белым, желтым, красным и коричневым цветом поверхности и в большинстве случаев – излома. Керамика восстановительного обжига имеет серый и черный цвет поверхности и излома. Большинство фрагментов неполивной посуды – без дополнительной обработки поверхности. Около 20% фрагментов посуды обладают такими признаками, как светло-коричневая и красная роспись по бело- и коричневоглиняной керамике, полосчатое и орнаментальное лощение мореной поверхности темно-серого и черного цвета. Орнаментация посуды достаточно однообразна и редка. Встречены следующие типы орнаментов: линейный, в том числе рифленый (наиболее встречаемый) и ямочный.

Керамическая коллекция с селища представлена фрагментами горшков (рис. 8, *1–7, 9–11,*

Рис. 4. Находки из культурного слоя и из заполнения ям № 8, 9, 14
Рис. 5. Находки из культурного слоя, заполнения ямы № 9, подъемный материал
Рис. 6. Находки из заполнения ямы № 1, подъемный материал
Рис. 7. Находки из заполнения ямы № 14 и культурного слоя

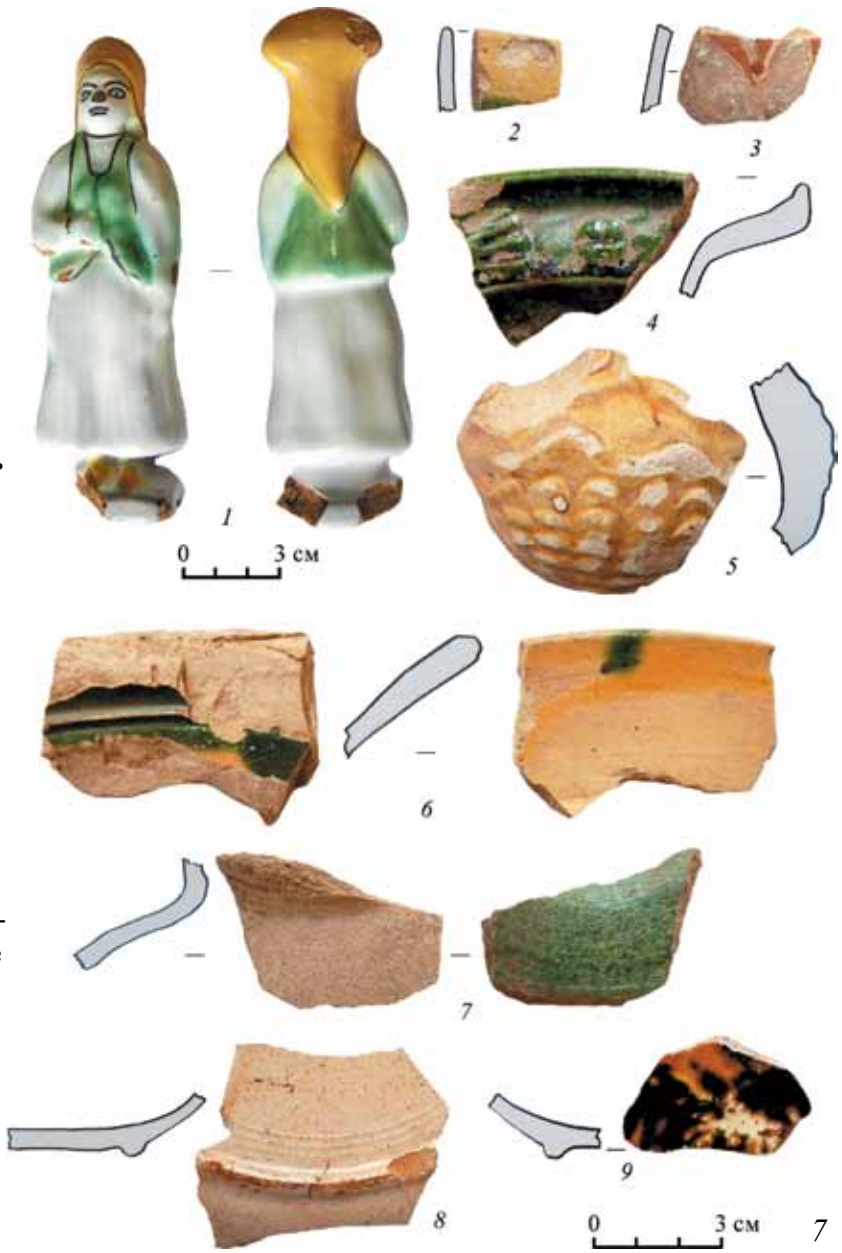
6

16, 17–19; рис. 9, *2, 6, 13–15*), кувшинов (рис. 8, *8*; рис. 9, *3–5, 7–11*), крышек (рис. 8, *12–15*), мисок (рис. 9, *1, 12*), а также столовой посуды (чашек, тарелок) (рис. 8, *20*; рис. 9, *16*). В количественном отношении преобладают фрагменты и части горшков. В соответствии с типологией венчиков горшков, разработанной В. Ю. Ковалем с учетом их конструктивных схем и способа формовки края, подавляющее большинство их относится к типу 10. Венчики этого типа относятся к горшкам подшарообразной профилировки. Имеют наклон внутрь сосуда с краем в виде валика различной формы (рис. 8, *2, 3, 5, 10*). По наблюдениям исследователей, появляются в XVI в. и встречаются до XIX в. включительно (*Коваль*, 2014. С. 553, рис. 47).

На поселении исследованы остатки двух построек в виде углубленных в материк ям, а также фундаментов наземной большой постройки. Ямы, в свою очередь, делятся на: 1) углубленные части наземных построек, вероятно, срубной конструкции, 2) хозяйственные (мусорные), 3) столбовые.

Углубленные части наземных построек в плане имели различную конфигурацию: в виде прямоугольника (яма № 1 раскопа 1) и трапеции (яма № 9 раскопа 1). Их размеры по поверхности составляли от 393×272 см (яма № 1) до 516×355 см (яма № 9), а глубина от уровня материковой поверхности – от 87 до 142 см.

Наибольший интерес представляет яма № 1 достаточно хорошей сохранности – углубленная часть наземной постройки, вероятно, хозяйственного типа с остатками деревянного пола. Ее размеры по поверхности следующие: длина по оси северо-запад – юго-восток – 393 см, ширина по оси северо-восток – юго-запад – до 272 см. Размеры дна: длина по оси северо-запад – юго-восток – 362 см, ширина по оси северо-восток – юго-запад – до 265 см. Глубина от уровня материковой поверхности – 87–105 см. Стенки отвесные, дно неровное, с небольшими западинами. На дне находился древесный тлен (толщина – 5–13 см) – остатки пола. Вход в углубленную часть постройки не зафиксирован.

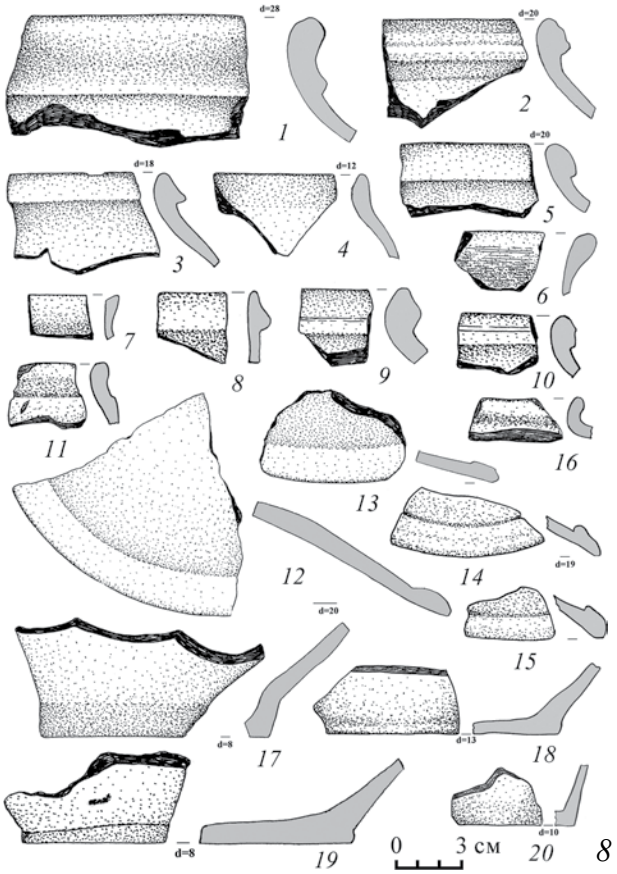


7

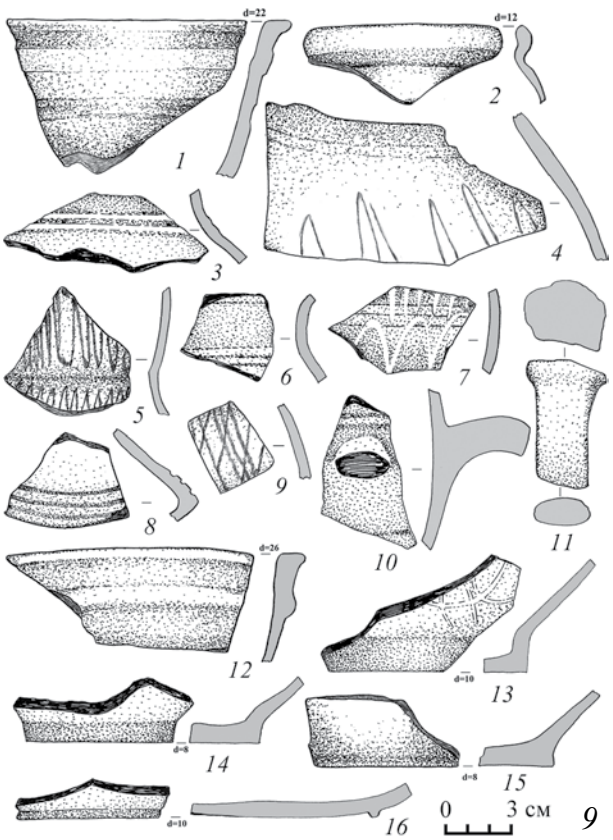
В заполнении найдены фрагменты круговых сосудов, обломки стеклянной посуды, отдельные кирпичи и их обломки, фрагменты древесного тлена, кости животных. Индивидуальные находки включают различные предметы из цветного металла – девять монет (денги и полушки первой половины – середины XVIII в.) (рис. 6, *1–5*), две пуговицы (рис. 6, *7, 8*), кольцо, три слитка и два фрагмента неопределенных предметов, железа – гвоздь и черешок серпа, стекла – бусина (рис. 6, *9*) и бутылка винная с клеймом. Следует отметить, что практически все находки происходят из нижнего, предматерикового слоя, а также древесного тлена на материковом дне ямы. Вероятно, данную постройку следует датировать в пределах первой половины – середины XVIII в.

Остатками большой наземной постройки, вероятно производственного назначения, являются вскрытые в пределах раскопа 1 каменно-кирпичные фундаменты № 1–5. Кладка состояла из кирпичей размерами: длина – 24,6 см, ширина – 12,5 см, толщина – 7 см. Ширина фундаментов составляла 35–108 см. Основание находилось ниже уровня материковой поверхности на 20–30 см. Кирпичная кладка сохранилась на высоту от двух до четырех рядов и возвышалась на 3–38 см над уровнем материковой поверхности. Поверхность кладки частично покрыта известковым раствором. Постройка была ориентирована по оси северо-восток – юго-запад и имела следующие размеры: длина по оси северо-восток – юго-запад – до 31,2 м, ширина по оси северо-запад – юго-восток – до 12 м.

Внутри данной большой постройки, остатками которой являются фундаменты № 1–3, находились остатки двух построек меньшего размера, остатками которых, в свою очередь, являются фундаменты № 4 и 5. Фундамент № 4 – основание наземной постройки Г-образной в плане формы размером 534×260–404 см. В северо-восточной части сооружения в основании находились отдельные известняковые блоки и камни. Размеры белокаменных блоков – от 28×17×14 см до 33×27×18 см (рис. 10). Ширина кладки на уровне материковой поверхности составляла 38–84 см. Фундамент № 5 являлся основанием еще одной наземной постройки, прямоугольной в плане формы, размером 260×200 см. В южной части сооружения находился разрыв – проход



8



9

Рис. 8, 9. Фрагменты круговой посуды из культурного слоя
Рис. 10. Белокаменный блок из основания фундамента № 4

в постройку шириной 64–105 см. Ширина кладки на уровне материковой поверхности – 28–42 см.

Вероятно, вскрытые в пределах раскопа 1 каменно-кирпичные фундаменты являются остатками наземных построек суконной фабрики середины – второй половины XIX в.

Таким образом, возникновение поселения следует отнести к XVI в., а основной период его функционирования – к XVIII в. Именно к этому времени относится наибольшее число находок (монеты, керамическая и стеклянная посуда и др.).

10

ЛИТЕРАТУРА

Кравцов А.Е., 2016. Отчет об охранных археологических исследованиях (разведке) на земельных участках на территории городского округа Балашиха Московской области на рр. Пехорка и Малашка в 2015 году. Архив ИА РАН.Р-1.

Топографическая карта Московской губернии, составленная съ топографической съемки произведенной в 1852 и 1853 годах и гравированная въ Военно-Топографическом Депо. 1860 г.: Масштаб въ английском дюйме 2 версты или въ 1/84 000 долю настоящей величины. Ряд. II. Листы 6,7; Ряд. III. Листы 6,7 // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21387.

Чернов С.З., 1990. Отчет Московской археологической экспедиции о предпроектных археологических исследованиях территории историко-культурного и природного заказника «Пехорка» в Балашихинском и Люберецком районах Московской области в 1990 г. Том III отчета Московской археологической экспедиции за 1990 г. Архив ИА РАН. Р-1, № 15194.

Чернов С.З., 2011. Охранные археологические раскопки на территории памятников археологии селища Балашиха-11 и селища Балашиха-12 в охранной зоне памятника истории и культуры федерального значения «Усадьба Пехра-Яковлевское» в зоне прокладки электрокабеля СПС 194 «Кислородная» (у. Трудовых резервов) до проектируемых очистных сооружений по адресу: Московская область, мкрн. Салтыковка, севернее квартала Акатово в 2011 г. Архив Департамента культурного наследия Министерства культуры Московской области. № 7035.

Резюме. Селище расположено в южной части г. Балашиха, на правом берегу р. Пехорка (левый приток р. Москва). Площадь – около 4400 кв.м. Обнаружено в 1990 г. экспедицией Института археологии РАН под руководством С.З. Чернова. В 2016 г. на памятнике вскрыто 1532 кв.м. В результате работ выявлен и изучен культурный слой мощностью от 80 до 160 см, содержавший 151 индивидуальную находку (предметы конского снаряжения, предметы быта, детали костюма, украшение, предмет христианского культа и др.), фрагменты и части круговых сосудов, обломки и целые формы стеклянной посуды. Выявлено и исследовано 58 объектов (фундаменты и углубленные части наземных построек, хозяйственные ямы, ровики и др.). Особенно выделяются остатки двух построек в виде углубленных в материк ям, а также фундаментов большой наземной постройки – основания суконной фабрики середины – второй половины XIX в. Учитывая результаты работ предыдущих исследователей (С.З. Чернов, А.Е. Кравцов), возникновение поселения следует отнести к XVI в., а основной период его функционирования – к XVIII в.

Ключевые слова: селище, археологические раскопки, культурный слой, индивидуальные находки, круговая посуда, стеклянные изделия, фундаменты, углубленные части наземных построек.

O.L. Proshkin, A.V. Kirsanov

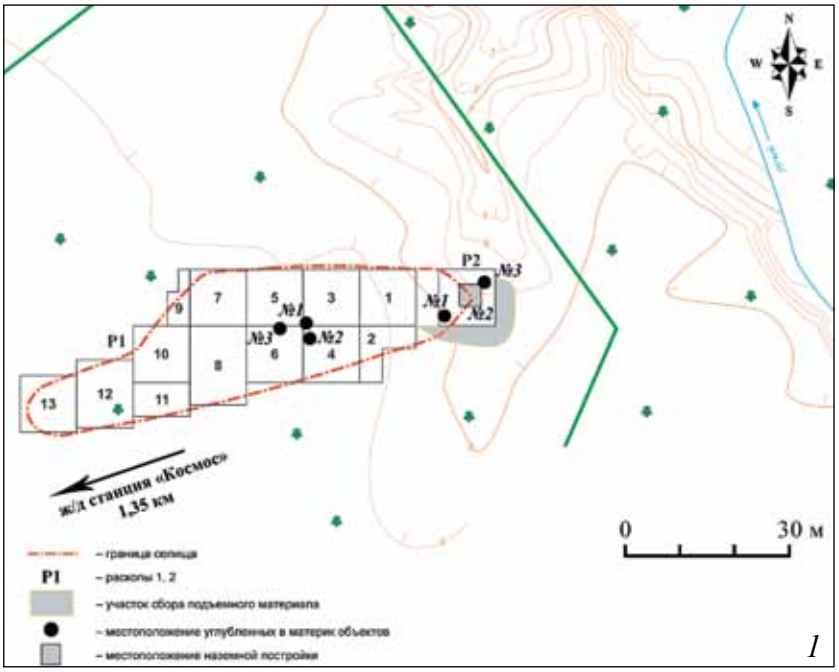
The settlement of Balashikha-12 (Moscow County Region)

Resumé. The settlement of Balashikha-12 is located in the southern part of the modern Moscow suburb of Balashikha, on the right-hand side of the Pekhorka River (a left-hand tributary of the Moskva River). The settlement's area covers 4400 square metres. It was first found in 1990 by a team from the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, directed by S.Z. Chernov. In 2016, 1532 square metres of the site were excavated. The studies revealed a cultural layer of between 80 and 160 cm in depth, which yielded 151 individual artefacts – including saddlery items, household items, clothing fragments, jewellery, Christian devotional items, fragments and whole pieces of circular cookware, fragments and complete sections of glass tableware. 58 building structures were examined and identified – foundations and buried sections of below-ground buildings, craftsmen's cellars, storerooms, and others. The remains of two buildings sunk into the ground are of especial interest, as well as the foundations of an extensive above-ground building – the remains of a fabric-making workshop of the latter 19th century. Taking into consideration the results of the previous studies (by S.Z. Chernov and A.E. Kravtsov), this latter building could be attributed to the 19th century, although its operational period should correctly be assigned as 18th century.

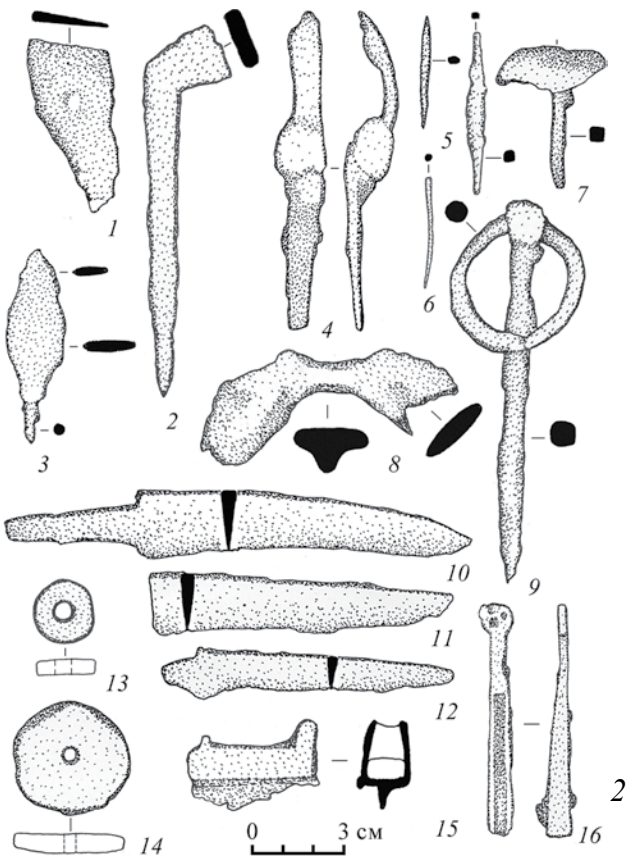
Keywords: settlement, archaeological excavations, cultural layer, individual items, circular pots, glassware, foundations, buried sections of above-ground buildings.

СЕЛИЩЕ 3 «АЭРОПОРТ ДОМОДЕДОВО» (МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ)

О. Л. Прошкин, Г. Н. Пронин



1



2

Селище расположено в 1,35 км северо-восточнее ж/д станции Космос и в 70–80 м к северо-западу от западных ограждений очистных сооружений аэропорта Домодедово. Находится в основании одного из ответвлений оврага, врезанного в левый берег безымянного ручья (правый приток р. Мураниха, левый приток р. Жданка, левый приток р. Пахра). Площадка селища ровная, вытянута перпендикулярно левому берегу оврага по оси северо-восток – юго-запад. Длина по оси северо-восток – юго-запад – до 83 м, ширина по оси север – юг – 10–26 м, общая площадь – около 1300 кв. м. Поверхность практически не задернована, поросла густым смешанным лесом и кустарником (рис. 1).

Селище открыто в 2011 г. М. И. Гоняным (*Гоняный*, 2011). В 2013–2014 гг. экспедицией ООО «ЦАИ «Куликово поле» под руководством М. И. Гоняного и Д. Б. Соловьева на селище заложены буровые скважины и шурфы, в которых был прослежен культурный слой толщиной 25–40 см, сложенный серо-бурым и темно-серым гумусированным суглинком с включением угольков и прокаленной глины. На основании полученных материалов селище было охарактеризовано как сельское поселение позднесредневекового периода (XIV–XVII вв.) (*Соловьев*, 2014. С. 42–46; *Гоняный*, 2015. С. 32–40).

В 2015–2016 гг. Клязьминским отрядом Подмосковной экспедиции Института археологии РАН на памятнике проводились археологические раскопки на площади 1316 кв. м. В результате работ выявлен и изучен культурный слой мощностью до 35 см и до 182 см в заполнении ям, содержавший 77 индивидуальных находок (орудия труда, предметы быта и др.), фрагменты и части круговых сосудов. Выявлено и исследовано шесть

объектов (углубленные части наземных построек и др.).

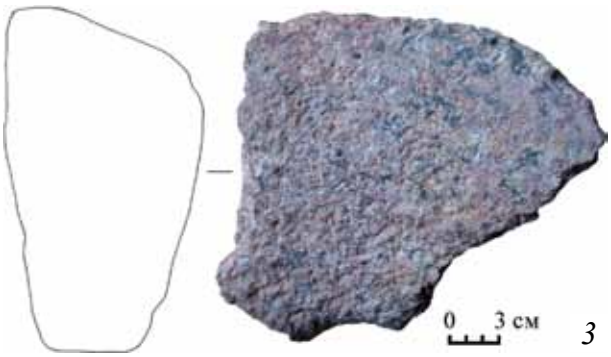
Коллекция находок делится на две группы: из культурного слоя (большинство находок) и из остатков построек (в основном керамика). В восточной части селища, на склоне левого берега оврага, собран подъемный материал, включающий фрагменты круговых сосудов и отдельные индивидуальные находки.

Находки делятся на восемь групп: 1) орудия труда, 2) предмет вооружения, 3) предмет конского снаряжения, 4) детали костюма, 5) предметы быта, 6) предметы христианского культа, 7) нумизматические материалы, 8) керамическая коллекция.

К орудиям труда относятся железные фрагменты серпов (рис. 2, *1, 2*), кочедык (рис. 2, *4*) и шилья (рис. 2, *5*), а также обломок гранитного жернова (рис. 3). Наибольший интерес здесь представляют серпы. Несмотря на их фрагментарность, можно предположить, что они относятся к двум типам – со слабоизогнутым клинком и штифтом (вероятно, складное орудие) (рис. 2, *1*) и с отогнутым наружу черенком и клинком, вероятно, близким по форме параболе (рис. 2, *2*).

Единственным предметом вооружения, найденным на селище, является достаточно архаичный по форме черешковый наконечник стрелы с пером ромбовидной формы и упором для древка (рис. 2, *3*). Пропорции пера – 1:2,5. Наиболее вероятно его использование в качестве охотничьего инвентаря. Достаточно близок типу 41, варианту 2 по типологии А. Ф. Медведева, который датировал подобные изделия в пределах XI–XIV вв. (*Медведев*, 1966. С. 65). Однако известны находки таких наконечников и на более поздних памятниках. По О. В. Двуреченскому (тип 15), они бытовали до середины XVII в. Найдены в позднесредневековых слоях Рязанского кремля, Пскова, Москвы и других пунктов (*Двуреченский*, 2007. С. 288, 320. Рис. 34, 37).

Предмет конского снаряжения представлен большей частью железной подковы с одним передним шипом (рис. 2, *8*), вероятно, соответствующей первому типу и первому варианту (сегментовидные) по О. В. Двуреченскому, которые он датирует в пределах XV–XVII вв. (*Двуреченский*, 2004. С. 240). Не исключено, что к данной

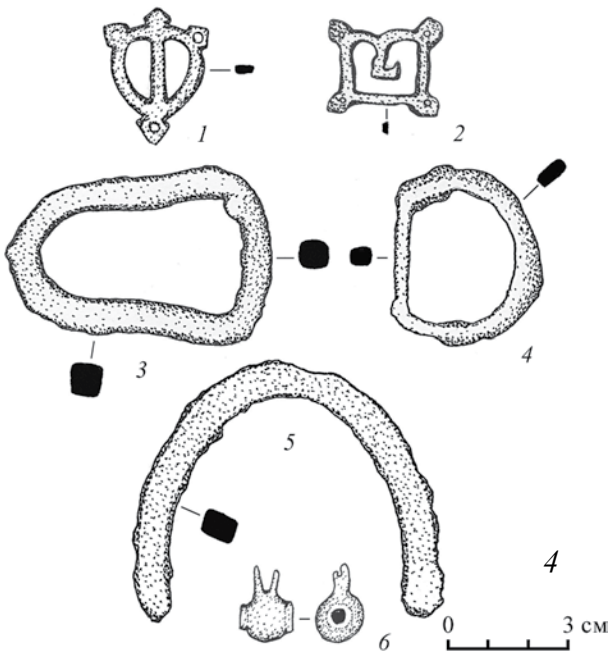


3

категории относится и железная трапециевидная вогнутая пряжка (деталь упряжи (?), рис. 4, *3*).

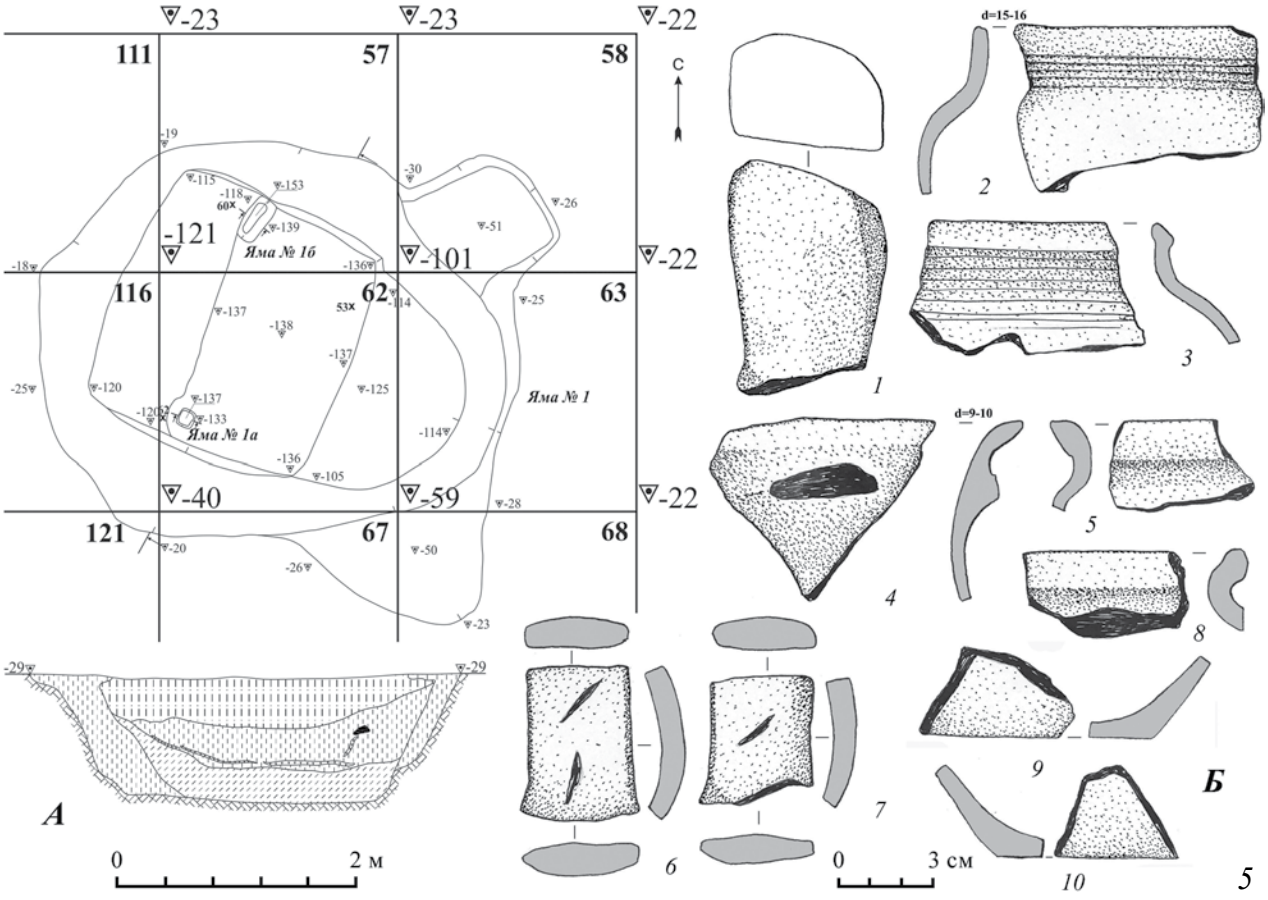
Находки, связанные с ношением одежды и обуви, включают две накладки из цветного металла (рис. 4, *1, 2*), ременную железную пряжку (рис. 4, *4*) и обувную (сапожную) железную подковку (рис. 4, *5*). Прямая аналогия одной из накладок (рис. 4, *2*) происходит с поселения 1 у д. Рождествено в Подмосковье (из заполнения ямы 1), которое датируется исследователями XV–XVI вв. (*Богомолов, Гоняный, Заидов и др.*, 2012. Рис. 1, *6*).

Наиболее многочисленная группа находок представлена предметами быта. В их числе разнообразные изделия из железа: ножи (рис. 2, *10–12*; 8, *1*; 13, *1*), иглы (рис. 2, *6*), крупная булавка с подвижной кольцевой головкой (рис. 2, *9*), фрагменты замков и ключи (рис. 2, *15, 16*; 12, *1*), кованые гвозди (рис. 2, *7*), керамические



4

Рис. 1. Селище 3 «Аэропорт Домодедово», топоплан (по Д.Б. Соловьеву)
Рис. 2. Раскоп 1, яма 3. Орудия труда, предметы вооружения, конского снаряжения, быта
Рис. 3. Яма 1. Фрагмент жернова
Рис. 4. Прорисовки находок



пряслица из стенок сосудов (рис. 2, *13, 14*), точильные каменные бруски (рис. 5, *1*).

Единственный определимый замок, найденный во фрагментах (рис. 2, *15*), относится к типу Е по новгородской типологии Б. А. Колчина и датируется от второй половины XIV до XVI в. включительно (*Колчин*, 1959. Рис. 70).

С христианским культом связаны находки четырех крестов-тельников (рис. 6, *1–4*) и оглавия псевдоэнколпиона (рис. 4, *6*) из цветного металла. В хронологическом отношении все они укладываются в рамки XVI в.[1]

В числе других датирующих находок: монета полушка московская Ивана IV (лицевая сторона – птица вправо, оборотная – надпись вязью «Государь», рис. 6, *5*) и монета московская мечевая копейка (лицевая сторона – всадник с саблей, оборотная – надпись в четыре строчки «князь великий Иван пск» (рис. 6, *6*) (до 1547 г.).

Керамическая коллекция насчитывает 930 определимых фрагментов, происходящих из культурного слоя (550 экз.), заполнения ям и пятна наземной постройки (380 экз.). Вся рассматриваемая керамика не поливная, выполнена на гончарном круге. По различиям в составе формовочных масс делится на три основные группы: 1) с примесью мелкой дресвы в тесте, 2) с примесью песка в тесте, 3) без каких-либо видимых примесей (подавляющее большинство, около 70%). Керамика окислительного обжига включает подавляющее большинство фрагментов с белым, красным и коричневым цветом поверхности и в большинстве случаев – излома. Керамика восстановительного обжига имеет серый и черный цвет поверхности и излома. Большинство (около 97%) фрагментов посуды без дополнительной обработки поверхности. Найдены единичные фрагменты чернолощеных (сплошное лощение) и белоглиняных

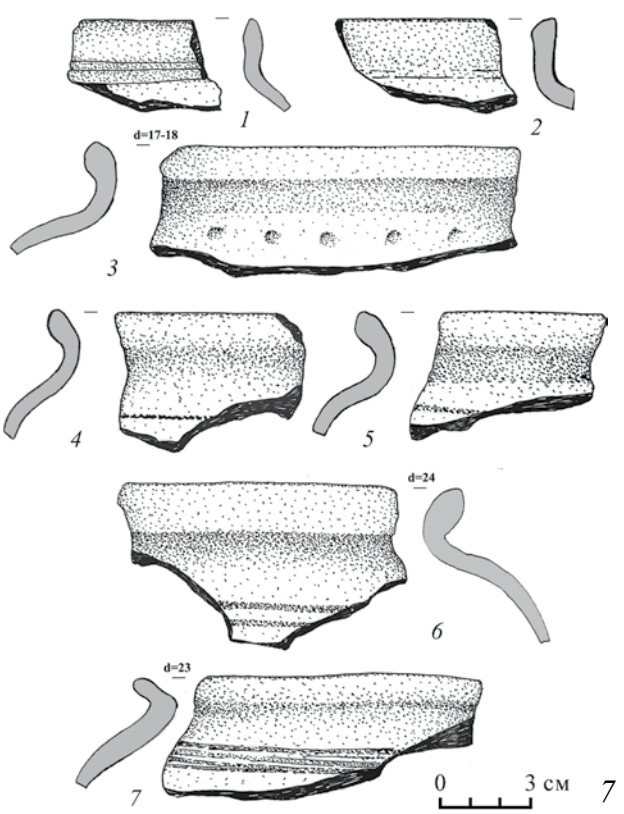
Рис. 5. Раскоп 1, яма 1. *А* – план после выборки заполнения и разрез, *Б* – находки
Рис. 6. Раскоп 1, яма 3, раскоп 2, яма 1. Находки
Рис. 7. Типы венчиков горшков
Рис. 8. Раскоп 2, объект 2. Находки из заполнения

[1] Предметы металлопластики с селища определены и датированы В. Г. Пуцко (Калужский государственный музей изобразительных искусств).

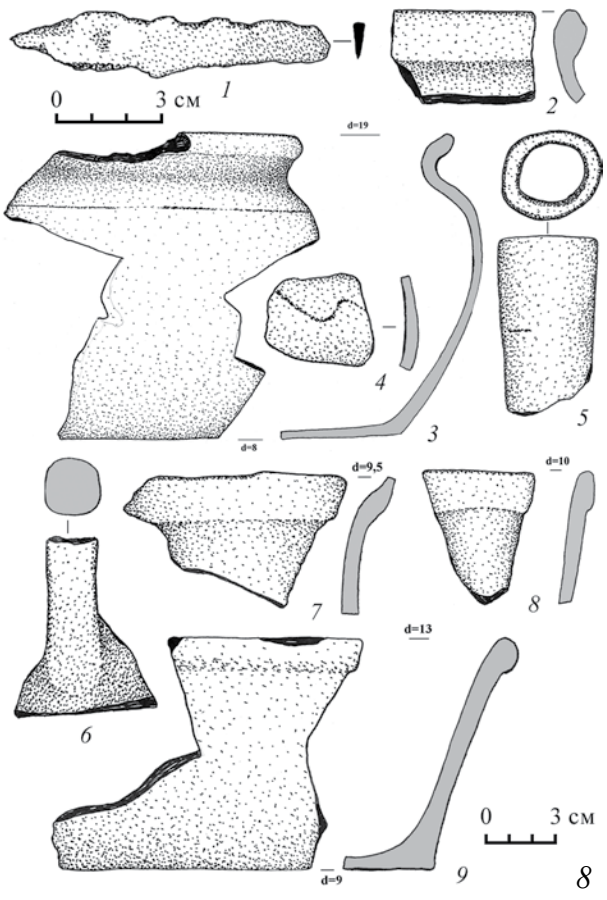
6

со следами орнаментального лощения сосудов, а также красноглиняных с коричневой поливой на поверхности. Керамическая коллекция с селища представлена фрагментами и частями горшков (рис. 7 и др.), кувшинов (рис. 5, *4, 6* и др.), крышек, мисок (рис. 8, *9*) и ручкой от сковороды (рис. 8, *5*).

Типология венчиков и верхних частей горшков приведена в соответствие с типологией венчиков, разработанной В. Ю. Ковалем с учетом их конструктивных схем и способа формовки края (*Коваль*, 2014). В морфологическом отношении определяются шесть типов венчиков горшков (рис. 7). Наиболее многочисленными являются типы 4 и 10, насчитывающие не менее 75 фрагментов. Тип 4 (не менее 48 фрагментов) представлен венчиками вертикальной постановки, край которых завернут наружу (рис. 7, *3*). Тип 10 (не менее 27 фрагментов) – венчики, наклоненные внутрь сосуда (рис. 7, *7*).



7



8

9

10

11

Профилировка венчиков указанных типов появляется в Подмосковье с XVI в. (*Коваль*, 2014. С. 552–553). Остальные типы представлены находками от 7 до 15 фрагментов венчиков горшков, типы 2, 3, 5, 6.

Наиболее ранними в хронологическом отношении являются венчики типа 5 (не менее семи фрагментов, рис. 7, *4, 5*), которые были распространены за пределами Подмосковья в XII–XV вв., а в XV–XVII вв. бытуют и в Москворечье. Наиболее поздними являются венчики типа 10, которые встречаются в комплексах вплоть до XIX в. (*Коваль*, 2014. С. 552–553).

На поселении исследованы остатки пяти построек в виде углубленных в материк ям, а также одной наземной постройки. Ямы в свою очередь делятся на углубленные части наземных построек, вероятно срубной конструкции, и столбовые, являющиеся следами деревянной оградки.

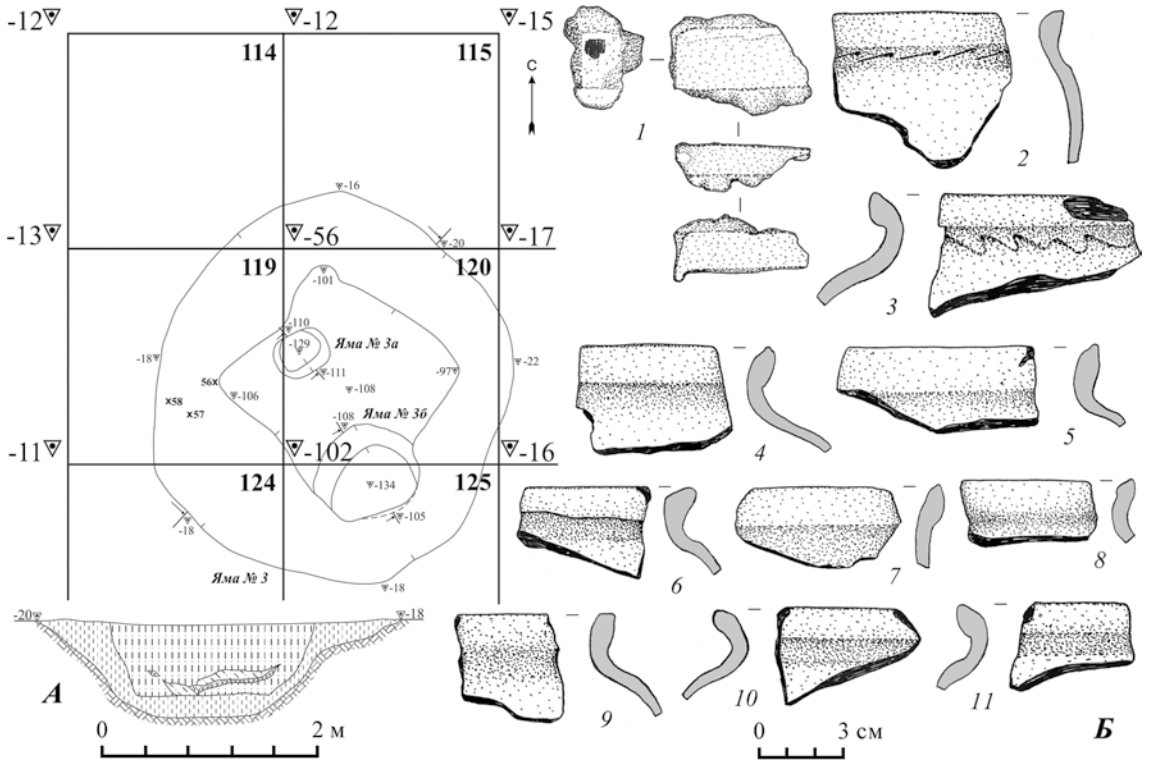
Углубленные части наземных построек в плане имели различные конфигурации – в виде прямоугольника (ямы 1, 2 раскопа 1), овала (ямы 3 раскопа 1, 1 и 3 раскопа 2) (рис. 9, 10, 11). Их размеры по поверхности варьировались от 196×192 до 506×448 см. Глубина от уровня материковой поверхности составляла от 34–44 до 130–182 см (яма 3 раскопа 2).

В заполнении ям: 1 раскопа 1 найдены фрагмент точильного камня (рис. 5, *1*) и часть жернова (рис. 3), 3 раскопа 1 – крест-тельник из цветного металла (рис. 6, *2*), железные игла (рис. 2, *6*) и фрагменты замка (рис. 12, *1*), 1 раскопа 2 – крест-тельник из цветного металла (рис. 6, *3*) и фрагмент ключа (?) железного, а в яме 3 раскопа 2 – фрагменты двух железных ножей (рис. 13, *1*). Во всех без исключения объектах найдены фрагменты круговых сосудов и кусочки глиняной обмазки (печина) (рис. 5, *2–10*; 8, *2–9*; 12, *2–10*; 13, *2–13*).

Столбовые ямы конструктивно связаны с углубленными частями наземных построек и зафиксированы на их материковом дне (1а и 1б на дне ямы 1 раскопа 1 и т. п.) (рис. 9, 10, 11).

Контуры, вероятно, наземной жилой постройки (объект 2) в виде пятна овальной в плане формы длиной до 692 см и шириной до 408 см, ориентированного по оси северо-запад – юго-восток, зафиксированы в центральной части раскопа 2. Пятно представляло собой неглубокое понижение в материке до 5 см, заполненное суглинком темно-серо-бурого цвета с обильными включениями печины и угольков. Отдельные локальные скопления обожженной глины с угольками отмечены в центральной и южной частях пятна. В плане они имели неопределенную форму и размеры от 25×40 до 40–150×280 см при толщине 2–8 см и могли быть остатками отопительного устройства (рис. 14; 15). Здесь же найдены железный нож (рис. 8, *1*), фрагменты

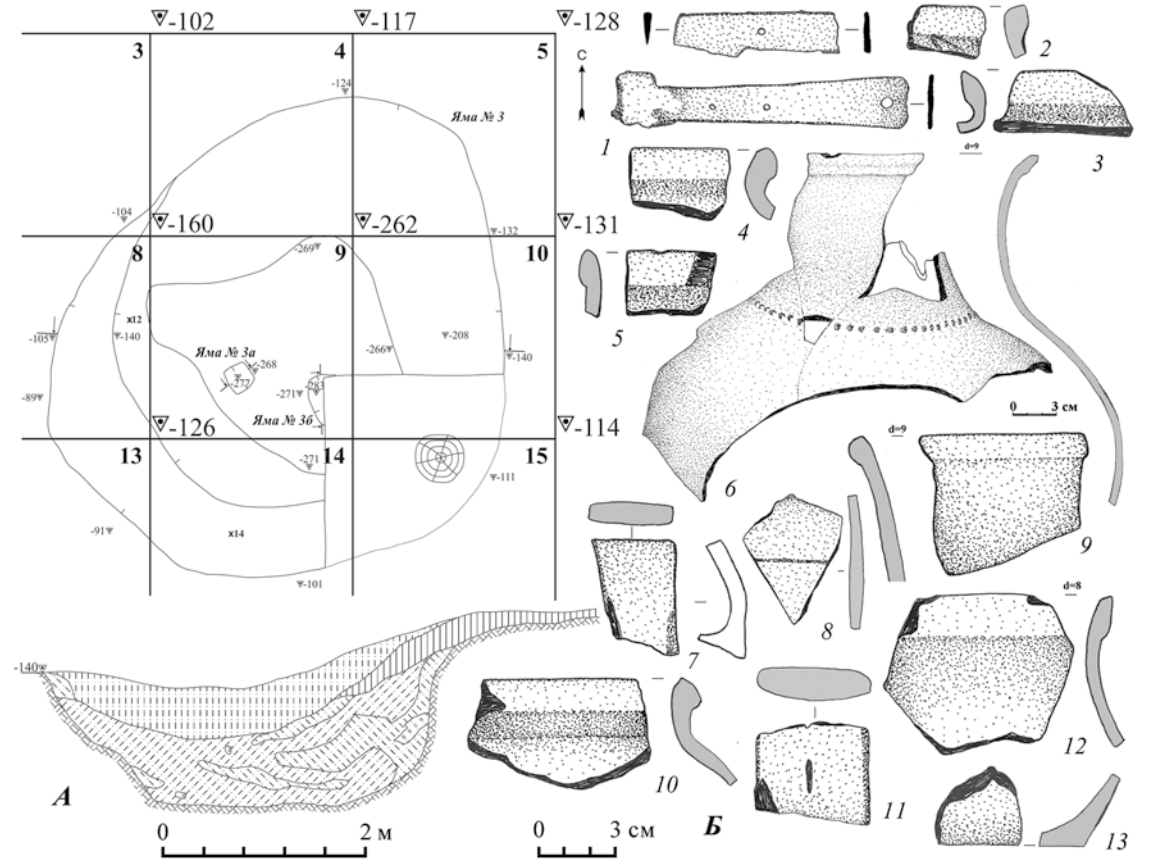
Рис. 9. Раскоп 1, яма 1 после выборки заполнения. Вид с юго-востока
Рис. 10. Раскоп 1, яма 3 после выборки заполнения. Вид с востока
Рис. 11. Раскоп 2, ямы 1, 3, объект 2, ровик после выборки заполнения. Вид с севера
Рис. 12. Раскоп 1, яма 3. *А* – план после выборки заполнения и разрез, *Б* – находки
Рис. 13. Раскоп 2, яма 3. *А* – план после выборки заполнения и разрез, *Б* – находки



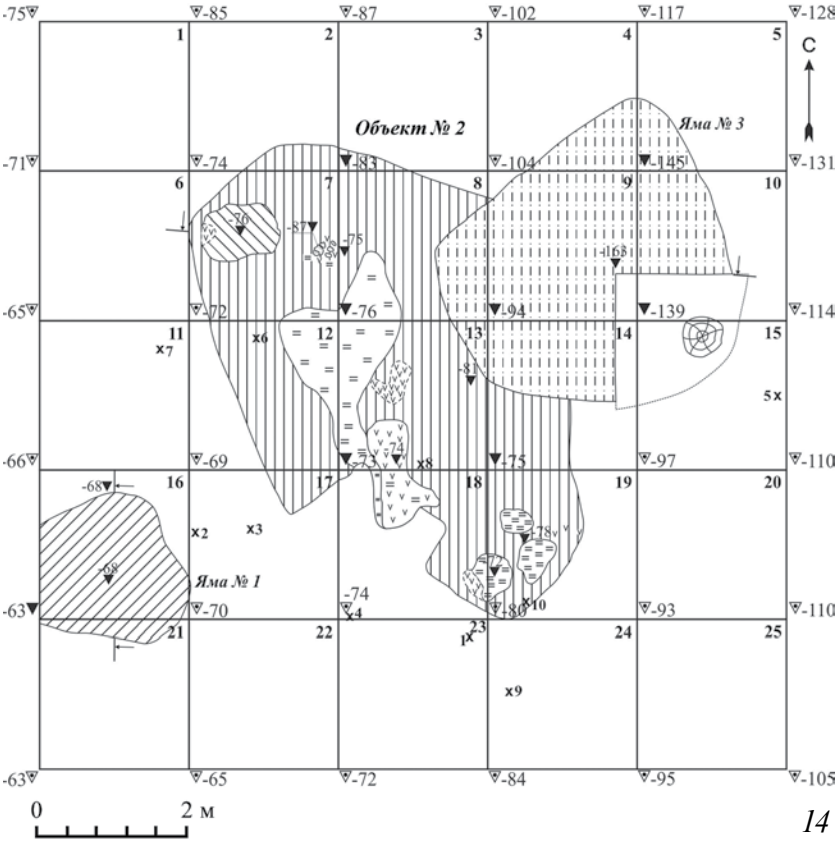
12

круговых сосудов (116 экз., рис. 8, *2–9*), мелкие обожженные камни.

В северо-западной части основания постройки находился ровик зигзагообразной формы протяженностью по оси северо-восток – юго-запад 332 см, шириной 14–75 см и глубиной от уровня материковой поверхности 7–23 см. В его заполнении найдены кусочки глиняной обмазки и мелкие обожженные камни. Предполагаемое назначение ровика – следы деревянной конструкции, стоявшей перпендикулярно наземной постройке.



13



14

Конструктивно с наземной постройкой (объект 2) связана и яма 3, примыкавшая к ней с северо-востока (рис. 11; 14). Ее размеры по поверхности следующие: длина по оси северо-восток – юго-запад – 506 см, ширина по оси северо-запад – юго-восток – до 448 см. Глубина от уровня материковой поверхности составляла 130–182 см. В материковом дне находились две столбовые ямы – 3а, 3б (рис. 13).

В заполнении найдены два железных ножа (рис. 13, *1*), фрагменты круговых сосудов (120 экз., рис. 13, *2–13*), куски глиняной обмазки, отдельные камни. Вероятно, данная яма являлась углубленной частью наземной жилой постройки (объект 2).

На данном уровне исследования основной период функционирования поселения следует отнести к XVI в. Каков был его социальный статус, сказать трудно. Состав и количество находок ставят его в ряд сельских малодворных поселений, хорошо известных в ближайших окрестностях, на участке течения р. Пахры от устья р. Рожайка до устья р. Велинка (Аэропорт 1, 2, 5, Ям, Чурилково, Воеводино и др.), что свидетельствует о хозяйственном освоении бассейна р. Пахры в период позднего Средневековья (*АКР. Московская область*, 1994. С. 73, 85 и др.).

15

ЛИТЕРАТУРА

АКР. Московская область, 1994. Ч. 1. М.

Богомолов В.В, Гоняный М.И., Заидов О.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В., 2012. Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождествено // АП. Вып. 8. М.

Гоняный М.И., 2011. Отчет об археологических изысканиях под участок строительства объекта «Реконструкция и развитие аэропорта Домодедово». Объекты федеральной собственности (первая и вторая очередь строительства). 2011 г. // Архив ИА. Р-1. Б/н.

Гоняный М.И., 2015. Отчет о проведении детальных археологических разведок на селищах 1, 2, 3, 5, 6 «Аэропорт Домодедово, расположенных в городском округе Домодедово Московской области в 2014 г. // Архив ИА. Р-1. Б/н.

Двуреченский О.В., 2004. Средства и приемы ковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII–XIX веках) // АП. М.

Двуреченский О.В., 2007. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // АП. Вып. 3. М.

Коваль В.Ю., 2014. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы. Методические рекомендации // АП. Вып. 10. М.

Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36.

Соловьев Д.Б., 2014. Отчет об археологических изысканиях под участок строительства по объекту «Реконструкция и развитие аэропорта Домодедово. Объекты федеральной собственности (первая и вторая очередь строительства)» в 2013 г. // Архив ИА. Р-1.

Резюме. Селище расположено к северо-западу от международного аэропорта Домодедово, на правобережье р. Пахра. Площадь – около 1300 кв. м. Открыто в 2011 г. экспедицией под руководством М. И. Гоняного. В 2015–2016 гг. экспедицией Института археологии РАН здесь проводились археологические раскопки на площади 1316 кв. м. В результате выявлен культурный слой мощностью от 35 до 182 см. Найдены различные артефакты: орудия труда, предметы вооружения и конского снаряжения, быта и христианского культа, детали костюма, нумизматические материалы. На поселении исследованы остатки пяти построек в виде углубленных в материк ям, а также одной наземной постройки. Основной период функционирования селища следует отнести к XVI в. Состав и количество находок ставят его в ряд сельских малодворных поселений периода позднего Средневековья.

Ключевые слова: селище, бассейн р. Пахра, археологические раскопки, культурный слой, орудия труда, предметы вооружения, конского снаряжения, быта, христианского культа, детали костюма, нумизматические материалы, керамическая посуда, остатки построек.

O. L. Proshkin, G. N. Pronin

Settlement 3 at Domodedovo Airport (Moscow County Region)

Resumé. Settlement 3 is located to the north-west of Moscow Domodedovo international airport, on the right-hand banks of the Pakhra river. The area involved covers 1300 square metres. The excavation work began in 2011 under the direction of lead archaeologist M.I. Gonyanny. During 2015 and 2016 the team carried out archaeological excavations over an area of 1316 square metres. The work identified a cultural later of 25 to 182 centimetres in depth. Numerous artefacts were retrieved. These included agricultural implements, items of weaponry, saddlery, household items, Christian devotional items, and numismatic material. Five locations on the site were buildings sunk into earth pits, as well as one building above ground. The primary period in which the settlement flourished can be placed as the 16th century. The condition of the settlement and the finds made there place it among the ranks of estates of lesser nobility of the late Medieval period.

Keywords: settlement, basin of the Pakhra River, archaeological excavations, cultural layer, agricultural implements, items of weaponry, saddlery, domestic items, Christian devotional items, details of costume, numismatic material, ceramic tableware, remains of buildings.

Рис. 14. Раскоп 2, пятна заполнения ям 1, 3 и объекта 2 на уровне материковой поверхности
Рис. 15. Раскоп 2, пятно заполнения объекта 2 (наземная постройка). Вид с юго-востока

ИССЛЕДОВАНИЯ У ДЕРЕВНИ БОЛЬШОЙ КАМЕНЕЦ
(КУРСКАЯ ОБЛАСТЬ)

О. А. Радюш

1

Сейминско-Суджинская археологическая экспедиция в 2016 г. продолжила исследования в Большесолдатском р-не Курской обл. у д. Большой Каменец, расположенной в верховьях р. Суджа (рис. 1), правого притока р. Псел, относящегося к левобережному бассейну Днепра. Работы были связаны с находками, сделанными у д. Большой Каменец в 1918 и 1928 гг., где крестьянами были выкопаны многочисленные вещи (гривна, браслеты, цепь, кувшин) из драгоценных металлов, датирующиеся концом IV – началом V в. (*Мацулевич*, 1934). В 1928 г. экспедиции под руководством В. А. Городцова удалось установить, что они происходят из разрушенного погребения, однако его следы не были фактически обнаружены, и это удалось сделать только в 2013–2016 гг. (рис. 2–4). В 1961 г. курским археологом Ю. А. Липкингом выявлены материалы черняховской культуры вблизи Большого Каменца, в том числе одно из поселений на территории хут. Выдрин, расположенное в непосредственной близости от «княжеского» погребения (*Липкинг*, 1962, 1971). В 2006 г. оно было обследовано Сейминско-Суджинской экспедицией, а в 2013 г. начаты стационарные исследования.

2

Памятник занимает пологий склон правого коренного берега при впадении ручья Каменец в р. Суджа, при этом черняховские материалы были выявлены и на противоположном берегу ручья, где, возможно, располагался могильник. Высота – от 5 до 12 м на уровнем современной поймы реки. Хутор в настоящее время полностью заброшен, огороды не распахиваются; по всей видимости, часть культурного слоя

поселения уходит под застроенную часть, которая в настоящее время сильно заросла деревьями и кустарником (рис. 5). Протяженность культурного слоя вдоль берега достигает 600 м, повсеместно встречаются черняховская круговая керамика и груболепная керамика позднеримского времени и очагами лепная, срубной культуры эпохи бронзы. Всего в 2013–2016 гг. вскрыто более 1500 кв. м. (рис. 7), в том числе в 2016 г. – 504 кв. м. Раскопки предварялись геофизическим исследованием, проведенным В. Г. Бездудным и М. Я. Кацем на площади свыше 6500 кв. м. (рис. 8), которые выявили ряд заглубленных объектов на восточной и западной оконечностях памятника. Особенностями слоя являются выходы крупных мергелевых скоплений по материковой поверхности и присутствие значительного количества камня в культурном слое, что крайне нетипично для черняховских поселков в регионе. Следует отметить, что верхняя часть культурного слоя памятника, как и большинство поселений в ближайшей округе, была полностью разграблена с помощью металлодетекторов в последние 15 лет. Местные жители отмечали, что и в Большом Каменце неоднократно появлялись грабители, пытавшиеся провести работы на местах находок Старосуджанских кладов.

В 2013–2015 гг. выявлены три полуземлянки, две наземные постройки, пять наземных горнов, очевидно связанных с ювелирным производством и обработкой цветных металлов, встречено большое количество отходов от железообрабатывающего производства. В 2016 г.

3

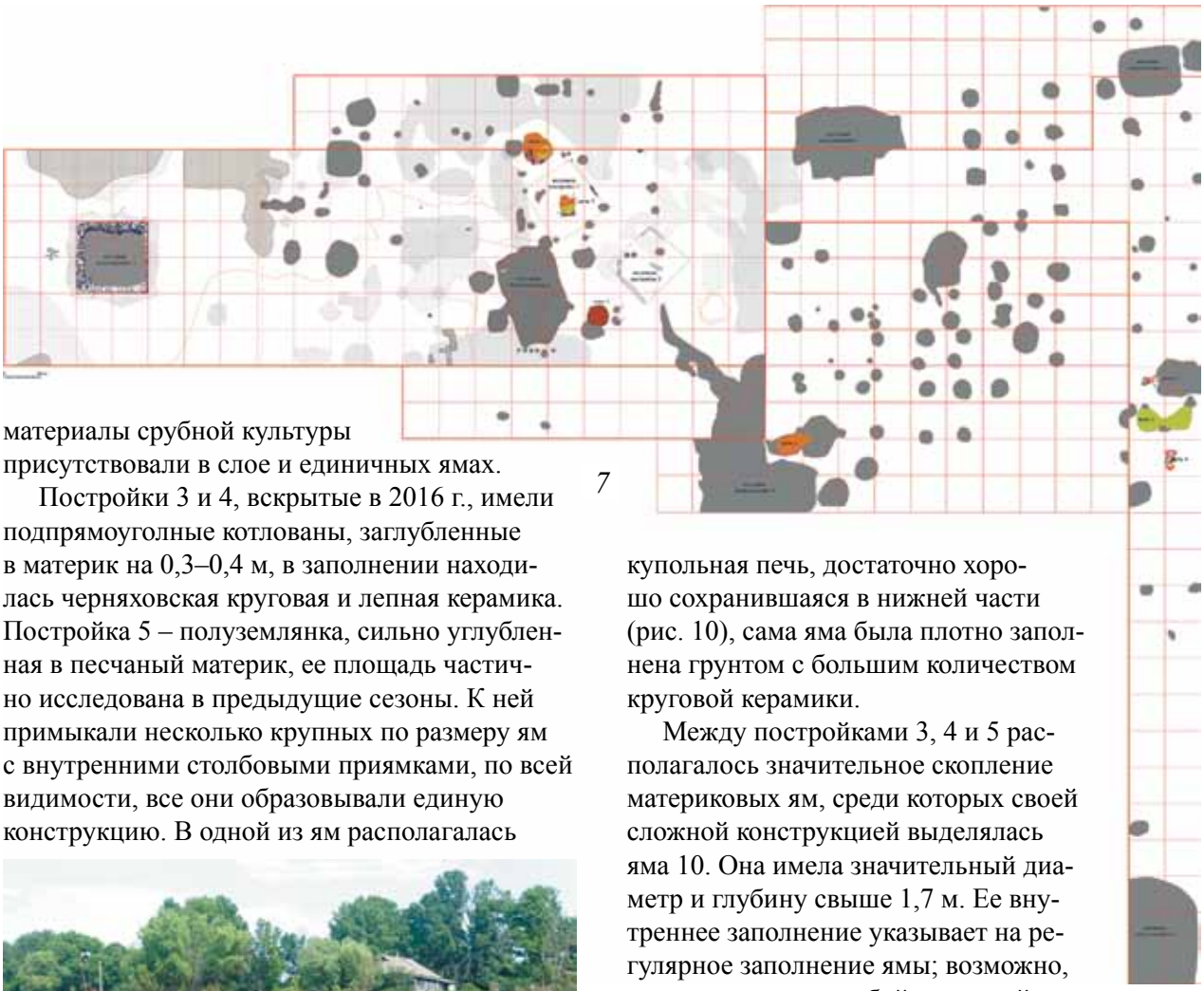
4

исследованы три котлована полузаглубенных построек и более 50 ям столбовых и хозяйственного назначения (рис. 6). Мощность слоя достигала 0,5–0,8 м. Большинство объектов относилось к черняховскому периоду, тогда как

5

6

Рис. 1. Долина ручья Каменец при впадении в р. Суджа
Рис. 2. Современное состояние места находки 1-го Старосуджанского клада 1918 г.
Рис. 3. Остатки каменных конструкций, выявленных в результате современных работ
Рис. 4. Медный котелок времен Первой мировой войны с места находки 1-го Старосуджанского клада
Рис. 5. Поселение Выдрин-2. Вид с запада. Съемка с квадрокоптера
Рис. 6. Поселение Выдрин. Участки раскопок 2016 г. Съемка с квадрокоптера



7

материалы срубной культуры присутствовали в слое и единичных ямах.

Постройки 3 и 4, вскрытые в 2016 г., имели подпрямоугольные котлованы, заглубленные в материк на 0,3–0,4 м, в заполнении находилась черняховская круговая и лепная керамика. Постройка 5 – полуземлянка, сильно углубленная в песчаный материк, ее площадь частично исследована в предыдущие сезоны. К ней примыкали несколько крупных по размеру ям с внутренними столбовыми приямками, по всей видимости, все они образовывали единую конструкцию. В одной из ям располагалась купольная печь, достаточно хорошо сохранившаяся в нижней части (рис. 10), сама яма была плотно заполнена грунтом с большим количеством круговой керамики.

Между постройками 3, 4 и 5 располагалось значительное скопление материковых ям, среди которых своей сложной конструкцией выделялась яма 10. Она имела значительный диаметр и глубину свыше 1,7 м. Ее внутреннее заполнение указывает на регулярное заполнение ямы; возможно, она представляла собой дождевой колодец, необходимый при функционировании мастерской с горнами.

В верхней части заполнения обнаружены фибула (рис. 11, *11*), пряслице (рис. 14, *2*)

8

9

10

Рис. 7. План раскопа 1
Рис. 8. Магнитометрическая разведка на памятнике, проведенная В.Г. Бездудным
Рис. 9. Яма 110. Часть производственного комплекса
Рис. 10. Нижняя часть внутренней печи из заглубленной постройки 5
Рис. 11. Подвески, пряжки, фибулы
Рис. 12. Римские денарии

и несколько пирамидальных грузил (рис. 13). Среди материалов, полученных в 2016 г., лощеное пряслице с процарапанным на двух сторонах орнаментом в виде десятиконечной звезды, фибулы с высоким приемником (рис. 11, *8, 9*), прогнутые подвязные фибулы (рис. 11, *10*). Найдены характерные для населения черняховской культуры подвески в виде секир (рис. 11, *1, 2*), лепестков (рис. 11, *5*), миниатюрная серебряная лунница (рис. 11, *6*). Уникальной находкой является железная ножевидная подвеска с витой рукоятью (рис. 11, *13*). Важными хроноиндикаторами, диагностирующими существование поселения в период, соответствующий находкам из погребения в Большом Каменце, являются трехлопастная черешковая стрела, фрагмент толстостенного кубка с шлифованными овалами, пряжки с загнутыми язычками (рис. 11, *3, 4*). Как и на большинстве черняховских поселений, найдены римские денариии (рис. 12), в том числе фальшивые плакированные, относящиеся к чеканам императоров I – начала III в. (Траян, Антонин Пий, Каракалла (Гета), Марк Аврелий). Вблизи наземных печей встречены многочисленные следы ремесленного производства: льячки, оплавки, шлаки, обрезки серебряной, позолоченной фольги, пластин.

11

Массовый материал представлен небольшим процентом лепной керамики срубной культуры эпохи бронзы, тогда как основную часть составляет керамика черняховского периода. В комплексе преобладает круговая посуда, представленная фрагментами как кухонной, в основном горшками (рис. 15, *6, 7*), так и черно- и серолощеной столовой: миски, кувшины (рис. 15, *4, 5*). Процент круговой посуды составляет 70–85 на разных участках. Импорт – немногочисленные фрагменты светлоглиняных амфор различных типов позднеримского времени (рис. 15, *1–3*). Лепная керамика демонстрирует наличие разных этнокультурных традиций, в том числе раннеславянской, близкой населению киевской культуры (рис. 15, *1, 2, 6, 7*), вельбарско-пшеворской германской (рис. 15, *4, 5*) и позднескифской (рис. 15, *3*).

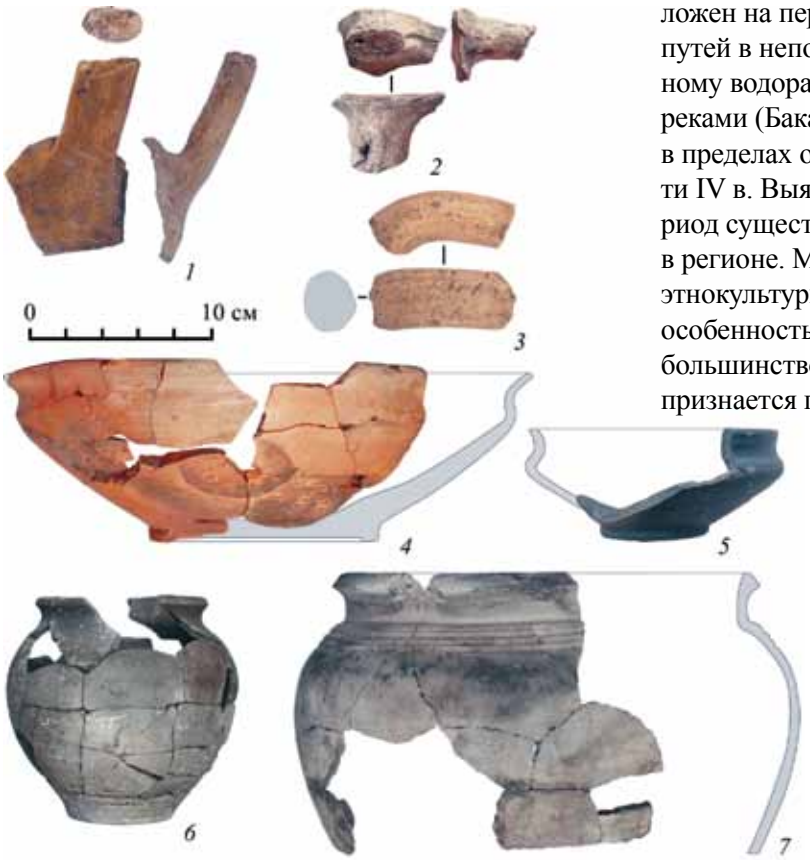
Полученные в результате работ в д. Большой Каменец данные о месте захоронения одного

12

13

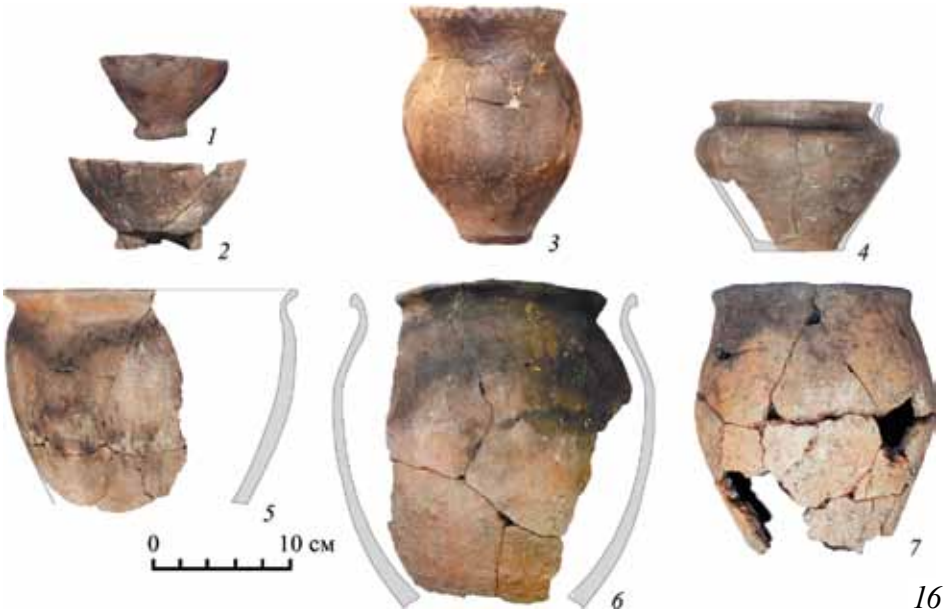
14

из высших представителей знати раннего этапа эпохи Великого переселения народов значительно уточняют и дополняют представления о погребальном обряде элит, учитывая то, что ни одно из ранее известных единичных захоронений, близких по уровню, в Восточной Европе не локализовано точно и не обследовано. Существование варварских протогосударственных объединений в эпоху переселения народов в последнее время находит все больше доказательств (*Казанский*, 1999; *Радюш*, 2014). Памятник на хут. Выдрин является одним из интереснейших поселений, связанных с северо-восточным пограничьем черняховской культуры, исследованных в Курском Посемье, в междуречье Сейма и Псла, где стационарными раскопками поселения ранее не изучались. Фактически он расположен на пересечении важнейших сухопутных путей в непосредственной близости к центральному водораздельному пути между двумя этими реками (Бакаев Шлях). Датировка его возможна в пределах от конца III – до последней четверти IV в. Выявленные слои охватывают весь период существования черняховских памятников в регионе. Материалы демонстрируют сложный этнокультурный состав населения, что являлось особенностью черняховской культуры, которая большинством современных исследователей признается полиэтничным социально-политическим образованием. Полученные материалы позволяют предполагать возможную взаимосвязь поселения с временем захоронения в Большом Каменце. Возможно, на исследованном участке поселка располагались ремесленные мастерские, обслуживающие двор правителя.



15

Рис. 13. Пирамидальные керамические грузила
Рис. 14. Керамические пряслица (*1–3, 5*), стеклянный игральный жетон (*4*)
Рис. 15. Лепная керамика
Рис. 16. Формы лепной посуды различных традиций



16

ЛИТЕРАТУРА

Казанский М. М., 1997. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum+. Петербургский археологический вестник. СПб–Кишинев. С. 181–193.

Липкинг Ю. А., 1962. Отчет о разведках в районе Суджанских кладов и о разведывательных раскопках у с. Разиньково Курской обл. в 1962. Архив ИА РАН. Р-1. № 2580.

Липкинг (Александров) Ю. А., 1971. Далекое прошлое соловьиного края. Курск: Центрально-Черноземное книжное издательство. 156 с.

Мацулевич Л. А., 1934. Погребение варварского князя в Восточной Европе: новые находки в верховьях Суджи // Известия ГАИИМК. Вып. 112. ОГИЗ. 143 с.

Радюш О. А., 2015. Исследования памятников рубежа поздней античности и раннего средневековья (III–V вв. н. э.) в верховьях реки Суджа // Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре. Курск: КГУ. С. 18–39.

Резюме. В 2016 г. Сейминско-Суджинская экспедиция ИА РАН продолжила исследования в районе находок известных Старосуджанских кладов, хранящихся в Оружейной палате Московского Кремля. В ходе работ было локализовано непосредственное место расположения элитного погребения в д. Большой Каменец, обнаружены остатки каменных конструкций от него и вещи, связанные с его разграблением в 1918 г. Параллельно продолжалось исследования синхронного поселения черняховской культуры, находящегося в непосредственной близости от погребения. В 2016 г. изучено 500 кв. м с тремя заглубленными постройками. Получены многочисленные материалы позднеримского времени: более 80 индивидуальных находок, более 3500 фрагментов круговых и лепных сосудов.

Ключевые слова: Курская область, черняховская культура, р. Суджа, Старосуджанские клады, римские монеты, фибулы, круговая керамика, лепная керамика, погребение знати.

O.A. Radiush

Research at the village of Bolshoi Kamenets (Kursk Region)

Resumé. An expedition teaam from the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences carried out studies in 2016 at the area of finds of the well-known Starosujansky Treasure Horde – which is on display in the Armoury Chambers of the Moscow Kremlin. During the research, the exact location of burials of privileged members of society was confirmed at the village of Bolshoi Kamenets. Stone remains of its construction were discovered, along with items connected to its grave-lootiing in 1918. In parallel with this, studies were made of a synchronous settlement of Chernyakhov culture in the direct vicinity of this burial. In 2016, 500 square metres of area were studied, with three submerged structures. A large amount of post-Roman-era material was retrieved – more than 80 individual finds, and more than 3500 fragments of circular and stucco vessels.

Keywords: Kursk Region, Chernyakhov culture, River Sudzha, Starsujansky Treasure, Roman coins, brooches, circular ceramics, stucco ceramics, burials of nobility.

ПОСЕЛЕНИЕ КРАСНЫЙ ГОРОДОК 4
(ТАМБОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, МИЧУРИНСКИЙ РАЙОН)

О. А. Радюш, А. В. Никитина

1

В октябре – декабре 2016 г. Сейминско-Суджинской экспедицией отдела сохранения археологического наследия Института археологии Российской академии наук проводились спасательные археологические раскопки на объекте археологического наследия – поселении Красный Городок 4, попадающем в зону реконструкции участка МН «Дружба-1», 706–735 км.

Поселение Красный Городок 4 (рис. 1) расположено в Мичуринском р-не Тамбовской обл. в 3,3 км к востоко-юго-востоку от здания администрации с. Новоникольское, в 2 км к югу от администрации Устьинского сельсовета. Памятник вытянут вдоль края надпойменной террасы левого берега р. Польной Воронеж.

Впервые местонахождение керамики на северной границе объекта обнаружено А. М. Обломским в 2012 г. (*Обломский*, 2012, таб. 9). В 2014 г. по результатам шурфовки ООО «НПО Черноземье» были обозначены границы поселения Красный Городок 4. Заявленные размеры поселения – 680×170/70 м (*Макеева*, 2014). Памятник был отнесен к срубной культуре. В 2015 г. экспедицией НПО «Черноземье» на памятнике было заложено пять раскопов общей площадью 11 146 кв. м. В октябре – декабре 2016 г. поселение исследовалось

2

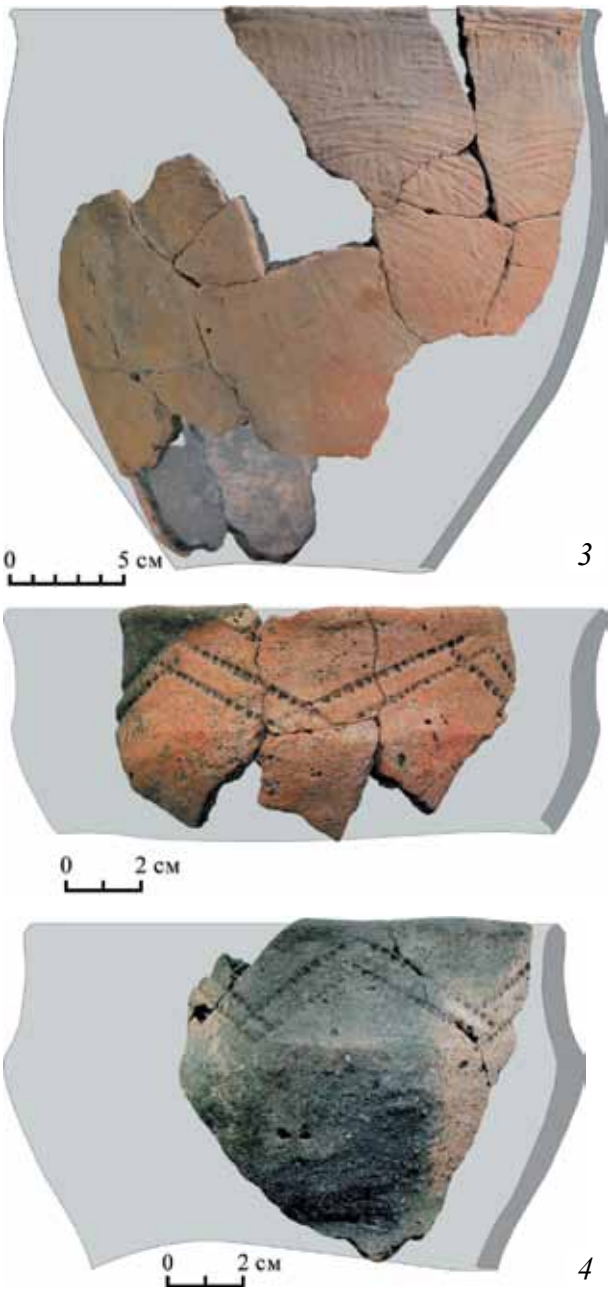
Сейминско-Суджинской экспедицией отдела сохранения археологического наследия ИА РАН под руководством О. А. Радюша.

К началу работ 2016 г. состояние археологического объекта классифицировалось как аварийное: через территорию памятника проходили отрезки нефтепроводов «Дружба-1» и «Дружба-2», двух нефтепродуктопроводов, линии оптоволоконных кабелей, высоковольтных ЛЭП; почвенный покров памятника неоднократно подвергался передвижениям тяжелой гусеничной техники; в ходе строительства коридоров коммуникаций и трасс трубопроводов грунт неоднократно перемещался, были образованы навалы и перекопы; свободные от промышленного объекта участки памятника десятилетиями распахивались; в нескольких местах памятник пересечен грунтовой дорогой.

Раскопочные исследования отряда ИА РАН осенью 2016 года предварялись разведочными работами с целью уточнения границ распространения культурного слоя. Разведка проходила по двум направлениям.

1. Геофизические (магнитометрические) исследования проводились В. Г. Бездудным. Их целью было выявить аномалии, связанные с археологическими объектами, при помощи магнитометрии, уточнить их месторасположение, по возможности определить структуру застройки и границы поселения. В результате геофизических исследований и камеральной обработки полученных данных сделан вывод о наличии на участках магнитометрического исследования поселения Красный Городок 4 контуров, предположительно связанных с археологическими объектами. Зафиксированы и нанесены на план памятника места нахождения предполагаемых сооружений и их предполагаемые контуры. Предположительно выявлена сложная внутренняя структура поселения, включающая как минимум два типа сооружений, относящихся к различным археологическим культурам.

2. В процессе разведочных земляных работ в границах памятника, исключая охранную зону промышленного объекта, заложено 14 шурфов размерами 4 и 8 кв. м и рекогносцировочный раскоп площадью 208 кв. м (рис. 2). Результаты шурфовки значительно скорректировали ситуацию. Из 14 шурфов только 5, расположенных



в северной части памятника, содержали археологический материал. В одном из них была часть крупного скопления материала, включая развалы донных частей сосудов, а на дне обнаружено пятно с темным насыщенным органикой слоем. Для изучения пятна целиком и окружающего культурного слоя к шурфу были прирезаны 52 квадрата. Глубина почвенных напластований в раскопе составила 160–180 см. Верхние 3–5 см составлял дерновый слой; под ним залегал гумусово-аккумулятивный горизонт мощностью 120–140 см; переходный горизонт

Рис. 1. Вид на памятник с высоты птичьего полета (вид с востоко-юго-востока)
Рис. 2. Рекогносцировочный раскоп в северной части поселения
Рис. 3. Сосуд абашевской культуры (1-я пол. II тыс. до н. э.)
Рис. 4. Сосуды срубной культуры (2-я пол. II тыс. до н. э.)

5

(рис. 3, 4), единично встречена керамика катакомбной культуры. Индивидуальных находок крайне мало, в основном все они – абстрактные каменные изделия со следами работы.

В ходе спасательных раскопок 2016 г. на памятнике заложено пять раскопов общей площадью 5740 кв. м. Раскопы находились в пределах общей сетки квадратов, ориентированной по сторонам света. Обозначения квадратов с севера на юг буквенные (A–G), с запада на восток – цифровые (1–35). Поверхность раскопа имела естественный уклон к северу и востоку.

(предматерик) имел мощность 15–20 см; материк представлял собой плотный сильно ожелезненный суглинок рыжего цвета. С северо-востока на юго-запад дно раскопа пересекала впадина глубиной более метра, границы которой оказались зафиксированы в шурфе. В заполнении впадины залегал плотный сапропель сизого оттенка. Переход к материку на этом участке был очень плавным, материк плотный, с большим количеством ожелезнений. По направлению расположения канавы неглубокая впадина наблюдалась и на уровне современной поверхности. Судя по всему, объект можно считать остатками русла палеоручья.

В ходе исследований получена коллекция материала, составляющая 2205 предметов, из которых 1198 – фрагменты костей животных (преимущественно домашнего скота), 897 фрагментов керамики эпохи бронзы и 109 фрагментов глиняной обмазки. Основная масса керамики относится к срубной и абашевской культурам

В ходе исследований основного участка выявлено несколько видов почвенных напластований.

А. Горизонты естественного почвенного профиля. Структура естественного почвенного профиля универсальна для всех исследуемых участков и включала: А – гумусово-аккумулятивный горизонт мощностью 80–120 см; В – переходный горизонт мощностью 20–50 см; С – материковую породу (рис. 5). Участки нетронутого природного слоя составили около 40% почвенных напластований на исследуемой территории. На остальных участках слои значительно повреждены в результате проведения хозяйственной деятельности.

Б. Слои деформированного почвенного профиля составили около 35% залегающих слоев и занимали практически весь участок наиболее

6

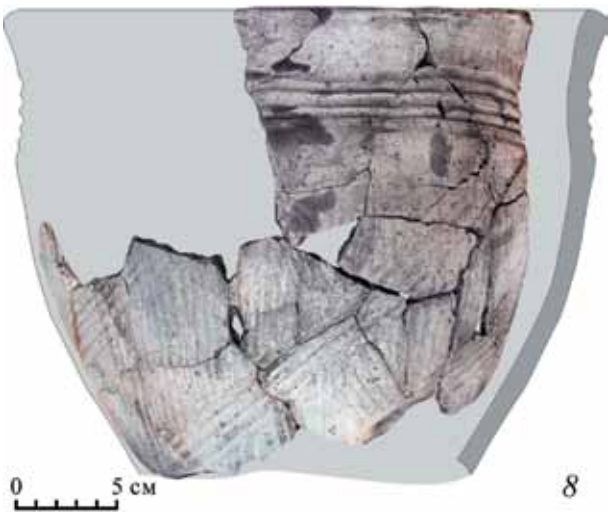
Рис. 5. Структура естественного почвенного профиля
Рис. 6. Слои техногенного происхождения
Рис. 7. Развал сосуда
Рис. 8. Сосуд Среднедонского варианта катакомбной культуры (III тыс. до н. э.)
Рис. 9. Сосуды абашевской культуры (1-я пол. II тыс. до н. э.)

7

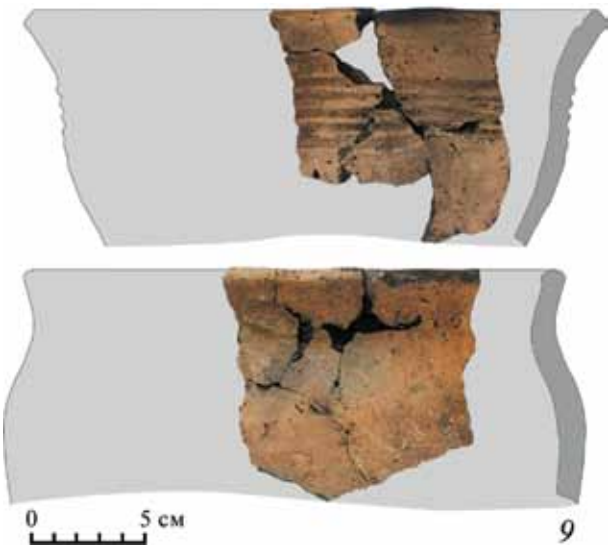
протяженного раскопа № 1. Они включали переотложенные рыхлые дерновые прослойки, переотложенный рыжий материковый суглинок, на отдельных участках раскопа 1 и 2 в ходе строительства трубопроводов верхняя часть почвенного профиля была полностью снесена, а остатки черноземного горизонта составляли 70–80 см.

В. Слои техногенного происхождения, связанные с проведением современной хозяйственной деятельности, составили 15–18% (рис. 6). К ним относились рыхлый навал мощностью от 5 до 150 см; перемещенные слои, деформированные тяжелым гусеничным транспортом, следы старых трубопроводных трасс; валы и траншеи действующих нефтепроводов, продуктопроводов, коммуникационных кабелей; пятна, пропитанные ГСМ; технические отходы – части неиспользующихся труб, детали тракторов и другой техники, бой из современного кирпича.

Г. Культурные слои, связанные с горизонтом обитания эпохи бронзы, составили 8,7% исследуемых участков. Они практически не отличались по структуре и цвету от слоев естественного почвенного профиля. Древний горизонт обитания маркировался по наличию археологических артефактов: фрагментов посуды абашевской (1-я половина II тыс. до н. э.) и среднедонского варианта катакомбной (III тыс. до н. э.) археологических культур, кухонных костей крупного и мелкого рогатого скота и пр. Наиболее выразительный участок культурного слоя обнаружен на северо-востоке исследуемой зоны. В основном находки распространялись в слое равномерно на уровне второго-третьего штыка. На периферии распространения слоя с находками, в пределах участка размером 5×8 м, обнаружен комплекс, состоящий из трех развалов сосудов (рис. 7–9) и одного крупного скопления керамики. Края скопления имели четкие границы, за которыми находки не встречались, что предполагало, что артефакты при жизни были оставлены в некой органической емкости. Рядом с развалами фиксировалась единственная хозяйственная яма в виде круглого темного пятна, ярко выделяющегося на фоне рыжего материкового суглинка. Яма, заполненная однородным рыхлым гумусированым суглинком черного цвета, имела цилиндрическую форму, вертикальные стенки, плоское ровное дно, диаметр – 135 см, высота углубленной в материк



8



9

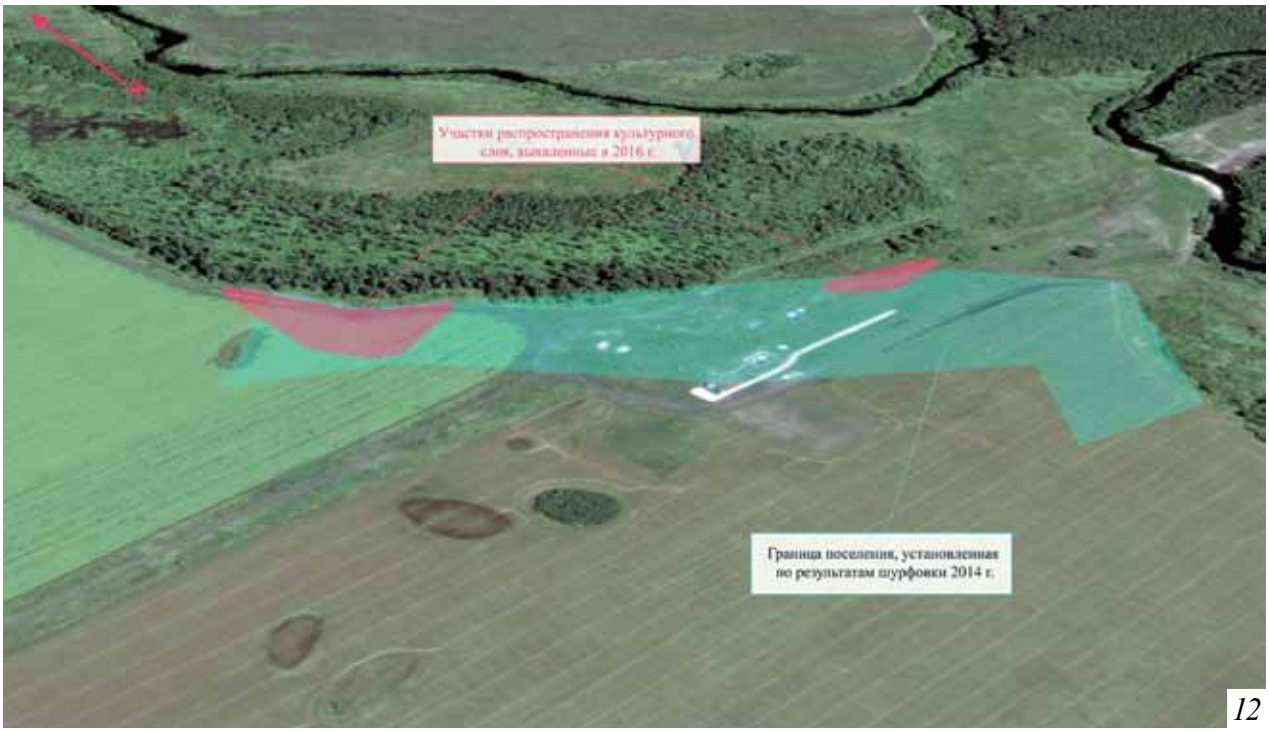
10

части – 25 см. В ней обнаружен фрагмент бедра крупного рогатого скота.

Коллекция находок, полученная при раскопках поселения Красный Городок 4, составила 452 предмета. За исключением нескольких фрагментов керамики, весь массив относится к одному хронологическому горизонту обитания – концу III тыс. до н. э. Среди них 155 фрагментов костей домашнего скота со следами кухонного употребления, 123 фрагмента печной или очажной глиняной обмазки. Из орудий труда встречены бронзовый нож абашевского типа (рис. 10), кварцитовый скребок (рис. 11) и два фрагмента каменных изделий со следами сработанности. Керамический комплекс составил 170 фрагментов керамики слабой сохранности. Фрагменты сосудов мелкие, сколы сильно окатаны. Поверхности и орнамент сильно разрушены и практически неразличимы. Особенностью, которую стоит отметить, является то, что подавляющее большинство фрагментов подвержено

11

вторичному обжигу. В результате чего поверхности перекалены, окрашены неравномерными красными, оранжевыми и розовыми пятнами. Отдельные находки керамики находятся в растресканном или ошлакованном от высоких температур состоянии. Подобными же характеристиками обладает большая часть фрагментов глиняной обмазки. Эти особенности, как и большое количество измельченных, рубленных костей домашнего скота, указывают на непосредственную близость участка к месту приготовления и употребления пищи.



12

Рис. 10. Бронзовый нож. Абашевская культура (1-я пол. II тыс. до н.э.)
Рис. 11. Кремневый нож
Рис. 12. Распространение культурного слоя, зафиксированное во время работ 2016 г.

Большинство обнаруженных сосудов можно отнести к абашевской, реже катакомбной культуре, что удревняет данный участок по отношению к слою, исследованному в рекогносцировочном раскопе, и свидетельствует об их разной культурно-хронологической атрибуции. Более того, расстояние 300 м между двумя этими участками, не содержавшее признаков культурного слоя, указывает на то, что эти участка являются двумя разными селищами (рис. 12). Отсутствие на всей исследуемой площади углубленных сооружений либо следов столбовых конструкций свидетельствует в пользу того, что это были сезонные стоянки. Достоверных признаков горизонта эпохи Великого переселения народов, зафиксированного предыдущими исследователями памятника (*Голотвин и др*., 2016 с. 146), в ходе работ 2016 г. обнаружено не было.

ЛИТЕРАТУРА

Голотвин А. Н., Захарова Е. Ю., Бирюков И. Е., Чендев Ю. Г., 2015. Исследования поселения Красный городок 4 // Археологические исследования в Центральном Черноземье / Отв. ред. Н. Е. Чалых. Липецк: ООО «Черноземье» и др. С. 146–148.

Макеева Е.А. Отчет об археологических разведках в Тамбовской области в 2014 г. Т. 1–2. // Архив ИА РАН Р-1 № 45194, 45195.

Обломский А.М. Отчет о разведках, проведенных Раннеславянской экспедицией в 2012 г. в Мичуринском р-не Тамбовской обл.

Резюме. В 2016 г. отделом сохранения археологического наследия ИА РАН были проведены охранно-спасательные раскопки на поселении Красный Городок 4 Мичуринского р-на Тамбовской обл. В ходе работ были исследованы остатки культурного слоя абашевской и катакомбной культур. Проведенные работы позволили значительно уточнить реальные границы и площадь поселения. С шести раскопов был получен керамический материал объемом чуть более 1000 единиц, а также ряд индивидуальных находок, уточняющих культурно-хронологическую атрибуцию памятника.

Ключевые слова: Центральное Черноземье, Окско-Донская низменность, Тамбовская область, р. Воронеж, эпоха бронзы, абашевская культура, среднедонской вариант катакомбной культуры, срубная культура.

O.A. Radiush, A.V. Nikitina

The Krasny Gorodok 4 settlement (Tambov Region, Michurinsky Subregion)

Resumé. During 2016, the Conservation of Historic Heritage Sites Department of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences undertook safeguarding and rescue archaeology excavations at the Krasny Gorodok 4 settlement, in the Michurinsky subregion of Tambov Region. The researches studied the remains of a cultural layer of Abashevsk and catacomb culture. The works which were completed enabled substantial clarification of the actual boundaries and area of the settlement. The six digs yielded ceramic materials to a total number of over 1000 pieces, as well as a series of individual finds which assist in a more exact cultural and chronological attribution of the settlement.

Keywords: Central blacksoil, Oksko-Don Lowlands, Tambov Region, Voronezh River, Bronze Age, Abashev culture, Mid-Don version of catacomb culture,

АНТИЧНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ТАСУНОВО-7 В ЗОНЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ГАЗОПРОВОДА В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

(РЕСПУБЛИКА КРЫМ)

И. В. Рукавишникова, М. Ю. Меньшиков, Е. В. Переводчикова

1

В мае – июне 2016 г. отрядом Восточно-Крымской археологической экспедиции предприняты работы на поселении Тасуново-7 в Ленинском р-не Республики Крым на территории прохождения планируемой трассы строящегося газопровода. Работы проведены на основании Открытого листа № 300, выданного 24 апреля 2016 г. на имя руководителя раскопок И. В. Рукавишниковой. В исследовании принимали участие М. Ю. Меньшиков, Е. В. Переводчикова и временные сотрудники ИА РАН.

Работы носили спасательный характер и проведены на площади, ограниченной охранной зоной – местом прокладки трубы. Исследования осложнялись наличием охранной зоны существующего газопровода 1999 г., проходящего параллельно. Территория, включающая в себя остатки распаханного памятника, повреждена строительной техникой: частично снят пахотный горизонт с остатками наземных сооружений.

2

Поселение было выявлено разведкой 2015 г., маршрут которой проходил в пределах проектируемой трассы газопровода. Ранее оно было известно по работе А. Л. Ермолина (*Ермолин*, 2010 г.), в которой описан район вблизи пос. Горностаевка и д. Тасуново; здесь были разведаны и в разные годы изучались поселения, укрепления и могильники, относящиеся к бронзовому веку, античному времени и Средневековью. Памятник представляет собой поселение в несколько гектаров, относящееся к эпохе расцвета Боспорского царства. Поселение находится на открытой равнине в глубине полуострова, пригодной для хлебопашества. Площадь памятника включает несколько распаханных всхолмлений, вероятно, скрывающих остатки построек. На пахоте видны выходы рваного камня и фрагменты античной керамики.

В итоге раскопана и изучена площадь около 3000 кв. м в границах до 400 м по длине траншеи. Исследуемая площадь была разделена на три раскопа. Первый (рис. 1), самый большой, шириной до 20 м, был заложен в месте максимальной концентрации рваного камня и мест обнажений фундаментов. В пределах основной площади (около 1250 кв. м) исследованы два уровня залегания строительных остатков, доходящих до 30–40 см толщиной. В пахотном горизонте расчищены развалы и выборки

3

камней конструкций, в нижнем – слой, включающий в себя каменные фундаменты жилищ, хозяйственные объекты, каменные вымостки, хозяйственные и строительные ямы, углубленные постройки, очаги, Остальная площадь раскопа 1 – периферия этого комплекса.

Второй раскоп включил в себя лишь южный край вымостки и развал некоей каменной конструкции, расположенной к северу от охранной зоны прокладываемой трубы.

Третий раскоп находился в 240 м к северо-востоку от раскопа 1, в месте концентрации развала камней и керамики. Здесь вскрыта часть еще одного строительного комплекса поселения.

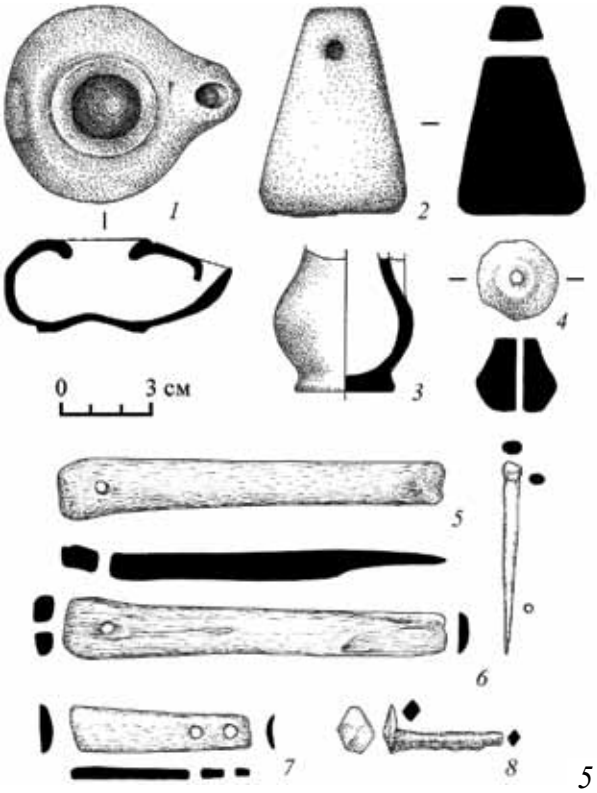
На первом раскопе в итоге были открыты связанные между собой каменные постройки, ориентированные стенами по сторонам света (рис. 2) и являвшиеся остатками дворов и нижних частей домов-помещений и иных строений (сооружение 15, рис. 3). В восточной части раскопа зафиксирован углубленный объект (сооружение 3) с каменным очагом и каменной стеночкой. Внутри этой полуземлянки размером 3,2×4 м исследовано 13 ям и обломок зернотерки. Вход в нее вел с юга. С запада от полуземлянки расчищена каменная подовальная в плане вымостка (сооружение 1), 8×6 м, вытянутая по линии запад – восток. Она состояла из необработанных специально подобранных плоских камней, щели между которыми плотно заполнены глиной. На плитах зафиксированы следы неких сырцовых конструкций, возможно, завалившихся внутрь. В эту строительную «систему» также включены подпирающие столбы и дренажная яма, расположенные по линии север – юг. Под камнями вымостки также зафиксированы столбовые ямы и следы выравнивания, а у северного ее края вкопана синопская амфора. С запада располагалась забутованная камнем хозяйственная колоколовидная яма с фрагментами печины и лепной керамики (сооружение 2).

Следы последовательных строительных периодов зафиксированы и в северо-восточном секторе данного комплекса (сооружение 10), где часть камней вымостки и остатки сырцовых конструкций провалились в засыпанные хозяйственные ямы. Внутри помещений у очагов найдены камни-терочники, нижние части амфор и других сосудов (рис. 5). А с севера и северо-запада зафиксированы керамические сбросы. Кроме того, на севере в борт раскопа уходила площадка, засыпанная гравием, – двор.

Западнее от описанного комплекса расчищены отдельные плоские камни, между которыми найдены фрагменты керамики. К сожалению, часть площади раскопа, как уже отмечалось, была вскрыта строительной техникой до уровня вымосток, которые также не избежали выборки камня. Тем не менее в этом месте также удалось исследовать заглубленное сооружение 8, вытянутое по линии север – юг, с остатками глиняного очага в восточной части. В северной части вкопаны нижние части книдской и синопской амфор, в одной из которых лежала крупная галька. Здесь же расчищено пять столбовых ям. Заполнение сооружения – слой светло-коричневого суглинка и серого известкового и глинистого грунта. Сверху оно было засыпано вывернутыми камнями, завалившимися с севера, где в борту раскопа зафиксированы остатки кладки. Западнее раскопано сооружение 9, составлявшее с только что описанным единый комплекс. Оно представляло собой глиняный, прокаленный подковообразный очаг, четыре столбовые ямы и одну хозяйственную. С юго-запада все

4

Рис. 1. Вид с востока на раскоп 1
Рис. 2. Вид с севера на раскоп 1
Рис. 3. Вид с юга на сооружение 15
Рис. 4. Вид с запада на очаг сооружения 3



5

это примыкало к каменной стене и пристроенной к ней, возможно, сырцовой. Остатки их фундаментов, уходящие в южный борт раскопа, удалось зачистить частично. Как и стены рядом с сооружением 8, они ориентированы по линии юго-восток – северо-запад. Кладка двухрядная, трехслойная, иррегулярная. Продолжение этого сооружения находится уже на территории охранной зоны газопровода 1999 г.

Еще один очаг сооружения 7 расчищен в самой северной части западного сектора раскопа 1 (*Монахов*, 2003). Это прокаленное пятно размерами 1 кв. м и толщиной до 15 см. С восточной стороны зафиксированы столбовые ямки навеса и остатки каменного развала, возможно, стены; здесь найден железный гвоздь. С юга и запада от очага раскопаны хозяйственные ямы, вблизи которых найдены фрагменты чернолакового сосуда, монета, стеклянный литик. В северо-западной части раскопа 1 до его границы встречены вкопанные нижние части амфор.

Раскоп 2 находился на западе в 30 м от раскопа 1. Площадь между раскопами исследована до материка. Строительных остатков в слое не зафиксировано. Пахотный слой раскопа 2 также срезан строительной техникой. На площади 150 кв. м зачищен развал камней, под которым выявлена каменная вымостка, не имеющая строгих очертаний. Керамические находки отсюда невыразительные. Строительные остатки уходят в северный борт раскопа 2.

Раскоп 3 находился в 240 м к северо-востоку от раскопа 1, у всхолмления на территории охранной зоны существующего газопровода. Видимо, это сооружение было повреждено ранее, так как каменный развал локализуется в основном вблизи проложенной трубы. Тем не менее под ним удалось выявить заглубленное сооружение с хозяйственными и столбовыми ямами, размером 4×4 м, в заполнении которого фиксировался культурный слой. В этой полуземлянке была вкопана частично сохранившаяся пухлогорлая амфора. В одной из хозяйственных ям в качестве перекрытия найдена гладкая тонкая зернотерка с сильно вытертой поверхностью. На западе от полуземлянки расчищены прокаленное пятно очага и забутованная камнем хозяйственная колоколовидная яма глубиной до 1,60 м.

Керамический комплекс поселения представлен прежде всего амфорной тарой из различных центров Причерноморья конца IV–III в. до н. э. (Синопа, Гераклея, Фасос, Книд). Чернолаковая посуда – открытыми формами: мисочками на поддонах. Кроме того, найдены обломки кувшинов, мисок, миниатюрных (рис. 5, *3*) и лепных сосудов. Упомянем также глиняные ткацкие грузила (рис. 5, *2*), биконические (рис. 5, *4*) и бочковидные пряслица, фрагменты терракот, светильник закрытого типа (рис. 5, *1*) и фрагмент светильника открытого типа, пробки, крышки. Встречены поделки из фрагментов сосудов: лощила из ручек амфор и стенок, переиспользованные нижние части амфор, песты из ножек амфор, пряслица из поддонов чернолаковых мисочек. Амфорные клейма – синопского происхождения.

Металл представлен бронзовыми (рис. 5, *9*) и железными коваными гвоздями, фрагментами бронзовых пластин, проволоки, пронизкой, свинцовым пирамидальным грузиком, железным ножом с горбатой спинкой, железным острием, фрагментами спаянных железных пластин, бронзовой сферической пуговицей с шариком. Бронзовые наконечники стрел относятся к скифскому типу (IV в. до н. э.). Все три монеты пантикапейские, с надчеканкой в виде 12-лучевой звезды (конец IV в. до н. э.).

Каменные предметы – это многочисленные терочники, фрагменты зернотерок, абразивных

Рис. 5. Предметы из поселения Тасуново-7

камней, галька. У стены одной из построек найдены округлые камни из мраморовидной твердой породы с характерными сколами от удара, вероятно, «снаряды» пращ. А в основании одной из стен заложен овальный фрагментированный каменный алтарик в виде блюда с бортиком из известняка (лутерий?). Земля под ним прокалена.

В хозяйственной яме найден фрагмент шлифованного каменного топора с выделенными «литейными» швами (возможно, выполнен из содалита – василькового самоцвета щелочных пород Приазовья), похожий на топоры северокавказской культуры бронзового века. На памятнике встречены и немногочисленные предметы кремневой индустрии: отщепы, пластины и даже изделия.

Костяные (рис. 5, *6–8*) – это рукоятка с отверстием для подвешивания от небольшой лопаточки, накладка на рукоять ножа с двумя отверстиями, проколка с шаровидным навершием. Изделия хорошей сохранности, выполнены из рога.

В слое встречены также фрагменты крупных глазчатых бусин, синих пастовых и шиферных.

Красивая находка – половинка стеклянного литика с поперечным креплением на перстне и изображением грифона.

Всего собрано и проанализировано около 700 керамических форм (профильных частей), а также 200 индивидуальных находок, которые переданы в Восточно-крымский музей-заповедник в г. Керчи.

Получена и коллекция археозоологического материала, находящаяся в обработке. Пястные кости лошадей фиксировались между камнями фундаментов. В яме 43 находились скопления костей лошади и барана. Среди разрушенных плит и сырца сооружения 10 найдены нижняя челюсть молодой женщины и несколько ребер лошади. Рядом лежал упомянутый железный нож.

Все эти находки представляют собой предметы быта рядового населения сельской округи.

Время жизнедеятельности поселения – период первого расцвета Боспорского царства, а конец бытования приходится на конец IV – первую треть III в. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Ермолин А. Л., 2010. О датировке земляных оборонительных сооружений Боспора // Древности Боспора. Т. 14. М. С. 130–161.

Монахов С. Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров – экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.–Саратов

Резюме. В этой статье приводятся краткие данные о спасательных раскопках на античном поселении Тасуново-7 в 2016 г. Экспедицией ИА РАН исследовано около 3000 кв. м. Памятник может быть датирован концом IV – началом III в. до н. э. по керамическому комплексу, клеймам, монетам и прочим находкам. В пределах трех раскопов расчищены и исследованы остатки вымосток и фундаментов каменных конструкций, три полуземлянки, а также 51 столбовая и хозяйственная яма. Эти сооружения относились к трем отдельным комплексам – домам или усадьбам. Постройки в значительной мере разрушены в результате запустения, распашки и выборки камня. Полученная коллекция предметов и керамических форм – документированный комплекс материалов сельского поселения древнего Боспора.

Ключевые слова: античное поселение, IV–III вв. до н. э., каменные постройки, вымостки, амфоры, черлаковая посуда, Восточный Крым, Боспорское царство.

I. V. Rukavishnikova, M. Yu. Menshikov, E. V. Perevodchikova

The ancient settlement of Tasunovo-7, located within the planned construction zone of the gas pipeline in Eastern Crimea (Crimean Republic)

Resumé. This study provides brief details of the rescue archaeology excavations at the ancient settlement of Tasunova-7, carried out in 2016. An expedition team from the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences researched an area of approximately 3000 square metres. The site can be dates to to the late 4th and early 3rd century BC, according to the ceramic finds, stamps, coins, and other finds. Within the area of the three digs, the team retrieved, cleaned and analysed remains of vaults and stone structure foundations, three semi-submerged, along with 51 pillars and a domestic pit. These structures belonged to three separate complexes – ‘villas’, or ‘mansions’. The buildings have been largely wrecked as a result of desolation, plowing, and stone-harvesting. A collection of artefacts and ceramic objects was compiled, which document the site as a rural settlement of the ancient Bosphorus.

Keywords: ancient settlement, 4th and 3rd century BC, stone buildings, arches, amphorae, blackware tableware, Eastern Crimea, the Bosphorus kingdom.

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС АРЖАН-5
(РЕСПУБЛИКА ТЫВА, ПИЙХЕМСКИЙ РАЙОН)

И. В. Рукавишникова, Д. В. Рукавишников

1

В 2016 г. экспедиция ИА РАН продолжила исследования на погребально-поминальном комплексе Аржан-5 в Пийхемском р-не Республики Тыва (рис. 1). Работы в долине Аржан, где находился раскопанный в 70-х гг. XX в. знаменитый курган Аржан (*Грязнов*, 1980), начаты в 2012 г. с разведок с применением аэрофотосъемки (*Рукавишникова и др.,* 2015, 2016). В 2014–2015 гг. раскопаны несколько секторов каменной насыпи памятника диаметром 48 м и частично исследованы центральные сооружения. Сделан вывод о том, что памятник синхронен Аржану. Под каменной насыпью внутри пространства, ограниченного каменной стеной, сложенной всухую и подпертой рядами вертикальных плит, радиально были расположены конструкции из деревянных клетей.

2

В 2016 г. работы проводились авторами статьи по Открытому листу № 833, выданному И. В. Рукавишниковой от 24 июня 2016 г.

Зачищен и исследован еще один сектор в юго-западной части насыпи (рис. 2). Предполагалось, что под камнями возможно деревянное перекрытие обширной ямы или углубления, так как в борту насыпи было видно дерево глубже уровня контакта нижних слоев конструкции и материка. Сверху на сохранившемся слое каменной насыпи виднелись провалы.

Также задачей этого сезона было дообследовать остатки центральных конструкций, сильно поврежденных большой грабительской ямой.

Еще в 2015 г. установлено, что эта яма использовалась для кострищ в течение продолжительного периода, так как расчищенные слои зольника располагались по всей сохранившейся высоте насыпи. Выбранный из ямы материковый грунт был положен на ограбленный помост погребения 1, где найдены остатки костей погребенных: двух женщин и подростка (определения Е. Н. Учаневой). Требовалось уточнить, были ли обложены погребения каменными плитами.

3

По выработанной методике была зачищена насыпь по уровню сохранившихся камней (рис. 3), по уровню верхнего продавленного деревянного перекрытия, на уровне следов перекрестия верхних плах (рис. 4) и на уровне следов перекрестия нижних плах, частично вдавленных в материк. Таким образом, установлено, что в секторе К не было ям, а деревянная конструкция соответствует исследованным ранее (рис. 4).

Клети располагались вокруг сложно сконструированной центральной части гробницы двумя окружностями, в которых из бревен и плах формировались неравные камеры.

Отдельно зачищено и зафиксировано крепидное сооружение: продолжение стены из горизонтальных плит и прислоненных к ним вертикальных. На этом участке расчищен достаточно высокий фундамент стены из тонких базальтовых плит. Среди разваленных и поломанных вертикальных плит ничего не найдено. Борт соседнего сектора зафиксирован в качестве промежуточной бровки. Таким образом, расчищено четыре сектора в южной и юго-западной частях насыпи.

Отдельно расширен центральный раскоп до границ прямоугольника размерами 6 м от R0 к западу и по 6 м к югу и к северу от центральной оси запад – восток (рис. 5). Так, центр исследуется по квадратам, стыкующимся в R0 – центре кургана, основном репере с начала исследования. Он был перенесен после исследования воронки в центре при помощи выносных реперов, расположенных за границами насыпи по основным осям.

Разбирая переотложенные в результате разрушения насыпи камни до уровня открытия деревянных конструкций в центральном участке, удалось найти западный край одной из центральных конструкций – погребения, фиксируемый деревянной стеной, частично завалившейся или перемещенной, с провалившимся деревянным перекрытием. На этом слежавшемся дереве найдены кости лошадей, длинная кость и фаланга пальца человека. Среди костей лошадей ближе к центру лежала бронзовая уздечная бляшка в виде свернувшейся пантеры (рис. 6, *1*), аналогичная найденной в сезоне 2015 г. Рядом находились бронзовый втульчатый наконечник плети с петелькой и удлиненным выступом и пронизь в виде вогнутого ромба, возможно, плети, относившейся к системе ремней (рис. 6, *2*).

Под слоем деревянной конструкции в северо-западном секторе расчищены три головы лошадей. Две из них завалились набок, одна лежала основанием черепа вверх, шейные позвонки напротив морды. Остальные кости

Рис. 1. Вид на Аржан-5 с юга до начала работ
Рис. 2. Вид на Аржан-5 с юга в процессе раскопок 2016 г.
Рис. 3. Вид с юга на зачистку насыпи сектора К

4

В северном секторе зачищены плиты, которые ограничивали центральное погребение с лошадьми. Внутри найдены отдельные кости лошадей. Между плит обнаружен бронзовый втульчатый, двухлопастной наконечник стрелы (рис. 6, *4*).

В 1,2 м к западу от центральной оси север – юг на площади расчищаемого северного сектора раскопан впускной каменный ящик размером 1,2×0,7 м, перекрытый каменными плитами. Стенки ящика раздавлены, перекрытие вдавлено внутрь, тем не менее само погребение (№ 2) было не потревожено (рис. 8). В ящике захоронен подросток – скорченно на правом боку, головой на северо-запад. Он в истлевшей одежде, украшенной ременным набором в виде симметрично расположенных бронзовых колец-пряжек, железных пряжек с подвижным язычком и двух ременных окончаний – ложечковидных подвесок в виде голов антилоп. На поясе у него лежала небольшая ножевидная пластина (рис. 9, *2*). Погребение относится к хуннскому времени: концу II – I в. н. э. Каменный ящик находился на краю зольного пятна в воронке ограбления. Возможно, это был сложный ритуал захоронения в разрушенном древнем каменном мавзолее, тем более что фрагменты найденной здесь керамики близки к хуннскому времени, а в зольнике собраны многочисленные кости лошади, барана и хищных диких зверей.

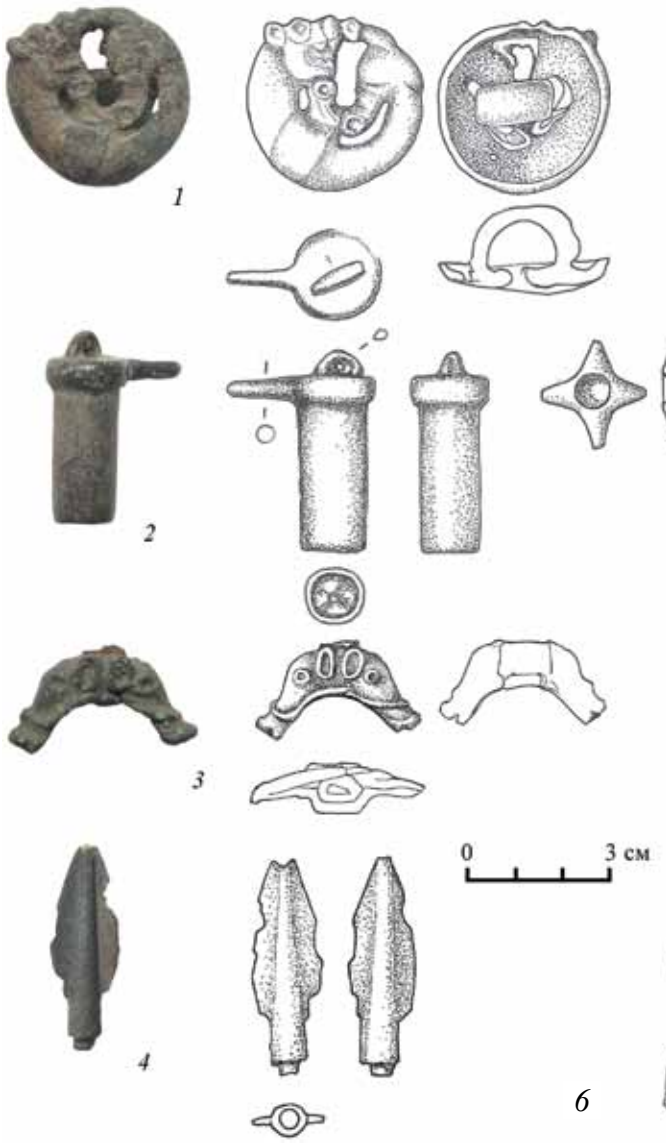
Таким образом, на данный момент на памятнике Аржан-5 исследованы четыре сектора каменной насыпи до материка, кроме зачищенной крепидной конструкции и 132 кв. м центрального участка, включавшего остатки центральных погребений (№ 1, 3, 4) и впускное погребение № 2.

Погребение 1 находилось в юго-юго-восточной части центрального участка. Судя по сохранившимся остаткам деревянных направляющих камеры, это подквадратное сооружение было

были перемещены и перемешаны. Здесь же найдены предметы узды, некоторые непосредственно на черепах или рядом. Так как двое бронзовых кольчатых удил (рис. 7) лежали рядом с головами, а не между челюстями, можно предположить, что это недоуздки. Остальные предметы – это бронзовые пронизи трех видов, кабаньи клыки в качестве подвесок и костяная накладка с отверстием (рис. 9). Пронизи трех типов: в виде симметричных голов кабанов (рис. 6, *3*), в виде колечек с трехрядным жемчужным орнаментом по поверхности окружности и с щитком и биконические. Ранее в этом комплексе найдены подпружные пряжки с выступами и бляха со свернувшейся пантерой.

5

Рис. 4. Вид с юга на деревянные конструкции сектора К
Рис. 5. Вид сверху на центральную часть кургана
Рис. 6. Предметы из погребения с лошадьми
Рис. 7. Бронзовые удила, найденные в погребении с лошадьми

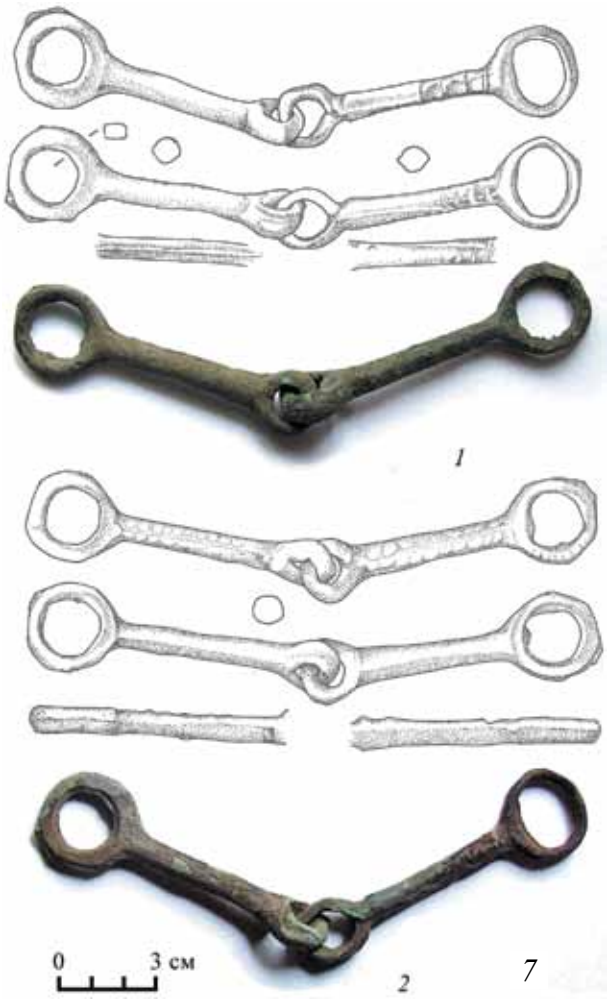


6

ориентировано углами в юго-восточный и соответствующие сектора. Размеры камеры, сооруженной на помосте, сформированном в центре всей площади кургана, приблизительно 4×3,5 м. Глиняные валики из материкового розоватого суглинка поддерживали направляющие помоста из деревянных плашек. Пространство между валиками заполнено слежавшейся супесью. Направляющие и валики перекрыты слоем серой илистой подушки, на котором находилась галечная прослойка, между камнями которой зафиксированы разрозненные человеческие и лошадиные кости. Итак, на помосте в деревянной камере на слое гальки были совершены погребения женщины и подростка (определения Т. Н. Шведчиковой). Их сопровождало захоронение лошади. Из инвентаря тут найдена подвеска из клыка кабана и орудие – мотыга из рога марала, возможно, оставленная грабителями.

Камеры погребений центрального участка примыкали к погребению № 1 с севера. Судя по размерам, реконструируемым по следам плах, в центре располагалась камера погребения приблизительно 5×5 м с той же, что и у погребения № 1, ориентацией камеры, восстанавливаемой нами по следам рамы. Именно на ее месте и была расчищена грабительская воронка. Возможно, здесь находилось основное погребение кургана (назовем его № 3). Оно тоже было выполнено на помосте, сформированном на выбранной площадке в центре комплекса. Погребение № 1 было к нему пристроено. Видимый центр кургана находится в границах погребения № 3. Здесь найдены кости лошадей (возможно, двух). Рядом лежали длинные кости ног человека, вероятно, взрослой женщины.

К северо-востоку от воронки и погребения № 3 фиксируется площадка на уровне помоста с органическим тленом, возможно, деревом, где были найдены кости лошадей, иногда группами, как бы в сочленении. Ориентация крайних направляющих указывает на то, что бывшая подквадратная камера была пристроена к камере погребения № 3 и имела



7

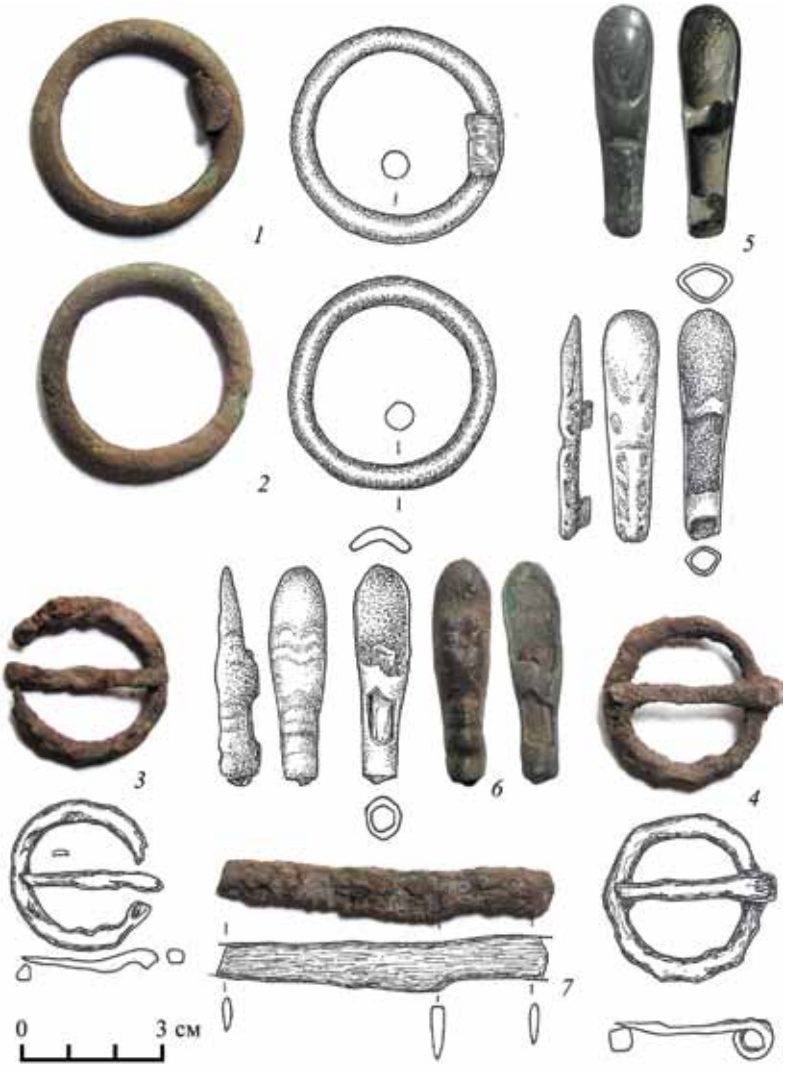
8

ту же ориентировку и размеры. При дальнейшем разборе камней были обнаружены завалы деревянных конструкций, возможно, перекрытия, под которыми расчищены три описанных выше черепа лошадей с уздечными принадлежностями. О возможности отнесения этого комплекса к погребению человека можно судить по найденным костям (длинной и фаланги) и наличию плети. Таким образом, погребение № 4 являлось деревянной камерой, где были захоронены три лошади с уздой, частично сохранившей свое местоположение на их головах.

Предметы из погребального комплекса – это бронзовые бляшки, пряжки, пронизи, удила, а также подвески из клыков кабана. Вставки не сохранились, отверстия не выявлены. Помимо предметов узды здесь, возможно, лежала и плеть, от которой найдены наконечник и пронизь. Вероятно, из этого погребения происходит и наконечник стрелы. Предметы по типам и изображениям соответствуют близким – из комплексов Аржана. Проведенный анализ состава бронз подтвердил это соответствие. Это исследование выполнено в отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа С. В. Хавриным, которым проведен и анализ проб, отобранных с предметов, найденных в Аржане-5. Анализ проб проводился на спектрометре ArtTAX (Brüker). Проанализировано всего 37 предметов (*Рукавишникова,* в печати).

Погребение № 1 с южной и с юго-западной, возможно, и с юго-восточной стороны было обложено каменными плитами. От краев погребений начинались плахи общих направляющих клетей, радиально расположенных по кругу.

Первые радиоуглеродные даты мы опубликовали в 2016 г. На сегодняшний момент получена серия дат из деревянных конструкций погребения № 1 и клетей юго-западного сектора (Лаборатория ИИМК, указаны интервалы наибольших вероятностей). Из клетей: (910–740 BC); из центральных конструкций: дерево из нижней части центральной конструкции (1350–500 BC), дерево из верхней части центральной конструкции (910–740 BC), из центра (850–720 BC, 800–350 BC); край центральной конструкции (800–410 BC, 1350–500 BC). Таким образом, эта выборка не опровергает ранее полученные данные, относящиеся к интервалу конец IX – VIII в. до н. э. (*Рукавишникова, Гладченков*, 2015).



9

Рис. 8. Погребение 2, впускное
Рис. 9. Комплекс предметов из погребения 2

ЛИТЕРАТУРА

Грязнов М. П., 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука. 61 с.

Рукавишникова И.В., Рукавишников Д.В., Морозов П.А. Применение низковысотной аэрофотосъемки и геофизических методов при исследовании каменных курганов скифского времени в Турано-Уюкской котловине (Тува) // Археология и геоинформатика. Вторая международная конференция. Тезисы докладов. М.: ИА РАН, 2015. С. 30.

Рукавишникова И.В., Гладченков А.А., 2016. Исследования Аржана-5 в Турано-Уюкской котловине // КСИА. Вып. 243. С. 49–58.

Резюме. В работе освещаются результаты полевого сезона 2016 г. на памятнике Аржан-5 в Турано-Уюкской котловине Республики Тыва, работы на котором ведутся уже третий год, не считая разведок 2012–2013 гг. Раскопки последнего сезона проведены в юго-западном и центральных секторах и предоставили данные по реконструкции трех центральных погребений, деревянных клетей и крепидного сооружения юго-западного сектора. В северо-западном секторе центрального участка зачищены три лошадиные головы, сохранившиеся под упавшим перекрытием. Получена коллекция предметов горизонта Аржан начала I тыс. до н. э. Среди бронзовых изделий отметим декорированные в зверином стиле: это образ свернувшейся пантеры и симметричных голов кабанов. Исследовано непотревоженное впускное погребение 2 хуннского времени в каменном ящике. Проведено исследование состава бронз предметов, из которых большая часть – оловянистые. Памятник относится ко времени сооружения знаменитого кургана Аржан.

Ключевые слова: Аржан, каменный погребально-поминальный комплекс, погребения, начало I тыс. до н. э., свернувшаяся пантера.

I. V. Rukavishnikova, D. V. Rukavishnikov

The memorial burial complex at Arzhan-5, (Tuvan Republic, Piikhemsky Region)

Resumé. This article covers the results of the 2016 fieldwork season undertaken at the Arzhan-5 site, at the Turano-Uyuksky Basin in the Tuvan Republic. This has been the third year of research, excluding the initial study of 2012–2013. The excavations during this season were carried out at the south-western and central sections, providing information on the reconstruction of three central burials, a wooden support, and buttressing constructions in the south-western sector. In the north-western sector of the main area three horse-heads were retrieved and cleaned – which had been preserved under a collapsed structure. A collection of Arzhan artefacts from the 1st century BC was retrieved. Amongst the bronze items we note items decorated in an animal style – in the image of a crouching panther, and symmetrical heads of wild boars. An undisturbed burial of Hunnish times was researched, located in stone trunk. Research was carried out on the bronze items, whose primary component is tin. The site dates back to the period of the great Arzhan earthwork barrow.

Keywords: Arzhan, stone memorial burial complex, burials, early 1st century BC, crouching panther.

ПОСЕЛЕНИЕ ГОРА ЧИРКОВА-1
(КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ, ТАМАНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ)

А. Н. Свиридов, С. А. Язиков, М. А. Топоривская

1

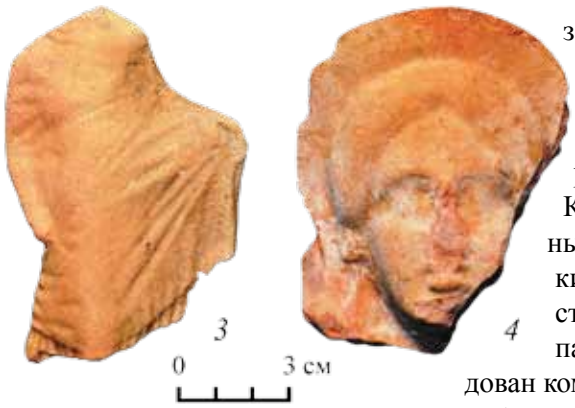
В 2016 году Таманским отрядом ИА РАН продолжены охранно-спасательные работы на поселении Гора Чиркова-1, расположенном в 3,6 км к северо-востоку от восточной окраины пос. Виноградный Темрюкского р-на Краснодарского края[1]. Общая площадь работ – 20 175 кв. м (рис. 1).

Наиболее ранний хронологический горизонт выявлен в северо-западной части раскопа. На основании материала из культурного слоя и хозяйственных ям он может быть определен в пределах IV–III вв. до н. э. Наиболее массовую группу находок составляет амфорная тара, среди которой доминирует продукция Синопы, Хиоса, Гераклеи и протофасоса, в меньшей мере представлены Родос и Херсонес, единичны амфоры Косса, Коринфа, т. н. Солохи. Большинство амфорных клейм связаны с мастерскими Родоса и датируются III в. до н. э. Встречены также фрагменты чернолаковых сосудов (рис. 2).

2

С этого же участка памятника происходят несколько фрагментов красноглиняных терракотовых статуэток. Первый представляет собой женскую голову. Характерный головной убор позволяет предварительно атрибутировать статуэтку как изображение Деметры. Второй фрагмент принадлежит полой женской фигурке, облаченной в гиматий (рис. 3). Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута и находится под его складками. Голова и нижняя часть статуэтки не сохранились. Третий фрагмент – часть головы протомы Деметры (рис. 4). Археологический материал дает основания предполагать, что культурные напластования в северо-западной части раскопа могут быть связаны с располагавшимся поблизости античным поселением.

[1] Поселение Гора Чиркова-1 выделено в отдельный памятник в пределах границ поселения Виноградный-7, на основании средневекового подъемного материала, а также учитывая результаты раскопок 2001–2006 гг.



В юго-восточной части раскопа обнаружен грунтовый могильник, датирующийся в пределах IV–III вв. до н. э. Основная часть изученных погребений представляет собой детские захоронения в амфорах. Другими типами погребений являются взрослые захоронения в грунтовых ямах и земляных склепах. Преобладает ориентация головой на восток. Наиболее интересная находка отсюда – аттический чернолаковый канфар на сложнопрофилированном кольцевом поддоне (рис. 5). Ручки петельчатые, выступающие над верхним краем сосуда. Внутренняя поверхность дна орнаментирована штампованным орнаментом – окружность из косых насечек, внутри которой расположены четыре пальметки.

Отметим также фрагмент антаблемента дорического ордера, обнаруженный в переотложенном состоянии. Он представляет собой часть архитектурного элемента, имеющего ряд из зубцов, поверх которых расположены три фаски с полукруглой поверхностью (рис. 6). Длина сохранившейся части – 27 см, ширина – 20 см, глубина – 18 см. На детали сохранились три целых зубца высотой 6 см, шириной 4,3 см и глубиной 6 см, расположенных друг от друга на расстоянии 2,8 см. Ширина фасок – 1 см. Эту архитектурную деталь можно отнести либо к части архитрава – гутты под триглифами, либо фриза – гутты на нижней поверхности мутул под карнизом.

Второй хронологический горизонт на памятнике представлен материалом средневековой эпохи. Изучены два комплекса усадеб с остатками фундаментов домов и большим количеством тяготеющих к ним хозяйственных сооружений. Лучше сохранилась восточная усадьба. Центральная ее часть представляет собой комплекс строений, состоявших из двух помещений, к которым с восточной и южной сторон примыкали котлованы, вероятно, выполнявшие роль хозяйственных сооружений. Помещение 1, ориентированное по линии север – юг, имело замкнутый контур и размер 7,5×5 м (рис. 7); помещение 2 сохранилось частично, восстановленный размер составляет 12×7 м. К западу от них обнаружены остатки неширокой кладки, вероятно, часть внешней стены усадьбы. К северо-западу от помещений исследован комплекс хозяйственных ям, содержавших большое количество фрагментов керамики. Вторая усадьба расположена в 150 м к западу от вышеописанной. О ее существовании можно говорить благодаря прослеженным разрозненным остаткам фундаментов стен, к которым примыкают хозяйственные ямы и очаги.

Между усадьбами исследован хозяйственно-производственный комплекс, состоявший из гончарного горна, небольшого теплотехнического (?) сооружения и нескольких котлованов. Горн относится к типу двухкамерных, с восходящим движением пламени. Лучше всего сохранилась топочная камера (рис. 8), состоявшая из двух отделений: для размещения и сжигания топлива и первичной концентрации тепла. Первое находилось в восточной части горна и сохранилось полностью в виде полуовального в сечении канала длиной около 0,7 м, высотой 0,35 м. На дне по всей его протяженности прослеживались остатки прокала с частичным перекрытием золой. Без видимого расширения канал выходил в камеру для концентрации тепла. Она имела в плане округлую форму диаметром 1,55 м, высота в центре – 0,28 м, дно вогнуто, слегка понижается к центру. Топочная камера соединена с обжиговой теплопроводными каналами (продухами). Они представлены

Рис. 1. Поселение Гора Чиркова-1 в процессе исследования
Рис. 2. Венчик кратера
Рис. 3. Фрагмент терракотовой статуэтки
Рис. 4. Голова протомы Деметры
Рис. 5. Канфар

9 цилиндрическими отверстиями, 8 из которых расположены по периметру, одно в центре. Диаметр отверстий – около 5 см. Обжиговая камера имеет округлую в плане форму, диаметр – 1,55 м. Свод ее частично утрачен.

Раннесредневековый керамический комплекс типичен для древностей VIII–X вв. н.э (рис. 9, 10). Он представлен целыми, археологически целыми и фрагментированными круговыми горшками с линейно-волнистым орнаментом, «причерноморскими» амфорами, лощеной посудой, лепными горшками с зигзагообразным орнаментом, высокогорлыми кувшинами с плоскими ручками. В нескольких ямах находилось по две-три амфоры, которые, вероятно, представляли собой своеобразные склады для временного хранения продукции. Подобные комплексы хорошо известны и на других средневековых поселениях Тамани.

Одной из самых ярких средневековых находок является византийский золотой солид (4,4 г, диаметр – 20,5 мм) (рис. 11), обнаруженный в верхней части заполнения одной из могильных ям. Захоронение оказалось сильно разрушенным, частично сохранились только фрагменты черепа, верхних и нижних конечностей. Можно предположить, что погребение было совершено головой на восток. На аверсе монеты – изображение бюстов двух императоров. По кругу – остатки надписи, различимы лишь несколько букв. На реверсе – изображение креста на трех ступенях. Под ступенями надпись: CONOB. По кругу, слева направо, надпись: VICTORIA AVGYA. Изображение перевернуто относительно аверса. В верхней части монеты, между изображениями бюстов императоров, отверстие. Монета относится ко времени правления византийского императора Ираклия (610–641 гг.). Этот тип солида чеканился в Константинополе около 626–629 гг. (определение Гайдукова П. Г.). Монета какое-то время использовалась как амулет или предмет украшения. Данное погребение может быть датировано концом VII – началом VIII в. н. э.

Таким образом, по результатам археологических работ 2016 г. удалось уточнить этапы

Рис. 6. Фрагмент антаблемента
Рис. 7. Помещение №1 восточной усадьбы
Рис. 8. Гончарный горн
Рис. 9. Причерноморская амфора
Рис. 10. Глобулярная амфора
Рис. 11. Золотой солид

8

9

10

0 10 см

11

0 3 см

и хронологию культурных напластований на памятнике. Наиболее ранний хронологический горизонт датируется античной эпохой, с преобладанием бытовых и погребальных комплексов эллинистического времени. Поздний хронологический горизонт представлен материалами средневековой эпохи и соотносится с кругом древностей салтово-маяцкого времени.

Резюме. В работе представлены результаты охранно-спасательных работ на археологическом памятнике поселение Гора Чиркова-1, проведенных в полевом сезоне 2016 года. В результате исследований уточнены хронологические рамки существования поселения. Ранний хронологический горизонт связан с античной эпохой и датируется IV–III вв. до н.э. Поздний хронологический горизонт представлен материалами средневековой эпохи и соотносится с кругом древностей салтово-маяцкого времени (VIII–X вв. н.э.).

Ключевые слова: поселение Гора Чиркова-1, салтово-маяцкая культура, гончарный горн, античность, керамика.

A. N. Sviridov, S. A. Yazikov, M. A. Toporivskaya

The Gora Chirkova-1 settlement, on the Taman Peninsula (Krasnodar Province)

Resumé. This article presents the results of safeguarding and rescue archaeological work undertaken at the archaeological site of Gora Chirkova-1, carried out during 2016. As a result of the studies the chronological period of the settlement's life was clarified. The early chronological dating is connected to the ancient period and dated to the 4th or 3rd centuries BC. The end date for the settlement relates to the Medieval era and antiquities from the Saltovo and Mayatsky era (8th to 10th centuries AD).

Keywords: the Gora Chirkova-1 settlement, Saltova culture, Mayatsky culture, pottery ware, antiquity, ceramics.

МОГИЛЬНИК ПУТИЛОВО-2
(КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ, ЗЕЛЕНОГРАДСКИЙ РАЙОН)

К. Н. Скворцов

1

В 2016 г. отряд Самбийской археологической экспедиции ИА РАН провел археологические исследования на грунтовом могильнике Путилово-2. Эти работы выполнялись по программе «Янтарь в древних культурах», инициированной Калининградским музеем янтаря. Памятник расположен на северо-западе области, в Зеленоградском р-не, на Калининградском (Самбийском) полуострове, в 5 км от берега Балтийского моря, на притоке р. Приморская.

2

Ближайшим населенным пунктом является пос. Путилово, расположенный в 0,65 км юго-западнее. Могильник располагается на пологом склоне моренной гряды ледникового происхождения (перепад высот – до 3,0 м), на землях бывшего имения Гаутен (нем. Gauten, Kr. Fischhausen). Недалеко от могильника Путилово-2 расположены месторождение янтаря у пос. Янтарный и участок побережья, где происходит выброс янтаря из моря. р. Приморская, у истоков которой расположен памятник, впадает в Вислинский залив и является важной коммуникационной артерией древности.

Грунтовый могильник впервые обнаружен в 60-е гг. XIX в. и датирован III–VIII вв. н. э. (Hollack, 1908. S. 39–40; *Hilberg,* 2009. S. 395–396). Территория памятника в настоящий момент относится к землям сельскохозяйственного назначения. На ней отчетливо фиксируются следы работ современных грабителей. В 2016 г. вскрыто 150 кв. м. площади (рис. 1), на которой изучено 38 погребальных

комплексов IV–V вв., в основном совершенных по обряду урновой кремации (рис. 2), из них 12 погребений содержали останки всадников с лошадьми (рис. 3). Коллекция находок представлена 381 предметом: лепными керамическими сосудами (рис. 4), целыми и фрагментированными изделиями из железа, керамики, бронзы, янтаря, стекла, кости, серебра, камня и золота, датированными IV–VI вв.

В ходе исследований установлено, что большая часть комплексов, содержавших погребения людей, подверглась разрушению еще в древности. Конские погребения оставались, как правило, нетронутыми. В северных частях большинства конских могил обнаружены железные скобели, пружинные ножницы и серпы, вероятно, изначально находившиеся в переметных сумках.

Урновые погребения, за редким исключением, оказывались потревоженными, тем не менее и они дали интересные находки. В нижних частях урн и около стенок могильных ям обнаружены разнообразные предметы погребального инвентаря, такие как бронзовые фибулы, зачастую с чеканным орнаментом и украшенные напаянными серебряными элементами (рис. 5, *1–3*; рис. 6, *1, 3*), разнообразные бусины (рис. 6, *4–6*) и другие украшения, детали поясов (рис. 7, *1–5*), гребень из рога (рис. 8), железные наконечники копий (рис. 9, *2–4*), кинжалы с тремя кровостоками (рис. 9, *5*), бронзовые шпоры (рис. 9, *1*), большие железные портупейные пряжки и т. д. Особый интерес представляют

варварские монеты-подвески (рис. 11), которые являются подражаниями монетам времен правления имп. Констанция II (?) (337–361 гг.). Подобные варварские подражания, неизвестные прежде в ареале эстиев, известны только в единичных находках из устья р. Вислы и с территории Западной Украины. Эти монеты являются, вероятно, свидетельством событий, произошедших в готских землях и заставивших готов-ариан переселиться в пределы Римской

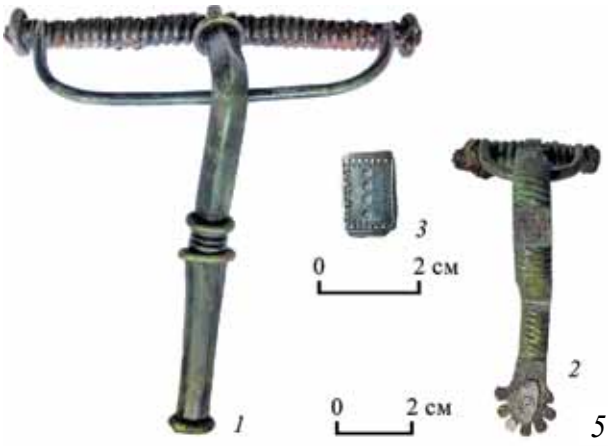
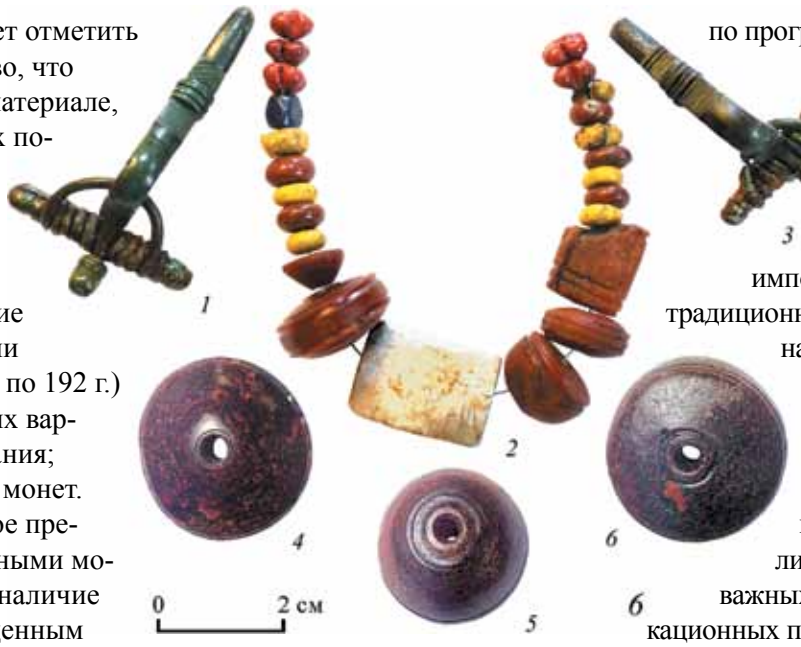


Рис. 1. Общий вид на раскопы 2016 г. могильника Путилово-2
Рис. 2. Урновое погребение № 2. Вид с юго-запада
Рис. 3. Конское захоронение № 36. Вид с севера
Рис. 4. Керамические лепные сосуды-приставки из погребений № 5, 31, 33, 35. V в.
Рис. 5. Фибулы бронзовые и серебряная накладка из погребений № 3, 22, 29. IV–V вв.

империи. Следует отметить то обстоятельство, что и в подъемном материале, и в разрушенных погребальных комплексах найдены исключительно серебряные римские денарии династии Антонинов (с 96 по 192 г.) (рис. 10, *1, 2*) и их варварские подражания; не было медных монет. Это подчеркнутое пренебрежение медными монетами, а также наличие параллелей найденным материалам с черняховской и вельбарской культурами, древностями Подунавья и Скандинавии может, на наш взгляд, являться косвенным свидетельством богатства и особой роли коллектива, оставившего данный некрополь.



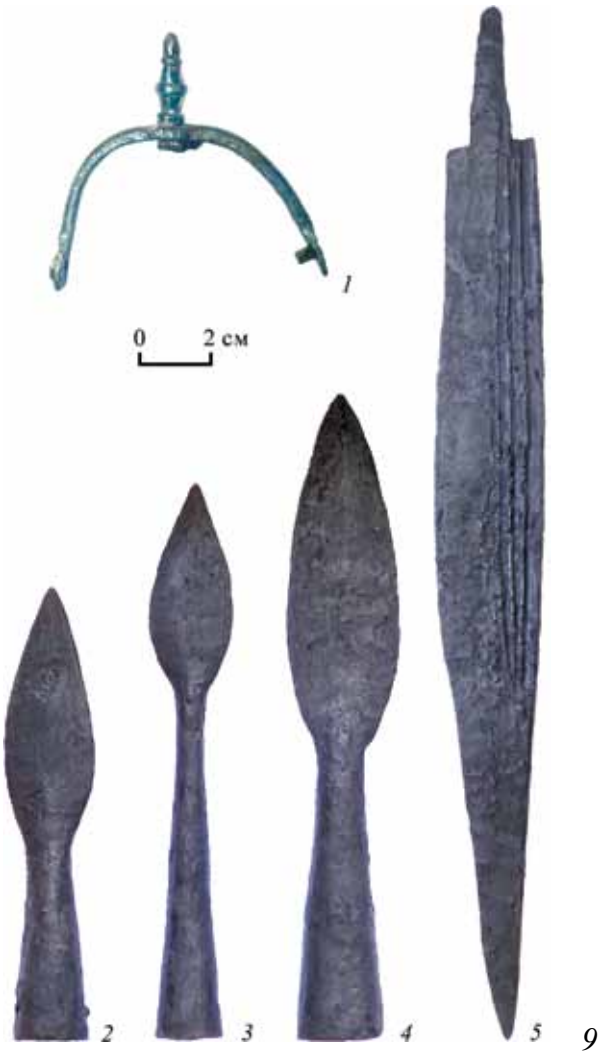
Исследования 2016 г. позволили подтвердить сделанные ранее выводы о хронологии могильника и уточнить его планиграфию. В процессе работ по программе «Янтарь в древних культурах» была установлена взаимосвязь расположения находок дорогих импортов и мест традиционного сбора янтаря на балтийском побережье, а также водоразделов многочисленных рек, впадающих в Вислинский залив и Преголю, как важных водных коммуникационных путей торгового пути из Самбии к устью р. Вислы. Геоморфология Калининградского (Самбийского) полуострова, разделенного моренными возвышенностями, протянувшимися с северо-запада на юго-восток, на которых берет начало большинство ручьев и рек, впадающих в Вислинский залив и р. Преголю, определила в конечном счете максимальную концентрацию здесь памятников римского времени и эпохи Великого переселения народов, с высоким содержанием дорогих римских и германских импортов.

Именно здесь еще с конца позднего Средневековья вплоть до настоящего времени и, вероятно, в древности находились и находятся места традиционного сбора янтаря (*Schlicht*, 1922. S. 389–392, 408). На этих же территориях и располагались, скорее всего, первые торговые и административные центры на Янтарном пути, игравшие огромную роль в связях между

7

8

Рис. 6. Часть инвентаря погребения № 8. Янтарные бусины из погребений № 3, 23, 29. IV–V вв.
Рис. 7. Детали поясных наборов из погребений № 3, 6, 27, 29. IV–V вв.
Рис. 8. Роговой гребень воинского погребения № 29. V в.
Рис. 9. Инвентарь из воинских погребений № 12, 23, 24. V в.
Рис. 10. Варварское подражание монете императора Констанция II (?) из погребения № 6. Конец IV в.
Рис. 11. Римские динарии императоров Антонина Пия и Адриана из погребений № 27, 34. V в.



9

Самбией и центром вельбарской культуры на Эльблонгской возвышенности.

Исследование могильника Путилово-2 имеет большое значение для изучения самбийских древностей конца эпохи римского влияния и эпохи Великого переселения народов и позволяет лучше понять процессы, происходившие в это время у истоков Янтарного пути. Вся имеющаяся в нашем распоряжении на сегодняшний момент информация свидетельствует об особой роли, которую играли подобные памятники в системе коммуникаций по Янтарному пути между Самбией и соседними территориями. Вот почему дальней[illegible]я регі[illegible]

10

11

ЛИТЕРАТУРА

Hollack E., 1908. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte Ospreußens Glogau. Berlin. S. 234.

Hilberg V., 2009. Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeiziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren // Daumen und Kellaren-Tumiany i Kielary. Bd. 2. Neumünster: Wachholtz. S. 615. (Schriften des Archaologischen Landesmuseums. Bd. 9.)

Schlicht O., 1922. Das westliche Samland. Ein Heimatbuch des Kreises Fischhausen, Bd. 2. Dresden. S. 312.

Резюме. Статья посвящена раскопкам грунтового могильника Путилово-2 (III–VIII вв. н. э.) в 2016 г., проведенных по программе «Янтарь в древних культурах», инициированной Калининградским музеем янтаря. Памятник расположен в западной части Калининградского (Самбийского) полуострова, недалеко от морского побережья, в местах традиционного сбора янтаря.

Ключевые слова: балты, эстии, германцы, позднеримский период, эпоха Великого переселения народов, «Янтарный путь», коммуникации.

K. N. Skvortsov

The graveyard of Putilovo-2 (Kaliningrad Region, Zelonogradsky Region)

Resumé. This article is dedicated to the soil graveyard of Putilovo-2 (3rd to 8th centuries AD), and the ‘Amber in Ancient Cultures’ program carried out in 2016, and set up by the Kaliningrad Museum of Amber. The Putilovo site is located in the western part of the Kaliningrad peninsular (Sambiisky), close to the sea shore – where amber is traditionally found.

Keywords: Balts, Estonians, Germans, Late Permian period, the period of the Great Migration of Peoples, the Amber Trail, communications.

ПОГРЕБЕНИЯ НЕКРОПОЛЯ ВИНОГРАДНЫЙ 7

(КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ, ТЕМРЮКСКИЙ РАЙОН)

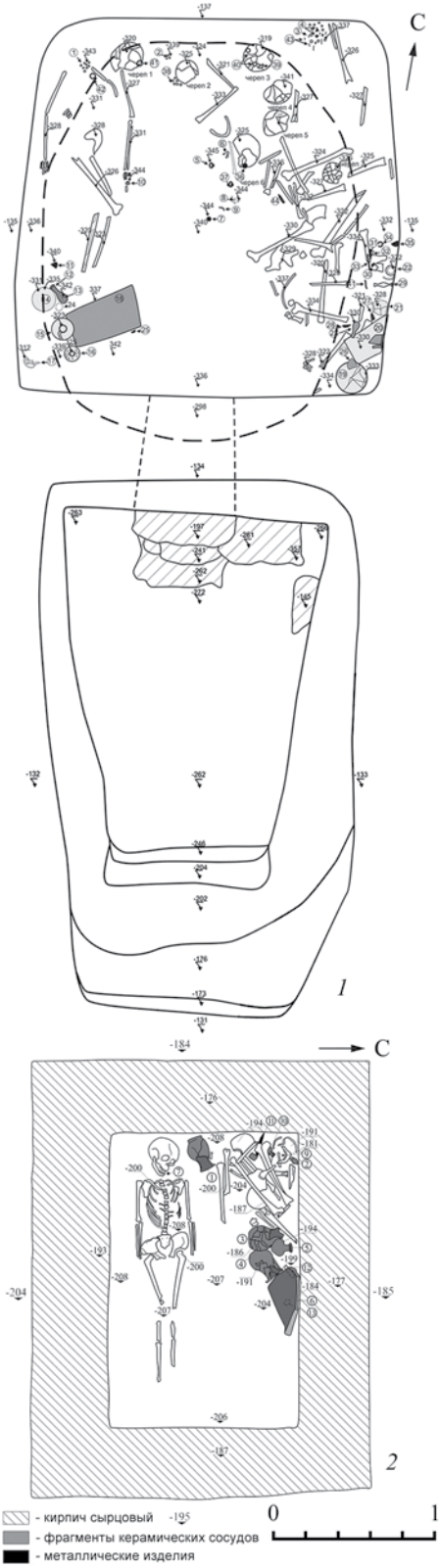
Н. И. Сударев

1

Поселение и некрополь Виноградный 7 расположены в 4,8 км к северо-западу от станицы Вышестеблиевской, в 3,8 км к северо-востоку от пос. Виноградный и в 3,5 км к югу от пос. Приморский. Поселение находилось у древней дороги (карта 1–2, см. статью «Виноградный северо-восточный 2, Виноградный северо-восточный 3, курганная группа (10 насыпей)» Д. А. Карпова, Н. И. Сударева), которая соединяла Фанагорию с неким поселением у пос. Виноградный 1 и северо-западной оконечностью Кизилташского лимана[1], крупнейшего в дельте Кубани, имеющего выход в Черное море[2]. По мнению Я. М. Паромова, эта дорога была одной из трех основных на Таманском полуострове и проходила от Голубицкого острова через Фанагорию до мыса Панагия (*Паромов*, 1998. С. 219–220, рис. 2). В районе поселения Виноградный 7 от нее в юго-западном направлении, в сторону поселения, отходила еще одна дорога – меньших размеров, которая продолжалась в западном направлении и маркируется цепочкой курганов и поселений. Вероятно, существовали и другие ответвления дорог в восточном направлении (в сторону поселений Вышестеблиевская 16 и 10), а также в юго-восточном – в сторону поселения Вышестеблиевская 9. Судя по наличию в упомянутых курганах погребений эпохи бронзы и раннежелезного века, можно предположить, что эти пути сообщения сформировались еще в догреческий период[3], вероятно, в эпоху ранней бронзы и действовали до момента греческой колонизации региона. Отметим, что рассматриваемое поселение расположено в долине между естественными возвышенностями, на которых находятся с восточной стороны курганы Большая и Малая Близницы[4], а с западной – Васюринский курган.

Впервые поселение Виноградный 7 отмечено как «следы античной культуры» на карте древностей Таманского полуострова, составленной в 1925–1927 гг. С. Ф. Войцеховским. Позднее А. А. Миллер охарактеризовал этот объект как поселение, относящееся к «классическому эллинистическому и римскому периоду», и поместил его под № 32 на своей карте археологических памятников Тамани, составленной в 1930–1931 гг. В 1984 г. поселение обследовано разведочным отрядом ИА АН СССР под руководством Я. М. Паромова, который и дал ему современное название, поместив на составленной

[1] В настоящее время эта часть называется Цукур-лиман.
[2] До начала XX в. именно в этот лиман вливалась большая часть вод Кубани.
[3] На этих дорогах расположены также поселения от IX–VII вв. до н.э. до Средневековья.
[4] А чуть восточнее – один из самых значительных на Тамани курганов Баюр-Гора (Буерова Могила).

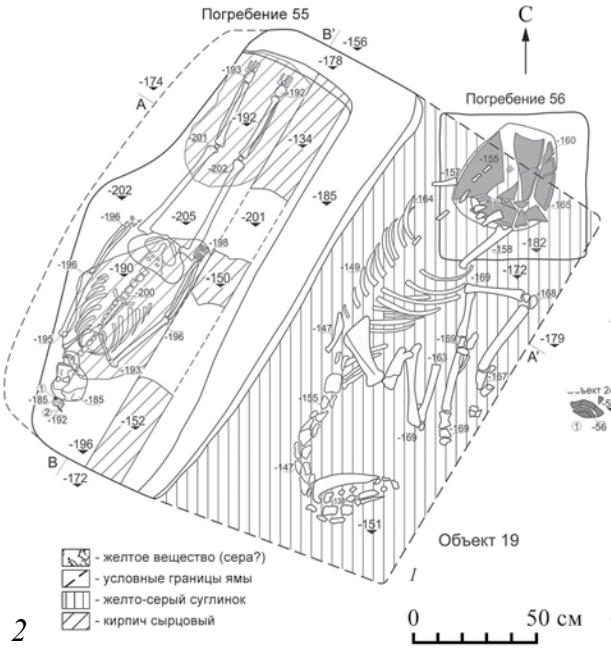


им археологической карте Таманского полуострова под номером 166[5]. Против сельского статуса этого поселения говорят наличие перекрестка нескольких дорог, что делает его стратегическим пунктом, обширный, насыщенный некрополь, находки архитектурных деталей разнообразных каменных строений, в том числе фрагменты антаблемента эллинистического храма дорического ордера, архитрава с овами и двухстрочной надписью и т. д.

Предварительно поселение было датировано VI в. до н. э. – I в. н. э. Отдельные ямы и комплексы на данном памятнике относятся к IX–VII вв. до н. э., однако преемственность между ними и греческим поселением не прослеживается. Наиболее ранние из встреченных при раскопках фрагментов керамики датируются сейчас в пределах первой половины V в. до н. э.[6], а самый поздний массовый материал – X–XI вв. н. э.

Раскопки на данном поселении и его некрополе велись с 1993 г. в течение шести[7] полевых сезонов экспедицией КубГУ под руководством И. И. Марченко. В этот период исследовалась в основном его северо-западная часть, где помимо курганов выявлен и частично изучен участок поселения раннесредневекового и средневекового времени, а также синхронный ему грунтовый некрополь[8].

Всего тогда было раскопано 20 курганов. Выяснилось, что часть их являлась естественными всхолмлениями, использованными под захоронения в античное и средневековое время. Раскопано



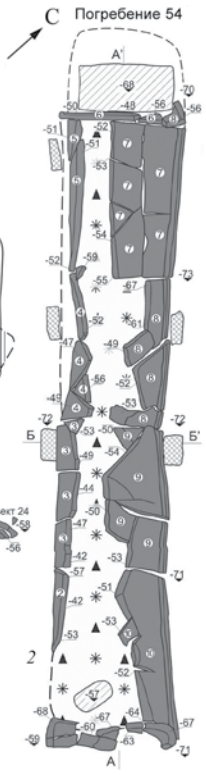
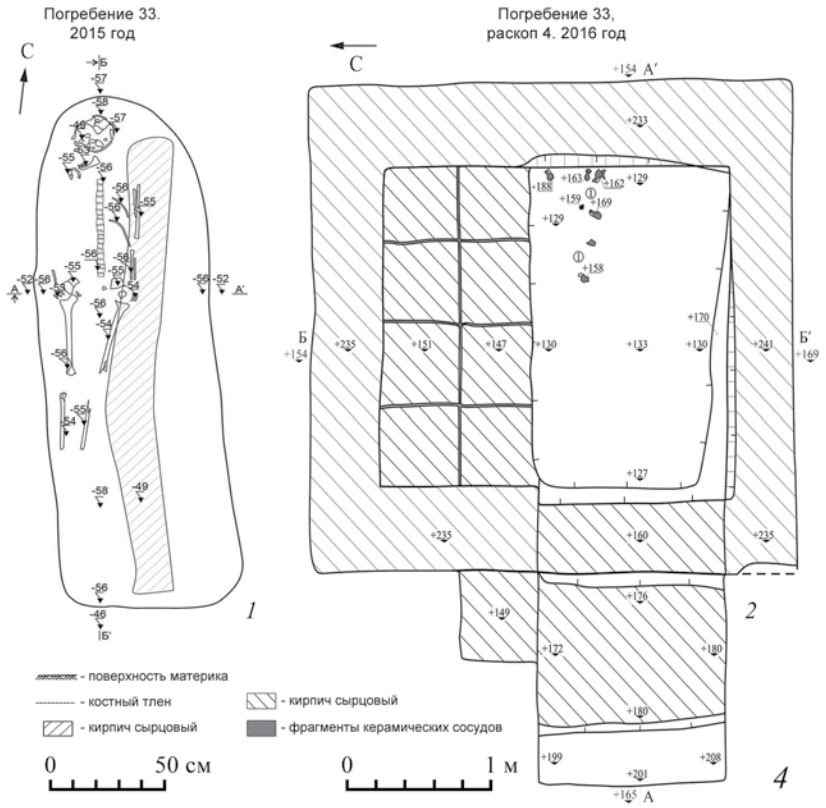


Рис. 1. Общий вид раскопа
Рис. 2. Античное погребение. Грунтовый склеп (*1*), сырцовый ящик (*2*)
Рис. 3. Подбойная могила № 55 (1), кремация на месте, перекрытая черепицей (*2*)

[5] *Паромов Я.М.*, 1992. С. 535.
[6] Что, на наш взгляд, не исключает возможности появления поселения уже в конце VI в. до н.э.
[7] В 1993 (Лимберис Н.Ю.), 2001 (Лимберис Н.Ю.), 2002 (Бочковой В.В.), 2004, 2005 (Кононов В.Ю) и 2006 (Бочковой В.В.) гг.
[8] В дальнейшем этот участок был выделен в отдельное поселение, и ему присвоено имя Гора Чиркова 1. Под этим наименованием оно исследовалось в 2015 и 2016 гг.



В 2015–2016 гг. работы на памятнике Виноградный 7 велись в его северной и восточной частях (рис. 1, 2, *1*), по обе стороны от существующей железной дороги. Выяснилось, что само поселение располагалось южнее, на южном склоне водораздела, отделяющего долину, прилегающую к Таманскому заливу, от внутренней территории южной части этого полуострова. По водоразделу с запада на восток шла древняя дорога, вдоль которой цепочкой помещались курганы, существовавшие с эпохи ранней бронзы, а также поселения эпохи поздней бронзы, раннего железного века, античного времени с VI в. до н. э. до V в. н. э. и средневековые, вплоть до позднего Средневековья и Нового времени. Судя по всему, это была основная трасса, пересекавшая Таманский полуостров с запада на восток. В территорию, исследованную на памятнике Виноградный 7 в 2015–2016 гг., попали некрополи и курганы, располагавшиеся вдоль этой дороги, а также северные окраины и «усадьбы» средневекового поселения (часть поселения Гора Чиркова 1), некрополь этого же времени, усадьбы IV в. до н. э., I–III вв. н. э. и, кроме того, большой зольник, значительное количество ям, колодцев, участки древних дорог и их ответвлений. Чрезвычайно интересен древний ров, исследованный в 2015–2016 гг. и тянущийся, по всей видимости, с севера на юг от берега Таманского залива. Исследования поселения и его периферии дали богатый материал, однако наиболее интересные и яркие данные мы получили при изучении некрополей.

В 2015–2016 гг. работы на некрополе велись в северо-восточной и восточной его частях, где было открыто 658[9] погребений и значительное количество связанных с ним объектов (тризн, надгробий, ботросов и т. д.). Из них к эпохе бронзы и раннежелезному веку относятся 4 погребения, 90 – к Средневековью, остальные – к античному времени.

Общая датировка античных погребений укладывается в V–I вв. до н. э., при этом доля захоронений IV в. до н. э. в восточной части некрополя больше, чем в северо-восточной.

197 погребений, из которых 2 – эпохи бронзы, 80 – средневековые, 104 – античного времени, остальные не атрибутированы. Из античных погребений к IV в. до н. э. относились 2, к III–II вв. – 85. Основной тип погребальных сооружений – простые могильные ямы. Однако встречены 26 склепов, преимущественно III–II вв. до н. э., 5 подбойных могил, 3 кремации и разрушенная черепичная могила. Кроме того, выявлено 44 детских погребения в эллинистических амфорах.

[9] Обработка и осмысление материалов данного некрополя еще ведется, поэтому цифры не окончательные.

Погребения III в. до н. э. расположены равномерно по обоим участкам, а захоронений II–I вв. до н. э. в восточной части значительно меньше. Наиболее ранние детские захоронения в амфорах датируются в пределах второй-третьей четвертей V в. до н. э. и совершены в хиосских пухлогорлых амфорах. Эти погребения выявлены в юго-восточной части исследованного участка. Наиболее поздние погребения датируются серединой III – рубежом III–IV вв. н. э. и расположены компактной группой в самой восточной части исследованного участка.

6

Большинство захоронений совершено в простых грунтовых ямах и ямах с заплечиками. Выделяются как ямы с заплечиками по периметру, так и по длинным сторонам. В них встречены индивидуальные, парные и последовательные захоронения.

Следующим по распространенности типом погребальных сооружений являются подбойные могилы (31) (рис. 3, *1*; 4, *1*). Они довольно однотипны: подбой расположен по длинной стороне (как справа, так и слева) ямы. Обычно ширина его равна ширине входной ямы. Как правило, подбои имеют заклады из сырцовых кирпичей. Обычно это индивидуальные, хотя зафиксированы и повторные захоронения. Появляются подбои в IV в. до н. э. и практикуются в течение всего времени существования некрополя.

Еще один тип погребальных сооружений – грунтовой склеп (рис. 2, *1*). Они довольно однотипны. Входная яма, как правило, прямоугольная или трапециевидная, часто со ступеньками. От погребальной камеры она отделена небольшим коридорчиком-дромосом. В большинстве случаев дромос закрывался закладом из сырцового кирпича и всегда располагался выше пола погребальной камеры. Камера имела овальную или прямоугольную форму. Использовались они для многократных, видимо, семейных захоронений. Наиболее ранние склепы появляются в конце IV– начале III в. до н. э. и существуют до I в. до н. э.

На территории некрополя встречено также 19 т. н. сырцовых ящиков (рис. 2, *2*). Все они датируются IV в. до н. э. и имеют прямоугольную форму. Во многих совершены парные или последовательные захоронения. Типологически к ним примыкают сырцовые склепы (8) (рис. 4, *2*). Они также имеют прямоугольную форму,

7

Рис. 4. Подбойная могила с закладом из сырцовых кирпичей (*1*), сырцовый склеп (*2*)
Рис. 5. Амфоры, в которых были совершены детские захоронения
Рис. 6. Краснофигурная и расписная керамика
Рис. 7. Чернолаковая керамика

8

9

однако от сырцовых «ящиков» их отличает наличие входа со ступенями и пола, вымощенного сырцовым кирпичом. Эти редкие гробницы прежде в некрополях Боспора не фиксировалась. Однако на расстоянии 2 км к югу на той же древней дороге частично раскопан еще один некрополь – Виноградный Северо-Восточный, в котором встречено аналогичное сооружение. Датируются эти склепы IV–III вв. до н. э. Наиболее ранние можно уверенно отнести к середине IV в. до н. э., поздние – к первой половине III в. до н. э. Не исключено, что они типологически предшествуют семейным грунтовым склепам, получившим большое распространение позже.

В единичных случаях встречены каменный ящик, выполненный из хорошо обработанных блоков и с таким же перекрытием; черепичная гробница (рис. 3, *2*) и кремации в урне.

Перекрытия могил в тех случаях, когда их удалось проследить, были из досок. Кроме того, зафиксированы случаи перекрытия досками с камкой и досками и сырцовыми кирпичами.

Отдельная категория погребений – это детские захоронения в сосудах (рис. 5). Как правило,

10

Рис. 8. Светильники, лощеная керамика, примеры других форм красноглиняных сосудов
Рис. 9. Стеклянные и алебастровые унгвентарии и бальзамарии
Рис. 10. Леканы и пелики
Рис. 11. Украшения из погребений античного времени. Монеты из средневековых погребений
Рис. 12. Инвентарь из погребений Средних веков
Рис. 13. Инвентарь из погребений античного времени. Изделия из бронзы

11

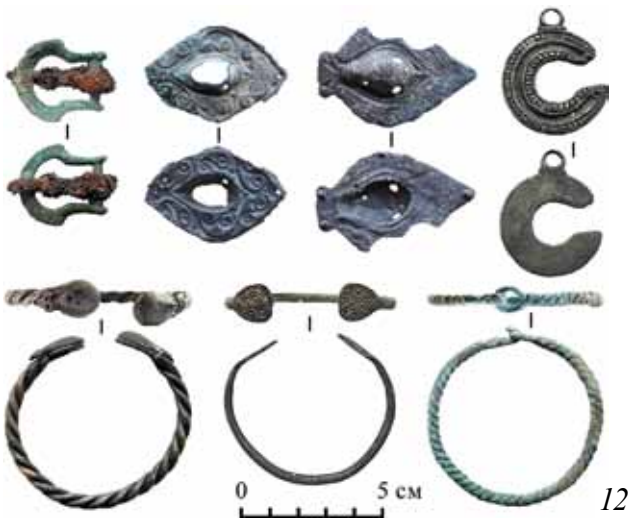
использовались крупные части амфор, положенных на бок и закрытых либо фрагментом керамики, либо другой крупной частью амфоры. В ряде случаев использовались крупные обломки стенок амфор. Таких погребений около 150. Они встречались как в северо-восточной, так и в восточной частях некрополя, однако основная их масса расположена компактно на востоке, образуя своего рода детский участок. Следует отметить, что здесь же выявлены тризны и верхние части амфор, вкопанных горлом вниз и выполняющих функцию простейших жертвенников – эсхар. Аналогичную картину мы находим и в северо-восточной части некрополя. Несмотря на то что там детских погребений в амфорах значительно меньше (6), они группируются именно вблизи тризн, на которых также выявлены каменные алтарики – эсхары. Датируются детские погребения в сосудах в пределах V–I вв. до н. э.

Преобладающая ориентировка погребенных, за исключением «амфорных», восточная и северо-восточная. Ориентировка погребенных в склепах – ногами ко входу. Примечательно, что часть погребенных лежала ногами к древней дороге. Следует отметить, что вокруг сырцового склепа сгруппировано несколько детских погребений в простых могильных ямах, как бы ориентированных на склеп.

Основным типом обращения с трупом является ингумация, однако встречены и три кремации – «в урне» и «на месте». Последнее погребение перекрыто черепицами, поставленными в виде двускатной крыши (рис. 3, *2*).

Преобладающее положение погребенных – вытянуто на спине, однако встречены и слабо скорченные – на боку, а также в позе всадника. Такие захоронения более характерны для IV в. до н. э. Следует отметить одно парное погребение в положении слабоскорченно на боку с детским амфорным погребением. Полная аналогия известна в некрополе Абдер (*Scarlatidou E.*, 1986. Fig. 8; 1987, с. 427).

Инвентарь довольно стандартный и небогатый. Для IV в. до н. э. характерно наличие одного или нескольких лекифов (рис. 6), простого кувшина или амфоры, мисочки или солонки, сосуда



12

13

14

для питья (рис. 7), железного ножа, бронзовой иглы. Для более позднего времени – флакона-унгвентария (рис. 8, 9), кувшина или пелики, леканы (рис. 10), миски или солонки, железного ножа. Из украшений встречаются бусы, перстни, реже – серьги и браслеты (рис. 11–14). Оружие (наконечники стрел и копья) встречается редко, исключительно в погребениях IV в. до н. э. Изредка, преимущественно в детских погребениях встречаются терракоты (рис. 16). Следует отметить присутствие в нескольких погребениях IV в. до н. э. преднамеренно отбитых нижних частей сосудов. Также для IV в. до н. э. характерно наличие в могилах разбитых лекифов или лекифов с отбитым горлом.

Многочисленные аналогии, прежде всего с фанагорийским некрополем, а также расположение исследуемого некрополя у древней дороги от Фанагории к Кизилташскому лиману, видимо, говорят о связи оставившего его населения с этим крупнейшим боспорским городом или его хорой.

Добавим в заключение, что еще дальше к юго-западу нами исследован некрополь пос. Виноградный Северо-Восточный 2 и Виноградный Северо-Восточный 3. Оба эти памятника, скорее всего, являются дальней окраиной поселения Виноградный 1 – раннего крупного населенного пункта на еще одном разветвлении древней дороги. Погребения поселения Виноградный 7 и исследованные нами погребения на окраине поселения Виноградный 1 позволяют уверенно говорить об их принадлежности одной группе населения. А это, в свою очередь, позволяет по-новому взглянуть на развитие и содержание понятия «полис Фанагория и его хора».

15

16

Рис. 14. Бусы
Рис. 15. Ручка сосуда, кимвалы, миниатюрное зеркало
Рис. 16. Терракотовые статуэтки

ЛИТЕРАТУРА

Паромов Я. М., 1998. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // Древности Боспора. Т. 1.
Паромов Я. М., 1992. Археологическая карта Таманского полуострова. М.: Депон. ИНИОН РАН. № 47103 от 1.10.1992.
Skarlatidou E., 1986. The archaic cemetery of Abdera // Thracia Pontica III. Sozopol.
Skarlatidou E., 1987. Excavations research in the archaic cemetery of Abdera // AEMO. l.

Резюме. В статье рассматриваются материалы исследований поселения и некрополя Виноградный 7, которые находятся на перекрестке основных древних дорог Тамани. Поселение датировано VI в. до н. э. – первыми веками н. э. Наиболее поздний массовый материал относится к X–XI вв. н. э.

В территорию, исследованную на памятнике Виноградный 7 в 2015–2016 гг., в первую очередь попали некрополи и курганы, располагавшиеся вдоль древней дороги, а также северные окраины средневекового поселения (являвшиеся частью известного поселения Гора Чиркова 1), некрополь этого же времени, усадьбы IV в. до н. э. и I–III вв. н. э., крупный зольник античного времени, большое количество ям, колодцев и т. д., а также участки основных древних дорог и их ответвления. Чрезвычайно интересен древний ров, исследованный в 2015–2016 гг. и тянущийся, по всей видимости, с севера на юг от берега Таманского залива.

Во время работы на некрополе в северо-восточной и восточной частях памятника открыто 658 погребений и значительное количество объектов (тризн, надгробий, ботросов и т. д.), связанных с его функционированием. К эпохе бронзы и раннежелезному веку относятся 4 погребения, 90 – к эпохе Средневековья, остальные – к античному времени.

Большинство погребений совершено в простых грунтовых ямах и ямах с заплечиками. Следующим по распространенности типом погребальных сооружений являются подбойные могилы. Еще один тип – грунтовые склепы. Встречено также 19 сырцовых могил. Типологически к ним примыкают и сырцовые склепы. В единичных случаях встречены каменный ящик, выполненный из хорошо обработанных блоков и с аналогичным перекрытием; черепичная гробница и кремации в урне. Отдельная категория погребений – детские в амфорах.

В статье рассматривается связь данного некрополя и поселения с другими некрополями Боспора и делается вывод, что некрополь Виноградный 7 и исследованные нами погребения на окраине поселения Виноградный 1 принадлежат одной группе населения – той же, что оставила некрополь Фанагории. А это, в свою очередь, позволяет по-новому взглянуть на развитие и содержание понятия «полис Фанагория и его хора».

Ключевые слова: Боспор, некрополь, погребальные обряды, хора Фанагории, древние дороги, погребения в амфорах, сырцовые ящики, сырцовые склепы, грунтовые склепы.

N. I. Sudarev

The burial complex of Vinogradny 7 (Krasnodar Province, Temriuksky Region)

Resumé. This article reviews the materials studies at the settlement and necropolises of Vinogradny 7, which are located at crossroads of ancient highways of the Taman Peninsula. This settlement is dated to the 4th century BC. Much later material here relates to the 10th century AD.

The primary objects to be researched within the area of the Vinogradny-7 site during 2015–2016 were the necropolises and earthwork barrows which are spread along the length of the ancient highway, as well as the northern outskirts of the medieval settlement (which is a section of the famous Gora Chirkvova-1 settlement), an ancient ash-pile from ancient times, necropolises of the same period, manor estates of the 4th and 3rd centuries BC – as well as sections of the ancient highway and its branch roads. Of particular interest is the ancient moat, which was researched during 2015–2016, and stretches, as far as can be determined from north to south to the shores of the Taman Gulf.

During the study of the necropolises at the north-eastern and eastern sectors of the site, 658 burials were opened and a significant number of artefacts – triznas, gravestones, sacrificial items and so forth – were found among the graves. Four burials are attributed to the Bronze Age, while 90 are Medieval, and the others are from ancient times.

The majority of the graves are simple earth-pit burials, or stone-surrounded pits. The second most numerous type of burial are those with gravestones. A further type is earthen crypts. There were also 19 burials involving coffins – these primarily involve raw crypts. In rare cases a stone coffin may be found – formed from well-cut stone blocks, and with similar facings, a skull-shaped tomb, and urn cremations. There is a further category of burials – children buried in amphorae.

The article discusses the links between this necropolis and settlements with other necropolises around the Bosphorus – and draws the conclusion that the Vinogradny 7 necropolis, along with the burials found in the vicinity of Vinogradny-1 represent a single population group... the same people who founded the necropolis at Fanagoria. This, in turn, enables a further look at the development and notion of the concept of ‘Fanagoria and its Chora’.

Keywords: Bosphorus, necropolis, funerary rites, the Chora of Fanagoria, ancient roads, amphora burials, stone coffins, vaults, soil vaults.

БОСПОРСКИЕ ВОРОТА: ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПРОЕЗД ЧЕРЕЗ УЗУНЛАРСКИЙ РОВ И ВАЛ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

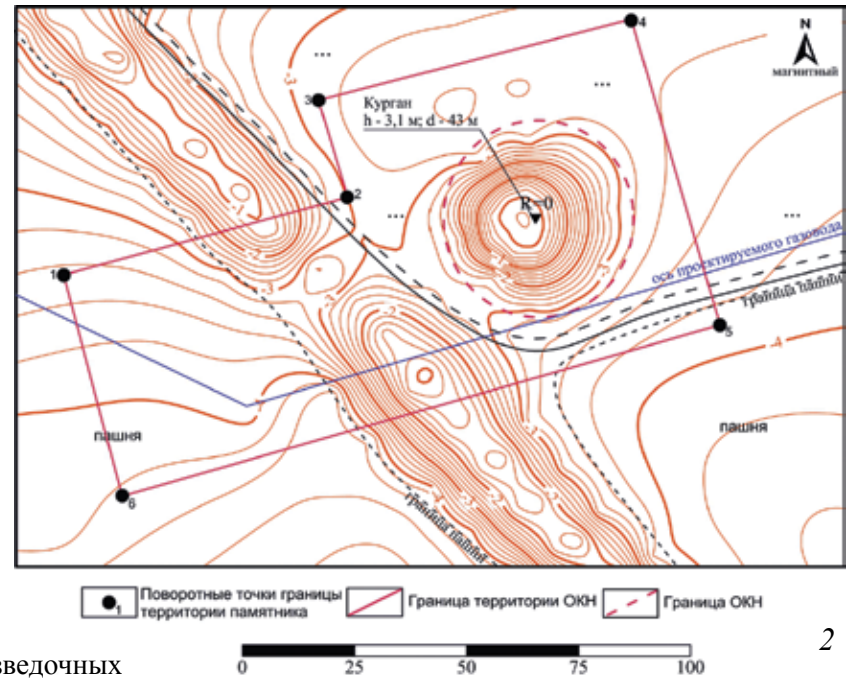
(РЕСПУБЛИКА КРЫМ)

А. А. Супренков

1

Узунларский (Киммерийский, Аккосов) вал в Восточном Крыму является одним из древнейших и наиболее впечатляющим земляным погранично-оборонительным сооружением на юге России. Это самый крупный и протяженный среди валов Керченского полуострова. Его длина чуть менее 35 км, и он фактически простирается от Азовского моря до Черного, отгораживая восточную часть полуострова от остального Крыма (рис. 1). О валах и рвах на этой территории было известно еще в V в. до н. э. Легенда, изложенная Геродотом (*Herod.*, IV, 3), сообщает о широком рве, который, защищаясь от скифов, выкопали потомки их «слепых рабов» от Таврийских гор до самой широкой части Меотийского озера. Следующее после Геродота свидетельство древних авторов о валах в Восточном Крыму принадлежит Страбону (*Strabo.*, IV, 6) и относится уже к I в. до н. э., к периоду правления боспорского царя Асандра. В тексте говорится, что этот правитель построил стену вблизи Меотиды и воздвиг на ней башни. Часть исследователей полагала, что в пассаже Геродота речь и идет об Узунларском вале. Однако в ходе многолетних работ Восточно-Крымской археологической экспедиции, по результатам которых вышла специальная монография, А. А. Масленникову удалось установить, что вал сооружался позднее V в. до н. э. (*Масленников*, 2005, с. 205). Что же касается построек, упомянутых Асандром, то их действительно удалось локализовать именно на Узунларском валу. В указанной монографии, а также в статье автора данной заметки (*Супренков*, 2016. С. 20–26) содержится и подробное описание истории изучения Узунларского вала. 200 лет археологические работы на валу и курганах в непосредственной близости от него связаны с именами И. Бларамберга, Ю. Ю. Марти, Г. Ф. Гайдукевича (*Гайдукевич*, 1949. С. 71), В. Д. Блаватского (*Блаватский*, 1954. С. 102–103), Б. С. Мосейчука (*Мосейчук*,

1983. С. 74–77), С. Б. Ланцова и В. К. Голенко (*Ланцов, Голенко*, 1999. С. 177–181), а также ряда сотрудников Крымского филиала Института археологии (*Колтухов, Труфанов, Ужинцев*, 2003. С. 180). Наконец, как уже писалось, значительную роль в его изучении сыграли работы ВКАЭ под руководством А. А. Масленникова, которые в общей сложности велись более 10 лет. Совместно с Т. Н. и С. Л. Смекаловыми им были уточнены его географические особенности, проведены выборочные геофизические изыскания и сделаны привязки при помощи системы GPS. В ходе разведочных работ в линии вала обнаружено не менее 10 старинных промежутков-проездов, фланкированных курганообразными насыпями. Вообще же курганов, расположенных в непосредственной близости от вала, осмотрено около 30. Они расположены неравномерно и не всегда стояли напротив этих проходов. На некоторых участках вала заложены раскопы-разрезы. Один из них сделан в 2000 г. в районе с. Белинское, а в 500 м в стороне от него раскопана хорошо сохранившаяся башня второй половины I в. до н. э. Здесь было найдено множество артефактов, которые позволили уверенно датировать постройку временем Асандра, что фактически явилось археологическим подтверждением текста Страбона. В целом же А. А. Масленников был склонен полагать, что этот вал был сооружен в начале III в. до н. э. (*Масленников*, 2005. С. 208–210).



2

Отметим особо, что, обследуя вал к югу от городища Савроматий, А. А. Масленников описал один из его участков, где непосредственно за проездом располагался большой курган высотой до 5 м. Исследователь предположил, что в этом месте функционировал какой-то важный узел линии обороны.

3

Осенью 2015 г. нами проводилось обследование памятников археологии, попадающих в зону строительства газопровода Краснодарский край – Крым. При осмотре вышеописанного кургана на его верхушке выявлена глубокая грабительская яма. В ее стенках были видны золистые слои и камни, в отвалах встречались фрагменты

Рис. 1. Узунларский вал и район работ 2016 г. на географической карте
Рис. 2. Топоплан памятников археологии с границей зоны охранных раскопок
Рис. 3. Группа хозяйственных ям к востоку от курганной насыпи

4

античной керамики, что дало нам возможность предположить, что наверху кургана, вероятно, эпохи бронзы могла находиться каменная постройка античного времени, связанная с проездом в валу. Был снят топоплан данного участка и определена площадь охранных раскопок, нужная для исчерпывающих исследований (рис. 2). В мае 2016 г. здесь начались масштабные раскопки на площади более 8000 кв. м, которые продолжались до ноября.

В первый же месяц работ на вершине кургана действительно была выявлена античная каменная башнеобразная конструкция. Прямоугольная в плане, размером (снаружи) 10×6 м, она была ориентирована продольной осью по линии северо-запад – юго-восток. Толщина большей части стен в среднем была 1,1 м. Исключение составляла стена, разделявшая ее внутреннее пространство как бы на два помещения, ширина которой достигала 2,5 м. Такой же толстой была и внешняя северо-западная стена. Помещения были прямоугольными, слегка вытянутыми по линии северо-восток – юго-запад. Северо-западное помещение размером 4×3 м было немного больше юго-восточного, размер которого составлял 3×2,5 м. Высота всех стен нигде не превышала 0,5 м – 2–3 ряда кладки. К юго-западу от «башни» параллельно ее юго-западной стене располагалась еще одна менее презентабельная стена длиной около 7 м. Уровень ее залегания находился ниже, и она никак не стыковывалась со стенами «башни». На пространстве к северо-востоку от этой стены прослеживались следы горения. Такие же следы были и на предполагаемых полах помещений «башни». Ниже них находился слой насыпи кургана. Отметим, что постройка может интерпретироваться как башня весьма условно, особенность же кладок, детали общей планировки и некоторый находки (лепной светильник, курильница) могут указывать и на сакральное назначение этой постройки. К востоку от «башни» (примерно в 15 м от ее центра) за восточной полой кургана начинался двор с множеством хозяйственных ям в материке (рис. 3). Все они довольно однотипны, имели около 1 м в диаметре и достигали приблизительно той же глубины. В заполнении ям попадались предметы, характерные для античных сельских поселений Боспора, но в целом находки отсюда маловыразительны и немногочисленны.

В 20 м к западу от центра башни также выявлено несколько хозяйственных ям, и здесь же начиналась водоотводная система, представленная двумя неглубокими, но протяженными (до 60 м) параллельными рвами. На северо-востоке они соединялись перемычкой длиной около 7 м. Эти рвы упирались в насыпь

5

Рис. 4. Группа хозяйственных ям к востоку от курганной насыпи
Рис. 5. Разрез Узунларского вала, вид с юга
Рис. 6. Кольцевая каменная обкладка центрального погребения. Вид с запада
Рис. 7. Центральное погребение. Вид с юга
Рис. 8. Боспорские ворота. Вид с востока

Узунларского вала, стратиграфический разрез которого показал, что он их отчасти перекрыл, по крайней мере на каком-то из поздних этапов своей неоднократной «реконструкции» (рис. 4).

6

Указанный разрез вообще оказался чрезвычайно информативным в данном отношении. В частности, установлено, что вал несколько (2–3) раз досыпался, главным образом (что естественно, ведь с запада располагался ров) с восточной стороны (рис. 5). В итоге ширина вала в основании составила к настоящему времени 18 м при высоте до 3,5 м.

Тем временем каменная конструкция на верхушке кургана была разобрана и проведено полное исследование всей насыпи. В ее центре оказалось сооружение, скорее всего, погребального назначения. Это круглая (кольцевая) каменная конструкция диаметром 6,5 м при сохранившейся высоте до 2,5 м (рис. 6). Камни были пристроены к еще одной, внутренней земляной насыпи. Внутри было еще одно каменное кольцо диаметром 2,5 м, где и находилась могильная яма (рис. 7). Погребение, увы, оказалось полностью ограбленным, вероятнее всего, еще в древности и содержало только немногочисленные разрозненные кости и несколько лепных черепков.

7

Далее к западу от вала раскопом была вскрыта часть линии рва. Его ширина достигала 13 м. При выборке заполнения, мощность которого составила 6 м, непосредственно к северо-западу от упомянутой водоотводной системы обнаружено и раскопано грандиозное архитектурно-фортификационное сооружение, получившее наименование «Боспорские ворота» (рис. 8). Аналогов ему ранее не было известно на территории Северного Причерноморья. Собственно говоря, это

8

9

был проезд через ров, ориентированный по оси северо-восток – юго-запад, шириной около 5 м и оформленный двумя каменными опорами. Последние представляли собой две параллельные стены, от юго-западных краев которых в стороны (на северо-запад и юго-восток соответственно) отходили две более короткие перпендикулярные стенки. Длина северной стены проезда составляла 12,5 м при средней ширине 3,5 и высоте до 4 м. Короткая перпендикулярная стена при ней имела длину 3 м, ширину 2,5 и высоту 3 м. Длина южной стены проезда – 10 м при ширине 3,2 и высоте до 4 м; а короткой стены – 3 м при ширине до 2 м и высоте до 3,7 м. Конструктивной особенностью обеих створок ворот было то, что их юго-западная часть была построена из крупных (в среднем 1×0,5×0,5 м) обработанных, нередко даже рустованных блоков, а северо-восточная – из необработанных (разные строительные периоды или строительная потребность?) камней.

Любопытная находка ждала нас в процессе выборки заполнения рва вблизи проезда. В его северо-восточной стенке было открыто женское погребение (рис. 9) с сохранившимся инвентарем – целым кувшином, тарелкой, бронзовым зеркалом, серьгами, бусами и железным ножом (рис. 10). Согласно антропологическому анализу Д. Пономарёва (г. Керчь), возраст умершей составлял около 60 лет, а по мнению В. Кропотова (г. Симферополь), который в данный момент занимается анализом характера погребения и инвентаря, оно является сарматским и датируется I в. до н. э.

Вообще говоря, в ходе раскопок собрана довольно внушительная коллекция находок. Среди них бронзовые и железные наконечники стрел, граффити на амфорных стенках, бронзовые браслеты и фибулы, монеты, бусины, целые керамические светильники и посуда. Массовый материал представлен многочисленными обломками амфор Хиоса, Фасоса, Синопы, Гераклеи, Менды, Коса, Родоса, Икоса, Колхиды, а также множеством фрагментов глиняной посуды. Все они имеют довольно широкую датировку. Самая ранняя из вещей – ножка хиосской амфоры второй четверти V в. до н. э. (*Монахов*, 2003. Табл. 6), поздние же предметы относятся к II в. н. э. Например, бронзовая фибула, найденная в заполнении большого рва (*Амброз*, 1966. С. 49–50). Распределение этого датирующего материала неоднородно. Пока лишь отметим большое число керамических обломков IV в. до н. э. в слоях, связанных с «башней», при преобладании все-таки вещей, в том числе целых и условно целых, I в. до н. э. – I в. н. э.

Анализ всех результатов работ наверняка позволит уточнить время сооружения Узунларского вала и раскрыть одну из наиболее удивительных и загадочных страниц в истории Восточного Крыма.

Рис. 9. Погребение 4. Вид с запада
Рис. 10. Погребение 4. Находки

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. // САИ. Вып. Д1–30. М.: Изд-во АН СССР.

Блаватский В. Д., 1954. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд-во АН СССР. 161 с.

Гайдукевич В. Ф., 1949. Боспорское царство. М.–Л.

Геродот, 1972. История в 9 книгах. Пер. и прим. Г. А. Стратановского, под общ. ред. проф. С. Л. Утченко. Ред. пер. Н. А. Мещерский. Л.: Наука.

Колтухов С. Г., Труфанов А. А., Ужинцев В. Б., 2003. Новые материалы к строительной истории Узунларского рва и вала // Древности Боспора, 6. М. С. 176–184.

Ланцов С. Б., Голенко В. К., 1999. О западной границе Боспора в IV в. н. э. (по материалам археологических исследований 1999 г.) // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Мат. межд. научн. конф. СПб. С. 177–181.

Масленников А. А., 2003. Древние земляные пограничнo-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула: Гриф и К.

Монахов С. Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М. – Саратов: Киммерида, Изд-во Сарат. ун-та.

Мосейчук Б. С. Аккосов, 1983. КСИА, № 174. М.: Наука. С. 74–77.

Супренков А. А., 2016. Узунларский вал как одна из границ Боспора. История исследований и новейшие открытия // Кондаковские чтения. V. Античность – Византия – Древняя Русь. Мат. межд. научн. конф. Белгород. С. 20–26.

Страбон, 1994. География в 17 книгах. Репринтное воспр. текста 1964 г. Пер., статья и комм. Г. А. Стратановского под общ. ред. проф. С. Л. Утченко. Ред. пер. О. О. Крюгер. М.: Ладомир.

Резюме. Статья посвящена результатам охранных раскопок автора на Узунларском валу – древнем земляном оборонительном сооружении в Восточном Крыму. В ходе работ исследовано несколько объектов археологии от эпохи бронзы до Нового времени. Самой же яркой находкой стали «Боспорские ворота» – античный архитектурно-фортификационный комплекс, представляющий собой каменный проезд через Узунларский ров.

Ключевые слова: охранные раскопки, Боспор, античная фортификация, Восточный Крым.

A. A. Suprenkov

Gates of the Bosphorus – the central access through the Uzunlarsky Trench and Channel to Eastern Crimea (Crimean Republic)

Resumé. This article is dedicated to the results of rescue archaeology excavations at the Uzunlarsky Trench – the ancient ground defence system for Eastern Crimea. During the excavations a number of archaeological finds were examined – from the Bronze Age through to modern times. The most spectacular find was the ‘Bosphorus Gate’ – an ancient architectural fortification complex, which offered a stone-built passageway through the Uzunlarsksy Trench.

Keywords: preservation archaeology, Bosphorus, ancient fortifications, Eastern Crimea.

СЕЛИЩА РУСИНО 4 И РУСИНО 5
(МОСКВА, ТРОИЦКИЙ АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ОКРУГ)

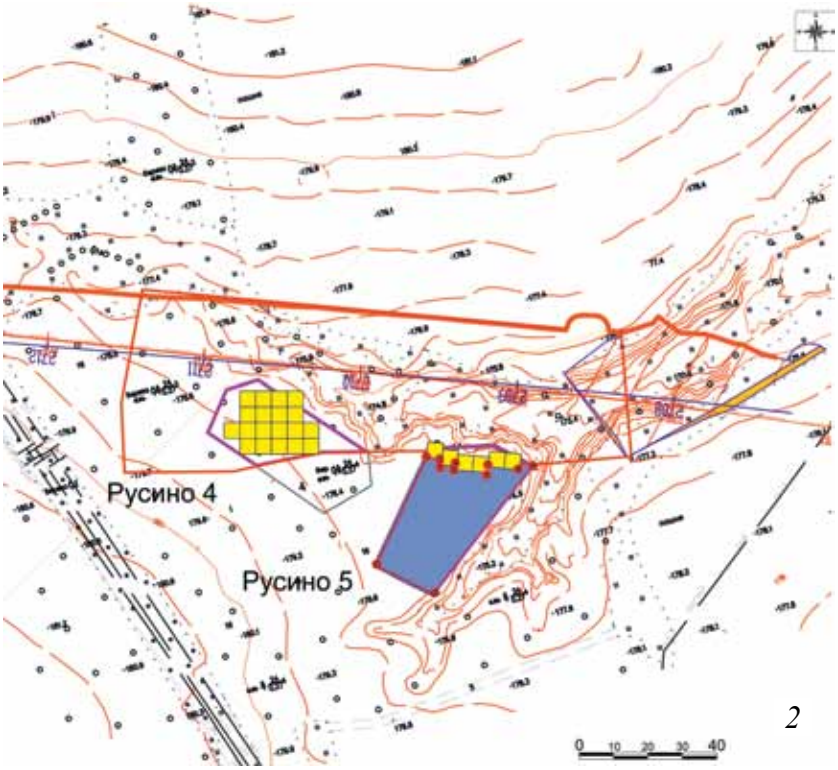
А. М. Фатьков, В. В. Миненко, Я. Р. Слепова, М. В. Чирков

1

В сентябре 2016 г. под руководством А. М. Фатькова сотрудниками ИА РАН проведены спасательные археологические раскопки на участках селищ Русино 4 и Русино 5 на территории Троицкого административного округа г. Москвы, попадающих в зону строительства Центральной кольцевой автомобильной дороги Московской обл. (ЦКАД МО). Общая площадь проведенных исследований на селище Русино 4 составила 1900 кв. м, на селище Русино 5 – 600 кв. м.

Селище Русино 4 расположено в 0,51 км к юго-западу от западной окраины д. Русино, в 0,87 км к северо-востоку от пос. Курилово. Занимает краевой участок пологого склона правого борта балки, выходящей в долину левого берега р. Моча (правый приток р. Пахра). Территория селища вытянута с северо-запада на юго-восток на 110 м при максимальной ширине 47 м. Высота площадки над дном балки – 3–4 м, перепад высот между ее краями достигает 1,5 м. Поверхность селища слабо задернована, поросла смешанным лесом (рис. 1).

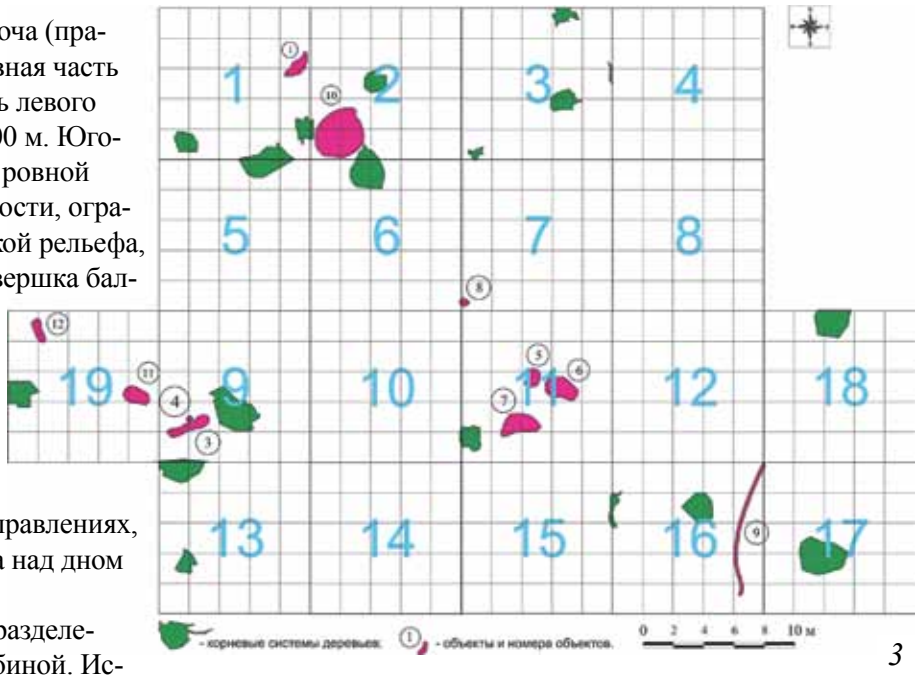
Селище Русино 5 расположено в 0,45 км к западу от д. Русино, в 0,85 км к юго-востоку от пос. Курилово, в 15 км к юго-востоку от селища Русино 4. Занимает мысовую часть балки с временным водотоком, образованной впадением в нее сухого отвершка с юго-западной стороны. Северная часть селища занимает прибровочную часть правого борта балки, которая



2

- границы объекта культурного наследия Селище Русино 4 – Русино 5 по материалам разведок 2009-2015 гг.
- сохранившийся участок селища Русино 5
- границы постоянного и временного отвода ЦКАД
- исследованный участок селища Русино 5
- поворотные точки границы объекта археологического наследия

затем впадает в долину р. Моча (правый приток р. Пахра). Основная часть площадки протянулась вдоль левого берега отвершка балки на 100 м. Юго-западная окраина тяготеет к ровной приводораздельной поверхности, ограниченной небольшой складкой рельефа, вдающейся в левый борт отвершка балки. Территория памятника вытянута вдоль левого борта отвершка на 100 м при ширине в северо-восточной части до 60 м. Площадка имеет уклон в северо-восточном и юго-восточном направлениях, понижаясь к балкам. Высота над дном балки – 4–6 м (рис. 2).



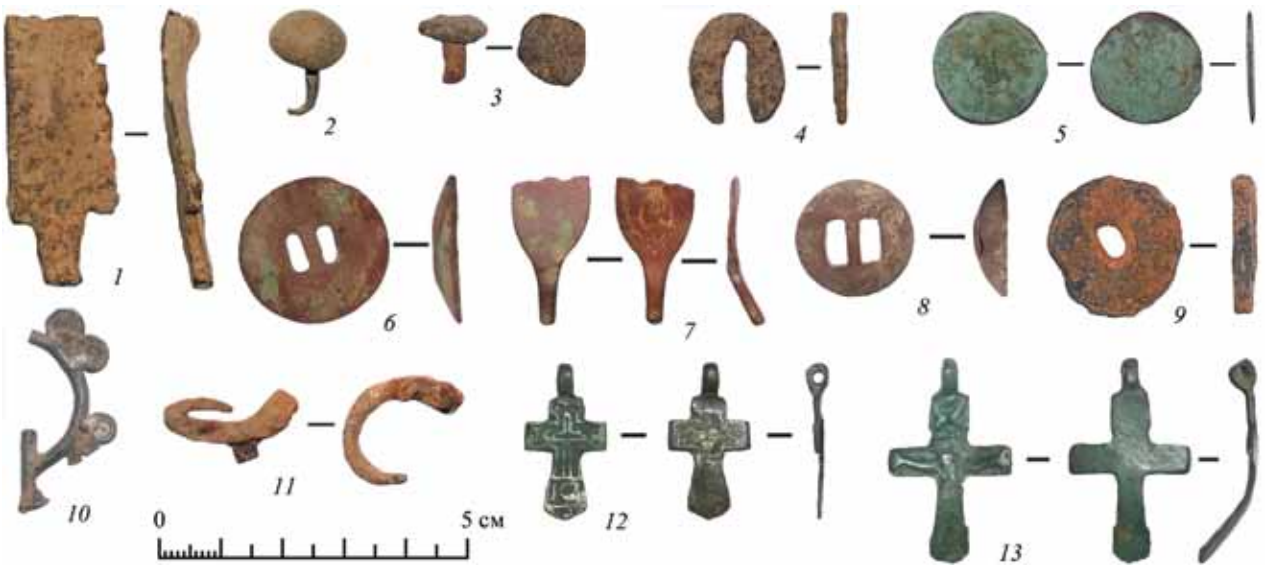
3

Территории памятников разделены небольшой пологой ложбиной. Исходя из одинаковых топографических условий расположения, а также однородности и синхронности археологического материала, полученного в ходе разведочных работ, можно сделать вывод о том, что селища Русино 4 и Русино 5 составляют единый археологический комплекс.

Раскопки проводились на северо-восточных окраинах селищ, попадающих в зону проведения строительных работ. Зачистка по уровню материка на селище Русино 4 выявила контуры 12 заглубленных в материк объектов, на селище Русино 5 – 3 объекта хозяйственного назначения (рис. 3).

Получен интересный керамический комплекс XIV–XV вв., большая часть которого относится к специфической группе керамики, ранее не описанной в археологической литературе.

В нее включены обломки посуды с устойчивым сочетанием технологических и морфологических признаков, относящиеся, по-видимому, к отдельной локальной традиции керамического производства. Следы этой традиции контрастируют с хорошо известными группами позднесредневековой керамики, широко распространенными в Москве и Подмосковье. Ее самобытность выражается в особенностях технологии



4

Рис. 1. Общий вид процесса работ
Рис. 2. Топоплан с указанием места закладки раскопа
Рис. 3. Сводный план объектов после выборки заполнения
Рис. 4. Индивидуальные находки

5

6

изготовления – в составе керамического теста и в характеристиках обжига, ассортименте посуды, отчасти в наборе форм венчиков и пропорциях горшков.

Относящиеся к этой группе обломки посуды обычно имеют белый (кремовый, желтоватый, розоватый, светло-серый) цвет поверхности, черный или серый цвет на изломе. Повторный обжиг образцов этой керамики показал, что глины, из которых они изготовлены, относятся к светложгущимся, занимают промежуточную ступень между беложгущимися и слабоожелезненными. Часть керамики имела цвет поверхности от темно-серого до черного из-за кухонного копчения. Одним из важных отличительных признаков данной керамической традиции является неполный (трехслойный) обжиг, который присущ подавляющему большинству такой посуды. Встречены единичные сосуды с полным обжигом. Предварительная датировка бытования этой керамической традиции – вторая половина XIV – первая половина XVI в.

Морфология верхних частей сосудов аналогична морфологии красноглиняной грубой керамики второй половины XIII – первой половины XV в. (рис. 5) (*Чернов,* 1991. С. 20–30; 2005. С. 111–114; *Бойцов,* 1991. С. 36; *Коваль,* 2014. С. 552–553).

В материалах раскопа в небольшом количестве встречена московская красноглиняная посуда XV в. (*Чернов,* 1991. С. 50, 52–53; 2005. С. 111, 115; *Бойцов,* 1991. С. 35–39; *Коваль,* 2014. С. 552–553).

Таким образом, среди фрагментов круговой керамической посуды, найденной в раскопе, представлены материалы XIV–XV вв. (рис. 5–7).

В ходе исследования поселений Русино 4 и Русино 5 сделаны 42 индивидуальные находки. В Русино 4 это гвозди, ножи, целые экземпляры и их фрагменты, фрагмент иглы, фрагмент дужки котла, накладка, шайба, пряжка, пушечное ядро. В Русино 5 – гвозди, пробой, накладка, фрагмент ключа (рис. 4).

К датирующим можно отнести фрагмент ключа типа Г по Б. А. Колчину (*Колчин,* 1959. С. 82), имеющего широкую датировку – конец XIII – вторая половина XV в.

Кроме железных изделий на памятниках найдены предметы, изготовленные из цветных металлов. В Русино 4 это сбруйные накладки, нательные кресты, фрагмент перстня, пронизка (рис. 4); в Русино 5 – монета, перстень.

Из датирующих вещей отметим находки двух четырехлопастных нательных крестов из Русино 4. Один имеет изображение креста в средокрестии и монограммы на концах лопастей, датировать его можно XIV–XVI вв. Аналогичный крест происходит из раскопок поселения Рождествен-

7

Рис. 5–7. Фрагменты керамики

ское 1 (*Шполянская,* 2008. С. 268, рис. 1, 6). Второй крест с рельефным изображением распятия датируется концом XIV – XVI в. (*Сарачева, Сапрыкина,* 2004. С. 59). Фрагмент перстня из Русино 4, представленный половиной овального щитка с дужкой, интересен оригинальностью прорезного растительного узора. Перстень, происходящий из Русино 5, имеет овальный щиток с рисунком в виде вертикальной и трех горизонтальных полос. Вероятная датировка перстней – XII–XIV вв. (Археология СССР. 1997. С. 78).

Монета из Русино 5 патинирована, установление даты и номинала возможны после расчистки и реставрации.

Полученные материалы свидетельствуют об активной жизни на селищах в XIV–XV вв. Их основание можно отнести к началу XIV в., а прекращение существования – к первой половине XV в. Судя по всему, изучена только хозяйственная зона с наземными постройками и небольшими заглубленными в материк ямами хозяйственного назначения. Жилая зона селищ расположена южнее, за пределами землеотвода под строительство автодороги.

Раскопки селищ Русино 4 и Русино 5 дали интересный материал, важный для изучения материальной культуры и истории освоения данной территории в позднем Средневековье.

ЛИТЕРАТУРА

Археология СССР. 1997. Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука.

Богомолов В. В., Гоняный М. И. и др., 2009. Археологические исследования погоста XV–XVI вв. у с. Рождественно Одинцовского района Московской области // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М. Вып. 5. С. 291–325.

Бойцов И. А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М.: ИА РАН. С. 33–40.

Коваль В. Ю., 2014. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы (методические рекомендации) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 498–571.

Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. МИА № 65. – М.: Издательство Академии наук СССР. С. 7–121.

Сарачева Т. Г., Сапрыкина И. А., 2004. Ювелирные изделия // Средневековое поселение Настасьино: Труды Подмосковной экспедиции. Института археологии РАН. Том 2. М.: ИА РАН. С. 52–65.

Фатьков А. М., 2015. Отчет о проведении охранных научно-исследовательских археологических раскопок селища Большое Саврасово 2, расположенного в Ленинском районе Московской области, в 2013 году // Архив ИА РАН.

Чернов С. З., 1991. К хронологии московской керамики XIII – середины XV в. // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М.: ИА РАН. С. 50–55.

Чернов С. З., 2005. Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. 2. Домен московских князей в городских станах, 1271–1505 годы. М.: Наука. 651 с.

Шполянская Д. В., 2008. Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV–XVI веков Рождествено I // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН. С. 267–275.

Резюме. В статье рассматриваются результаты раскопок участков селищ Русино 4 и Русино 5 в Троицком административном округе г. Москвы. Общая площадь проведенных исследований на селище Русино 4 составила 1900 кв. м, на селище Русино 5 – 600 кв. м.

На участке раскопа селища Русино 4 исследовано 12 заглубленных в материк объектов, на селище Русино 5 – 3 объекта. Собраны коллекции керамики и индивидуальных находок.

На анализе полученного в результате раскопок материала селища были датированы XIV–XV вв.

Ключевые слова: селище, раскоп, шурфы, культурный слой, фрагменты керамики, индивидуальные находки.

A. M. Fatkov, V. V. Minenko, Ya. R. Slepova, M. V. Chirkov

The settlements of Rusino 4 and Rusino 5 (Moscow)

Resumé. This paper presents the results of excavations at the settlements of Rusino 4 and Rusino 5, in the Troitsky administrative district of Moscow. The overall area covered by the studies at the Rusino-1 settlement amounted to 1900 square metres, and at the Rusino 5 settlement to 600 square metres.

The excavations at the Rusino 4 site researched 12 different objects which were submerged into the earth, and at Rusino-5 three such objects were studied. A collection was made of ceramic fragments and individual finds.

Analyses of the finds made during the excavations at the sites produced a dating of the 14th to 15th centuries.

Keywords: settlements, excavations, trench slices, cultural layer, ceramic fragments, individual finds.

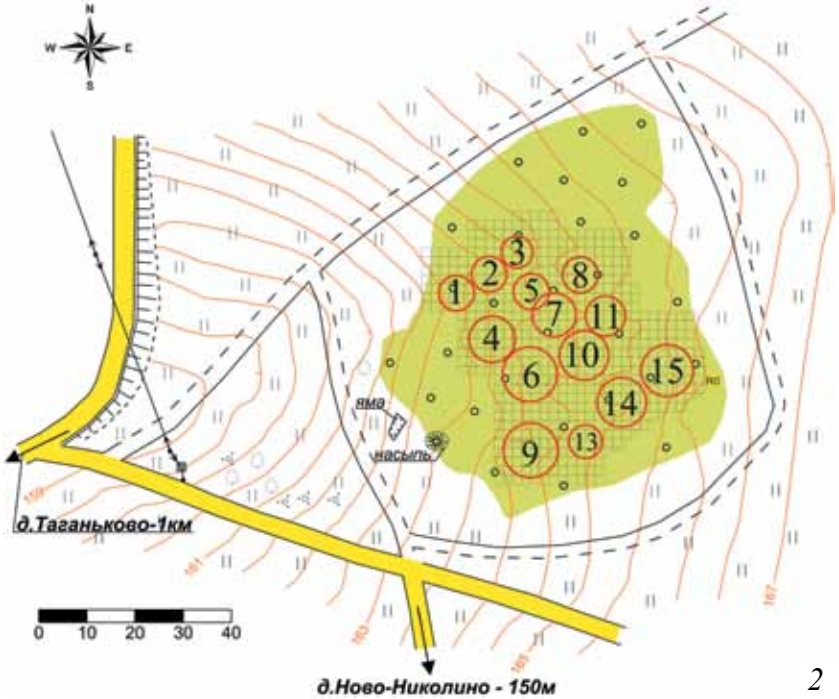
КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ДАРЬИНО-1
(МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, ОДИНЦОВСКИЙ РАЙОН)

А. М. Фатьков, Я. Р. Слепова, М. В. Чирков, В. В. Миненко

1

В июле – августе 2016 г. Троицким отрядом отдела сохранения археологического наследия ИА РАН проводились спасательные археологические раскопки на объекте археологического наследия – курганном могильнике Дарьино-1, находившемся в Одинцовском р-не Московской обл.

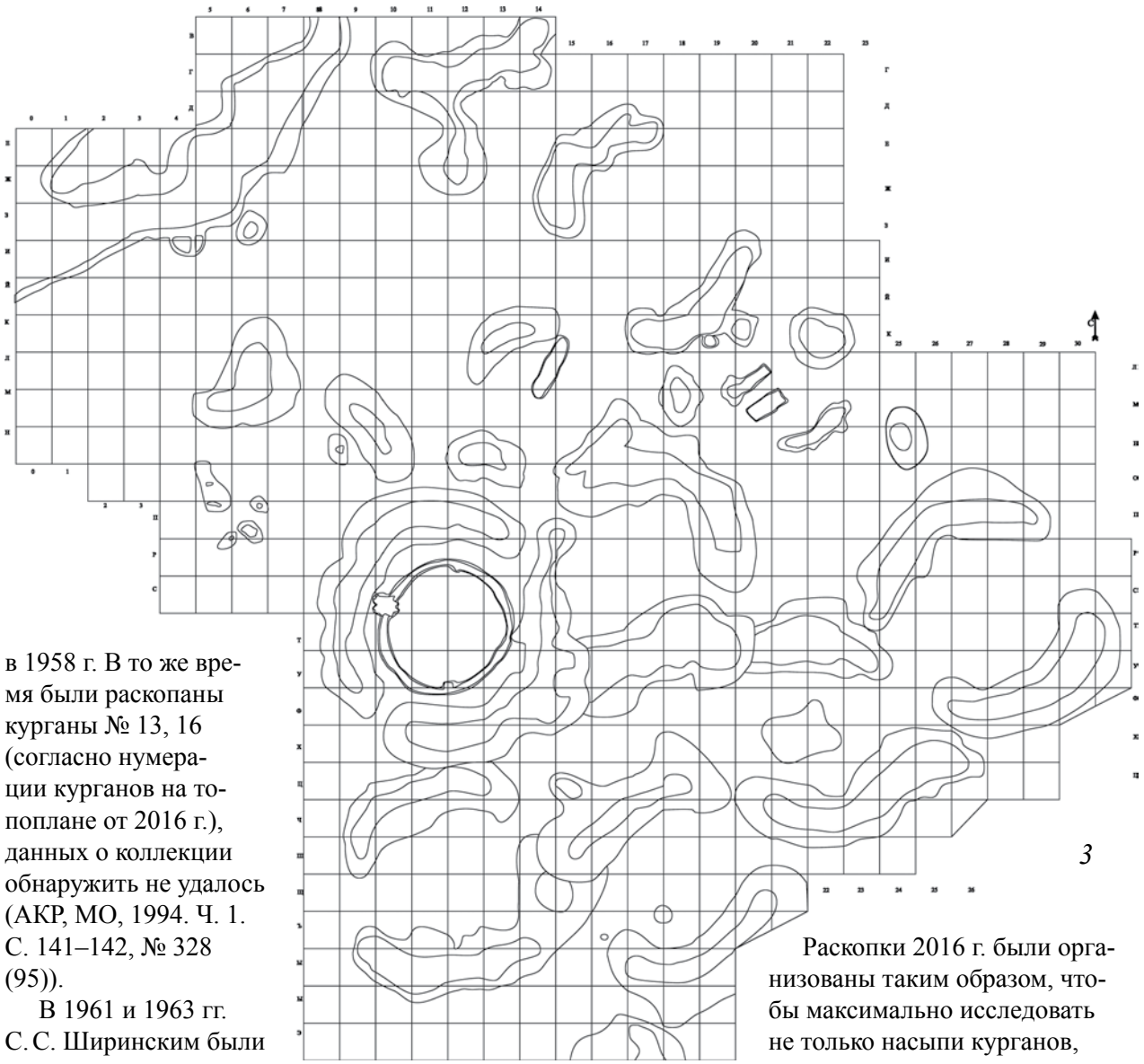
Курганный могильник Дарьино 1 (XII–XIII вв.) расположен в 1 км к северо-западу от д. Дарьино, на правом берегу р. Слезня (правый приток р. Москва, левый приток р. Ока, правый приток р. Волга), в 0,2 км к востоку от русла, в лесу на краю поля. Памятник насчитывал не менее 16 курганов, на момент проведения раскопок сохранилось 14 насыпей высотой 0,6–1,2 м, диаметром 6–10 м, со следами ровиков (АКР, МО, 1994. Ч. 1. С. 141–142, № 328 (95)). На всех обнаружены следы грабительских ям (рис. 1).



2

Рядом с курганным могильником Дарьино-1 находятся курганный могильник Дарьино-2 (XI–XIII вв.); селище Таганьково 1 (XII–XIII, XIV–XVI вв.); курганный могильник Лапино (XI–XIII вв.); курганный могильник Солослово (XI–XIII вв.); курганный могильник Таганьково 1 (XI–XIII вв.); курганный могильник Таганьково 2 (XI–XIII вв.); курганный могильник Уборы (XI–XIII вв.); курган Уборы (XI–XIII вв.); селище Успенское 1 (р. ж. в., XIV–XVI вв.); селище Успенское 2 (XI–XIII, XIV–XVII вв.).

Памятник обнаружен и обследован А. В. Успенской



3

в 1958 г. В то же время были раскопаны курганы № 13, 16 (согласно нумерации курганов на топоплане от 2016 г.), данных о коллекции обнаружить не удалось (АКР, МО, 1994. Ч. 1. С. 141–142, № 328 (95)).

В 1961 и 1963 гг. С. С. Ширинским были раскопаны курганы № 1, 4, 12, 3, 10, 13, 14, 16 (согласно нумерации курганов на топоплане 2016 г.) (рис. 2).

В ходе раскопок собрана коллекция предметов, характерных для культуры вятичей XII–XIII вв. Среди них – многочисленные семилопастные височные кольца, витые и пластинчатые браслеты, решетчатые зигзаговые и рубчатые перстни, монетовидные привески, в том числе с изображением зверя, шейные гривны, лунницы и крестовидные привески, бипирамидальные сердоликовые, шаровидные горнохрустальные, стеклянные и другие бусины, прочие предметы.

Коллекция хранится в ГИМ и МИМ (*Ширинский,* 1963. Арх. ИА № 3564. Л. 7–11; паспорт).

Раскопки 2016 г. были организованы таким образом, чтобы максимально исследовать не только насыпи курганов, но и межкурганное пространство. Перед началом работ была проведена разбивка единой сетки квадратов раскопа (2×2 м) с цифровым и буквенным обозначениями (сторона по линии север – юг получила литерную индексацию от А до Ю, сторона по линии запад – восток получила цифровую индексацию от 0 до 30) (рис. 3). Разборка насыпей велась по пластам мощностью 0,2 м, с оставлением перпендикулярных осевых бровок толщиной 0,4 м и ориентацией по линиям север – юг и запад – восток. Раскоп был ориентирован по сторонам света (рис. 2, 3), площадь составила 2800 кв. м.

Фиксация стратиграфии курганов велась по оставленным бровкам, стратиграфия раскопа фиксировалась по его бортам.

Рис. 1. Общий вид процесса работ
Рис. 2. Топоплан с указанием места закладки раскопа
Рис. 3. План дневной поверхности с указанием местоположения насыпей курганов и бровок

4

Всего на площади раскопа исследовано 14 курганных насыпей, из них две были раскопаны А. В. Успенской в 1958 г., восемь – в 1961–1963 гг. С. С. Ширинским, остальные повреждены грабительскими перекопами.

Размеры насыпей составили от 6 до 14 м в диаметре, их высота варьировалась от 0,3 до 1,9 м от подножия насыпи. Стратиграфия, фиксируемая в курганных бровках, представлена тремя основными слоями. Слой 1 – лесная подстилка, образованная многолетним листовым опадом, корнями деревьев и редким травяным покровом. Слой 2 – мешаный слой коричневого суглинка с мелкими вкраплениями и отдельными линзами бурого и/или белесого суглинков, а также линзами мешаного бурого с белесым суглинка. Эти линзы на основании цвета, стратиграфического положения и индивидуальных находок в теле насыпи были интерпретированы как выбросы из грабительских ям. Ниже залегал слой 3, состоящий из бурого и белесого суглинков в виде субгоризонтальных линз и прослоек. Еще ниже в некоторых курганах залегал слой 4 – светло-коричневый суглинок.

5

Курганные насыпи окружены двумя-тремя полукруглыми ровиками глубиной до 1,5 м. Их размеры существенно различались, а заполнение состояло из светло-коричневого, темно-коричневого, темно-серого, редко светло-серого суглинков.

Материк сложен оподзоленным светло-серым суглинком с прослойками бурого суглинка. На его фоне зафиксированы многочисленные западины, оставленные корневыми системами деревьев.

Существенные особенности имели курганы № 6, 9, 11.

Курган 6 расположен в западной части раскопа, к северу от кургана 9 (рис. 2, 3). Размеры насыпи составили 12 м в диаметре, высота от подножия – до 1 м. На вершине насыпи зафиксирована грабительская яма неправильной формы, размерами 5×3,4 м. Максимальная ее глубина от уровня дневной поверхности составила 0,4 м. Антропогенные разрушения дополнялись звериными норами, тяготеющими к грабительской яме, что обусловлено менее плотным грунтом. Данный курган примечателен большим количеством обнаруженных на его площади скоплений фрагментов круговых керамических сосудов.

В ходе вскрытия насыпи обнаружены три единичных фрагмента керамики и десять скоплений керамики. 27 фрагментов круговых сосудов относились к сосудам из слабоожелезненной глины с примесью дресвы в тесте. 26 фрагментов – к сероглинянным сосудам с примесью дресвы в тесте. 34 фрагмента круговых сосудов относились к сосудам из ожелезненной глины с примесью дресвы в тесте. Морфология верхних частей сосудов аналогична морфологии курганной московской керамики

Рис. 4–7. Индивидуальные находки

второй половины XII – первой половины XIII в. (рис. 13, 15, 16) (*Чернов,* 1991. С. 20–30; *Бойцов,* 1991. С. 36; *Чернов,* 2005. С. 111–114; *Коваль,* 2014. С. 552–553) (рис. 10, 11).

Индивидуальные находки представлены железным изделием неустановленного предназначения и кованым железным гвоздем.

В кв. У/10 в слое темно-коричневого суглинка обнаружен фрагментарный остеологический материал. Кости принадлежали женщине adultus 2-maturus.

В кургане 6 каких-либо значимых стратиграфических особенностей не выявлено.

После зачистки материка на межкурганном пространстве были выявлены контуры двух курганных ровиков серповидной формы. Максимальная глубина, ширина и протяженность первого – 0,47 м, 3,3 м, 19,5 м соответственно, второго – 0,48, 4, 18,6 м (рис. 3).

Другой особенностью кургана 6 стало выявление под телом насыпи кольцеобразного объекта, контуры которого в нескольких местах нарушены корневыми системами деревьев. Заполнение представлено светло-коричневым суглинком с включениями белесого, глубина от уровня выявления пятна – до 0,46 м, диаметр внешней окружности – до 8 м, внутренней – до 7,2 м, максимальная ширина (за исключением областей, нарушенных корневыми системами деревьев) – до 0,60 см (рис. 3, 13). Находок в заполнении объекта не выявлено, его назначение, по-видимому, связано с погребальным обрядом.

Курган 9 расположен в юго-западном углу раскопа (рис. 2, 3). Размеры насыпи кургана 9 составили 12 м с севера на юг и 14 м с запада на восток, высота от подножия – до 1,8 м. На вершине насыпи кургана и по ее восточному склону зафиксирована грабительская яма неправильной формы размером 4×4,36 м.

7

6

Максимальная ее глубина от уровня дневной поверхности составила 0,9 м.

В насыпи обнаружены два скопления керамики, из них 12 фрагментов круговых сосудов принадлежали сосудам из слабоожелезненной глины с примесью дресвы в тесте, три фрагмента принадлежали сосудам из ожелезненной глины с примесью дресвы в тесте. Морфология верхних частей сосудов аналогична морфологии курганной московской керамики второй половины XII – первой половины XIII в. (рис. 10, 11). Индивидуальные находки представлены фрагментом глиняной игрушки, фрагментами двух железных ножей и железным предметом неустановленного предназначения.

Каких-либо значимых стратиграфических особенностей в кургане 9 не обнаружено.

После зачистки материка на межкурганном пространстве выявлены контуры двух курганных ровиков серповидной формы. Максимальная глубина, ширина и протяженность первого – 0,75, 3,1, 12,7 м соответственно, второго – 0,59, 5,1, 16 м (рис. 3).

При зачистке на уровне материка в кв. Ъ/11, 12; Ы/11, 12 выявлены контуры погребальной ямы, заглубленной в материк. В ее заполнении находилось скопление фрагментированных костей крупного травоядного животного. Контуры ямы на уровне выявления совпадали с контурами грабительской ямы, зафиксированной на склоне насыпи. На основании этого, а также степени сохранности костей было установлено, что они попали в насыпь позднее времени ее возведения (рис. 3).

Курган 11 расположен к югу от кургана 8, к северо-западу от кургана 15, к северо-востоку от кургана 10 (рис. 2, 3). Размеры насыпи

8

составили 6 м с севера на юг и 8 м с запада на восток, высота от подножия – до 0,95 м. На вершине насыпи зафиксирована грабительская яма размером 2,3×3 м, глубина от уровня выявления – до 0,46 м.

После зачистки материка на межкурганном пространстве выявлены контуры двух курганных ровиков серповидной формы. Максимальная глубина, ширина и протяженность первого – 0,79, 2,5, 3,3 м соответственно, второго – 0,29, 1,7, 4,7 м (рис. 3).

В насыпи обнаружено два скопления керамики, все 15 фрагментов принадлежали сосудам из ожелезненной глины с примесью дресвы в тесте. Морфология верхних частей сосудов аналогична морфологии курганной московской керамики второй половины XII – первой половины XIII в. (рис. 10, 11). Зафиксированы индивидуальные находки, среди них – точильный камень и металлическая пластина, изделия из цветного металла: перстень (рис. 5, *4*), фрагменты двух семилопастных височных колец (рис. 8, *1, 3*) и фрагментированный пластинчатый браслет (рис. 6, *4*).

Находки, обнаруженные в насыпи кургана 11, являются, по-видимому, грабительскими выбросами из погребений. После снятия бровок в центральной части кургана зафиксированы два захоронения в могильных ямах (рис. 3, 12).

В ходе выборки погребения 1 было установлено, что оно частично нарушено грабительской ямой (рис. 3, 12). Остеологический материал не сохранился, зафиксированы предметы украшений: две стеклянные бусины (рис. 7), фрагментированный пластинчатый браслет, витой браслет (рис. 6, *3*), два перстня из цветного металла.

Остеологический материал погребения 2 также не сохранился. Индивидуальных находок или керамики в погребении не зафиксировано.

В остальных курганах захоронения in situ не обнаружены. Захоронения из курганов № 1, 3, 4, 10, 12, 13, 14, 16 извлечены в ходе работ 1958, 1961 и 1963 гг. Остальные погребения, вероятнее всего, уничтожены в ходе грабительских раскопок: фрагментированный остеологический материал встречался в переотложенных слоях и не мог быть соотнесен с конкретным курганом.

В ходе раскопок на памятнике получен интересный керамический комплекс XII–XIII вв. В материалах раскопа большая часть фрагментов принадлежала красноглиняной посуде с примесью дресвы, неполного обжига. Вторая по численности группа керамики – беложгущаяся керамика с примесью дресвы, неполного обжига. Полный обжиг керамики встречается, но крайне редко. Морфология верхних частей двух групп сосудов аналогична морфологии курганной московской керамики второй половины XII – первой половины XIII в. (рис. 10, 11).

При раскопках курганного могильника сделано 79 индивидуальных находок, большинство из которых изготовлено из железа. Среди них – три фрагмента железных ножей, два кованых гвоздя, обувная подкова, фрагмент железной иглы и 20 сильно корродированных предметов.

Наибольший интерес вызывает коллекция изделий из цветного металла. Наиболее часто встречаются привески. Включая семь монетовидных (рис. 4, *6–12*), характерных для набора женских украшений вятичей (*Седова,* 1997. С. 67); пять монетовидных привесок с изображением зверя, имеющих широкую датировку (вторая половина XII – первая половина XIII в.)

в древнерусских материалах (рис. 4, *1–5*) (*Сарачева,* 2003. С. 110), одна привеска в форме утиной лапки, имеющая аналогию в мещерских древностях (рис. 7) *(Рябинин,* 1997. С. 219, рис. 1–4; с. 224, рис. 7–8, 18), фрагмент подвесного украшения неустановленного типа (рис. 7), а также два фрагмента нашейной цепи, встречающихся в наборе женских украшений вятичей (рис. 7) (*Седов,* 1982. С. 150).

Среди других находок из цветного металла семь перстней – решетчатый двузигзаговый (рис. 5, *5*), три рубчатых перстня (рис. 5, *1–3*), три пластинчатых перстня: целый экземпляр (рис. 5, *4*) и два сильно патинированных фрагментированных перстня. Среди перстней общерусских типов выделяется решетчатый двузигзаговый перстень, характерный для древностей вятичей (*Арциховский,* 1930. С. 73).

Еще одна категория находок из цветного металла – семилопастные височные кольца и их фрагменты. При раскопках курганной группы кроме сильно фрагментированных частей (рис. 8, *1*; рис. 9, *1, 3, 4*) обнаружены два почти целых височных кольца (рис. 8, *3, 4*), три отдельные лопасти (рис. 8, *2, 5*; рис. 9, *2*), две из которых имеют геометрический и плетеный орнаменты. Стоит отметить, что плетеный орнамент является составной частью книжной традиции XII–XIV вв. (*Макарова, Равдина,* 1992. С. 73). Все найденные височные кольца относятся к типу простых, с секировидными лопастями, Т. В. Равдиной датируются второй половиной XII – XIII в. (*Равдина,* 1968. С. 140). Височные кольца этого типа являются этническим маркером племени вятичей (*Арциховский,* 1930. С. 44).

Находки цветного металла представлены также четырьмя браслетами (целыми экземплярами и их фрагментами), из них три – пластинчатые орнаментированные, загнутоконечные (рис. 6, *1, 2, 4*); проволочный витой (рис. 6, *3*). Найденные предметы часто встречаются в древностях вятичей (*Арциховский,* 1930. С. 21, 137). Витой браслет можно датировать XII–XIII вв. (*Арциховский,* 1930. С. 137).

Их дополняют два кольца (части поясного набора) (рис. 9, *5, 6*) и три прорезных щелевидных бубенчика (рис. 5, *6–8*), часто встречающихся в курганах вятичей XII–XIII вв. в составе женских шейных украшений (*Равдина,* 1968. С. 138; *Седов,* 1982. С. 150).

Прочие украшения представлены пятью бусинами. Из них три – шестигранные бипирамидальные сердоликовые бусины; желтостеклянная; бусина округлой формы из горного хрусталя, бусина с узором (рис. 7).

Отметим характерность сердоликовых бипирамидальных бус для славянских племен и сочетание их в ожерелье с хрустальными бусинами в погребениях вятичей (*Арциховский,* 1930. С. 36; *Седов,* 1982. С. 150).

Изделия из камня представлены двумя оселками.

Помимо этого при раскопках курганной группы Дарьино-1 найдены два кремневых предмета – отщеп и крупный фрагмент кремня низкого качества со следами обработки. Изделия из глины представлены фрагментом зооморфной глиняной игрушки. Среди прочего встречена монета – копейка 1899 г. (рис. 9, *7*).

9

Рис. 8, 9. Индивидуальные находки

10

11

Судя по инвентарю, большую часть могильника составили женские погребения. Мужские погребения не содержали инвентаря или включали единичные вещи. Женские погребения характеризовались богатым инвентарем: височными кольцами, перстнями, браслетами из цветных металлов. Данный характер в распределении инвентаря характерен для славянских курганов вообще и для погребальных памятников вятичей (*Седов,* 1982. С. 150).

В результате проведенных исследований установлено, что курганная группа Дарьино 1 по совокупности найденных артефактов имеет вероятную датировку XII–XIII вв. и соотносится с древностями вятичей. В пользу этого свидетельствует собранная в ходе раскопок 1958, 1961, 1963, 2016 гг. коллекция, включающая многочисленные решетчатые перстни, семилопастные височные кольца, витые и пластинчатые браслеты из цветных металлов.

12

13

Рис. 10–11. Фрагменты керамики
Рис. 12. Погребения, выявленные в кургане-11, после выборки заполнения
Рис. 13. Кольцеобразный объект, выявленный под насыпью кургана 6

ЛИТЕРАТУРА

Арциховский А. В., 1930. Курганы вятичей. М.: РАНИОН. 221 с.

Богомолов В. В., Гоняный М. И. и др., 2009. Археологические исследования погоста XV–XVI вв. у с. Рождественно Одинцовского района Московской области // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 291–325.

Бойцов И. А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М.: ИА РАН. С. 33–40.

Веселовский С. Б., Перцов В. Н., 1993. История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. Исторические карты Подмосковья XVI–XVII вв. Энциклопедия российских деревень. Вып. 4. М. 58 с.

Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // Российская археология. № 1. М.: Наука. С. 98–109.

Коваль В. Ю., 2004 Исследование керамического материала // Средневековое поселение Настасьино: Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН. Том 2. М.: ИА РАН. С. 21–39.

Коваль В. Ю., 2005. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула: Инфра. С. 251–265.

Краснов Ю. А., 1995. Археологическая карта России. Московская область. Часть 2. М.: ИА РАН. 237 с.

Макарова Т. И., Равдина Т. В., 1992. Семилопастные височные кольца с орнаментом // Российская археология. Вып. 4. М.: Наука. С. 68–82.

Равдина Т. В., 1968. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М.: Наука. С. 136–142.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е 1–39. М.: Наука. 77 с.

Рябинин Е. А., 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. 260 с.

Сарычева Т. Г., 2003. Древнерусские привески с изображением зверя // Российская археология. Вып. 4. М.: Наука. С. 102–115.

Седов В. В., 1982. Археология СССР. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука. 326 с.

Седова М. В., 1959. Ювелирные изделия Новгорода Великого // Труды новгородской археологической экспедиции. Т. II. МИА № 65. М.: Издательство Академии наук СССР. С. 223–261.

Седова М. В., 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь: Быт и культура. М.: Наука. С. 63–78.

Чернов С. З., 2005. Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. 2. Домен московских князей в городских станах, 1271–1505 годы. М.: Наука. 651 с.

Чернов С. З., 1991. К хронологии московской керамики XIII – середины XV в. // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М.: ИА РАН. С. 50–55.

Ширинский С. С., 1961. Арх. ИА № 2621.

Ширинский С. С., 1963. Арх. ИА № 3564.

Резюме. В статье содержится информация о проведенных раскопках курганного могильника Дарьино-1 в Одинцовском р-не Московской обл. В ходе работ найдены орудия труда, многочисленные женские украшения, фрагменты керамики, фрагментированные человеческие костные останки. По результатам анализа полученных материалов памятник датирован XII–XIII вв. и отнесен к древностям вятичей.

Ключевые слова: Одинцовский район, курганный могильник, курганные ровики, погребения, женские украшения, семилопастные височные кольца, решетчатые перстни, монетовидные привески, орудия труда, курганная керамика, этномаркер, вятичи.

A. M. Fatkov, Ya. R. Slepova, M. V. Chirkov, V. V. Minenko

The funerary earthworks barrow of Daryno-1 (preliminary results). (Moscow County Region, Odintsovsky Region)

Resumé. This article presents information about the rescue archaeology excavations undertaken at the Daryno-1 funerary earthworks barrow in Odintsovsky Region of Moscow County Region. The excavations yielded items including work tools, large quantities of female jewellery, ceramic fragments, and fragments of human bone remains. Analyses of these items permit a dating of the 12th–13th century for the site, and an association with the Vyatich tribe.

Keywords: Odintsovsky Region, funerary earthwork, earthwork barrow, burial trenches, burials, female jewellery, seven-lobed temporal rings, lattice-work signet rings, coin-shaped pendants showing animal images, work tools, earthwork ceramics, ethnic markers, Vyatichi.

СЕЛИЩЕ ТАРЫЧЕВО 1
(МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, ЛЕНИНСКИЙ РАЙОН)

А. М. Фатьков, Р. А. Федонин, В. В. Миненко, Я. Р. Слепова, М. В. Чирков

1

В ноябре 2016 г. экспедицией отдела сохранения археологического наследия ИА РАН проводились охранные археологические раскопки селища Тарычево 1 в Ленинском р-не Московской обл. (рис. 1).

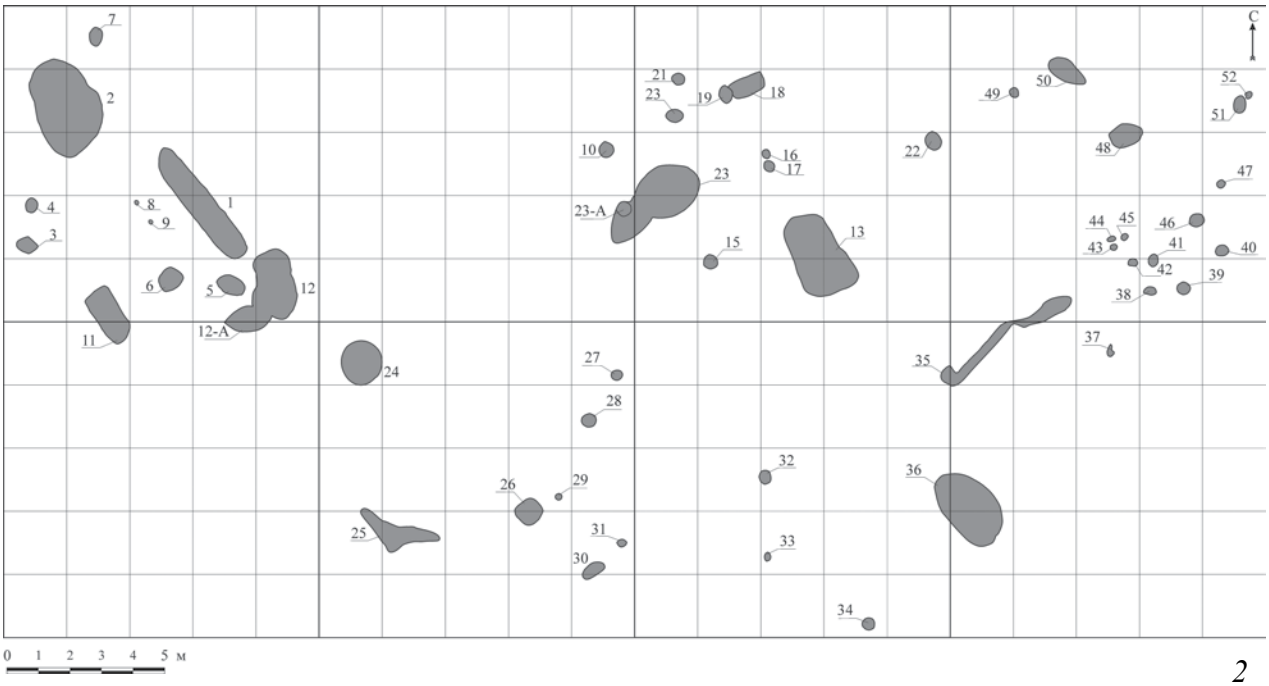
Памятник выявлен в 2006 г. В 2006 г. Архитектурно-археологическим отрядом ООР ИА РАН проведены охранные раскопки на участке селища площадью 256 кв. м, в октябре 2013 г. разведочным отрядом археологической экспедиции ООО «ЦАИ «Куликово поле» уточнены его границы (*Гоняный,* 2013).

Селище Тарычево 1 расположено в северной части Ленинского р-на Московской обл., в северо-восточной части пос. Ленинский, в 1250 м к югу от автодорожной развязки МКАД – М-4 «Дон», в 282 м к северо-востоку от Никольской церкви в с. Тарычево (рис. 3).

Селище расположено на пологом склоне правого берега искусственного пруда, запруженного в овраге, выходящем к р. Битца (левый приток р. Пахра). Склон террасы разделен пологой балкой. Площадка селища находится на высоте 151–157 м (по Балтийской системе высот), 4–9 м от современного уровня пруда, постепенно понижается в восточном направлении к берегу пруда, ограничивающему территорию селища. В 60 м западнее селища проходит автодорога Москва – Видное. Селище находится на поле, ранее подвергавшемся распашке. На момент обследования площадка селища заросла травой.

В декабре 2016 г. сотрудниками ОСАН ИА РАН был заложен раскоп площадью 800 кв. м и выявлены два различных по площади и конфигурации скопления археологического материала и археологических объектов.

На всей площади раскопа под слоем дерна фиксировался распаханный культурный слой, состоявший из темного серо-коричневого суглинка, иногда с включениями бурого суглинка, углей, печины, мелкого керамического крошева. Общая мощность культурного слоя раскопа, турбированного в результате многолетней плужной распашки, составляет 0,30–0,50 м.



2

Зачистка выявила контуры 52 заглубленных в материк объектов: хозяйственного назначения и столбовых ям (рис. 2).

Найдено 415 фрагментов керамики. Весь объем массового керамического материала относится к круговой посуде, принадлежавшей к различным традициям русского гончарного производства XIII–XVI вв.

Большинство из них относятся к красножгущейся керамике, получившей в литературе наименование курганной и серой (постдревнерусской) (*Чернов,* 1991. С. 20–29; 2005. С. 111, 113). Среди фрагментов верхних частей горшков чаще всего встречаются венчики типов 7–8 по В. Ю. Ковалю (*Коваль,* 2014. С. 552–553) (рис. 4). Небольшое количество находок относится к красноглиняной грубой керамике (*Бойцов,* 1991. С. 35–36)

3

Рис. 1. Общий вид процесса работ
Рис. 2. Сводный план объектов после выборки заполнения
Рис. 3. Топоплан с указанием места закладки раскопа и шурфов

с венчиками типа 5 по В. Ю. Ковалю (*Коваль,* 2014. С. 552–553) (рис. 4).

Керамика конца XV – XVI в. зафиксирована только в объекте № 35, большую часть комплекса которого составляют фрагменты белоглиняных сосудов. Их можно разделить на несколько типов, каждый из которых обладает своими характерными особенностями, что позволяет рассматривать их отдельно.

Большую часть составляют фрагменты так называемой белоглиняной гладкой посуды (керамики коломенского типа, МБК-2 по В. Ю. Ковалю). Венчики вертикально поставленные либо с небольшим уклоном внутрь горшка, зачастую приостренные, обычно с небольшим наплывом-валиком с внутренней стороны. Горшки украшены линейным орнаментом, нанесенным ножом. Морфология верхних частей белоглиняных гладких горшков и характер их орнаментации позволяют датировать почти все эти находки XVI в. (*Коваль,* 2001. С. 106, рис. 3).

В меньшем количестве встречены фрагменты белоглиняной посуды с примесью дресвы либо песка, получившие наименование белоглиняной грубой, или МБК-1 по В. Ю. Ковалю. Появление этой керамики соотносится с второй половиной XV в. (*Чернов,* 1991. С. 50–52; с. 58, рис. 2) или рубежом XV–XVI вв. (*Коваль,* 2001. С. 99–100).

Кроме того, в небольшом количестве в объекте 35 обнаружены обломки краснолощеных сосудов – кувшинов, все они имеют хороший горновой обжиг, как правило, примесь мелкозернистого песка в тесте.

Стоит отдельно отметить и небольшой процент чернолощеной и мореной посуды, присутствующей в наиболее поздних комплексах. Обычно это единичные находки, встреченные только в одном объекте (объект 35).

При изучении поселения Тарычево 1 из найденных 17 индивидуальных находок три предмета происходят из подъемного материала, остальные – из слоя и объектов раскопа. Среди них артефакты, изготовленные из черного металла: ножи, дробь, металлургический шлак, кольцо дверное, гвоздь, гвоздь обувной, пряжка, фрагмент пробоя и железная полоса.

Стоит отметить наличие нескольких керамических вещей: пряслица, изготовленного из стенки сосуда, и фрагмента детской игрушки в виде конуса, обломленного в основании.

В ходе работ 2016 г. исследованы только периферийная часть хозяйственной зоны сельского поселения XIII–XVI вв., имевшая в основном наземные постройки с небольшими заглубленными в материк ямами хозяйственного назначения.

Наиболее активный период поселения относится к XIII–XVI вв.

Раскопки селища Тарычево 1 дали небольшой, но интересный материал, важный для изучения материальной культуры и истории освоения данной территории в Средневековье.

Рис. 4. Фрагменты керамики

ЛИТЕРАТУРА

Богомолов В.В., Гоняный М.И. и др., 2009. Археологические исследования погоста XV–XVI вв. у с. Рождественно Одинцовского района Московской области // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М. Вып. 5. С. 291–325.

Бойцов И.А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М.: ИА РАН. С. 33–40.

Коваль В.Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // Российская археология. № 1. М.: Наука. С. 98–109.

Коваль В.Ю., 2014. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы (методические рекомендации) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 498–571.

Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е 1–39. М.: Наука. 77 с.

Чернов С.З., 1991. К хронологии московской керамики XIII – середины XV вв. // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М.: ИА РАН. С. 50–55.

Чернов С.З., 2005. Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. 2. Домен московских князей в городских станах, 1271–1505 годы. М.: Наука. 651 с.

Резюме. В статье рассматриваются результаты раскопок селища Тарычево 1 в Ленинском р-не Московской обл. на площади 800 кв. м.

В результате работ выявлены два различных по площади и конфигурации скопления археологических материалов и археологических объектов.

Исследованы 52 заглубленных в материк объекта. Собрана коллекция керамики и индивидуальных находок, датированных XIII–XVI вв.

Ключевые слова: селище, культурный слой, фрагменты керамики, индивидуальные находки.

A.M. Fatkov, R.A. Fedonin, V.V. Minenko, Ya.R. Slepova, M.A. Chirkov
The settlement of Tarychevo 1 (Moscow County Region, Leninsky Region)

Resumé. This paper presents the results of excavations at the settlement of Tarychevo 1 in the Leninsky Region of Moscow County Region. The overall area studied at the Tarychevo 1 settlement was 800 square metres.

As a result of the studies, two separate areas, distinguished by their architectural material and archaeological objects were identified, with different sizes and configurations – the settlements of Tarychevo 1 Area 1, and Tarychevo 1 Area 2.

Archaeological excavations were conducted in the north-eastern sector of the settlement, with an overall area comprising 800 square metres.

The surveyed site included 52 objects which were submerged into the soil. A collection of ceramic pieces of individual finds was compiled.

Analyses undertaken on the finds enabled a dating of 13th to 14th century AD to be established.

Keywords: settlement, excavation, cultural layer, ceramic fragments, individual finds.

СЕЛИЩЕ ЛАЗУРНАЯ 2
(ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ, КОНАКОВСКИЙ РАЙОН)

А. Н. Хохлов, М. Е. Нестерова

1

В 2015 г. отрядом Самбийской экспедиции ИА РАН проведены спасательные археологические исследования селища Лазурная 2 в границах участка, отведенного под строительство скоростной автомобильной дороги М-11 Москва – Санкт-Петербург в Конаковском р-не Тверской обл.

Памятник расположен на первой надпойменной террасе правого берега р. Шоши, недалеко от ее впадения в р. Волгу, на мысу, при впадении безымянного ручья в р. Шошу (в настоящее время – Иваньковское водохранилище), в 50 м к югу от уреза воды.

Площадь раскопа составила 5819 кв. м (рис. 1). Культурный слой в значительной степени переотложен распашкой в XIX – начале XX в. и работами по мелиорации и последующей рекультивации участка в 1960–1970-х гг.

Исследование велось по методике археологических наблюдений с использованием землеройной техники тонкими проходками с фиксацией массовых и индивидуальных находок по методике INRAP (Франция). В восточной части раскопа, в пахотном горизонте, было зафиксировано скопление массового материала и индивидуальных находок.

Довольно разнообразна коллекция изделий из железа, представленная 164 находками. С домостроительством связаны подпятник дверных петель, две дверные ручки, крюки, накладки, скобы, гвозди строительно-крепежные, костыли, клин и пробой, а также фрагмент ключа от навесного сничного замка – тип Е, датируется второй половиной XIV – XVII в. (*Колчин*, 1982. С. 162). Универсальный хозяйственный инструментарий включает в себя четыре ножа,

три шила, швейную иглу, зубило, пять инструментов неясного назначения. Кроме него обнаружены подкова железная конская в форме сегмента с одним передним шипом и подковные гвозди.

Среди предметов из цветного металла следует отметить три бронзовых щитковых перстня. Первый из них, с круглым щитком, на котором изображен воин с саблей и посохом (стрелой (?), датируется XVII в. (рис. 2) (*Нелюбов*, 2001. С. 2–3; *Хухарев*, 2008. С. 270). Второй – с овальным орнаментированным щитком, изображение не читается (рис. 3). Третий – с круглым щитком, на котором изображена длинношеяя птица влево с распущенным хвостом, по бокам щитка – остатки обломанного кольца, датируется XVI–XVII вв. (*Хухарев*, с. 270).

Детали одежды включают в себя пряжку бронзовую и семь колец поясных бронзовых гладких. Встречено 15 шаровидных и полусферических пуговиц с ушком, литых из бронзы или из свинцово-оловянистого сплава.

Интерес представляют и свинцовые снаряды для ручного огнестрельного оружия – сферические пули и картечь XVI–XVII вв.

Предметы христианского культа включают жетон округлой формы из свинцово-оловянистого сплава, на одной из сторон которого процарапано схематичное изображение креста, и три нательных креста (рис. 4–6). Их датировка не выходит за пределы XVI–XVII вв. (*Хухарев*, 2015. С. 455–466).

2 3

Важным датирующим материалом являются монеты, представленные двумя полушками (рис. 7), одна из которых чеканена от имени Ивана IV (около 1535 г.) (*Гайдуков*, 2006. С. 144, 301, 372 (384)), вторая, текст на которой читается частично, отчеканена или во время правления Василия Шуйского (1606–1610 гг.), или в начальный период правления Михаила Федоровича (1613–1645 гг.) (*Гайдуков*, с. 146, 305, 388, 389) и двумя денгами-сабельницами чекана Ивана IV (около 1547 г.) (рис. 8) (*Мельникова*, 1989. № 15–19).

Изделия из керамики и камня немногочисленны. Это две игрушки (птичка-свистулька из беложгущейся глины с приплюснутой головкой и хвостом, вторая фрагментирована), пряслице и две заготовки для пряслиц из стенок сосудов, фрагмент сопла из красножгущейся глины, грузило округлое дисковидное, два фрагмента плиток из красножгущейся глины, три оселка, два изделия из камня неясного назначения.

Всего из культурного слоя и заполнения материковых ям собрано 3105 фрагментов

4

5

6

Рис. 1. Общий вид раскопа
Рис. 2, 3. Перстни (бронза)
Рис. 4. Крест нательный (оловянно-свинцовый сплав)
Рис. 5. Крест нательный (медь?)
Рис. 6. Крест нательный (бронза)

7

8

0 1 см

средневековой гончарной посуды, в том числе 1355 фрагментов керамики из красножгущейся глины, 45 фрагментов из серожгущейся глины и 1705 фрагментов из беложгущейся глины. Среди посуды из беложгущейся и красножгущейся глины преобладают горшки, формы которых находят аналогии среди керамики Твери, Москвы, Пскова XVI–XVII вв. На двух фрагментах днищ горшков имеются клейма в виде колеса.

В северо-восточной части раскопа выявлены следы застройки, связанной с историческим поселением – усадебным комплексом периода позднего Средневековья, в виде материковых ям – столбовых ям, колодцев, остатков изгородей. Жилая и хозяйственная застройка включает остатки подклета, частоколов, ограничивающих усадьбу с запада и юга, два колодца и серию хозяйственных ям.

Усадьба была расположена на мысу при впадении безымянного ручья в р. Шошу, которая до наполнения водохранилища находилась примерно в 350 м от современного уреза воды. В северной части усадьбы прослежены остатки постройки № 1. К ней относятся 26 столбовых ям и заглубленный в материк хозяйственный подклет. Судя по всему, она представляла собой жилой наземный сруб на «стульях», с заглубленным на 0,34 м хозяйственным подклетом. Ее размеры составляют не менее 16×6 м. В 7 м к югу прослежена постройка № 2, расположенная параллельно первой, от которой сохранились негативы 29 столбовых ям. Конструкция столбовая или сруб, установленный на «стульях» – вкопанных в землю невысоких столбах. Постройка являлась наземной и, вероятно, имела хозяйственное назначение. Ее размеры составляют не менее 17×3–8 м. Обе постройки были ориентированы длинной стороной по линии, близкой направлению восток – запад.

Основная часть хозяйственных ям была расположена за пределами застройки, на северной границе усадьбы. В южной части усадебного комплекса, практически на его границе, находились два колодца, которые представляли собой квадратные в плане срубы (размеры 1,5×1,5–1,4×1,3 м), установленные в материковые ямы глубиной не менее 3 м.

С запада и юга территория была ограничена частоколами. Их остатки в виде округлых ямок в материке расположены в одну линию (диаметром 0,06–0,10 м, глубиной от 0,08 до 0,12 м, дно конусовидное). Южное прясло частокола было вытянуто по линии запад – восток (азимут 60°) на 31,60 м, западное прясло – по линии север – юг (азимут 160°) на 17,60 м. Частоколы были сооружены из тонких бревен (жердей?), подтесанных на конус.

Для уточнения восточной границы усадьбы восточнее раскопа было заложено пять шурфов (№ 6–10). Поскольку с востока территория поселения ограничивалась руслом ручья, размеры усадьбы составляли не менее 50×50 м.

Таким образом, исследованный в 2015 г. объект археологического наследия представляет собой остатки малодворной деревни.

Монетные находки и массовый керамический материал определяют нижнюю

Рис. 7. Полушка (серебро)
Рис. 8. Денга (серебро)

хронологическую границу поселения первой половиной XVI в. Верхняя хронологическая граница не выходит, вероятно, за пределы первой четверти XVII в. По всей видимости, после событий Смутного времени жизнь на усадьбе прекратилась и более не возобновлялась. На планах Генерального межевания 1784 г. и более поздних картах какого-либо населенного пункта на исследованном участке не зафиксировано.

В XIX – начале XX в. территория использовалась лишь как хозяйственные угодья, о чем свидетельствуют следы распашки и немногочисленные фрагменты керамики, фаянса и индивидуальных находок этого времени.

ЛИТЕРАТУРА

Гайдуков П.Г., 2006. Русские полуденьги, четверетцы и полушки XIV–XVII веков. М.

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М. С. 162.

Мельникова А.С., 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: история русской денежной системы с 1533 по 1682 г. Т. 1. М.

Нелюбов С.И., 2001. Ратники на средневековых русских перстнях. М.: ЦЕЙХГАУЗ. № 3. С. 2–3. Рис. 3, 4, 8.

Хухарев В.В., 2008. Средневековые перстни печати из Твери // Михаил Ярославович Тверской – Великий князь всея Руси: сборник материалов. Тверь.

Хухарев В.В., 2015. Кресты и иконки с сюжетом из жития «Никитино мучение» // АП. Вып. 11. М. С. 455–466.

Резюме. Проведены спасательные археологические раскопки селища Лазурная 2 в Конаковском р-не Тверской обл. Выявлены остатки малодворной деревни середины XVI – первой половины XVII в. Обнаружены остатки построек, изгородей, колодцев. Среди находок, определяющих хронологию памятника, – монеты, нательные кресты, керамика.

Ключевые слова: Тверская область, Конаковский район, селище Лазурная 2, монеты, нательные кресты, середина XVI – первая половина XVII вв.

A. N. Khokhlov, M. E. Nesterova

The settlement of Lazurnaya 2 (Tver Region, Konakovsky Region)

Resumé. Rescue archaeology excavations were undertaken at the settlement of Lazurnaya 2 in the Konakovsky District of Tver Region. The remains of an estate of the lesser nobility were identified, pertaining to the 16th and latter 17th century. Excavations uncovered remains of estate buildings, dividing walls, and a water-well. Among the finds used in dating the site were coins, breast-worn crucifixes, and ceramics.

Keywords: Tver Region, Konakovsky District, settlement of Lazurnaya 2, coins, breast-worn crucifixes, mid-16th century, latter 17th century.

ЗАМОК КЁНИГСБЕРГ
(КАЛИНИНГРАД)

А. Н. Хохлов, А. Б. Сиволапова

1

История замка Кёнигсберг в Восточной Пруссии (сейчас – город Калининград РФ) берет свое начало в 1255 г. Первоначально замок на Королевской горе был деревянным, но уже в 1257 г. начались подготовительные работы к строительству каменных укреплений. В западной части замковой территории во второй половине XIII в. и в XIV в. были возведены каменные стены и башни первоначального замка, а в 80-е гг. XIV в. здесь возводятся четыре здания (флигеля) Дома Конвента.

Однако к концу XVI в. старые постройки замка уже не удовлетворяли потребности двора

2

Георга Фридриха, герцога Пруссии и Бранденбурга. В 1584 г. было начато строительство комплекса зданий Западного флигеля, расположенная в нем кирха освящена уже в 1591 г. С внешних северо-западной и юго-западной сторон прямоугольного в плане здания флигеля, стены которого укреплены высокими контрфорсами, были возведены две фланкирующие мощные круглые в плане башни. Со стороны замкового двора (с северо-восточной и северо-западной сторон здания) были сооружены две круглые в плане малые лестничные башни (*Wagner Wulf D.,* 2008. S. 142–156). Комплекс зданий Западного флигеля замка Кёнигсберг сохранялся в хорошем состоянии вплоть до 1940-х гг. (*Бахтин,* 2005. С. 57).

Строения замка значительно пострадали во время налетов авиации и боевых действий 1944–1945 гг. К концу 1960-х гг. руинированные остатки зданий были взорваны и окончательно разобраны.

В начале 1970-х гг. перед открытием нового эстакадного моста в южной части Церковного флигеля проведены значительные по объему земляные и строительные работы по возведению железобетонной подпорной стенки, в результате которых в его юго-западной части были уничтожены все кладки стен и контрфорсов. Одновременно на остальной части периметра флигеля были проведены работы по формированию новой центральной площади Калининграда: был убран строительный мусор, проведена нивелировка поверхности, построены заглубленные в грунт чаши фонтанов и проложены коммуникации. В результате этих работ значительная часть культурного слоя была

3

4

уничтожена, частично срезана и верхняя часть материка, а грунт вывезен.

Раскоп 2016 г. площадью более 1780 кв. м, расположенный по периметру комплекса зданий Западного флигеля (в немецкой историографической традиции он также называется Церковный флигель или Кирхен-флигель). Большой подвал этого крупного, в плане прямоугольного здания ранее был раскопан В. И. Кулаковым (*Кулаков В. И.,* 2008. С. 112). Над цокольным этажом здания располагалась замковая кирха, над которой размещался огромный зал для торжественных приемов, получивший название «Зал московитов».

На тех участках, где культурный слой, остатки архитектурно-археологических объектов и даже верхняя часть материковых отложений уничтожены при строительных работах начала 1970-х гг., спасательные археологические работы проводились по методике археологических наблюдений. В соответствии с «Положением о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации» на этих участках (с юго-западной, западной и северо-восточной сторон здания) при проведении археологических наблюдений в процессе спасательных работ активно была использована землеройная техника (экскаваторы). На участках сохранившегося культурного слоя и сохранившихся остатков архитектурно-археологических объектов работы проводились вручную по методике археологических раскопок.

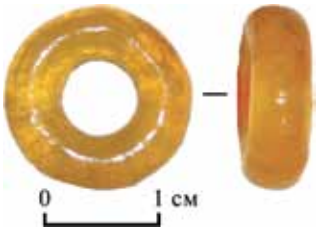
В результате установлено, что юго-западная башня Церковного флигеля уничтожена в 1970-х гг. почти наполовину, северо-западная башня сохранилась намного лучше, ее высота от подошвы составляет более 2,5 м (рис. 1). Хорошо сохранились ее кладки смешанного типа (кирпич и валун на известковом растворе), в том числе две характерные фундаментные разгрузочные арки. Кирпич, изготовленный для нового строительства, в среднем имеет размеры 29×14×8, 30×13×7,5, 31×13×7 см, что хорошо укладывается в хронологию строительной керамики, характерной для последней четверти XVI столетия. Следует, однако, отметить, что наряду с новыми строительными материалами в кладках Западного флигеля активно использовался и кирпич от разобранных зданий, стен и башен раннего периода, который имеет иные размеры, в том числе и так называемый большой готический кирпич. В кладках Западного флигеля и башен наряду с простым кирпичом встречаются и разные виды кирпича-«пальчатки» с бороздами на постелистых сторонах. Среди строительной керамики выделяется также несколько типов фигурного (лекального) кирпича и черепицы.

5

6

Рис. 1. Северо-западная угловая башня Западного флигеля
Рис. 2. Северный фасад контрфорса 4
Рис. 3. Слой, содержащий лепную керамику
Рис. 4. Валунный фундамент, прорезающий слой с лепной керамикой
Рис. 5. Монета грош. Серебро. 1526 г.
Рис. 6. Монета полугрош. Серебро. 1545 г.

7



8

Нижние части фундаментов северо-западной башни опираются на систему горизонтальных лаг из брусьев, которые, в свою очередь, лежат на оголовках мощных свай, забитых в материковую глину.

Важно отметить, что кладки XVI столетия опираются также на валунные фундаменты более ранних (вторая половина XIII – XIV в.) стен и угловой башни, разобранных перед новым строительством. Причем эти более ранние фундаменты не содержат в своей кладке кирпича – ни целого, ни в обломках или кирпичном бое. Ранние фундаменты, в свою очередь, делятся на две группы. В первой использованы валуны, булыжники и битая черепица раннего типа, в качестве связующего использован известковый раствор. Вторая группа представлена наиболее ранними фундаментами из крупных валунов, проложенных мелким булыжником, пролитых глинистым раствором.

Сохранились и основания контрфорсов, примыкавших к стене западного фасада Церковного флигеля (рис. 2). Их фундаменты сложены из валунов и кирпича (как целого, так и битого) на известковом растворе. Остатков деревянных свай или лаг под подошвой фундаментов контрфорсов не обнаружено.

В южной части раскопа, у подножия юго-западной башни, удалось выявить остатки конструкций фонтана в нише, а также остатки площадки лестницы и подпорной стенки замкового променада.

Культурный слой сохранился фрагментарно на участках к северо-западу и северу от западного и северного фасадов Церковного флигеля и северо-западной башни (рис. 3). В верхней части сохранившийся культурный слой содержит материал XX, XIX, XVIII вв., среди которого встречаются и более ранние находки. То есть этот слой длительного накопления, вероятно, он отчасти перемешан или включает в себя находки из более ранних, частично поврежденных или уничтоженных слоев (рис. 4). В значительном количестве в этом слое, особенно в верхней его части, присутствуют прослойки кирпичной крошки, битого кирпича и черепицы, известкового раствора – следы строительных работ и работ по демонтажу или разрушению замковых зданий и сооружений. В культурном слое длительного накопления встречены немногочисленные средневековые индивидуальные находки, среди которых две серебряные монеты (рис. 5) – грош и полугрош (среди них монета XVI в. с портретом последнего магистра и первого герцога Пруссии Альбрехта Бранденбургского) (рис. 6), железный ключ с ажурной головкой (рис. 7), янтарная бусина (рис. 8), многочисленные находки фрагментов железных и бронзовых предметов (рис. 9, 10).

Южнее северо-западной башни сохранился участок культурного слоя с ненарушенной стратиграфией, содержащего так называемую орденскую керамику с мореным или дымленым черепком без примеси материалов XVIII – первой половины XX в. Ниже сохранился участок культурного слоя, в котором обнаружена исключительно лепная керамика без малейшей примеси посуды, изготовленной на гончарном круге. Среди находок выделяются фрагменты ранней лепной керамики, которая, по заключению Э. Б. Зальцмана, предварительно датируется IV–V вв. до н. э. Также в большом количестве представлены фрагменты лепной керамики с иной обработкой поверхности, которая может быть датирована последней четвертью I – началом II тысячелетия н. э.

9

Рис. 7. Ключ с ажурной головкой. Железо. XVI – XVII вв.
Рис. 8. Бусина. Янтарь. XVI – XVIII вв.
Рис. 9. Накладка (Деталь мебельной фурнитуры). Деталь. Бронза. Начало XX в.
Рис. 10. Накладка (Книжная застежка?). Бронза. XV– XVI вв.

Эти археологические предметы находят многочисленные аналогии в керамических материалах поселений Шумное, Куликово, Алейка и Коврово, время бытования которых установлено на основании серии радиоуглеродных дат.

Ни на одном из этих фрагментов нет ни одного следа белой или черной краски – остатков музейных шифров. Следует отметить, что на фрагментах керамики, входивших ранее в коллекцию музея «Пруссия» из раскопок здания масонской ложи «Три короны» на ул. Сергеева в г. Калининграде (Кёнигсберг, ул. Хинтертрагхайм), хорошо видны музейные шифры, нанесенные белой краской. Белой краской нанесен музейный шифр и на каменной зернотерке, обнаруженной в засыпке подпорной стенки.

Слой, содержащий лепную керамику, не содержит прослоек пожаров, он представлен суглинком темно-серого цвета с включением мелких угольков, залегает непосредственно на материке (материк прокопан на глубину более 2 м). Этот культурный слой располагался на склоне древнего холма, у которого позднее был возведен Западный флигель замка Кёнигсберг.

Таким образом, в пределах западной части замковой территории в раскопе 2016 г. был

10

впервые выявлен культурный слой поселения, которое располагалось на западном склоне холма в доорденский период. В 1255 г. на Королевской горе был основан деревянный замок, который после 1257 г. отстроили в камне. Технология строительства этого периода основана на широком применении местных строительных материалов природного происхождения: валунов, булыжников, глины. В последней четверти XVI в. на месте разобранных готических башен, стен и зданий Дома Конвента в стиле позднего Ренессанса был возведен Западный флигель замка с примыкающими к нему башнями.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин А. П., 2005. Замки и укрепления северной части Восточной Пруссии / Под ред. В.Ю. Курпакова. Калининград: Терра Балтика. 208 с.

Кулаков В.И., 2008. История замка Кёнигсберг. Калининград: Живём. 124 с.

Wagner Wulf D., 2008. Das Konigsberger Schloss. Eine Bau- und Kulturgeschichte. Band 1. Von der Grundung bis zur Regierung Friedrich Wilhelms I. (1255–1740). Regensburg: Schnell@Steiner. 390 S.

Резюме. В 2016 г. проведены спасательные археологические работы (раскопки и наблюдения в западной части замка Кёнигсберг (г. Калининград, РФ). Выявленны сохранившиеся фундаменты и нижние части башен и стен замка второй половины XIII – XIV в. и последней четверти XVI столетия. Исследованы сохранившиеся участки культурного слоя, содержащие керамику орденского времени, а также культурный слой с лепной керамикой, связанный с поселениями дозамкового периода.

Ключевые слова: Замок Кёнигсберг, Калининград, Западный (Церковный) флигель, башни, кирпичные кладки, валунные фундаменты, серебряные монеты, железный ключ, архитектурная керамика, фрагменты лепных горшков, культурный слой поселения, VI – IV вв. до н.э., I тыс. н.э.

A. N. Khokhlov, A. B. Sivolanova

Königsberg Castle (Kaliningrad)

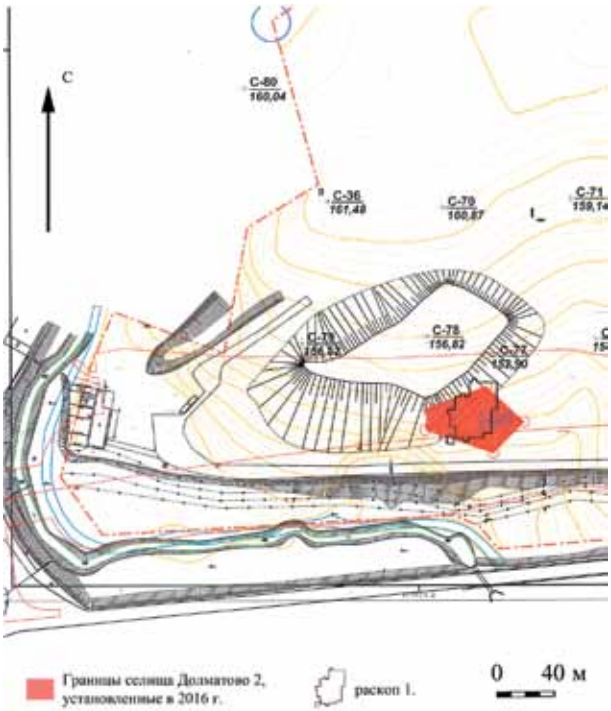
Resumé. Rescue archaeological work was undertaken in 2016 (excavations and surveys) in the western section of Königsberg Castle (Kaliningrad, Russian Federation). The studies identified the preserved foundations and lower sections of towers and castle walls from the latter 13th and 14th century, and the latter quarter of the 15th century. The remaining areas of the cultural layer were examined, which contained ceramic fragments dating back to the period of the Teutonic Order, as well as cultural layer containing stucco ceramics belonging to settlements from the period prior to the castle.

Keywords: Königsberg Castle, Kaliningrad, the West Wing, the Church Wing, tower, brickwork, boulder foundations, silver coins, iron keys, architectural ceramics, fragments of stucco pots, cultural layer of the settlement, 6th to 4th centuries BC, 1st century BC.

СЕЛИЩЕ ДОЛМАТОВО 2
(МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, ГОРОДСКОЙ ОКРУГ ДОМОДЕДОВО)

Г. А. Шебанин, В. В. Богомолов, А. В. Шеков, А. М. Фатьков

1



2

Селище Долматово 2, расположенное в городском округе Домодедово Московской обл., открыто М. И. Гоняным в 2009 г. при проведении археологических разведок в ходе работ по разработке проектной документации для строительства ЦКАД Московской обл.

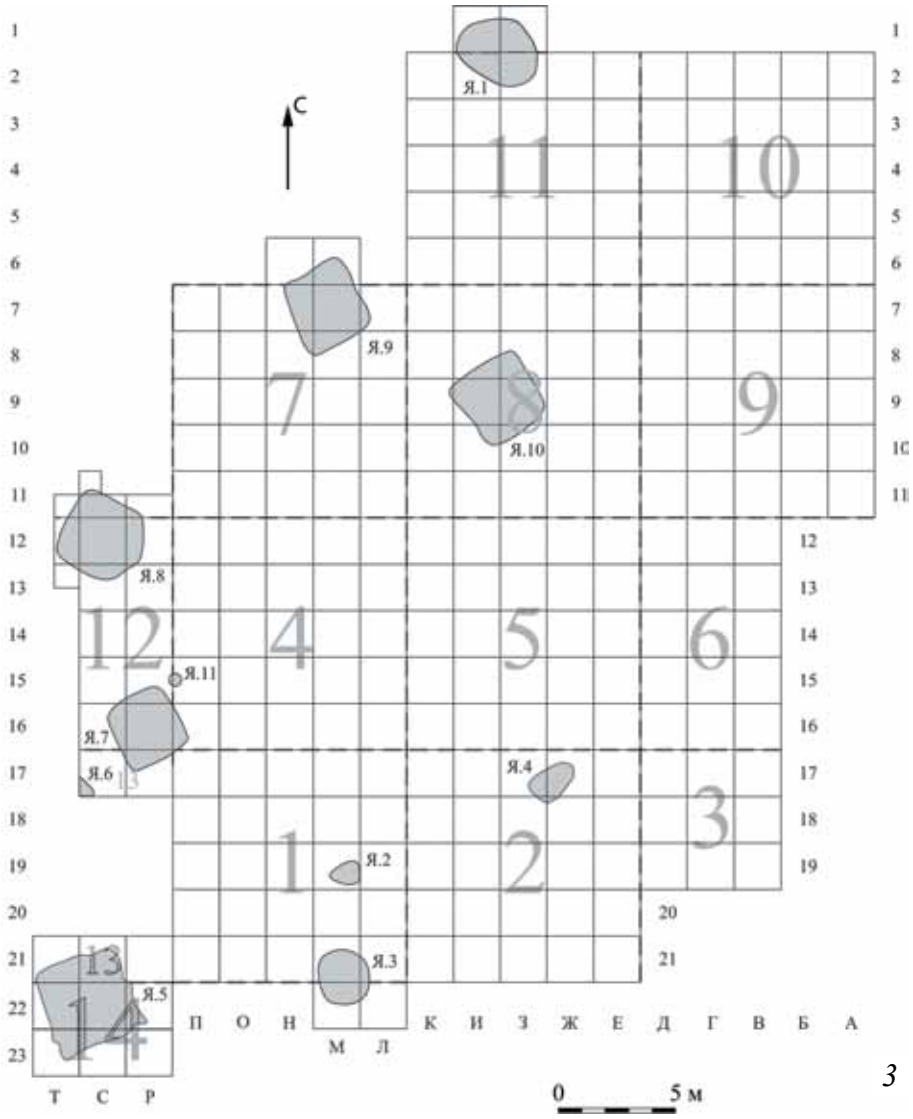
Территория памятника занимает мысовидный участок склона правого коренного берега р. Злодейки (правый приток р. Рожайки) в месте ее излучины, в 0,28 км к востоку от северо-западной части д. Долматово. Селище интерпретировано как остатки однодворного поселения, существовавшего с возможными перерывами в XIV–XVII вв.

Летом 2016 г. экспедицией отдела сохранения археологического наследия ИА РАН на селище проведены охранные исследования под руководством А. М. Фатькова. Их целью было изучение культурного слоя селища, так как вся его площадка расположена в границах земельного участка, отведенного под строительство ЦКАД МО.

Вся территория памятника была засыпана отвалами расположенного поблизости карьера по добыче песка (рис. 1).

Работы 2016 г. начаты со снятия этого грунта механизированным способом. В результате установлено, что при карьерных работах в восточной и западной частях селища культурный слой уничтожен вместе с материковым основанием. В центральной части площадки селища культурный слой сохранился в виде заметных вкраплений, перемешанных с материковой породой – ярко-бурым суглинком и супесью. Здесь и был разбит раскоп (рис. 2).

В процессе зачисток на пяти разных участках раскопа стало понятно, что культурный слой селища и здесь практически уничтожен при карьерных работах. Остатки слоя перемешаны с материковым основанием.



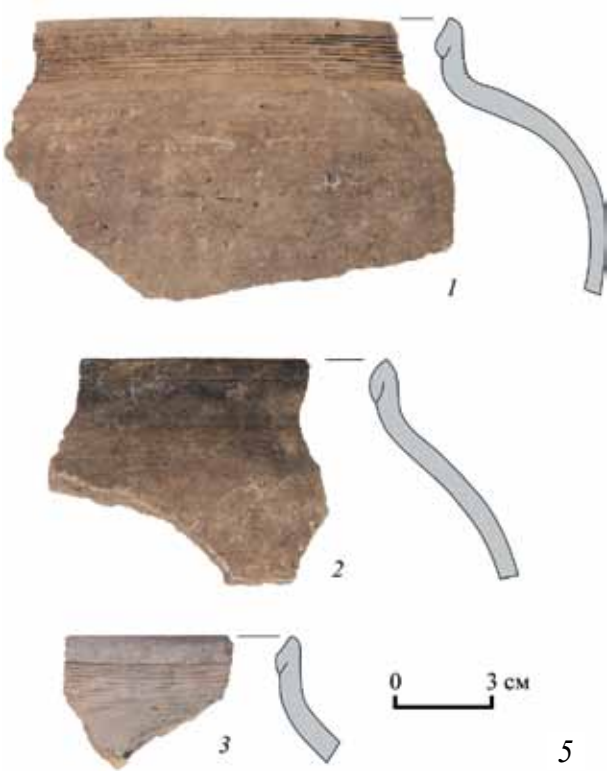
3

4

После зачистки материка на площади 1113 кв. м выявлено и исследовано 11 ям, заглубленных в материк. Семь из них (1, 5, 7–9, 10, 11) были явными остатками погребов, еще три неглубокие ямы, вероятно, были следами подполов наземных построек (рис. 2–4, 7).

Керамические комплексы из ям содержали фрагменты круговой белоглиняной гладкой посуды без заметных примесей в формовочных массах (вторая половина XVI – XVII в.),

Рис. 1. Общий вид процесса работ на раскопе 1
Рис. 2. Топографический план селища и раскопа 1
Рис. 3. Сводный план раскопа 1
Рис. 4. Раскоп 1. Яма 5



5

фрагменты круговой красноглиняной гладкой посуды с мелким песком в формовочных массах (XVI–XVII вв.) (рис. 5, *3*) фрагменты круговой белоглиняной грубой посуды с песком в формовочных массах (XVI – начало XVII в.), фрагменты круговой чернолощеной посуды (XVI–XVII вв.) (рис. 5–9) (Московская керамика, 1991. С. 50–55; *Коваль*, 2001. С. 98–109).

В пластах 1 и 2 ямы 1 преобладали фрагменты белоглиняной грубой посуды (МБК-1) при заметной доле фрагментов белоглиняной гладкой посуды (МБК-2). Такое соотношение указанных групп керамической посуды характерно для второй половины XVI – начала XVII в. (*Чернов*, 2013. С. 38). Однако в пласте 3 доминировали фрагменты белоглиняной гладкой посуды (МБК-2), поэтому керамический комплекс из ямы 1 будет датирован второй половиной XVI – первой половиной XVII в.

Сочетание указанных групп керамической посуды позволяет датировать тем же временем керамический комплекс из ямы 2, где найдены фрагменты круговых красноглиняного гладкого и белоглиняного гладкого кувшинов.

В заполнении ямы 5 доминировали фрагменты белоглиняной гладкой посуды с морфологией венчиков (типа 3/4 Г по В. Ю. Ковалю), характерной для второй половины XVII – начала XVIII в. (*Коваль,* 2001. С. 106, 107; 2014. С. 519, 541) (рис. 6, *1, 2*; 7, *7*). Помимо них присутствовали фрагменты круговой чернолощеной посуды и красноглиняной гладкой (рис. 6, *2, 3, 5, 6*; 8).

В заполнении ямы 7 преобладали фрагменты белоглиняной гладкой посуды, которую по морфологии (3/3, 3/3 Ж, 3/4 Д по В. Ю. Ковалю) и орнаментации (сравнительно небольшое количество горизонтальных линий по шейке) следует датировать второй половиной XVI – первой третью XVII в. (*Коваль*, 2005. С. 251–265) (рис. 9).

Аналогичный состав имел и керамический комплекс из ямы 8, который также следует датировать второй половиной XVI – первой третью XVII в. Близки по составу между собой материалы из ям 9, 10. В них присутствовали фрагменты круговой белоглиняной гладкой

6

Рис. 5. Фрагменты круговой посуды из ямы 5
Рис. 6. Фрагменты круговой посуды из ямы 5
Рис. 7. Раскоп 1. Яма 7
Рис. 8. Фрагмент кругового красноглиняного (гладкого) горшка с мелким песком
Рис. 9. Круговой белоглиняный горшок без визуально заметных примесей

7

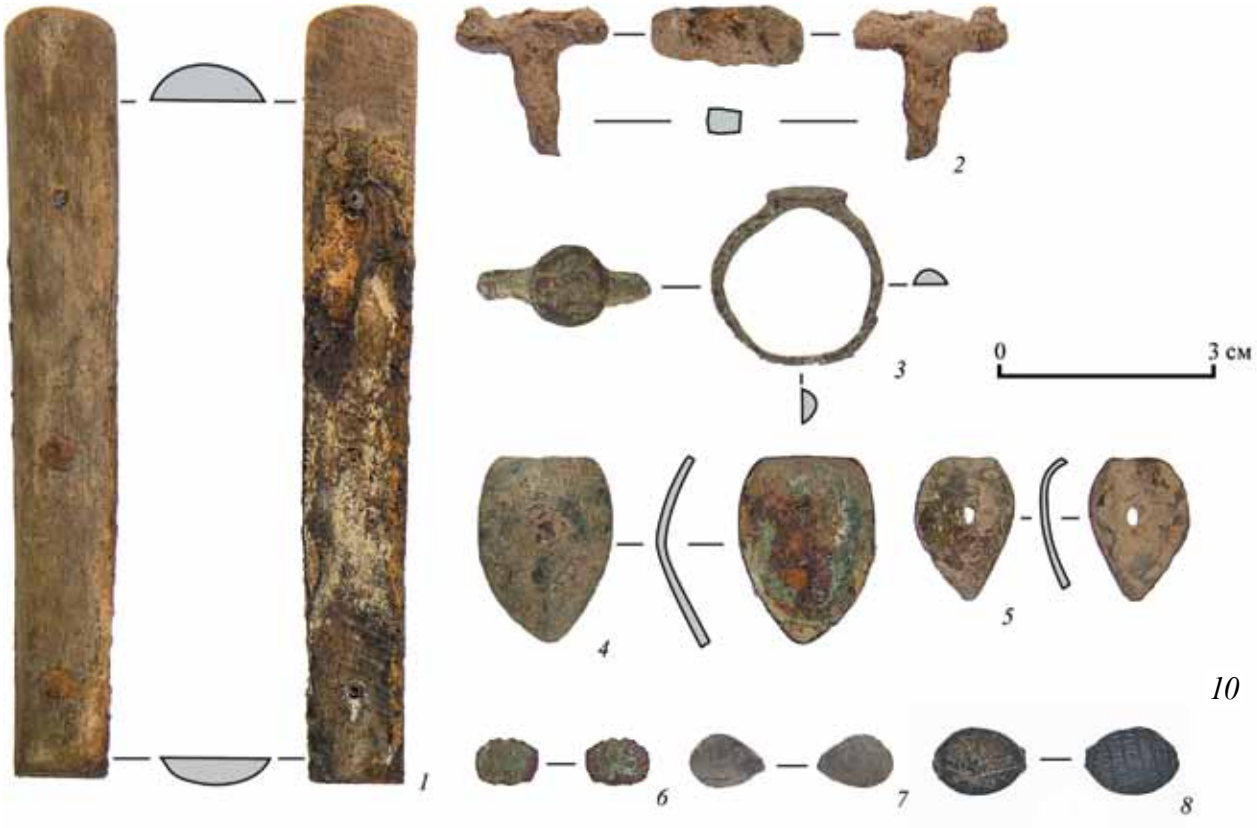
посуды с морфологией и орнаментацией, характерными для последней трети XVI – начала XVII в., фрагменты круговой красноглиняной гладкой и чернолощеной посуды.

Таким образом, большая часть керамических комплексов из объектов раскопа датируется в пределах второй половины XVI – XVII в., яма 5 – второй половиной XVII – началом XVIII в.

8

9

0 3 см



10

11

Индивидуальные находки из слоя селища и ям представлены бронзовыми нательными крестами и их фрагментами (рис. 11, *4–6*), бронзовым щитковым перстнем (рис. 10, *3*), двумя серебряными и одной медной монетами-чешуйками XVII в. (рис. 10, *6–8*), свинцовыми пулями (рис. 11, *7, 8*), железными гвоздями; предметами быта – железными ножами и пробоями (рис. 11, *1*), металлическими накладками (рис. 11, *1, 2, 4, 5*), сельскохозяйственными орудиями (фрагменты каменных оселков, железный сошник), керамическими рыболовными грузилами (рис. 11, *2, 3*), фрагментами железных конских пут, подковами. Их возраст не противоречит датировке керамических комплексов.

Таким образом, в результате проведенных в 2016 г. охранных археологических раскопок остатки памятника – селища Долматово 2 были полностью изучены. Селище Долматово 2 являлось остатками рядового сельского поселения XVI – начала XVIII в., располагавшегося в нижнем течении р. Злодейка.

ЛИТЕРАТУРА

Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // Российская археология. № 1. С. 98–109.

Коваль В. Ю., 2005. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв.: Сб. статей. Тула. С. 251–265.

Коваль В. Ю., 2014. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи средневековья (X–XVII века)… // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 498–571.

Московская керамика: Новые данные по хронологии. 1991. М.: ИА РАН. 198 с.

Чернов С. З., 2013. Археологические маркеры Смутного времени: комплекс керамики с кладом из Лешково-6 и время запустения малодворных деревень радонежского края // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVII–XVIII вв. Тез. докл. науч. конф. М.: ИА РАН. С. 37–39.

Резюме. В статье рассматриваются итоги раскопок селища Долматово 2 в городском округе Домодедово Московской обл. (рис. 1), располагающегося в нижнем течении р. Злодейка (правый приток р. Рожайка). Было исследовано 1113 кв. м (рис. 2, 4). На этой площади было выявлено и исследовано 11 заглубленных в материк ям. Семь из них были явными остатками погребов, еще три неглубокие ямы, вероятно, были подполами построек (рис. 2–4, 5, 9, 13).

Памятник является остатками сельского поселения, бытовавшего в XVI – нач. XVIII в. (рис. 6–8, 10–12).

Ключевые слова: селище, культурный слой, фрагменты керамики, индивидуальные находки.

G. A. Shebalin, V. V. Bogomolov, A. V. Shekov, A. M. Fatkov

The Settlement of Dolmatova 2 (Moscow County Region, city region of Domodedovo)

Resumé. This study presents the results of excavations at the settlement of Dolmatova 2, in the Moscow city outskirts of Domodedovo, in Moscow County Region (see Fig 1). A 1113 square metre area was surveyed (see Figs 2 & 4). Within the study area, 11 different pits, sunk into the earth, were examined. Seven of these were evidently the remains of cellars of houses, while the other three, most probably, are the remains of underground structures (see Figs 2–4, 5, 9, and 13).

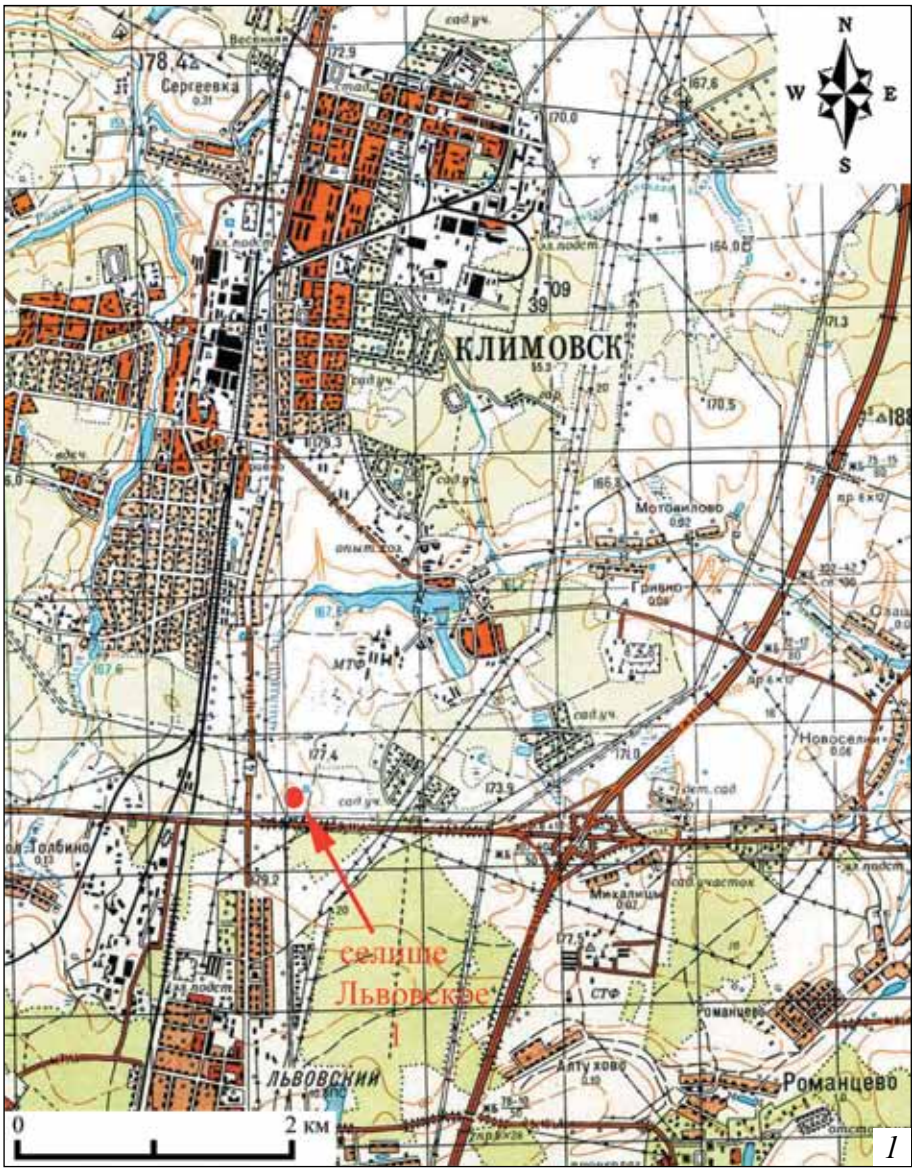
Based on individual finds and ceramic materials, these archaeological complexes were analysed and dated approximately as 16th to early 18th century (see Figs 6–8, and 10–12). The site is the remains of a rural settlement of that period, located along the lower flow of the Zlodeika River (a right-hand tributary of the Rozhaika River).

Keywords: settlement, excavation, trench slices, cultural layer, ceramic fragments, individual finds.

Рис. 10, 11. Индивидуальные находки

СЕЛИЩЕ ЛЬВОВСКИЙ 1
(МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, ГОРОДСКОЙ ОКРУГ ПОДОЛЬСК)

Г. А. Шебанин, В. В. Богомолов, Е. О. Володин, М. И. Гоняный, А. В. Шеков, А. М. Фатьков



1

Селище Львовский 1 расположено на территории городского округа Подольск в 0,72 км к северо-востоку от северной окраины пос. Львовский, в 0,4 км к северо-востоку от пересечения двух шоссе на левом пологом берегу р. Раковка (левый приток р. Рогожка) (рис. 1).

Оно открыто в 2009 г. при проведении археологических разведок в ходе работ по разработке проектной документации для строительства ЦКАД МО.

По результатам исследований селище датировано XVI–XVII вв.

Летом 2016 г. экспедицией отдела сохранения археологического наследия ИА РАН на поселении проведены охранные исследования. Их целью было полное изучение культурного слоя селища. Работы проводились группой археологов под руководством А. М. Фатькова.

В процессе выполнения этой задачи обследована площадь селища и примыкающие к его границам территории. Для уточнения границ памятника заложены 3134 скважины диаметром 10 см и глубиной 0,25–0,4 м с использованием ручного мотобура и 15 контрольных шурфов.

В результате этих исследований в центральной части памятника удалось локализовать ареал культурного слоя, сложенного темно-серым суглинком с включениями древесных угольков и фрагментов прокаленной глины. В ряде случаев буровые скважины попадали в заполнение заглубленных в материк подпольных ям, жилых и хозяйственных построек.

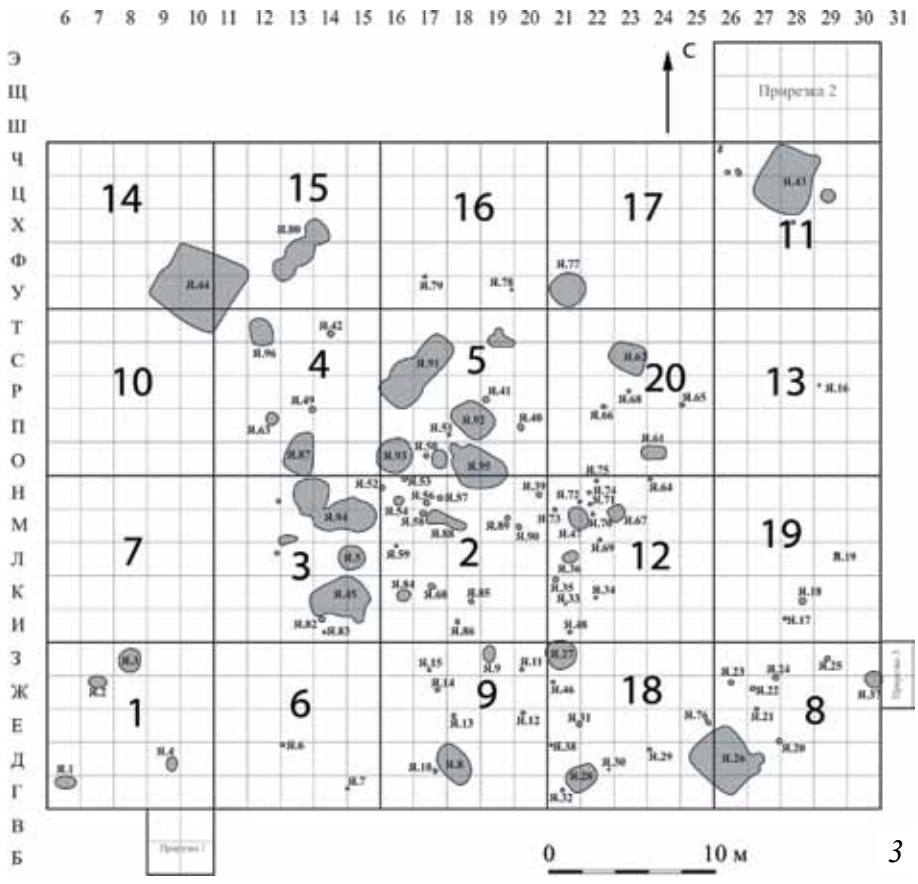
Раскоп был заложен таким образом, чтобы полностью исследовать выявленный в ходе поисковых работ культурный слой селища. Общая его площадь составила 2084 кв. м (рис. 3).

В потревоженном многолетней распашкой культурном слое селища обнаружены

2

индивидуальные находки и керамический материал, характерные для XIV – первой половины XVII в., XVIII–XIX вв., а также контуры заглубленных в материк 108 ям и трех канав (рис. 2; 3).

Керамический материал из раскопа представлен фрагментами преимущественно красноглиняной круговой посуды окислительного обжига с примесями песка либо песка и мелкой дресвы. Фрагменты принадлежали главным образом горшкам, в небольшом количестве – мискам и краснолощеным кувшинам. Донца сосудов выполнены на песчаных подсыпках. По туловам и плечикам горшки орнаментированы



3

Рис. 1. Ситуационная карта-схема расположения селища
Рис. 2. Общий вида участка раскопа 1 после зачистки по уровню материка
Рис. 3. Сводный план раскопа 1

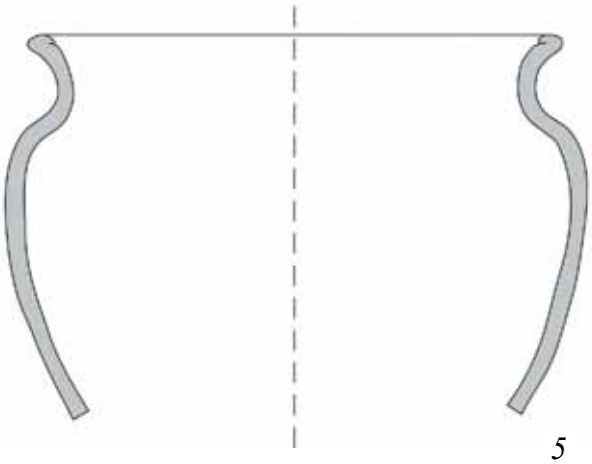
4

прямыми горизонтальными и волнистыми линиями. По морфологии верхних частей горшков (шеек, венчиков) сосуды относились к типам серой (рис. 5), красноглиняной грубой и красноглиняной гладкой ранней московской кухонной керамики второй половины XIII – первой половины XV в. (рис. 6) (*Чернов*, 1991. С. 20–30; 2004. С. 111–114; *Бойцов*, 1991. С. 36). Наиболее ранний керамический комплекс с фрагментами серой посуды второй половины XIII – XIV в. найден в яме 91. Датировка ряда керамических комплексов раскопа с фрагментами описанной посуды предположительно может быть ограничена XIV – первой половиной XV в. (*Андреев*, 2011. С. 249–253).

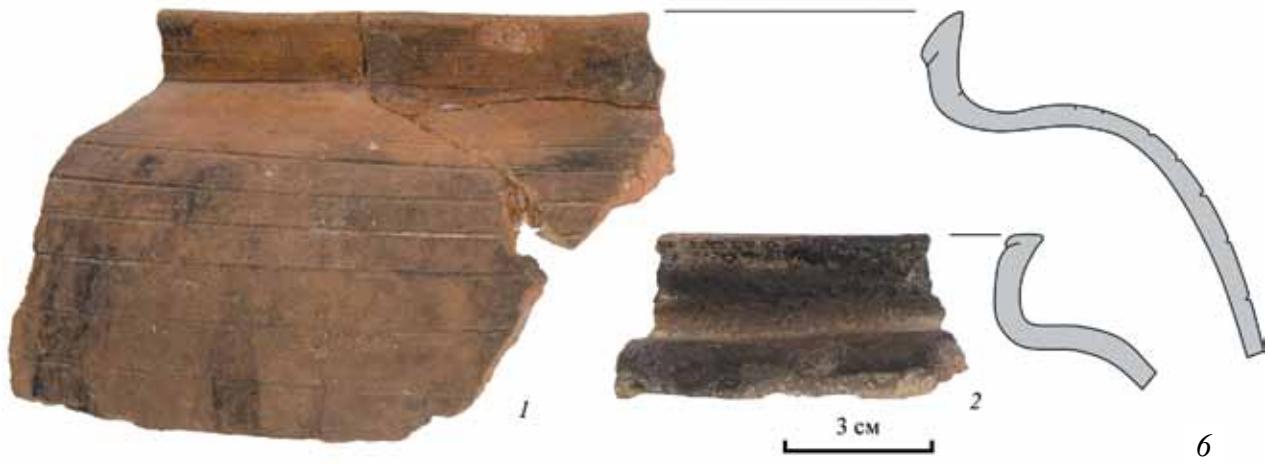
В яме 27 также присутствовали фрагменты круговой красноглиняной гладкой посуды второй половины XV в. и фрагмент венчика белоглиняного горшка XVI в. (*Чернов*, 1991. С. 50–54). Однако эти фрагменты более поздней посуды найдены в верхнем слое заполнения ямы (пласты 1, 2).

Часть фрагментов керамической посуды из раскопа принадлежала сосудам, изготовленным из неожелезненных (беложгущихся) и слабоожелезненных глин. По морфологическим характеристикам такие сосуды аналогичны красноглиняной посуде второй половины XIV – первой половины XV в. (рис. 7, *5*).

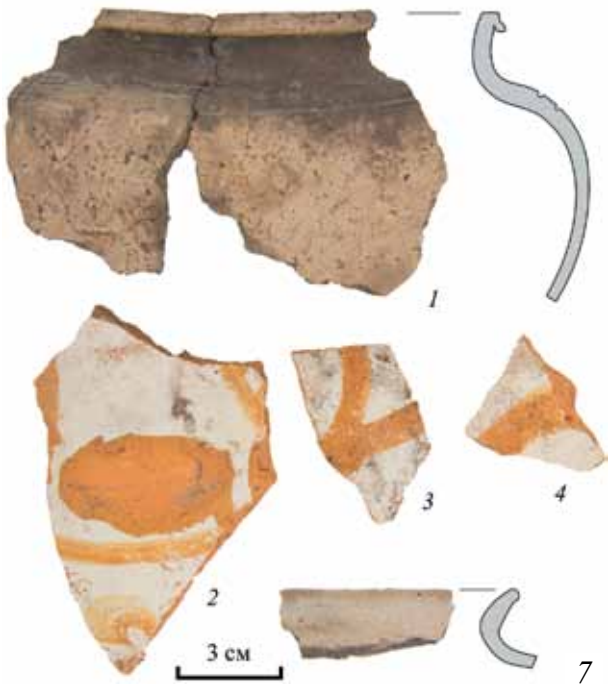
Керамический комплекс из ямы 44 в основном был представлена фрагментами посуды более позднего времени – второй половины XVI – начала XVII в. К ним относились фрагменты белоглиняных сосудов, по морфологии и характерной орнаментации (линейный орнамент по шейкам и верхней части плечиков) аналогичных московским белоглиняным гладким горшкам (МБК-2, коломенского типа), но содержащих в формовочных массах песок, преимущественно мелкий (*Богомолов и др*., 2011. С. 332–333). Кроме того, в небольшом



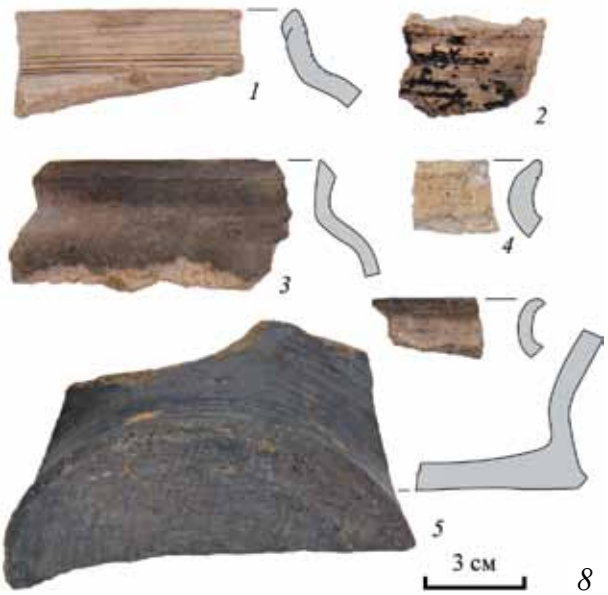
5



6



7



8

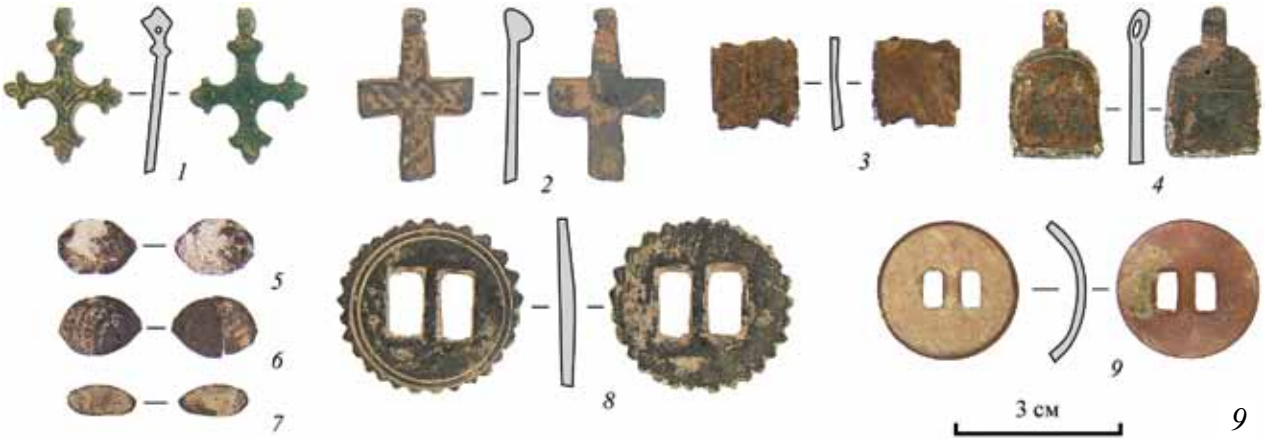
количестве – фрагменты красноглиняных сосудов с мелким песком в формовочных массах и ангобированного кувшина (рис. 7, *2–4*).

Керамический комплекс подобного состава найден в яме 43 (рис. 8). Однако здесь среди керамики из первого пласта присутствовали фрагменты белоглиняных гладких горшков (МБК-2) с морфологией венчиков и орнаментацией, характерными для XVII в.

Судя по керамическим комплексам, предварительно можно датировать:

- яму 91 – второй половиной XIII – XIV в.;
- ямы 5, 8, 12, 14, 16, 17, 19, 21, 25, 26, 27, 28, 31, 32, 33, 37, 45, 46, 47, 54, 57, 62, 67, 77, 80 (рис. 4, 6), 84, 87 – XIV – первой половиной XV в. (рис. 6, 8);
- ямы 43 (рис. 8), 44 (рис. 7), 93 – второй половиной XVI – первой половиной XVII в.

Индивидуальные находки представлены бронзовыми нательными крестами и их фрагментами (рис. 9, *1, 2*), бронзовыми щитковыми перстнями и их фрагментами (рис. 10, *5, 6*), двумя серебряными и медной монетами-чешуйками XVII в. (рис. 9, *5–7*), свинцовыми пуговицами (грузиками?) (рис. 10, *1, 2*), фрагментом бронзового браслета (рис. 9, *3*). К наиболее интересным индивидуальным находкам относятся бронзовый нательный образок с изображением апокрифического сюжета «Архангел Сихаил перед святым Сисинием» (XV в.) (рис. 9, *4*) и фрагмент



9

Рис. 4. Фрагмент кругового красноглиняного горшка из ямы 80
Рис. 5. Фрагмент кругового красноглиняного горшка из пахотного слоя сектора 17
Рис. 6. Фрагменты круговых красноглиняных горшков из ямы 80
Рис. 7. Фрагменты круговой посуды из ямы 44
Рис. 8. Фрагменты круговой посуды из ямы 43
Рис. 9. Индивидуальные находки

10

большой стеклянной бусины XIII–XIV вв. (рис. 10, *7*). Кроме того, обнаружено еще более 100 индивидуальных находок – железные гвозди, предметы быта (ножи, ключи, пробои, керамические пряслица (рис. 10, *4*), бронзовые пуговицы (рис. 10, *3*), сельскохозяйственные орудия (фрагменты железных топоров, каменных оселков), элементы конской сбруи (фрагменты бронзовых разделителей ремней (рис. 9, *8, 9*). В целом индивидуальные находки датируются XIV–XVI вв. (рис. 9, *1–4;* 10) и XVII–XIX вв. (рис. 9, *5–9*).

Большинство обнаруженных остатков построек относится к XIV – первой половине XV в., однако по инвентарю памятник можно интерпретировать как сельское поселение конца XIII – первой половины XVII в.

Остатки глинобитных печей, большое количество металлургического шлака в заполнении ям конца XVI – начала XVII в. указывают, что здесь в это время располагалось кузнечное производство, вынесенное за пределы расположенного рядом населенного пункта. Возможно, это известная по данным Генерального межевания второй половины XVIII в. д. Анцилово, располагавшаяся в верховьях р. Рогожки напротив селища Львовский 1.

Позднейшие находки XVIII–XX вв. из верхней части культурного слоя селища связаны с интенсивным хозяйственным освоением этого участка жителями соседней д. Анцилово.

Таким образом, в результате проведенных в 2016 г. охранных археологических раскопок полностью исследован объект культурного наследия – селище Львовский 1.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев С. И., 2011. Исследования селища Городок 1 // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 249–267.

Богомолов В. В., Гоняный М. И., Дедук А. В., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2011. Археологические исследования усадьбы второй половины XVII – начала XVIII века в деревне Филино // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 331–365.

Бойцов И. А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М.: ИА РАН. С. 33–40.

Чернов С. З., 1991. К хронологии московской керамики XIII – середины XV в. // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М.: ИА РАН. С. 50–55.

Чернов С. З., 2005. Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. 2. Домен московских князей в городских станах, 1271–1505 годы. М.: Наука. 651 с.

Рис. 10. Индивидуальные находки

Резюме. В статье рассматриваются итоги раскопок селища Львовский 1 в городском округе Подольск Московской обл. (рис. 1). На селище с целью уточнения его границ и площади было заложено 3134 буровые скважины и 15 шурфов, а также раскоп площадью 2048 кв. м (рис. 3), в котором было исследовано 108 заглубленных в материк ям и три канавы (рис. 2, 3).

Памятник можно интерпретировать как сельское поселение конца XIII – первой пол. XVII в., располагавшееся в верховьях р. Рогожка. Большинство обнаруженных остатков построек относится к XIV – первой пол. XV в. В заполнении ям конца XVI – нач. XVII в. встречены остатки глинобитных печей, большое количество металлургического шлака. Можно предполагать, что здесь в это время располагалось кузнечное производство, вынесенное за пределы расположенного рядом населенного пункта. Находки XVIII–XX вв. в верхней части культурного слоя селища связаны с интенсивным хозяйственным освоением этого участка жителями соседней д. Анцилово.

Ключевые слова: селище, культурный слой, фрагменты керамики, индивидуальные находки.

G. A. Shebanin, V. V. Bogomolov, E. O. Volodin, M. I. Gonyaniy, A. V. Shekov, A. M. Fatkov

The settlement of L'vovsky 1 (Moscow County Region), city outskirts of Podolsk

Resumé. This study considers the results of excavations at the settlement of L'vovsky 1, in the city outskirts of Podolsk, in Moscow County Region (see Fig 1). At this settlement 3134 bore-holes and 15 slice trenches were made, with the intention of establishing its boundaries and size.

The results of the study yielded a detailed plan of the boundaries of the settlement, within whose boundaries an excavation was made of 2048 square metres in size (see Figs 3 & 5).

The area of excavation studied 108 trenches dug into the ground, and 3 drains (see Figs 4 & 5)

The site may be interpreted as a rural settlement of the late 13th to early 17th centuries, situated on the upper reaches of the Rogozhka River. The majority of the building remains discovered relate to the 14th and early 15th century.

The in-fill of the pits from the 16th and early 17th century yielded remains of clay-baking kilns, along with a large amount of metallurgical slag. We can conjecture that during that period the settlement served as a smithy, which had been moved out from the limits of inhabited settlement adjacent to it. Finds from the 18th to 20th century in the upper levels of the cultural layer at the settlement suggest intensive economic development of the area by residents of the adjacent village of Antsilovo.

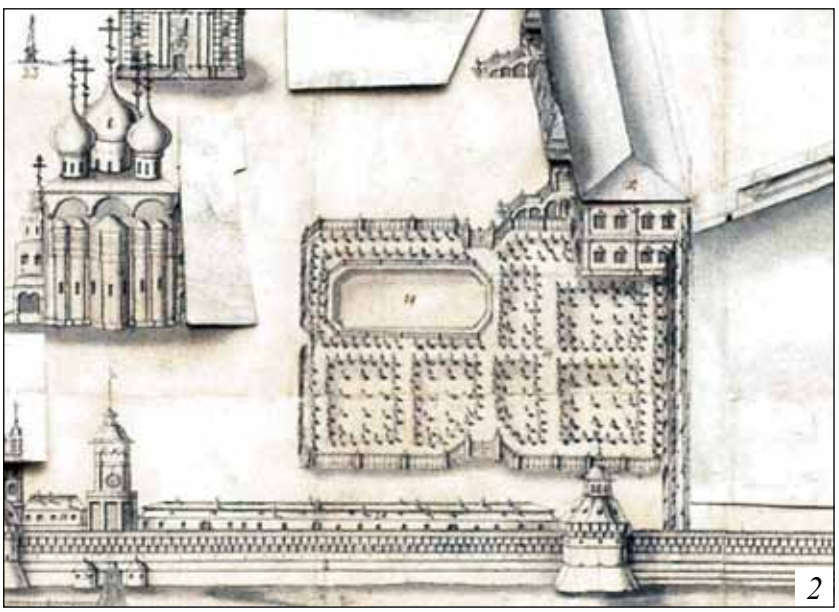
Keywords: settlement, excavations, soil slices, cultural layer, ceramic fragments, individual finds.

ВОСТОЧНЫЙ УЧАСТОК ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ В XVI–XVIII ВЕКАХ

(МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, ГОРОД СЕРГИЕВ ПОСАД)

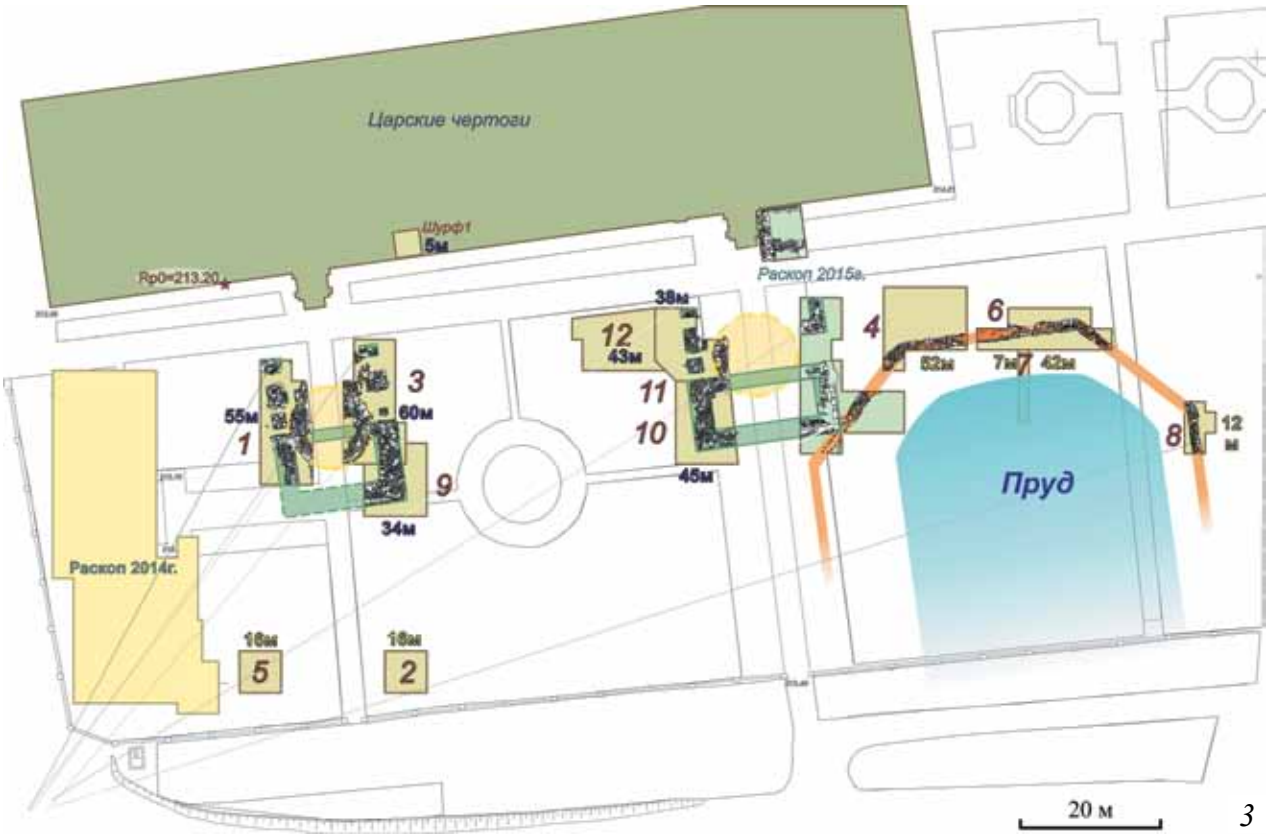
А. В. Энговатова, А. В. Яганов

1



2

Археологические исследования Троице-Сергиевой лавры в 2015–2016 гг. были сосредоточены на территории Московской духовной академии, в Академическом саду, расположенном к югу от здания Царских чертогов (рис. 1). В пределах монастыря это один из немногих участков, который не был затронут значительными перекопами, связанными с некрополем, работами по планировке и прокладке инженерных сетей. Поэтому кроме изучения утраченных конструкций XVII–XVIII вв., принадлежавших зданию

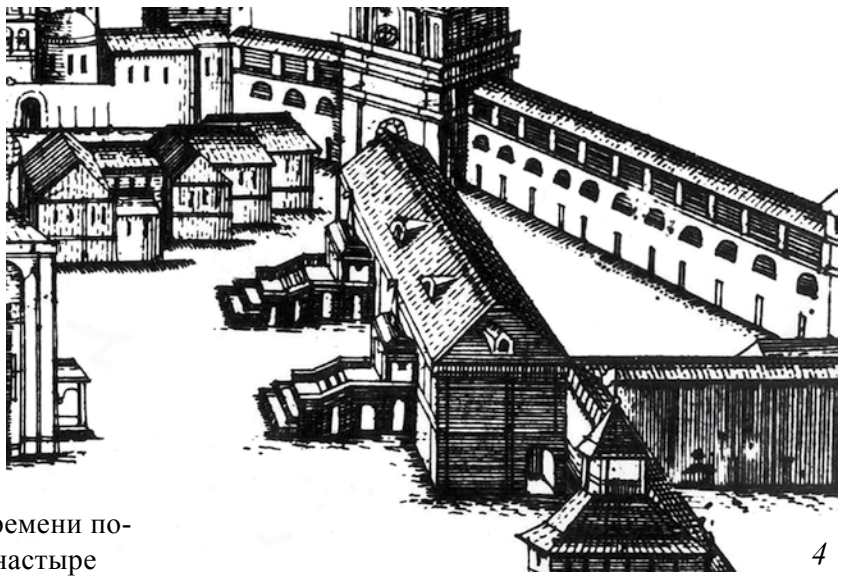


3

Царских чертогов, и выявления следов планировки бывших при них царского (Писаревского) и Академического садов появилась возможность обнаружения участков ненарушенного культурного слоя, относящегося к начальному этапу освоения участка (рис. 2). Кроме того, несомненный интерес представляли остатки деревянных сооружений царских покоев XVI–XVII вв., которые, как известно, предшествовали постройке нынешнего здания чертогов.

Перед началом работ проведены комплексные геофизические (георадарные, магнитометрические) разведки, результаты которых уточнили местоположение утраченных объектов, расположенных в границах ныне существующего Академического сада. Общая площадь вскрытий составила 525 кв. м (рис. 3).

Письменные источники не дают точной информации о времени появления в Троице-Сергиевом монастыре великокняжеских, а затем царских покоев. Предположительно они существовали еще в начале XVI в., но первые объективные свидетельства относятся только к 1556 г. (*Бычков*, 1865. С. 22). Тогда было закончено строительство каменной ограды вокруг монастыря, причем его территория заметно увеличилась. В северной части, ранее использовавшейся



4

Рис. 1. Царские чертоги. Вид с юго-запада, 2016 г.
Рис. 2. Писаревский сад на аксонометрии из «Планной книги» (1740-е гг.)
Рис. 3. Сводный план участков и архитектурных объектов, исследованных в 2016 г.
Рис. 4. Фрагмент гравюры И. Зубова (между 1733 и 1738 г.) с видом чертогов

5

под хозяйственные цели, происходит перепланировка, часть служб выносится за пределы обители. Это позволило устроить на освободившейся земле «государевы кельи», а в 1559 г. заложить на прилегающем участке большую Троицкую церковь (ныне Успенский собор).

В 1619 г. царем Михаилом Федоровичем возобновлены ежегодные богомольные походы в Троице-Сергиев монастырь, поэтому в 1620 г. власти озаботились приведением в порядок или строительством нового деревянного здания на месте предшествующего. Известно, что при дворце существовал царский сад с прудом, располагавшийся к юго-востоку от него. Он сохранялся до начала XIX в. под названием Писаревского (*Павел*, с. 34) (рис. 2).

Нынешнее каменное здание дворца под названием чертоги появляется в монастыре во второй половине XVII в. (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. № 27. Л. 383–393). Точной даты постройки не прослеживается, но разные исследователи помещают ее в промежутке от конца 1670-х до начала 1690-х гг. (*Андреева*, 1963. С. 66–67. *Токарева*, 2015. С. 54). Входами в царские покои, располагавшиеся на втором этаже, служили две открытые лестницы – одна, главная, напротив северных дверей Успенского собора, другая – западная, выводившая к монастырской площади (рис. 4).

В XVIII в. дворцовый комплекс неоднократно перестраивался. Наиболее значимые работы происходили в 1740-х гг., когда по западной и южной линиям ограды Житного двора построены трехэтажные каменные покои для дворцовых служителей и кухонный корпус, выполнена лепная отделка покоев императрицы Елизаветы Петровны, построена деревянная галерея на южном фасаде.

Для размещения переведенной в Троице-Сергиеву лавру Московской духовной академии (1814 г.) здание чертогов капитально реконструируется (*Смирнов*, 1879. С. 311; *Холодкова*, 2015. С. 73). В августе 1815 г. разобраны крыльца и галерея; лестницы на второй этаж перенесены внутрь помещений, а в 1847 г. перед двумя входами в здание устроены ныне существующие каменные тамбуры. Писаревский сад вырублен в 1816 г., а пруд засыпан (*Смирнов*, 1879. С. 328). Новый сад перед чертогами с существенно измененными от первоначальных границами разбит около 1839–1840 гг.

Объектами исследований сезонов 2015–2016 гг., в частности, стали основания западного и восточного крылец чертогов, разобранных в начале XIX в. Их местоположение, известное по ряду графических материалов XVIII в., уточнено по результатам геофизических разведок. Восточное крыльцо, видимо парадное, на сажень шире западного,

Рис. 5. Общий вид раскопов западного крыльца чертогов, 2016 г.
Рис. 6. Общий вид раскопов, выявивших северную часть ограды Писаревского пруда, 2016 г.
Рис. 7. Слой пожарища, обнаруженный в раскопе 6

6

грубо отесанных блоков белого камня, уложен насухо непосредственно на темный культурный слой и укреплен сверху стяжкой из известково-песчаного раствора.

Внешний диаметр фундамента – 8 м, ширина нижнего ряда, прослеженная в шурфе 1, – 140 см. Внутренность кольцевидного фундамента заполнена крупным и мелким кирпичным щебнем. С севера к нему примыкает ленточный, который трассирован по направлению юг – север, к южной стене чертогов.

Перекрывающая этот фундамент прямоугольная в плане конструкция также относится к первому этапу его возведения. От нее сохранились один-два ряда кладки, а внутренность изначально была заполнена кирпичом и белым камнем, выбранными при разборке. С северо-востока и северо-запада видно, что кольцевидный фундамент нарушен при его устройстве. Верхняя конструкция в основном составлена из большемерного кирпича, уложенного по абрису нижнего ряда на растворе. С внешней стороны имеются выступы для установки белокаменных ступеней. Следовательно, она служила одновременно пилоном лестницы и площадкой крыльца.

Севернее пилона выявлены основания шести столбов для опирания сводов лестниц. Их основания сложены из белокаменных блоков,

но их длина была одинакова – около 11 сажен. Перед двухмаршевыми лестницами располагались прямоугольные площадки размером около 2×6 саженей.

В сезон 2015 г. выявлены фрагменты основания восточного крыльца чертогов и вскрыта на всю длину его восточная часть, которая некогда была обращена в Писаревский сад. Обнаруженные фрагменты сооружений представляют собой фундаменты, участки белокаменных и кирпичных кладок столбов и площадки перед крыльцом. Границы крыльца не слишком четкие; они в значительной степени повреждены при разборке, когда изымался годный для последующего употребления строительный материал. Сохранившиеся конструкции представлены ленточными фундаментами неглубокого заложения (до 0,5 м); их подошва не доходит до материка и основывается на нижних пластах культурного слоя.

Более информативными стали раскопки западного крыльца в 2016 г. (рис. 5). Элементы кладки, судя по расположению и характеру использованного в них материала, представляют собой по меньшей мере два этапа его строительства. К первому из них следует отнести кольцевидный в плане фундамент, к северу переходящий в западную и восточную стенки, перпендикулярные южному фасаду чертогов. Нижний ряд кладки, составленный из гранитных валунов,

7

8

9

к которым имеются кирпичные прикладки, обозначающие планировку подлестничных помещений (палаток). Не все столбы первоначальные: в некоторых случаях видны следы ремонтов и переделок, производившихся в течение XVIII в.

В 2016 г. продолжены исследования восточного крыльца. Здесь выявлена западная часть его основания, где также обнаружен участок кольцевой выкладки фундамента, который, как и в случае с западной лестницей, перекрывается прямоугольной конструкцией. Севернее здесь прослежены три прямоугольные в плане опоры лестницы, аналогичные обнаруженным при раскопках западного крыльца.

Не следует считать, что эти два фундамента относятся к разным строительным периодам. Это неоднократно наблюдаемое на памятниках позднего Средневековья изменение изначального замысла в процессе строительства. При закладке здания чертогов оба крыльца были задуманы с довольно узкими лестницами и круглыми или гранеными площадками перед ними. Но затем основания значительно удлинили и расширили, так как, возможно, при первоначальном варианте марши лестниц посчитали слишком крутыми. Примеры существования нешироких лестниц с многогранными нижними площадками находим на памятниках конца XVII в. – церкви Покрова в Филях (1690–1691 гг. *Ильенко*, 1990. С. 126. Рис. 13) и церкви Троицы в Троицком-Лыкове (1690–1695 гг.).

Шурф 2015 г. на участке Писаревского сада выявил остатки каменного фундамента шириной 1,1–1,2 м, трассированного по линии юго-запад – северо-восток. Георадарные разведки 2015–2016 гг. позволили обозначить линию ограды пруда с запада, севера и востока, определить границы его зеркала. По этой линии заложено несколько шурфов. Ими вскрыты фрагменты северо-западной, северной (длина около 18 м), северо-восточной и восточной лент фундамента ограды, которые, в отличие от исследованного в 2015 г., сохранились без видимых утрат до верхнего обреза. Кирпичная кладка сооружения утрачена практически полностью, за исключением небольшого забутовочного участка в западной зоне северного прясла (рис. 6).

Натурные исследования подтвердили, что пруд имел известную по планам XVIII в. восьмигранную форму, его окружала ограда на каменном фундаменте неглубокого заложения. Он был заложен во рву, не доходящем до материка, в дно которого вбиты деревянные сваи.

Хотя восьмигранная ограда Писаревского пруда и была изображена на планах монастыря XVIII в., но выявленная при исследованиях 2015–2016 гг. трасса фундамента относится ко времени до строительства чертогов и перепланировки сада – предположительно к середине – второй половине XVII в. Это подтверждается тем, что ее северо-западный участок был

10

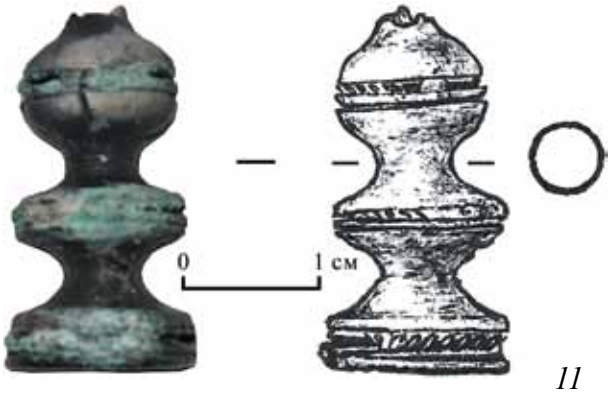
перекрыт площадкой восточного крыльца чертогов и разобран при строительстве последнего. Поэтому ограда, фундамент который выявлен при раскопках, после возведения чертогов уже не существовала. При реконструкции сада (архимандритом Тихоном Писаревым?) она, вероятно, заменена другой, близкой по конфигурации, но на фундаменте более мелкого заложения, который полностью утрачен при разборке крыльца и засыпке пруда в 1810-х гг.

Северный берег Писаревского пруда исследован траншеей. Здесь обнаружены линия заплывшего берега и остатки деревянных укрепительных конструкций – «обрубов», представляющих собой стенки из вертикально установленных бревен или плах. Сам пруд засыпан кирпичным и растворным щебнем.

В ходе работ 2015–2016 гг. на территории Академического сада удалось проследить фрагменты культурного слоя мощностью от 1,85 до 2,04 м. Еще в 2015 г. ниже отметки подошвы фундамента крыльца зафиксирована выстилка из большемерного кирпича по песчаной подсыпке, которую перекрывала прослойка пожара. В юго-восточной зоне исследований 2016 г., под восточным крыльцом и по сторонам от него, локализован слой, содержащий остатки сгоревших деревянных конструкций (видимо, срубов) (рис. 7). Среди находок, происходящих из этого слоя, – три накладных замка, явно принадлежащих сгоревшим постройкам. Возможно, это фрагменты подклета (нижнего этажа) деревянного царского дворца или его служебной постройки XVI–XVII вв., которые предшествовали каменным чертогам конца XVII в. Выявленные следы сгоревших деревянных сооружений XVI–XVII вв. не оставляют сомнений в справедливости исторических указаний на существование здесь царских келий Ивана IV и Михаила Федоровича.

В восточных раскопах на материке выявлены следы пахоты, которая, несомненно, относится к начальному периоду освоения этой территории монастыря.

Из нумизматических находок отметим редкую денгу времени княжения Василия II Темного (1425–1461 гг.) (рис. 8), серебряные монеты

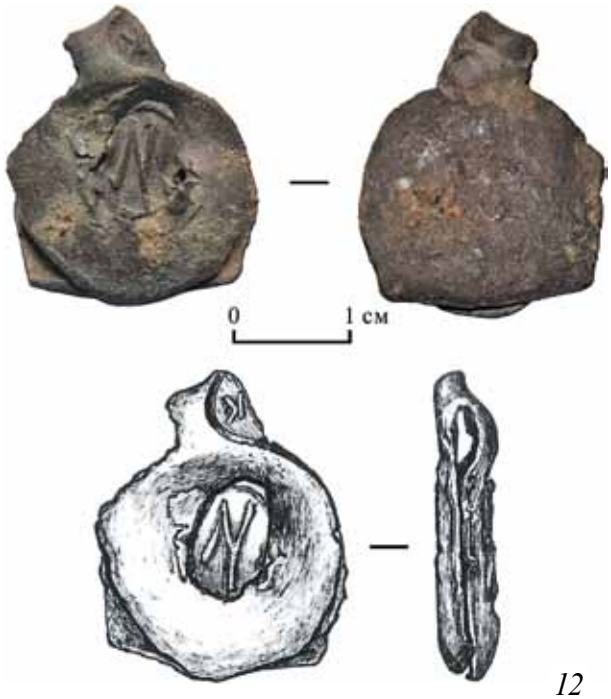


11

царей Ивана IV – Алексея Михайловича, пятак 1727 г. (рис. 9).

Другие артефакты представлены прикладной печатью с ажурной орнаментированной ручкой (рис. 10), шахматной костяной фигуркой, орнаментированной медными кольцевыми врезками. Размер фигурки позволяет предположить, что она происходит из дорожного набора шахмат (рис. 11). Также найдена свинцовая товарная пломба (рис. 12). Кроме того, следует обратить внимание на подборку фрагментов красноглиняных и поливных изразцов (рис. 13–15).

Керамическая коллекция из более чем 2500 фрагментов разновременных сосудов в настоящее время продолжает изучаться.



12

Рис. 8. Денга Василия II Темного, XV в.
Рис. 9. Пятак Екатерины I, 1727 г.
Рис. 10. Прикладная печать, XVIII в.
Рис. 11. Шахматная фигурка
Рис. 12. Товарная пломба, XVII в.

0 1 см

13

14

Архитектурно-археологические изыскания позволили дать ответы на некоторые неизвестные и малоизвестные моменты истории сооружений чертогов и окружавших их построек. Например, выяснено, что в ходе строительства чертогов двукратно изменялся замысел архитектурного решения западного и восточного крылец, которые получили форму, известную по графическим материалам XVIII в., с прямоугольными нижними площадками.

Установлен факт, что выявленный фундамент ограды Писаревского пруда принадлежит более раннему сооружению, существовавшему до строительства чертогов. Возможно, один из этапов реконструкции царского сада относится ко второй половине XVII в. – времени правления царя Алексея Михайловича, который, как известно, был большим любителем их устройства при своих загородных дворцах. Значит, пруд получил восьмигранные очертания в это время.

Вполне ожидаемыми стали находки сооружений, бывших на участке царского дворца в XVI–XVIII вв. и ранее. Кроме того, появилась информация, указывающая на хозяйственное назначение северной части монастыря в древности. Но главной стала возможность исследования на больших площадях ненарушенного культурного слоя Троице-Сергиева монастыря.

В результате прослежены этапы существования в монастыре деревянных царских дворцов XVI–XVII вв., замена на каменные чертоги в конце XVII в., этапы реконструкции царского (Писаревского) сада в XVII–XVIII вв., выявлены следы его уничтожения в начале XIX в. В дальнейшем планируется изучение еще нескольких объектов, выявленных на участке Московской духовной академии георадарными разведками.

0 1 см

15

Рис. 13–15. Изразцы, XVII в.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева Л. В., 1963. Царские чертоги Троице-Сергиевой Лавры // Памятники культуры. Исследование и реставрация. М.–Л., Вып. 4. С. 56–74.

Бычков А. Ф., 1865. Краткий летописец Святотроицкие Сергиевы Лавры // ЛЗАК. 1864 год. СПб., Вып. 3. С. 18–26.

Ильенко И. В., 1990. Методика реставрации церкви Покрова в Филях // Реставрация и исследования памятников культуры. М., Вып. 3. С. 121–136.

Павел, иеромонах, 1782. Краткое историческое описание Святотроицкия Сергиевы Лавры с приложением знатных происшествий случившихся во оной. СПб.

Смирнов С. К., 1879. История Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870 гг.). М.

Токарева Т. Ю., 2015. Царские чертоги Троице-Сергиева монастыря: новые данные по истории дворца в конце XVII – начале XVIII века // Дворцы Романовых как источники истории и культуры. Материалы международной конференции Санкт-Петербург – Царское Село – Петергоф. СПб. С. 51–68.

Холодкова Н. В., 2015. К вопросу об изменении облика Царских чертогов Троице-Сергиевой лавры в XVII – начале XXI века // Дворцы Романовых как источники истории и культуры. Материалы международной конференции: Санкт-Петербург – Царское Село – Петергоф. СПб. С. 69–79.

Резюме. Это краткий обзор основных результатов архитектурно-археологических исследований в Троице-Сергиевой лавре в 2015–2016 гг., которые проводились в восточной части монастыря, на территории сада Московской духовной академии.

Целью работ являлось выявление и изучение утраченных элементов здания чертогов и следов планировки Писаревского сада (XVII–XIX вв.). Собственно археологические раскопки предварялись геофизическими исследованиями, позволившими наиболее точно выявить следы утраченных конструкций – крылец чертогов и ограды садового пруда.

В ходе раскопок изучен культурный слой, содержащий следы освоения этой территории (XIV–XV вв.) и остатки сгоревших деревянных сооружений – предположительно царского дворца XVI в. Собран значительный вещевой и керамический материал.

Ключевые слова: Московская область, Троице-Сергиева лавра, Московская духовная академия, здание Царских чертогов, архитектурно-археологические исследования, историческая топография.

A. V. Engovatova, A. V. Yaganov

The eastern section of the Trinity St Sergius Lavra Monastery during the 16th–18th centuries (Moscow County Region, Sergiev Posad)

Resumé. This paper presents a short overview of the primary results of an architectural and archaeological survey at the Trinity St Sergius Lavra Monastery undertaken during 2015–2016. The survey concentrated on the eastern section of the monastery, at the area of the gardens of the Moscow Academy of Divinity.

The aim of the survey was to identify and research lost elements of the Chertogov building, along with traces of the outline of the Pisarevsky Garden (17th–19th centuries). The actual archaeological excavations proceeded with a geophysical survey, which resulted in exact identification of the remains of the Chertogov Wing and the garden pond fence.

The survey examined a cultural layer which contained traces of the development of these grounds (during the 14th–15th centuries) along with the remains of burnt-down wooden building – presumably the Tsar's Palace of the 16th century. A significant collection of items and ceramic fragments was compiled.

Keywords: Moscow County Region, Trinity St Sergius Lavra Monastery, Moscow Academy of Divinity, the Chertogov Building, architectural and archaeological survey, historic topography.

Научное издание

Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016
Материалы спасательных археологических исследований
Том 19

Верстка: В. Б. Степанов
Дизайн: И. П. Иванова, В. Б. Степанов
Художник: Н. А. Красильникова
Дизайн обложки: В. Кулишов

Подписано в печать 29.05.2017
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Бумага мелованная. Усл. печ. л. 27,9. Уч.-изд. л. 29,0.
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в

ISBN 978-5-94375-221-6